

6 СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ
6 МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

**Собрание сочинений
в шести томах**

**МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983**

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ШЕСТОЙ
•
СТАТЬИ
•
ВЫСТУПЛЕНИЯ
•

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

P2
M69

Художник
Ю. БАЖАНОВ

М $\frac{4702010200-351}{028(01)-83}$ **подписное**

СТАТЬИ • ВЫСТУПЛЕНИЯ

•

О ПЬЕСЕ ДЗЮНДЗИ КИНОСИТА «УСПЕНИЕ ЛЯГУШКИ»

Пьеса «Успение лягушки» написана в форме комедии-сказки. Действие ее происходит в мире лягушек на дне пруда. Это острая политическая сатира, произведение, в котором перед зрителем разворачивается драматический конфликт, порожденный непримиримыми противоречиями действительности. Уже с первых же реплик действующих лиц зритель забывает, что перед ним фантастические лягушки, и переносится в конкретную обстановку современной Японии с ее напряженной борьбой между силами реакции и прогресса.

Пьеса «Успение лягушки» написана в 1951 году, в самый разгар «холодной войны», искусственно разжигавшейся реакционными силами. Иносказательная, басенная форма пьесы была хорошо понятна японским зрителям. Прозрачные названия не скрывали подлинных действующих лиц драмы. Каждому было понятно, что под названием «партии Капури» драматург имеет в виду партию японских трудящихся, партию коммунистов, а хитросплетенная сеть лжи и бездоказательных обвинений есть дело рук наиболее реакционных деятелей правящей либерально-демократической партии, партии «Дэмо-Фри», как она называется в пьесе.

В этой фантастической пьесе-сказке на поверку нет никакого вымысла. Все, о чем рассказывается в пьесе, основано на строгом следовании жизненной правде. Даже брошенный человеком камень, с которого, собственно говоря, начинается действие, из-за которого в лягушечьем царстве, как говорится, «сыр-бор загорелся», даже этот камень «оправдан» реальной жизнью. Вот как описывают обстановку в стране в этот период прогрессивные японские историки Иноуэ, Ононоги и Судзуки:

«С начала июня 1949 года в японской прессе стали ча-

сто появляться сообщения о якобы имевших место случаях остановки поездов во время движения. Одновременно газеты муссировали слухи о намерении компартии осуществить в августе насильственную революцию, распространяли сообщения об ужасных условиях жизни японцев, интернированных в Советском Союзе и желающих вернуться на родину. Статьи об остановке поездов помещались в газетах ежедневно, и этому же вопросу посвящались многочисленные радиопередачи. Однако полиция совершенно не занималась расследованием подобных случаев. Воспользовавшись этим странным равнодушием, газеты и радио заговорили о каких-то загадочных причинах остановки поездов и стали намекать на то, что это дело рук членов профсоюзов рабочих и служащих государственных железных дорог»¹.

Одновременно с травлей деятелей рабочего движения, и в первую очередь коммунистов, реакция развернула бешеную кампанию лжи против страны победившего социализма — против СССР. Поводом для этой кампании являлся вопрос о репатриации военнопленных, вокруг которого были нагромождены горы самых чудовищных вымыслов. «Однако, — пишут далее Иноуэ, Оконоги и Судзуки, — Советский Союз опубликовал заявление, что интернированные в СССР японцы в течение года будут репатрированы. Когда в последней декаде июня первая группа репатриантов прибыла в порт Майдзуру, власти, рассчитывавшие увидеть исхудавших и обессиленных людей, были поражены цветущим видом вернувшихся на родину японцев. Как только репатрианты прибыли в Японию, штаб оккупационных войск потребовал от них сведений о военных сооружениях в Советском Союзе, однако репатрианты заявили, что в интересах защиты мира они отказываются дать подобную информацию. Они рассказывали народу о счастливой жизни в Советском Союзе, о горячем стремлении советских людей к миру... Власти начали распространять ложные слухи о репатриантах и о положении в Советском Союзе»².

И вот тогда-то драматург Дзюндзи Киносита поднял свой голос в защиту правды. В пьесе «Успение лягушки»

---

¹ Иноуэ, Оконоги и Судзуки. История современной Японии. Перевод с японского. М., Изд-во иностранной литературы, 1955, с. 528.

² Там же, с. 530.

писатель в остросатирической форме показал, как фабрикуется ложь в условиях буржуазной «демократии», как жертвой этой лжи становятся простые честные люди.

Но проблематика пьесы «Успение лягушки» шире, она выходит за рамки разоблачения одного конкретного случая из жизни буржуазного общества. В образе главного действующего лица пьесы — молодого человека Сюрэ — писатель показал типический образ современного интеллигента, ищущего правильный путь в жизни. Поколение, к которому принадлежит Сюрэ, прошло через кровавые годы войны, и этот горький опыт помог ему увидеть жизнь в ее настоящем свете. Сюрэ уже понял лицемерный, антинародный характер порядков, царящих в буржуазном обществе, его уже не удовлетворяет «сидение за книгами», о чем он мечтал в прошлом, когда собирался посвятить себя занятиям наукой, далекой от «пошлой действительности». Но он все еще цепляется за понятия об «истине», «правде», существующих якобы «независимо ни от чего», о «вечных категориях» справедливости и гуманности. Именно поэтому первая же его попытка действительно выступить в защиту этой «истины», в которую он так свято верит, кончается крахом. Сюрэ, как он сам о себе говорит: «середка наполовинку»... Он еще не нашел своего места в жизни. А жизнь беспощадна, она требует прямого и решительного ответа на поставленные ею вопросы. И мы знаем, что простые люди Японии, образы которых с такой симпатией и теплым юмором выведены в пьесе «Успение лягушки», — веселая девушка Кэро, скромный страховой агент Гурэ, Коро — уже нашли свое место в движении за мир и национальную независимость, с огромной силой развернувшимся в современной Японии.

Киносита с убийственной иронией показал в пьесе образы представителей реакционных сил, неприглядную сущность буржуазных политиканов, помышляющих только о собственной карьере и глубоко презирающих народ. Очень колоритны фигуры Дзуу, Муу и Уу, членов Ударного отряда обороны, в лице которых автор высмеивает остатки разгромленных сил военщины, мечтающих о возрождении японского милитаризма и «самурайских традиций». Планы их обречены на провал самой историей. Голос Гурэ, звучащий из-за сцены в последнем действии, — «Слышали! Слышали! Мы все слышали!» — исполнен символического значения. Да, простой народ

Японии больше не удастся провести ложью и обманом. И так же полна глубокого смысла последняя реплика Кэро: «Я хочу жить честно, хорошо, красиво...» Устами ее говорит молодое поколение Японии, борющееся за создание новой, радостной жизни.

Драматург Дзюндзи Киносита создал яркое реалистическое произведение, в котором бьется живой пульс времени, отражена жизнь японского народа, его борьба и стремление к справедливости, миру и счастью.

ЛЕВ КВИТКО

Выдающийся советский поэт Лев Квитко писал стихи на своем родном еврейском языке. Сегодня его произведения звучат в переводах на языках многих народов Советского Союза и неизменно радуют читателей. Лучшие русские поэты-переводчики положили немало творческих сил, для того чтобы сохранить звучание и образность, лиричность и юмор замечательных стихов поэта большой души и высокой требовательности к себе, каким был Лев Квитко.

Сирота, сын бедняка переплетчика из подольского села Голоскова, он самоучкой научился грамоте. Стихи Лев Квитко начал слагать еще в раннем детстве. Не умеющий писать, полуголодный и оборванный, скитаясь в поисках заработка по городам и селам Украины, он тянулся к роднику поэзии, как к свету, словно чувствуя, что литература станет делом всей его жизни.

Великая Октябрьская революция приняла Л. Квитко — юношу, полного надежд, — как сына и зачислила его в ряды своих бойцов.

Поэт любит природу и землю, на которой человек-труженик воздвигает города, на которой шумят хлеба и цветут сады, посаженные руками мирных людей.

Есть красота рабочих рук, и эта красота,
Как наша правда, велика и, как она, проста... —

пишет поэт в одном из своих стихотворений.

Народ и труд, Родина и Партия для поэта святые понятия. Все его творчество пронизано верой в победу коммунизма, и, о чем бы он ни писал, взгляд его устремлен в будущее.

Лев Квитко, написавший немало отличных стихов для взрослых, был и остается любимым поэтом советской детворы. Для доверительного разговора со своими ма-

ленькими друзьями у него есть простые и сердечные слова.

Умный и тонкий поэт-воспитатель, Лев Квитко умеет увлечь детей смелой фантазией и веселой выдумкой. Он живет их радостями и печалится их печальями. Он забавляет их и шутит с ними, учит любить животных, цветы, деревья, плоды, птиц и землю, на которой все это живет, растет, поет, цветет и плодоносит. Но с еще большей любовью поэт воспевает простого человека, его труд, мечты и дела.

В дни Великой Отечественной войны, когда на долю советского народа выпало тяжкое испытание, Лев Квитко отдал на службу Родине всю силу своего поэтического дарования. В его стихах страстно зазвучал голос поэта-патриота, до конца своих дней остававшегося верным делу революции.

Безвременная смерть вырвала из наших рядов поэта-коммуниста Льва Квитко. Но стихи его, полные жизнеутверждающей силы, живы и будут жить.

1960

САТИРА—ОРУДИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Строительство коммунистического общества — многогранный и сложный процесс, в нем непрерывно во всех областях жизни происходит борьба нового, утверждающегося против старого, отживающего. Критика и самокритика в наших условиях являются важнейшим испытанным средством борьбы против старого во имя утверждения нового. Они служат у нас великим, созидательным целям. Можно сказать, что сатира — это критика и самокритика, выраженная в художественно образной, наглядной, а потому и особенно действенной форме. Вот почему Коммунистическая партия, партия революционных преобразователей, высоко ценит сатиру — этот острейший род оружия.

В золотом фонде советской сатирической литературы немало отличных образцов этого острейшего вида оружия. До сих пор гневно и страстно звучат со сцены нашего театра «Баня» и «Клоп» В. Маяковского, перепечатываются любимые читателем произведения Ильфа и Петрова, лучшие сатирические стихи Демьяна Бедного. Не забываются сатирические персонажи пьес Корнейчука, произведений Зошенко, Леонова, Катаева, Макаенка, Ленча, Софронова, Крапивы, Шварца, Шкваркина, памфлеты Грибачева, фельетоны Олейника, эпиграммы Маршака.

И все же за последние годы на сатирическом фронте нашей литературы заметно затишье. А там, где затихает огонь сатиры, там, как известно, начинает расцветать мещанское зубоскальство, обывательщина, пошлый анекдот, иной раз возведенный в ранг «обличительного» фельетона. Подобные неумные, поверхностные «произведения» не только не приносят пользы, но и вредят делу идейно-эстетического воспитания.

Есть сатира и «сатира». Мы за умную, глубокую, острую сатиру, которая бичует отрицательные элементы, еще гнездящиеся в порах нового общества, мешающие всему здоровому, животворному в коммунистическом строительстве.

Как испытанное большевистское оружие — критика и самокритика — вскрывает и устраняет недостатки, выводит конкретных виновников на чистую воду, на суд общественности, так и умная, талантливая сатира — художественная форма критики и самокритики — помогает обнаруживать и выставлять на всенародное осмеяние двоедушных, корыстлюбивых людей, очковтирателей, бюрократов, топящих живое насущное дело в ворохе бумаг.

Перед сатирой широкое поле деятельности. Но, к сожалению, часто оно представляет собой еще не тронутую целину.

Разве не могли бы смелые, талантливые сатирические пьесы помочь нашей партии в борьбе с имеющими место недостатками, в разоблачении и осуждении тех, кто, пренебрегая доверием партии и народа, ради личной карьеры встал на путь обмана государства?! И в этих пьесах, написанных на подлинно жизненном материале, могли бы страстно «прозвучать» конфликты между честными людьми, тружениками, идейными и неподкупными коммунистами и теми, кто, находясь у руководства в городе или области, во имя личных, корыстных интересов, карьеризма предавал интересы партии, рапортовал о мнимых успехах и достижениях, занимался приписками, покрывал и поощрял заведомые обман и ложь.

В чем же причина наметившегося отставания сатирических жанров литературы? Почему в репертуаре театров современная сатирическая комедия, да и комедия вообще, не занимает должного места? Почему многие комедиографы, владеющие острым сатирическим пером, за последнее время не дали театру новых значительных произведений?

Сатира призвана беспощадно высмеивать тех, против кого она направлена, но, к сожалению, на нее обижаются иногда даже те, у кого нет для этого никаких оснований. И как тут не вспомнить великого сатирика Гоголя, который писал в своих «Петербургских записках 1836 года»: «Если, например, сказать, что в одном городе один надворный советник нетрезвого поведения, то все над-

ворные советники обидятся, а иной, совершенно другой советник, даже скажет: «Как же это? У меня есть родственник надворный советник, прекрасный человек! Как же можно сказать, что есть надворный советник нетрезвого поведения!» Как будто один может порочить все сословие!»

В нашем советском обществе нет сословий. Но пережитки прошлого в сознании людей приводят иной раз к серьезным конфликтам, требующим вмешательства сатиры. Но когда наш сатирик наряду с положительными персонажами выводит на суд общественности отрицательного «героя», принадлежащего к той или иной профессии, — незамедлительно начинают раздаваться голоса, что подобный «герой» не типичен для нашей действительности, что его отрицательный образ оскорбляет десятки тысяч честных тружеников. Как будто представители всех профессий скроены из одного материала и на одно лицо. И действительно, неужели один ротозей в погонах работника милиции, или взяточник-судья, или нечестный заведующий магазином, или, наконец, карьерист и безответственный болтун, случайно оказавшийся на посту секретаря райкома или горкома партии, — если эти сатирические образы помогают автору заострить внимание зрителя и читателя на тех или иных недостатках, — неужели эти образы могут опорочить великую армию честных тружеников на широком фронте нашего коммунистического строительства? Безусловно, нет! Но появившись такой персонаж на сцене или на страницах повести или романа, как уже начинают поступать в редакцию газет письма-опровержения, подчас за коллективными подписями «униженных и оскорбленных». Но вместо того, чтобы толково разъяснить таким корреспондентам закономерность и правомерность сатирического обобщения, редакции иных газет становятся на защиту чести мундира профессии, косвенно задетой острием сатиры.

Ходят еще по нашей земле мошенники и проходимцы, расхитители государственного и общественного имущества, приживаются в научных учреждениях дипломированные невежды, авторы не ими написанных диссертаций, проповедуют мораль ханжи и демагоги, сидят возле сейфов с казенными деньгами и документами разини и растяпы в погонах и без погон, требуют за невестой приданое и крестят в церкви детей родители с партбилетом в кармане, судятся великовозрастные сынки

с престарелыми матерями, спекулируют бездельники, не дают житья честным труженикам пьяницы и хулиганы, замораживают живое дело равнодушные бюрократы и чинуши. И пусть их всех, вместе взятых, ничтожное количество. Но они есть! А стало быть, живут, действуют, мельтешат, гадают, мешают нашему делу.

Тут место сатире. Кто, как не сатирик, мог бы дружным смехом зрительного зала острее всего осудить подобных типов, разоблачить их и пригвоздить к позорному столбу?

Говоря о некоторых проблемах развития сатирических жанров, я вынужден в этой статье коснуться в сценической судьбе одной из моих пьес.

Принято считать нескромным, когда писатель говорит о литературе, основываясь на опыте своей творческой работы, хотя мы не считаем предосудительным, когда советский человек любой другой профессии — текстильщица или тракторист, токарь или доярка, инженер или ученый — с трибуны самых высоких совещаний делится своим трудовым и творческим опытом.

Сатирическая комедия «Памятник себе...» была в свое время опубликована в журнале «Октябрь» и поставлена Московским театром сатиры. Пьеса и спектакль получили положительную оценку в нашей центральной печати. Народный артист СССР Игорь Ильинский в «Правде», например, писал: «Новая комедия хорошо рассказывает, в чем же сущность мещанства в современных условиях. Она обличает того мещанина, который пристроился, прижился в нашем сегодняшнем общежитии и который, как никогда, нетерпим в век наших героических дел».

Однако я не рассчитывал на то, что все зрители без исключения так же положительно воспримут мою новую пробу в одном из жанров сатиры. Если бы так случилось, я бы понял, что выстрел оказался холостым, что он никого не задел. Сатира только тогда сатира, когда она кого-то злит, выводит из себя, заставляет в своем бессилии жаловаться, писать опровержения, то есть когда она встречает противодействие со стороны тех, против кого она направлена и кто, разумеется, по этой причине не может встречать ее аплодисментами.

Поэтому я не увидел ничего удивительного в том, что обобщенный сатирический образ бюрократа и обывателя Почесухина из моей комедии глубоко задел за живое тогдашнего начальника жилищно-коммунального отдела

Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината. Пьеса, поставленная драматическим коллективом Дома культуры Правдинска, оскорбила его лично. И он, обиженный смехом зрителей, выступил в защиту чести своего мундира. Он написал гневное заявление-жалобу в завком Балахнинского комбината. Заявление это, как часто бывает с подобными опровержениями, могло бы само по себе, без всяких исправлений и купюр, войти в текст сатирического произведения. Приведу лишь несколько выдержек:

«...Если сегодня артист изрыгал всякую клевету на коммунальных работников, то завтра он распояшется и позволит что-нибудь другое... Получается не комедия, которую мы используем для борьбы с бюрократизмом и всеми прочими сторонами, а «комедия масок», при которой артист, надевая маску, говорил то, что ему в голову взбредет, чтобы смешить народ. Комедия масок отмерла в XVII веке, как вредная в искусстве.

...Даю вам справку, что дармоедом и шутом-бездельником я никогда не был».

Так вот, с маху расправившись с «комедией масок», протестовав оскорбившую его комедию «Памятник себе...», сей начальник встал на защиту всех коммунальных работников Советского Союза.

Заявление это стало предметом обсуждения завкома. Но вместо того чтобы вместе с народом посмеяться над «обиженным», заводской комитет Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината... наложил взыскание на режиссера, поставившего спектакль.

Казалось бы, это частный случай, анекдот, достойный фельетона, который был, кстати, опубликован в печати. Однако отрицательный образ «героя» моей комедии насторожил не только «обиженного», а и тех, кто встал на его защиту. На заседании художественного совета Северодвинского драматического театра заведующий отделом культуры горисполкома тов. Сундуков, отвечая тем, кто высказался за постановку комедии, заявил буквально следующее:

«Памятник себе...» — пьеса интересная и для актеров и для режиссера... Возможно, лучше взять пьесу «Женитьба Белугина». Ее легче поставить... Хочу передать мнение горкома партии, в котором говорится, что с постановкой пьесы «Памятник себе...» пока нужно воздержаться».

К мнению горкома партии работники Северодвинского театра, естественно, прислушались и не поставили сатирического спектакля. Их сотоварищи по Новосибирскому областному театру пошли дальше. Они осуществили постановку пьесы «Памятник себе...», но... не стали ее показывать. Да и как было показывать, когда им стало известно мнение одного из авторитетных руководителей области. Выступая с докладом на городском активе, он сказал: «В наше время, когда страна находится на близких подступах к коммунизму, чрезвычайно возрастает ответственность всех работников идеологического фронта. Но, к сожалению, и сегодня есть примеры, говорящие о снижении требовательности. Облдрамтеатр поставил «Памятник себе...» С. Михалкова — пьесу зубоскальную, чернящую нашу жизнь. Хорошо, что сам коллектив дал этому мужественную оценку и решил снять спектакль».

Это имело место в 1959 году. Однако нередко еще и в наши дни мужество проявляется в отказе от сатиры, а не в ее показе!

Я не приводил бы всех этих примеров, связанных со сценической судьбой моей комедии, ибо далек от мысли считать ее совершенным сатирическим произведением. Но не говорят ли приведенные выше факты о тех препонах, которые все еще мешают развитию сатирических жанров? Ведь гораздо легче выдать за «смакование недостатков» любое сатирическое произведение, чем дать ему путевку в жизнь. Легче и, главное, спокойнее, безответственнее!

Подчас нам, сатирикам, приходится слышать и такое суждение: «Одно дело — Москва, другое дело — у нас, на периферии! У нас не так поймут!..»

Не говорит ли все это о робости, если не о перестраховке, иных товарищей, лишь на словах признающих сатиру как полноправный вид советской литературы, а на деле мешающих ее развитию? Обращая внимание на недооценку роли сатиры в коммунистическом воспитании, мы не представляем себе развитие сатирических жанров за счет других жанров советской литературы. По аналогии с медициной, подлинную сатиру можно было бы приравнять к сильнодействующим средствам, к антибиотикам. Однако известно, что чрезмерное увлечение антибиотиками приводит к обратным результатам. И все же антибиотики часто лучше действуют, чем отвар сухой малины, и, главное, надежно помогают организму чело-

века бороться с занесенной в него инфекцией. Что же касается чрезмерного увлечения сатирическими жанрами, то эта опасность пока не грозит ни нашему театру, ни тем более киноискусству.

Жанровые особенности сатиры предполагают преувеличение, гиперболизацию недостатков и пороков, подвергающихся обличению, осмеянию и осуждению. Отрицательный персонаж призван вызывать у читателя и зрителя естественное чувство презрения, гнева, гадливости или даже прямого отвращения. Смеясь над безобразным, человек делает для себя вывод о том, какой в действительности должна быть жизнь.

— Когда я играю роль отрицательного персонажа, — сказал мне как-то один из ведущих мастеров Малого театра С. Б. Межинский, — я считаю своим партийным и гражданским долгом мобилизовать в себе все творческие силы для того, чтобы предстать перед судом общественности во всей неприглядности отрицательных качеств, которыми наделил меня автор. И я знаю, что чем острее я играю свою роль, чем глубже и сложнее мой характер, чем страшнее мой образ, тем выигрышнее положение актера, играющего роль положительного героя, вступившего со мной в единоборство. Вне такой борьбы, сам по себе, положительный герой мало убедителен и интересен. Он выкристаллизовывается только в преодолении трудностей, в жестокой схватке со злом и пороком, а иногда и с самим собой. И я, волей автора поставленный в финале пьесы на колени, разоблаченный и уничтоженный, заклеянный презрением и негодованием зрительного зала, чувствую себя счастливым, ибо сделал все от меня зависящее для того, чтобы на сцене восторжествовала правда...

Но на сцене может иметь место комедия и без положительных персонажей вообще. Конечно, здесь имеют решающее значение идейная позиция автора, его талант и профессиональное мастерство. В этом случае отрицательные персонажи комедии вступают в единоборство с большинством зрительного зала и, саморазоблачая себя по ходу действия, терпят моральное поражение.

Вот почему заблуждаются те критики, которые подходят к оценке сатирического произведения и к каждому отрицательному персонажу современной пьесы в отдельности с меркой, определяющей, по их мнению, коэффи-

циент полезности «отрицательного», допустимый в борьбе с недостатками в нашей действительности.

— Где вы видели такого отщепенца? — спрашивают они у автора. — Неужели нельзя наделить его наряду с отрицательными качествами в какой-то мере и некоторыми положительными чертами? Он ведь, надо полагать, вырос в нашей, советской среде, а по-вашему получается, что он воспитан чуть ли не капиталистическим строем! Откуда у него такая алчность? Кто сделал его эгоистом? Его характер надо бы смягчить...

Подобные пожелания бывают продиктованы не только самыми благими намерениями, но и недостаточно ясным представлением об особенностях сатирических жанров, требующих не «смягчения», а, наоборот, заострения.

О специфике сатиры, об общественном значении смеха много писали наши классики.

«Комическое пробуждает в нас чувство собственного достоинства...» — писал Чернышевский.

«Смех — вовсе дело не шуточное...», «Смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится, бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых», — говорил Герцен.

«Смех — великое дело: он не отнимает ни жизни, ни имения, но перед ним виновный, как связанный заяц...» — говорил Гоголь.

К сожалению, в наше время нам приходится часто возвращаться к повторению азбучных истин, касающихся понимания сатиры и юмора. Правда, мы имеем ценные работы, исследующие огромную роль сатиры в искусстве критического реализма и прежде всего в разоблачении несправедливого, эксплуататорского буржуазно-помещичьего строя. Мы знаем, что в наше время сатира, направленная против капитализма, служит делу борьбы с отжившим общественным строем. Но наши теоретики мало изучают и освещают принципиально новую созидательную роль сатиры в условиях социализма, сатиры, утверждающей и укрепляющей новый общественный строй и развенчивающей все, что мешает его развитию.

Интересные, значительные работы ряда наших литературоведов не восполняют еще того пробела, который намечился в разработке проблем, связанных с эстетическим пониманием сатирического и комического в нашей современной литературе и драматургии.

Я бы изменил себе, если бы не сказал несколько слов о сатире. И не потому, что она нуждается в какой-либо защите. Никто не осмелится сказать, что сатира противопоказана обществу, строящему коммунизм. Нет, этого сегодня никто не скажет. Кое-кто подумает, но не скажет. Беда в том, что сатира как жанр все еще недопонята и не занимает в нашей жизни того места, какое ей надлежит занимать как действенному орудию коммунистического воспитания трудящихся.

Не потому ли иной раз так осторожно подходят к тем произведениям, в которых есть элемент сатиры? Это особенно касается произведений кино и драматургии. Не потому ли критики и литературоведы, занимающиеся вопросами сатиры и комического, успешно анализируют Аристофана, задерживаются на Маяковском и потом уже скороговоркой проходят по проблемам современной сатиры?

Иным товарищам сатира все еще представляется неким кривым зеркалом, в котором в искаженном виде отображается наша действительность. Сатира призвана изобличать недостатки во имя их исправления. И если уж сатиру сравнивать с зеркалом, то какому нормальному человеку взбредет в голову разбить зеркало на куски только за то, что оно подсказало ему необходимость привести себя в порядок?!

Больше всего у нас советчиков по вопросам сатиры! Одни советуют в сатирическом произведении поярче отобразить то положительное, что есть в нашей жизни, ибо зритель или читатель может, не дай бог, взять за пример дурное поведение отрицательного персонажа. Другие обязательно хотят перевоспитать отрицательного героя до закрытия занавеса.

«Бездарная посредственность или даже обыкновенный талант тотчас бы воспользовались случаем заставить гордничего раскаяться и исправиться; но талант необыкновенный глубже понимает натуру вещей и творит не по своему произволу, а по закону разумной необходимости».

Это не мои слова. Это слова Белинского. Но я с ним согласен.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПОЛЬСКОЙ ФРАШКИ

Польское слово «фрашка» переводят на русский язык чаще всего как «эпиграмма». В действительности же «фрашка» не только эпиграмма. Такое понимание этого своеобразного сатирического жанра сузило бы его значение. Дословно «фрашка» — это пустяк, мелочь, шутка. Замечательный польский поэт Юлиан Тувим считал, что понятие «фрашка» происходит от итальянского *frasca* — ветка, в переносном смысле — нечто тонкое и гибкое. Возможно, он прав, ведь во французском языке также существует слово *frasque*, а энциклопедический словарь Ларусса определяет это понятие как «лукавый оборот, экстравагантный, с блеском», что вполне соответствует и нашим требованиям, предъявляемым к эпиграммам.

В своем предисловии к большой антологии «Четыре века польской фрашки» Юлиан Тувим несколько парадоксально, но интересно определил смысл польского слова «фрашка»:

«Фрашкой я считаю, — писал он, — стихотворное произведение размером от 2 до 16 строк, наиредчайше переступающее за 20 строк, произведение прежде всего остроумное. Фрашка может быть абсурдна по содержанию, но остроумна по форме; может быть совсем лишена смеха, но интересна с точки зрения обычаев и нравов...»

Даже уже из этого можно заключить, что, хотя фрашка весьма близка по характеру к эпиграмме и часто ею является, все же она представляет собой самостоятельный жанр сатирического стихотворения. Если к этому добавить, что она может иметь до двадцати строк, а размер стиха в ней часто произвольно ломается, несходство с эпиграммой станет еще разительней.

Истоки польской фразки уходят к началу XVI века, когда стихотворная форма в Польше только образовывалась. Народная тяга к шутке, к смешной истории уже тогда получила стихотворное выражение в остроумных, хотя и несколько нравоучительных двенадцатистишиях Берната из Люблина, в грубоватых, но полных народного юмора восьмистишиях Николая Рея, в острых и изящных произведениях Яна Кохановского. Эти сатирические стихи можно считать первыми образцами тогда еще только нарождавшегося нового жанра.

Уже в XVI веке у первых польских сатириков появляются подражатели и последователи — Бартош Папроцкий, Мельхиор Пудловский, Ян Смолик и другие.

Из века в век польская фразка развивается, приобретает много оттенков и разновидностей. Здесь и эпиграмма в том виде, в каком она широко распространена в русской литературе, и сатирическая эпитафия, и стихотворный анекдот, и нравоучение, и некоторое подобие маленькой басни с участием животных, и каламбур, и двусмысленность. Со временем появляется и приобретает огромную популярность в Польше фразка политическая. Почти в каждую эпоху в печатные издания проникают сквозь цензурные рогатки анонимные фразки. Они высмеивают общественные явления своего времени, поднимают голос протеста против отдельных личностей: князей, коронованных особ, политических деятелей, негодных народу.

Может, именно этой своей боевитостью фразка и приобретает такую популярность в Польше.

Уже в нашу эпоху, во время гитлеровской оккупации польских земель, в разных, порою нелегальных, изданиях печатаются фразки, бичующие оккупантов и их ставленников из числа изменников польского народа. Эти фразки также анонимны или подписаны ничего не говорящими псевдонимами. После освобождения Польши многих авторов этих острых подпольных произведений удалось установить, но многие так и остались в неизвестности.

Легко запоминающаяся, вызывающая смех фразка — острое политическое оружие; фразка очень популярна и в сегодняшней Народной Польше. Фразки пишут профессиональные поэты и поэты-любители. Фразки печатают не только специальные сатирические издания, но

и почти все журналы и газеты, выходящие в Варшаве и других польских городах.

К сожалению, в Советском Союзе этот вид короткого сатирического стихотворения до последнего времени был мало известен. Польские фразки появлялись в «Крокодиле», «Огоньке», «Литературной газете», «Известиях», «Неделе» от случая к случаю, и это, конечно, не могло дать советским любителям сатирической поэзии полного представления о жанре.

Настоящий сборник является первой попыткой ознакомить наших читателей с польской фразкой.

Основное место в сборнике уделено современной фразке. Из наследства выбраны произведения наиболее крупных поэтов прошлого с таким расчетом, чтобы читатель получил представление о поступательном развитии жанра.

Современные польские сатирики представлены очень широко. Читатель имеет возможность познакомиться с произведениями более чем сорока польских поэтов, работающих в труднейшем жанре короткого острого стихотворения.

МАРИЯ ПРИЛЕЖАЕВА

Мария Павловна Прилежаева пришла в литературу, обладая счастливым сочетанием двух творческих профессий, двух дарований — педагога и писателя. В 1941 году вышла ее первая повесть — «Этот год». С тех пор она написала много книг, в которых школьная жизнь получает подлинно художественное осмысление.

В свое время критики вели ожесточенные споры по поводу термина «школьная повесть». Своими книгами — «Семиклассницы» (1944), «Юность Маши Строгой» (1948) — Мария Прилежаева доказала, что дискуссии эти беспредметны, что дело не в термине, а в том, чтобы события и конфликты, происходящие в среде учителей и учеников, были неразрывно связаны со всем, что совершается за стенами школы, как это и бывает в самой жизни. Книги «С тобой товарищи» (1949), «Над Волгой» (1952), «Пушкинский вальс» (1961), «Третья Варя» (1963) и другие рассказывают о детстве, о преемственности поколений, о высоком чувстве патриотизма нашей молодежи.

Главные герои всех произведений Марии Прилежаевой, на мой взгляд, — учителя и ученики, но только в истинном и высоком смысле этих очень значимых слов.

Разрабатывая историко-революционную тему, писательница и здесь ставит проблему воспитания — книгами, уроками истории, жизненным примером тех, кому выпала на долю ни с чем не сравнимая честь свершить бессмертный подвиг Октября, полувековой юбилей которого будет скоро отмечать все прогрессивное человечество.

Не сразу Мария Прилежаева решилась приступить к главному делу своей жизни — к работе над книгами о Ленине. Для этого необходимо было накопить немалый литературный опыт и богатейший исторический

материал. Большую роль сыграли тут и волнующие встречи со старыми большевиками, соратниками Ильича — в частности, с Глебом Максимилиановичем Кржижановским. В 1956 году, вскоре после опубликования первой историко-революционной повести Марии Прилежаевой «С берегов Медведицы», посвященной детству М. И. Калинина, в «Комсомольской правде» появилась статья старейшего большевика Григория Ивановича Петровского. Высоко оценив труд писательницы, ветеран революции призвал наших литераторов «изображать настоящих пролетариев, марксистов-ленинцев», а Марии Павловне посоветовал написать не только о детстве, но и о «кипучей рабочей жизни М. И. Калинина».

Следуя этому пожеланию и своему собственному душевному влечению, Мария Прилежаева в 1957 году написала повесть «Начало», а в 1960 году повесть «Под Северным небом». В своей трилогии Мария Прилежаева показывает, как создавались первые революционные кружки и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как учились марксизму те, кто потом творчески развил, обогатил это учение, сделал его боевым руководством к действию.

И вот перед нами новая повесть Марии Прилежаевой — «Удивительный год», удостоенная первой премии на Всероссийском конкурсе на лучшую книгу для подрастающего поколения.

В каждом своем произведении, посвященном революционным событиям, писательница стремится показать эволюцию сознания молодого поколения под влиянием великой убежденности, глубочайших знаний и несгибаемой воли профессиональных революционеров.

Так и здесь... Типографщику Прошке, наивному, малообразованному пареньку, душевно раненному предательством, нелегко вновь обрести веру в людей, за которых можно было бы отдать все.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: после ареста находит Прохор таких людей. Его первыми наставниками становятся Мария Александровна — мать Ленина, его сестра Анна Ильинична, а позднее, в далеком сибирском краю, — политические ссыльные — супруги Сильвины и Лепешинские, семья Проминских, Доминика Труховская, Надежда Константиновна Крупская и другие друзья и соратники Ленина, жизнь которых освящена высокой благородной целью. Не аскета-

ми, от которых революционная борьба заслонила все земные радости, рисует М. Прилежаева ссыльных. Это люди сильных страстей, благородных романтических порывов. Слово «учитель» — само по себе веское слово, но бывает так, что хочется написать его с большой буквы. Если, к примеру, этот учитель — Ильич. Рабочий парень становится живым свидетелем жизни Ильича в тот период, когда он разрабатывает «Протест семнадцати», ставший призывом к завоеванию пролетариатом политической власти, когда он ведет ожесточенную борьбу не только с царским самодержавием, но и с отступниками от теории марксизма — с экономистами.

Этот год для Прохора не только «удивительный», но, пожалуй, и самый важный в жизни: для него определяется дорога в будущее. Если на первых страницах повести мы, относясь к Прохору с доброй симпатией, досадовали на его «духовную неустроенность», то, читая последние главы, мы видим возмужавшего человека, которого и пареньком-то уже не назовешь. Теперь это настоящий человек с революционной закалкой. Мы убеждены: такие вот, как он, и пойдут на штурм Зимнего, и сокрушат царизм, и заложат фундамент общества, о котором люди мечтали веками. Духовный рост молодого человека прослежен писательницей с художественной тонкостью и глубиной.

С высоким чувством ответственности подходит Мария Прилежаева к поистине святой для каждого из нас ленинской теме. В ее книгах вождь революции — это и глубокий мыслитель, и бесстрашный борец, и гуманнейший человек, которому ничто истинно человеческое не чуждо...

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА...¹

Говорят, что ребенка надо начинать воспитывать, когда он лежит еще поперек кровати. Может быть, это звучит парадоксально, но доля истины в этом есть. А когда ребенок уже сел самостоятельно и свою первую игрушку потянул в рот, тогда уже процесс воспитания должен в полную меру войти в силу.

Для ребенка нет незаметных происшествий. Мелочь, пустяк (разумеется, с нашей, взрослой точки зрения!) могут оказаться для него важнейшими событиями, навсегда запечатлеться в его памяти и сыграть свою роль — добрую, положительную или дурную.

Спору нет, характер меняется, почти всякого можно перевоспитать. А как здорово было бы не перевоспитывать, а просто сразу хорошо воспитать человека, пока он еще маленький. Из любого ребенка можно вырастить благородного, трудолюбивого, мужественного и честного гражданина. Главное: не упустить время!.. И тут очень важно, чтобы встретился подрастающий человек с умной, хорошей книгой!

Однажды я услышал разговор двух людей. Одному было лет восемь, и он еще ничего не успел свершить в своей жизни, а другому, человеку очень заслуженному, лет шестьдесят. Шестидесятилетний все время вспоминал любимые книги своего далекого детства... А потом вдруг спросил у младшего:

— Ты их читал?

— Нет, не читал, — откровенно сознался мальчишка.

— Какой ты счастливый! — вздохнул с завистью старший. — Тебе еще предстоит все это прочесть! И не только это...

Да, тому ребенку, который в первый год революции

---

¹ Из доклада на IV съезде писателей СССР. Май 1967.

прочитал первые детские книжки, изданные в Советской стране, сейчас уже шестьдесят лет. Титанически грандиозны свершения этого Человека. Он со своими сверстниками превратил отсталую страну, израненную войной и разрухой, в могучую индустриальную державу; защитил ее от самого страшного варварского нашествия, какое знала история, — от фашистских полчищ, а затем восстановил свою Отчизну и еще во много раз приумножил ее силу, ее красоту, ее духовное богатство, ее международный авторитет. Быть может, свершить все это помогли и те детские книги, которые первыми объяснили, что это значит — быть Советским Человеком, творцом и защитником новой жизни!..

«Скажи, как ты относишься к детям, и я скажу, кто ты!» Прославленные деятели русской культуры всегда с отеческим вниманием относились к литературе, адресованной юным, тем самым проявляя и заботу о детях, а стало быть, — о будущем родной страны.

Пушкин последнее в своей жизни письмо посвящает детской книге. Обратимся к словам Белинского: «Детским писателем нельзя *сделаться*, им должно *родиться*... Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека».

Пусть прозвучат и слова Михаила Пришвина: «Самая высокая литература, которая может доставить величайшее эстетическое наслаждение и взрослым, — это есть детская литература».

Я бы сказал, что на крепчайшем теоретическом фундаменте, созданном мыслью этих давних «болельщиков» детской литературы, в наше время (да, именно в наше советское время!) и поднялось великолепное здание самой этой литературы. Мы построили его за полвека, но рассчитываем на века! В наших рядах нет сейчас первых его замечательных архитекторов и строителей, среди которых были Горький и Маяковский. Мы чтим их память и благодарны им за неопределимый вклад в светлое наше дело. Но пусть мотив реквиема лишь сильнее оттенит другой, основной — мажорный! — мотив. Мы никому не собираемся уступать позиций и высот, которые завоеваны ими, ушедшими от нас! Они и многие ныне здравствующие писатели, посвятившие свою жизнь воспитанию юных, возвели стены того здания, из окон которого детям наших народов виден мир во всем его величии и многообразии.

Это здание мы не собираемся сдавать внаем тем, кому не по вкусу его конструкция, кто, может быть, хотел бы произвести в нем перепланировку этажей и заселить другими жильцами вместо прописанных там навечно Павки Корчагина, Олега Кошевого, сына полка — Вани Солнцева, Володи Дубинина, Гаврика, Тимура и многих других смелых и дружных, веселых и настойчивых, умных и добрых героев, преданных делу Революции, делу Партии, делу Народа.

Здание нашей детской литературы глубоко современно по своей конструкции.

Прежде всего мы должны рассказать маленькому советскому гражданину о сегодняшних дерзновенных и благородных деяниях людей, строящих самое справедливое и самое человеческое в истории общество. Это наша творческая задача номер один. Но не только дата происходящих событий определяет современность произведения. Если повесть, или поэма, или пьеса одухотворяют человека мыслями и чувствами, которые сейчас, сегодня нужны ему самому и обществу, где он живет, значит, и эти произведения по сути своей *современны*. И даже в том случае, если они повествуют о событиях очень далеких!.. А очень далекими юному человеку кажутся даже годы Великой Отечественной войны, раны которой еще не зажили в наших с вами сердцах. И уже бесконечно далекой представляется ребятам та пора, когда зашагали заре навстречу первые революционные бойцы, сплоченные и окрыленные волей, правдой, гением Ильича.

О первых революционных битвах, о победе Великого Октября создано много произведений для юных читателей. Да, немало написано книг о героях, о вождах революции. Однако некоторые из этих произведений вместо радости за автора и читателей вызывают огорчение. То со скрупулезным вниманием описываются в них лишь такие подробности в жизни великого человека, которые свойственны и всем другим честным людям на земле и вовсе не являются признаком чего-то по-настоящему крупного и значительного. То, напротив, выдающийся человек предстает лишь монументальным символом исторических событий, но лишен живых человеческих черт и поступков. Но в лучших произведениях вождь, герой революции — это и глубокий мыслитель, и бесстрашный борец, и гуманный человек, которому ничто истинно че-

ловеческое не чуждо. Поэтому он и обращается к читателям, «как живой с живыми говоря»...

Горький назвал детскую литературу великой державой со своими суверенными правами и законами. Я бы добавил, что в этой державе есть одна особенно сильная автономная республика — это поэзия для детей. Она родилась в первые годы Советской власти и, сохранив лучшие традиции народной классической поэзии, ввела ребенка в совершенно новый мир. Она не побоялась заговорить с ним о том, о чем никто и никогда не говорил: о наших социалистических идеалах, об интернациональном братстве, о живой действительности. Она повела его дорогой мечты, воображения, фантазии...

Ее Колумбами-первооткрывателями были: Владимир Маяковский, расставивший на ее большом пути первые дорожные знаки; Самуил Маршак, наш классик, великолепный неутомимый Маршак, проложивший уникальную поэтическую трассу; Корней Чуковский, который первым понял, как дорога ребятам радость путешествия; Агния Барто, которая смело и умело взялась за моральную подготовку миллионов маленьких путешественников... Из рук в руки передавалась эстафета высокой поэзии для детей.

Известно, что в одном гитлеровском концентрационном лагере маленькой девочке чудом удалось сохранить детские книжки, которые она любила на свободе, в своей счастливой довоенной жизни. Эти книжки, затрепанные, зачитанные до дыр, переходили из рук в руки. Взрослые люди переводили их на разные языки: чешский, французский, голландский... Это были стихи Маршака и Чуковского. Тонкие книжечки хранили, как святыню, они возвращали людям веру, надежду на свободу, на лучшие времена, потому что были озарены солнечным оптимизмом. Детские книжки с веселыми разноцветными картинками тоже стали книжками-бойцами, книжками-исцелителями... Были страшные времена — и детские книги служили рядовыми в том литературном строю, который вел бой с противником не на жизнь, а на смерть.

«Жил человек рассеянный на улице Бассейной», «Мистер Твистер, бывший министр...», «А что болтуня Лида, мол, так это Вовка выдумал», «Одеяло убежало, улетела простыня», «Муха, Муха-Цокотуха, позолоченное брюхо», «Лешенька, Лешенька, сделай одолжение...». Да, если бы я начал читать стихи, из которых приведены эти

строчки, и еще десятки других детских стихотворений, вы бы все, как один, могли повторять за мной наизусть строчку за строчкой. Это вы, взрослые люди! А что же тогда сказать о детях?..

Один маленький читатель из-за любви к поэзии даже осунулся, похудел, о чем с тревогой сообщает его отец в письме, адресованном мне как председателю комиссии по литературному наследию Маршака. На конверте написано: «Москва, Дом Маршака, заведующему Михалкову Сергею». И далее: «Обращаюсь к вам с такой просьбой! У меня есть сын, которому семь лет. Недавно он приходит домой и говорит мне, чтобы я ему купил сборник стихов, автор которых Маршак. Выслушав его желание, я пошел по книжным магазинам, но мне сказали: «Такой книги у нас нет!» А эти стихи сильно повлияли на него, из-за них он часто целыми днями не бывает дома, так как такая книжка есть у мальчика, с которым он дружит. Убедить его я никак не могу, что я, мол, куплю тебе еще лучшую книжку. Он настолько привык к этой книжке, что я чувствую: его больше ничем нельзя удержать дома, а потому очень и очень прошу Вас: пришлите мне стихи Маршака! Прошу, не откажите в моей просьбе! Поймите: мой сын даже похудел из-за этой книги, из-за которой он целыми днями не бывает дома»...

Однако нас беспокоит наметившаяся в стихах некоторых молодых опасная тенденция: завоевание позиции гражданственности порой уступает место чисто словесным экспериментам.

В свое время мы немало воевали за право на шутку, озорство, забавную игру словом, раздражавшую иных чересчур щепетильных педагогических критиков. И в этой борьбе мы одержали победу. Игра словом хороша, когда она — отражение игры ума, когда она осмысленна. А игрословие не только уводит некоторых молодых поэтов в сторону от значительной темы, но вообще лишает их стихи всякого смысла. Нашим детям нужны забавные, но умные стихи разных жанров: баллада, поэма, даже политический памфлет. С самого раннего возраста надо учить ребенка сверять свои поступки с высокими нравственными законами, провозглашенными моральным кодексом Коммунистического Завтра. Такие книги, мастерски написанные, и есть наше *главное направление*.

когда и не стали... Но именно советская литература, адресованная мальчишкам, сделала их «рыцарями без страха и упрека», защитниками своей Отчизны.

Самый яркий пример непосредственного воздействия литературы на жизнь и поступки людей — это, конечно, добрый, неумный в своих благородных затеях гайдаровский Тимур. Произошло не столь уж частое, к сожалению, явление: повесть вызвала к жизни целое движение миллионов и миллионов юных граждан. Вот вам и ответ на частые споры о том, *как*, в какой степени возможно подражание литературному герою в действительности, в самой жизни.

Но Тимур в нашей детской литературе отнюдь не одинок! Во многих колхозах после войны появились бригады юных «коншаковцев», — это сельские ребята подражали герою повести Алексея Мусатова «Стожары» Саньке Коншакову и тоже, вслед за ним, за литературным персонажем, помогали восстанавливать разоренное войной хозяйство.

Детская литература, как и вся наша советская литература, всегда открылена тем основным, самым главным, чем живут Родина, Партия, весь наш народ. Вот почему романтическая тема труда озарила страницы детских книг, созданных в послевоенное время...

Романтика творческих поисков в самом прекрасном призвании человека — в труде! — и сегодня одухотворяет лучшие произведения для ребят.

А вот еще один пример того, как литературное произведение порождает большое, высокогуманное дело, оказывая таким образом непосредственное влияние на саму жизнь. Известно, что в свое время поэма Агнии Барто «Звенигород», рассказывавшая о детском доме, помогла матери отыскать свою дочь, на встречу с которой она уже и не надеялась. К писательнице заспешили письма со всех концов страны... Агния Барто нашла свое общественное призвание в поистине святом деле: в поисках людей, жестоко разлученных войной... Это ли не гражданский подвиг?

Кстати, в этих поисках писательнице оказывают большую помощь и юные энтузиасты добрых дел с красными галстуками на груди — с галстуками, три алых конца которых символизируют нерасторжимую связь разных поколений борцов за коммунизм, коммунистов, комсомольцев и пионеров.

Подчеркиваю еще раз: наши ребята не только готовятся совершать бескорыстные, добрые и отважные поступки в *будущем*, не откладывают их на послезавтра или даже на завтра — нет, если приходится, они уже сейчас, сегодня, в жизни, а не только в домашних сочинениях по литературе, идут дорогами героев любимых произведений.

Так литература, называемая «детской», воспитывает юных граждан, способных не только на «детские» поступки, но и на такие, которые, казалось бы, по плечу лишь взрослому (да и не всякому взрослому!) человеку...

Литература должна вырастить своего юного читателя истинным гражданином, готовым стать героем не только в военных сражениях, не только в битвах с силами природы, со стихийными бедствиями, но и в сражениях *нравственных*, которые подчас происходят в мирной, как говорят, «будничной» жизни — в битвах за справедливость, за счастье людей. Таким могут воспитать ребенка лишь книги правдивые, психологически тонкие, свободные от малейшего налета фальши, которую детское сердце ощущает особенно остро и болезненно.

Много раз говорилося о том, что книга открывает перед ребенком неведомые ему миры, что она рассказывает ему о том, что было, что есть и что будет. Но ведь на нашей планете случалось всякое... Состоит ли верность правде жизни в том, чтобы тянуть в детскую книгу без разбору все, что происходило и происходит, даже самые отталкивающие и развращающие душу события и факты? В этом ли смелость художника? Нет, в этом, думается, могут проявиться лишь его идейная неразборчивость и нравственная всеядность.

А в чем же она — верность правде жизни? В том, думается мне, чтобы не рисовать ребенку его будущее как праздничное, увеселительное путешествие в безоблачные дали, чтобы не обманывать ребенка мнимой легкостью предстоящих ему в жизни дорог, в том, чтобы показать трудности, препятствия, с которыми он может столкнуться, и закалить его сердце для борьбы с этими трудностями, для преодоления этих препятствий. Выйдя на широкую самостоятельную дорогу, сегодняшние юные читатели встретят еще, к сожалению, на этой дороге и то, что мешает нам жить и работать. Они должны быть готовы к беспощадной битве с нечестностью, с несправедливостью, с жестокостью... Мы видим верность

принципам правды жизни в том, чтоб растить детей крушителями всего дурного, вредного, обветшалого, растить их мужественными борцами за все новое и передовое.

«Чур, не игра!» — так называется одна из книг одаренного писателя Макса Бременера. «Чур, не игра, а глубокое проникновение в события и конфликты истинной жизни!» — это всегда было девизом мастеров детской и юношеской литературы.

Нет, разумеется, невозможно представить себе ребенка, особенно маленького, который не любил бы игры. Но, играя в космонавтов, или в освободителей угнетенных народов, или в докторов, которые излечивают людей от самых страшных и, к сожалению, еще неизлечимых в реальной действительности недугов, дети решают для себя проблемы далеко не *игрушечные*, а очень глубокие, жизненно важные. Значит, детская игра — это чаще всего не просто забава, а мечта ребенка о его завтрашнем дне, первый поиск своего призвания в жизни и, как я уже говорил, стремление подражать лучшим (именно *лучшим!*) делам взрослых. И талантливый детский писатель, придумывая для ребенка игру или сказку, отнюдь не *балует* со своим юным читателем, не просто развлекает его, а через игру приобщает к серьезным поступкам, к серьезным раздумьям о радостях и трудностях жизни. Значит, если говорить о самой сути произведения, а не только о его форме, то тут уж, простите, «Чур, не игра!»...

Горький считал, что книжка для детей о новой, коммунистической морали должна быть веселой и забавной, что «говорить детям суконным языком проповеди» — это значит вызывать у них скуку и отталкивать их от самой темы проповеди (как бы эта тема ни была важна!). Он писал:

«Социальные пороки должны быть показаны в легкой сатирической форме, как отвратительные и смешные уродства».

Сатира для маленьких? Даже для младших школьников? Некоторые не верили в реальность такого жанра. А он возник в нашей литературе. И тут нельзя не сказать о творчестве Агнии Барто. Многие ее «детские» стихи и к нам, взрослым, имеют самое непосредственное отношение. Вот, к примеру, в стихотворении «Позорное пятно» высмеивается привычка иных воспитателей бить тре-

вогу и поднимать всех на ноги по поводу весьма незначительных происшествий в ребячьей жизни:

Вопрос выносится не зря
На обсуждение класса:
Подумать только — вся ноздря
В чернилах у Тараса!

И обсуждается вопрос:
Каков Тарас? Каким он рос?
И как дошел он до того,
Что нос в чернилах у него?

В письме к школьникам Игарки, которые задумали создать свою книгу «Мы из Игарки», Горький предлагал ввести в нее главу «Героические и смешные случаи из жизни». Почему так? Не лучше ли было бы отдельную главу посвятить героике и отдельную — юмору? Нет, не лучше! И вот почему: у героического и у смешного — одна воспитательная цель!

Верно иронизировал недавно один детский писатель над людьми, которые наивно ставят знак равенства между словами «весело» и «несерьезно», и подчеркивал, что юмор и занимательность — это порою кратчайшее расстояние между самой серьезной проблемой и сознанием юного читателя.

Когда какой-нибудь товар пользуется особенно большим спросом, нерадивые производственники подчас терпят требовательность к себе и начинают подхалтуривать: все равно купят, все равно расхватают, они начинают спекулировать на чрезмерном спросе. К сожалению, у директоров книжных магазинов нет права возвращать недоброкачественную продукцию туда, где ее выпускают. А стоило бы применить это право на рекламу, существующее в других торговых организациях, когда, к примеру, детям вместо литературы хотят всучить недоброкачественное чтение в привлекательной обертке со «сверхзанимательным» сюжетом. Подчеркиваю: речь в данном случае идет лишь о худших образцах, а не вообще о жанрах, которые столь любимы (я бы даже сказал: слишком любимы!) юными читателями.

Время меняет лицо жанров. И даже такого, казалось бы, традиционного, как сказка. В самом деле, то, что представлялось некообразно фантастичным ребенку не только прошлого века, но даже наших тридцатых годов, уже выглядит банальной обыденностью для сегодняшне-

го маленького любителя сказок. Но и по сию пору остается мудрым пушкинский девиз:

Сказка — ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Один школьник из Ленинграда прислал такое письмо: «Пусть писатели сочинят книжки про все на свете! А мы эти книжки прочтем — и все на свете будем знать!» Вот Михаил Ильин и создал в нашей литературе жанр, который бы я назвал так: «Отвечаем на все «сто тысяч почему!»» Поистине все интересует наших маленьких «почемучек»: и как строится дом, и как пишется книга, и что можно сделать из дерева, из железа, из глины, и как создаются песни, и как рисуются картины... Обо всем этом и еще о многом, многом другом рассказывают детям писатели, которые, не становясь эпигонами Михаила Ильина, достойно продолжают его традиции в детской литературе... Их книги — верные помощники школы в техническом и эстетическом воспитании наших ребят.

Детская литература, являясь неотъемлемой частью нашей общей большой советской литературы, сама по себе многожанровая. Мы видели, что она вбирает в себя поэзию и прозу, приключенческие книги и фантастику, сказку и публицистику...

Включает и драматургию театра юных зрителей, созданного впервые в нашей стране, и радиодраматургию (сколько звучит в эфире поистине великолепных радиоспектаклей для ребят!), включает и сценарное искусство, и критику...

Недавно я прочитал десятки школьных сочинений на тему: «Кем я мечтаю стать в будущем?» И должен вам заявить, друзья, если осуществляться все мечты, высказанные детьми в этих сочинениях, Земля станет великой планетой мира и братства. Нет, никто из ребят наших не замыслил сбрасывать бомбы на мирные города или шагать в кованых сапогах по чужим странам, — все они мечтают осваивать ясные звездные дали космоса для блага людей, избавлять человечество от опасных болезней, покорять и направлять на пользу людям могучие мирные силы атома... Так воспитали этих ребят наша школа, наша пионерская организация имени Ленина, наша литература, наше искусство.

И невольно я задумался о другом... Несколько лет назад статистика утверждала, что из семидесяти пяти

миллионов ежегодно рождающихся детей примерно полтора миллиона появляются на свет уже искалеченными атомной радиацией. А сколько миллионов физически здоровых ребят калечатся в странах капитала страшной радиацией безнравственности и аморального воспитания?! И тут я вновь вынужден буду обратиться к цитате. Я вспомню обеспокоенный голос редактора американской буржуазной газеты «Трибюн», выходящей в штате Оклахома, Дженкина Ллойд Джонса. Вот отрывки из речи, которую он произнес на собрании журналистов Чикаго:

«Десятки тысяч выпускников наших средних школ шелеят губами при чтении и не могут связно написать двух слов. Разве станет кто-нибудь отрицать, что наши кинофильмы сейчас непристойней, чем когда бы то ни было? Почему мы глубокомысленно киваем головой, когда нам внушают, что изображение грязи — это не больше как смелость в искусстве?.. Из телевизора в общую комнату и даже в детскую хлещет поток передач, живописующих насилие, цинизм и садизм, в которых буквально тонут наши дети. Внуки тех малышей, что, бывало, пускали слезу из жалости к погибшей от холода Девочке-Спичке, теперь считают себя обманутыми, если ее не излупят, не изнасилуют или не сожгут в доменной печи...»

И, как говорит г-н Джонс, некоторые американские «воспитатели» от литературы и искусства, упорно экспортирующие свою духовную отраву в другие страны мира, «собрали обильную жатву — полчища головорезов, вооруженных ножами и велосипедными цепями».

Я вновь повторяю то, что уже говорилось не раз: у нас, в Советской стране, есть, разумеется, произведения для детей очень сильные и есть посредственные в художественном отношении, но я с гордостью могу заявить, что у нас нет ни одной книги, ни одного фильма, ни одной пьесы и ни одной радио- или телепередачи, которые хотя бы одним словом воспитывали подрастающее поколение в духе человеконенавистничества, цинизма или грязных идей расовой дискриминации.

В наше время детские писатели — не только художники, не только воспитатели и властители детских дум, но почти всегда и общественные деятели, граждане в высоком смысле этого слова. Не только книгами своими боролись они за идеи равенства и братства народов, за

счастье детей. Сколько детских писателей сражалось на фронтах Великой Отечественной войны! Аркадий Гайдар пал смертью храбрых во имя жизни героев своих книг. В наши дни детские писатели сражаются в благородных рядах борцов за мир.

Один из главных вопросов, заботящих сейчас детских писателей разных стран: какими будут завтра сегодняшние наши ребята — ведь это им предстоит завтра вершить судьбы человечества! Их духовное здоровье, ясность и чистота их устремлений во многом зависят от того, куда поведет ребят детская книга. Можно с полным правом сегодня сказать: духовная пища, которую мы, советские литераторы, даем детям, чиста, высококалорийна, богата витаминами честности, мужества, бескорыстия, патриотизма!..

1967

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ¹

Крестьянский сын Ефим Придворов родился в апреле 1883 года. Вторично родился в 1912 году боевым сатириком Демьяном Бедным.

«С этого времени (цитирую Бедного), — жизнь моя — как струнка». Большевики и эсеры, кадеты и прочие сразу же стали бояться своего обличителя как черт ладана.

Демьян Бедный нашел путь к сердцу солдата и крестьянина, рабочего и красногвардейца. Это поистине счастливая судьба, которой может позавидовать любой поэт!

Всем памятна популярнейшая в годы гражданской войны песня Демьяна Бедного «Как родная меня мать провожала». Я не цитирую эту песню, потому что ее знают не только те, кто в гражданскую войну сам держал оружие, сражался за Советскую власть, за народ, за социализм. Ее знают и любят и те, чье детство прошло в более поздние годы — довоенные и во время Отечественной войны.

Бедного смело можно назвать сатириком-международником. Стрелы его разят наших врагов и теперь. Да, скажем прямо, «проплеванным» мешанам Бедный не сулил ничего доброго. Он честно предупреждал, что им не поздоровится, что советские сатирики с ними справятся, сделают из них в «Крокодиле» мешанину. Очень зримо рисует Демьян, как будет делать эту мешанину... приговаривая:

Вот тебе бюрократическая повадка!
Вот тебе наглая взятка!
Вот тебе хозяйский прижим!
Это тебе не старый режим:
Заехал в зубы — получи обратно!

---

¹ Выступление на торжественном заседании, посвященном 80-летию со дня рождения Демьяна Бедного, в Большом театре СССР, 13 апреля 1963 г.

И, несмотря на свой — такой
гигантский! — рост,
В беседе и в письме был гениально прост.

И, наконец, знаменитое стихотворение «Бил бы лбом». Оно было опубликовано в 1923 году в «Правде». С тех пор прошло сорок лет. А кажется, могло оно прозвучать сейчас. Оно — как ответ Демьяна некоторым нашим молодым запутавшимся поэтам. Оно словно обращение к тем, явно незрелым в политическом отношении поэтам, которые объявили себя «рано созревшими», а затем сами сообщили о себе, что стоят они в одном ряду с Пушкиным и Лермонтовым, Блоком и Маяковским. Это к ним, старающимся сегодня понравиться и здесь и там, обращается советский поэт-сатирик Демьян Бедный:

Я с тревогою сторожною
Наблюдал ваш детский рост.
Вы пошли чужой дорожною,
За чужой держася хвост.

Отравив себя отравою
Опьянительной и злой,
Вы кичитесь лукавою
Буржуазной похвалою.

Неукротим был Демьян в спорах с теми, кто отрицал роль басни в наше время. Утверждения о том, что со смертью Крылова развитие басни прекратилось и историческая роль басни, как самоценного жанра, выполнена, — подобные тирады вызывали резкий отпор сатирика. Он ведет спор с теми, кто пытается устранить басню с боевого литературно-революционного фронта.

Собственным творчеством Демьян блестяще доказал, что жанр басни — жив. Его басни военных лет придавали людям силы, бодрость, веру в победу. Как создавались эти басни? Подчас скупая газетная строчка, замешанная на ненависти к врагу, и нежнейшая любовь к родине рождали их.

Когда Демьян умер, находились некоторые, кто говорил, что умер и возрожденный им жанр басни. Нет, любимая народом, традиционная по своей форме басня не могла умереть!

Считая себя в большой степени учеником Демьяна Бедного, я представляю себе, как радовался бы он сегодня, узнав, какое почетное место в литературе занял жанр сатиры.

Если бы Демьян Бедный был сегодня с нами, он, конечно, стоял бы в первых рядах наших сатириков, сражающихся на переднем крае идеологической борьбы за коммунизм.

А его многолетняя, прямо-таки образцовая работа в редакции газеты «Правда», работа поэта-чернорабочего, поэта-газетчика, поэта-бойца, разве это не прекрасный пример для всех нас, кто, наперекор всем снобам и эстетам, считает честью сотрудничать в коммунистической партийной печати?!

Так же как и сатира Маяковского, сатирический талант Демьяна Бедного и сегодня, сейчас — и в данную минуту — работает на коммунизм!

1968

СЛОВО О КРЫЛОВЕ¹

В Петербурге 2 февраля 1838 года на торжественном обеде по случаю пятидесятилетия литературной деятельности Ивана Андреевича Крылова Василий Андреевич Жуковский сказал: «Наш праздник... есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она бы приняла в нем участие...»

В феврале 1969 года исполнилось двести лет со дня рождения Крылова, и мы по праву можем сказать: этот праздник — праздник многонациональный: все народы Советского Союза чествуют великого русского баснописца, которого еще при жизни называли на Руси народным писателем.

И если еще в прошлом веке произведения Крылова были переведены на языки многих европейских стран, то у нас только за годы Советской власти они изданы более чем на пятидесяти языках народов СССР, и тираж их приближается к сорока миллионам экземпляров. «Самая лестная, самая великая, самая неподкупная слава народная», которую предрекал Белинский, пришла к великому баснописцу.

И сегодня двухсотлетний Крылов живет среди нас, «как живой с живыми говоря». Образы и крылатые строки его басен с детских лет запечатлелись в нашем сознании. Они применяются нами в самых разнообразных случаях жизни, они вошли в наш разговорный язык, стали пословицами: «Хоть видит око, да зуб неймет», «Беда, коль пироги начнет печи сапожник», «Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку», «Сильнее кошки зверя нет»... И уж прямо в адрес иных зарубежных бре-

---

¹ Выступление на юбилейном заседании в Большом театре СССР, посвященном 200-летию со дня рождения И. А. Крылова, 13 февраля 1969 г.

хунов, которые хотят «без драки» попасть в «большие забияки», звучат сегодня классические крыловские строки: «Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на Слона!»

С глубочайшим уважением и восторженностью отзывались о таланте Крылова и его великом значении для России Пушкин и Белинский, Чернышевский и Добролюбов, Тургенев и Гоголь.

«Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек», — сказал о Крылове Н. В. Гоголь, определяя в одной из своих статей существо русской поэзии.

Жизненный путь гениального русского баснописца Ивана Андреевича Крылова, завоевавшего всемирное признание «ровесника русской литературы», являет собой подлинно гражданский подвиг писателя — гуманиста и патриота.

Крылов родился в Москве 13 февраля 1769 года. Отец его Андрей Прохорович весь век тянул солдатскую лямку, с большим трудом дослужился до офицерского чина и, выйдя в отставку, умер в Твери. Покойный оставил вдове Марии Алексеевне, скромной неграмотной женщине, и двум своим сыновьям лишь сундучок с книгами. Его первенцу сыну Ивану в ту пору едва минуло девять лет. У мальчика были незаурядные способности, живой природный ум, влечение к литературе и ненасытная жажда знаний. Со временем Крылов стал высокообразованным человеком.

Детство и юность Крылова были трудными. Десяти лет от роду, зарабатывая себе на хлеб службой в канцелярии, он изо дня в день видел взяточничество чиновников, нищету, невежество и бесправие трудовых людей. Мальчик рано начал разбираться в неприглядной правде жизни, и ему страстно захотелось выбраться из душного провинциального омута. В 1782 году Мария Алексеевна Крылова по настоянию сына Ванюши перебралась из Твери в Петербург. Она надеялась получить пенсию за мужа, хлопотала, обивала пороги департаментов, но так до самой своей смерти ничего и не добилась.

Глубокое знание жизни народной рано пришло к Крылову, и это дало ему богатейший материал для первых драматических произведений, во многом определило его мировоззрение. Уже в четырнадцать лет он написал первую пьесу «Кофейница», в которой поднял свой

еще не окрепший голос против крепостнического самоуправства помещиков.

В двадцать лет Крылов начинает издавать сатирический журнал «Почта духов», в котором смело и ядовито предаст осмеянию нравы столичного общества, создавая своеобразную сатирическую энциклопедию русской жизни.

При всей своей молодости даровитый писатель понимал оздоровительное значение обличительной сатиры во имя блага народа, ибо сам Крылов, как истинный сын России, смотрел на все глазами народа, старался просветить его — для того и писал.

До нас дошло примечательное высказывание Крылова о страпне «гнусных сатириков, которые ругают свое отечество без всякой другой причины, как только чтобы показать острогу своего пера».

Великая французская буржуазная революция обеспокоила и напугала Екатерину Вторую. Александра Радищева приговорили к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь, а «вольнодумца» Николая Новикова заключили в Шлиссельбургскую крепость. Крылову надо было обладать поистине непреодолимой верой в свое призвание и стойким гражданским мужеством, чтобы в таких условиях на страницах нового сатирического журнала с безобидным названием «Зритель» продолжать критику самодержавного, крепостнического строя.

Считая Крылова умным, талантливым человеком, зараженным опасными идеями века, императрица держала его в поле зрения. Но Крылов почувствовал грозящие ему последствия «высочайшего внимания» и скрылся в провинцию.

В добровольном изгнании он перепробовал ряд занятий: давал уроки, служил секретарем. В это же время он написал пьесу «Триумф» — острую сатиру на императора Павла — солдафона, помешанного на прусской муштре.

Только спустя десять лет, уже после смерти бездарного наследника Екатерины, Крылов вернулся в столицу. Здесь он снова, как в ранней молодости, сблизился с театром. Была поставлена его комедия «Модная лавка», а за ней «Урок дочкам». Это лучшие пьесы Крылова, в которых он восстает против раблепного подражания иностранцам, столь модного в дворянских кругах.

В 1806 году на страницах журналов начинают по-

являться крыловские басни. И всем истинным ценителям поэзии становится ясно: пришел в литературу российскую великий баснописец.

Вскоре кандидатуру Крылова выдвигают в Российскую академию. Незадолго до этого Крылов выступает с басней «Парнас». В ней говорится про Ослов, пасущихся на Парнасе. Зазнавшиеся Ослы заявляют:

...Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас.

Эта басня, в которой Крылов высмеивал защитников устаревшего классицизма, попала заодно «не в бровь, а в глаз» и членам Российской академии, и те, не найдя «приятства» в народном голосе Крылова, 13 марта 1809 года провалили его кандидатуру на выборах в академию. Тем не менее слава Крылова росла непостижимо быстро. Он становится самым читаемым, всенародно любимым писателем. Через два года после неудачи с первыми выборами Крылов все же стал академиком.

В своих блистательно остроумных и мудрых баснях Крылов обличал невежество и тупость, чинопочитание и алчность, лихоимство и чванство, лицемерие и жестокость. Его сатирическая муза всегда служила народу. Она была его верной защитницей. Самобытный, искрометный талант баснописца приковал к себе внимание читающей России.

И напрасно царедворцы дипломатично пытались представить гениального сатирика эдаким «добрым дедушкой Крыловым», пишущим безобидные притчи главным образом для детей. Всякий без труда угадывал в крыловских русских львах, русских медведях и волках власть имущих самодержавной Российской империи.

С тех пор как Крылов стал знаменит, его начали приглашать всюду — все хотели из уст самого сочинителя услышать новые басни. Тучный, добродушный, пронизательно-лукавый, Крылов уклонялся от неугодных приглашений, ссылаясь на то, что якобы «тяжел на подъем». Так родилась легенда о талантливом ленивце, что никак не вязалось с его могучей работоспособностью. «Этот человек — загадка, и великая», — сказал о Крылове Ба-

тюшков. Крылов же мог бы сказать о себе словами своей басни:

Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепко думу
Без шума.

(«Две бочки»)

Близился 1812 год. Наполеон готовил вторжение в Россию. Царь Александр все еще никак не мог разобраться в обстановке. Надо было действовать, а он малодушничал, и эта его нерешительность вызывала осуждение в народе. В те дни Крылов написал басню «Кот и Повар».

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

12 июня 1812 года 600-тысячная армия Наполеона перешла границу России. Началась Отечественная война. У каждого русского человека не было ни дум, ни помыслов иных, кроме желания поскорее изгнать захватчиков с просторов родной земли. Патриотические и в высоком смысле слова злободневные крыловские строки облетели всю Россию. Крылов не был на переднем крае сражений, но был вместе со славным российским воинством, со своим народом.

Наперекор царю, выражая народное мнение, он прославлял Кутузова. В те дни, когда за победу под Красным Кутузову был пожалован титул Смоленского князя, он написал басню «Ворона и Курица», которая так и начиналась:

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил...

Откликаясь на известие о мирных предложениях Наполеона, сделанных Кутузову, Крылов тут же сочинил басню «Волк на псарне», в которой призывает к борьбе до полной победы над врагом. Эту басню он передает жене Кутузова, а та пересылает ее мужу. Кутузов прочел басню перед воинами. Дойдя до слов: «Ты сер, а я, приятель, сед», великий полководец снял фуражку. И все,

увидев его седины, заплодировали, а последние слова утонули в громогласном «ура!»...

7 января 1812 года Иван Крылов был утвержден в должности помощника библиотекаря Русского отдела Императорской публичной библиотеки, в котором поначалу числилось всего четыре русских книги. Создание и комплектование отдела редчайшими изданиями — заслуга Крылова. В Публичной библиотеке Иван Андреевич потрудился на совесть: прослужил двадцать девять лет.

Общеизвестно, что творец языка — народ, и писатель черпает из богатейшей языковой сокровищницы народной в меру своего таланта. Крылов вошел в русскую литературу как представитель самого народа, «весомо, грубо, зримо» опрокинувший архаичные, салонные литературные формы и понятия. Он ввел в отечественную литературу и навсегда утвердил в ней изумительные образцы живой народной речи. Предельная простота поэтического языка, совершенство литературной формы в сочетании с веселым лукавством и глубокой народной мудростью сделали творчество Крылова подлинно национальным достоянием русской культуры.

Активное вторжение великого баснописца в жизнь общества определило его как политического писателя. В гении Крылова, этого чудесного русского самородка, как и в гении Ломоносова, нашел свое отражение гений самого русского народа. Известно, что Владимир Ильич Ленин в своих выступлениях обращался к басням Крылова десятки раз.

И не случайно крыловская традиция как бы нашла свое новое воплощение, проявив себя в бессмертных творениях Грибоедова и Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Островского.

Проходят годы, и, пережив некоторый упадок, русская басня в XX веке вновь набирает силу. Басня становится острым и действенным агитационным оружием в руках народа, приобретая новый качественный и идейный смысл.

Как можно басне умереть?

С народным творчеством она в родстве немалою.

И это я имел в виду,

Когда в двенадцатом году,

Ища кратчайший путь к народным массам,

Им в баснях ненависть внушал к враждебным

классам.

Так писал наш советский баснописец Демьян Бедный. Мы отдаем дань И. А. Крылову не только как гениальному писателю, утвердившему и прославившему любимый народом жанр, мы ценим его, крыловскую, жизнеутверждающую традицию, воспринятую и нашей советской литературой, и нашим театром и даже изобразительным искусством. Здесь, к примеру, достаточно назвать политические карикатуры знаменитых Кукрыниксов.

И сегодня басня служит советским людям. Бессмертна она в книгах самого Крылова, жива и развивается в литературах многонационального Советского Союза. Поэты-сатирики Украины, Белоруссии, Армении, Узбекистана и других братских республик разоблачают в своих баснях козни врагов нашей социалистической Родины, борются с пережитками прошлого, утверждают высокие нравственные идеалы нового общества.

Так как в ряду лучших исследований о Крылове можно назвать статью, принадлежащую перу Демьяна Бедного, я позволю себе привести заключительные строки этой статьи: «Белинский... определял Крылова словесной триадой, которая должна быть высечена на будущем крыловском всенародном памятнике: *Крылов — «честь, слава и гордость нашей литературы»*. И кристальнейший Белинский знал также, почему во главе этой триады он поставил святое для него слово — *честь!*»

ИДЕИ ЛЕНИНА — ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ¹

Как бесконечно многообразна наша действительность! Жизнь подсказывает художнику сегодня одну тему за другой.

Чтобы увидеть и открыть для себя и для народа человека наших дней, необходимо зрелое осмысление многообразных явлений наших дней.

Сегодня приобретает особое значение все, что появляется в печати, на экране и на сценах театров. Я хочу напомнить о главных направлениях в нашей современной русской литературе, о тех произведениях, которые создаются писателями Москвы. В них преобладает начало героическое. Эту задачу выполняют прежде всего произведения художественно-документальные, основанные на историческом материале, произведения, в которых использованы архивные данные, эпистолярные и мемуарные документы.

В этой группе произведений главная роль принадлежит книгам о Ленине и о его соратниках. Перечислять все то хорошее, что написано на эту тему, здесь вряд ли нужно. Важно, что эти книги есть и они хорошо известны читателю.

Задача состоит сегодня в том, чтобы оградить ленинскую и историко-революционную тему от того, что мы можем назвать профанацией темы. Холодные, спекулятивно-ремесленные прикосновения к этой сокровенной теме нашего искусства снижают ее. Плоскостное изображение событий, голая иллюстративность, приземленность и ложный пафос дискредитируют ленинскую тему.

---

¹ Выступление на объединенном Пленуме правлений творческих союзов СССР. Декабрь, 1969 г.

Минувшая война еще не канула в Лету, ибо еще кро-вочат раны, еще не выплакано все горе, нанесенное жестокой войной нашему народу. Мы гордимся произведениями москвичей, наших современников, герои которых отмечены не только психологически точными, но и присущими им социальными чертами. Лучшие произведения на эту тему воссоздают атмосферу времени и освещают историческое движение народа.

О деревне пишут много и хорошо. Лучшие книги о селе проникнуты высоким нравственным пафосом. Но, к сожалению, еще не так часто в этих книгах встает облик земледельца шестидесятых годов. А он поднялся перед всем народом во весь рост на трибуне III Всесоюзного съезда колхозников. Много еще не решенных сложных проблем и задач стоит перед этим человеком — колхозником, рабочим совхоза, сельским интеллигентом, — но он их, несомненно, решит. А наше дело — правдиво показать его самого.

Во многих жанрах создаются произведения о рабочем классе, о тех, кто в союзе с крестьянством составляет главную производящую силу нашего общества. Но, к сожалению, мы пока еще не можем похвастать потоком значительных произведений на эту тему. Они есть, но их все еще мало. Проблема показа нового человека — человека труда, его нравственная, философская и социальная сущность должны стать предметом изучения и заинтересованности наших художников.

Московская писательская организация видит свою задачу в том, чтобы эти главные направления в нашей литературе утверждались и нашли свое выражение в хороших произведениях.

Самая ответственная, наиболее трудная задача искусства — это отражение современности. Современны, разумеется, и те произведения, которые созданы о прошлом, ибо без современного взгляда на годы, прожитые нашей партией, нашим народом, всем обществом, без такого взгляда, учитывающего опыт всей нашей жизни во всех ее аспектах, не может быть истинно исторического произведения. Если такого взгляда нет, то тут-то и плодятся всякого рода заимствованные из чуждого нам идейного хлама всевозможные теории, теорийки, несущие в себе эстетство и модернизм, псевдоноваторство, псевдонародность. И печально, когда наша критика, принимающая такие произведения всерьез, тоже подхо-

дит к ним с эстетских позиций, как бы с позиций неодаданса. Когда из захламленных углов буржуазной идеологии вытаскиваются изжившие себя теориейки и идейки, а их носители становятся чуть ли не апостолами современности, это вредит, а не помогает развитию нашего, завоеванного нами творческого метода в литературе.

Но есть и нечто такое, что заставляет более внимательно присмотреться к возникающим довольно опасным тенденциям. Не на голой почве произрастают серьезные ошибочные взгляды на наше настоящее и прошлое. Есть, что греха таить, у нас охотники взять под сомнение чуть ли не подвиг самого Ивана Сусанина: дескать, уж не заблудился ли сам Сусанин, выводя из болот чужеземное воинство?

Тревожные сигналы поступают из школ и высших учебных заведений. Бывает, что старшеклассники и даже студенты филологических факультетов лучше разбираются в проблемах театра абсурда, романа без героя, во всевозможных современных буржуазных, реакционных течениях в литературе и искусстве Запада, нежели в прошлом и настоящим литературы и искусства своей Родины. Не имея жизненного опыта и крепкого идейно-эстетического фундамента, они впитывают из разных мутных источников информацию и, еще не овладев ясным мировоззрением, сформированным на основе изучения богатейшего классического культурного наследия прошлого своего народа, пытаются найти истину во всяческих путаных эстетских и модернистских «измах», которые так искусно ведут искусство и литературу буржуазного общества к разложению и упадку.

К сожалению, не секрет, что подчас учителя, молодые преподаватели вузов не только не противодействуют, а порой и сами поддерживают наплевательское отношение к пониманию подлинной народности литературы и искусства.

Думается, что члены творческих союзов, понимающие свою ответственность за воспитание молодого поколения, могут не только своими произведениями, но и лично выступая перед молодежью, быть подлинными пропагандистами того дела, которому они служат.

За рубежом к юбилею В. И. Ленина готовятся не только наши единомышленники и друзья. Активно включились в подготовку к этой дате всемирного значения всякого рода «специалисты» по «русскому вопросу», сре-

ди которых немало опытных, изощренных в провокациях, образованных и даже по-своему талантливых литераторов.

«Готовятся» к ленинскому юбилею и в белоэмигрантских литературных вертепах типа американского «Нового журнала», западногерманского «Посева», парижской «Русской мысли». В частности, эта антисоветская русская газета, издаваемая на жалкие подачки своих иностранных благодетелей и являющаяся прибежищем для всякого рода «идеологических фарцовщиков» и «литературных власовцев», не случайно сегодня рядом с подлыми пасквилями, статьями и гнусной клеветой на великого Ленина, на нашу Советскую Россию и Октябрьскую социалистическую революцию публикует на видном месте портреты небезызвестного А. Солженицына и подобных ему.

Однако далеко не все русские эмигранты, оказавшиеся на далекой чужбине, склонны присоединять свой голос к тем, кто поет сегодня «славу» и «многие лета» людям, изменившим идеалам своей Родины — Советской России. Вот что, к примеру, пишет в эмигрантской газете «Новая заря», издаваемой в Сан-Франциско, некий Виктор Коровченко в своем фельетоне «Авантюры». Цитирую по газете:

«Закончив университет, Кузнецов написал «Бабий Яр». Получив популярность в народе, доверие правительства и крупную сумму денег (аванс за будущую книгу), он уехал в Англию. Англия! Свободный мир! Это тебе не оккупированный немцами Киев. Торгуй чем и кем угодно, продавай себя, друзей и Родину, ложь, клевету, пей, кути, глотай наркотики, пляши танец живота, заводи хоть целый гарем проституток, мсти Советскому Союзу за высшее образование, почет, доверие и популярность — и никакого тебе общественного контроля, ни Союза писателей, ни кремлевского «всевидящего ока». Даже «гадом» никто не обзовет. Миллионы стерлингов!.. Вот они перед глазами! Бери. Для этого все средства хороши... Да здравствует свободный мир! Чем кончит оторвавшийся от родной почвы Анатолий Кузнецов (ныне А. Анатоль) — нам, эмигрантам, хорошо известно...»

Тут уж, пожалуй, ничего не убавишь, не прибавишь! Мы должны прийти к юбилею Ленина с новыми книгами, фильмами, спектаклями.

Большинство из нас уразумело, что терпимость к не-

терпимому обращается не только во вред всему нашему делу, но и во вред тем, с кем мы порой чрезмерно долго возимся, кого уговариваем поумнеть, повзрослеть, прозреть и увидеть, наконец, положение вещей в истинном свете. Тут, следовательно, не место прекраснодушию и всепрощающему либерализму. Нам не к лицу бояться портить отношения с теми, кто норовит уйти в кусты при решении острых, принципиальных вопросов.

Талант, несомненно, обязывает художника. Хорошо определил, что такое талант, датский художник Херлуф Бидstrup в своей беседе «Творчество — это борьба», опубликованной в «Советской культуре».

Говоря о работах советских художников-сатириков, он сказал, что эти работы являются для него «образцом подлинного мастерства, когда талант карикатуриста идет рука об руку с мировоззрением, твердыми политическими убеждениями подлинного борца». Правильно и хорошо сказано!

Вот почему нам не безразлично, какое содержание вложено в пусть даже талантливое произведение.

Нельзя допускать, чтобы верные марксистские мысли и положения были облечены в антихудожественные формы. Мы часто говорим о партийности и народности нашего искусства. Но надо понимать, что и партийность, и народность только тогда способны воздействовать на умы и сердца читателей и зрителей, когда эти высокие понятия выражены мастерски, на том высоком уровне художественности и идейности, который отличает лучшие образцы советской литературы и искусства. Только на высоком уровне мастерства можно и должно нести в массы идеи коммунизма!

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА КАНАДСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТЕЛЕГРАММ» Г-НА МАРКА ДЕ ВИЛЛЕРСА

(27 декабря 1969 г.).

1. **В о п р о с.** Как вы определяете задачи советской литературы и искусства?

О т в е т. В правдивом изображении жизни советского общества и становления в нем новых коммунистических отношений между людьми. В осмыслении художником всей сложности построения нового общества в ее реальной действительности, с позиции утверждения, а не отрицания тех идеалов, которые это новое общество несет с собой.

2. **В о п р о с.** Считаете ли вы, что литература должна служить политическим целям?

О т в е т. Политически нейтральных произведений в мировой литературе не существовало и не существует, ибо отрицание политического характера искусства и литературы — это тоже политическая позиция или поза художника. В мире происходит реальная политическая борьба, и литература есть зеркало, в котором она отражается. Если зеркало повернуто к этой борьбе своей задней стороной, то в нем отражается лишь самовлюбленная физиономия самого художника, которого ничто в мире не касается.

3. **В о п р о с.** Должна ли литература быть патриотической?

О т в е т. Если подлинная литература является выражением народного духа, а она именно этим и является, то она не может не быть патриотической. Однако при этом следует отделять истинный патриотизм, воспитывающий у читателя чувство гордости за свой народ, чувство любви к своей Родине, от националистического чванства и презрения к другим народам.

4. В о п р о с. Вы критиковали модернизм, псевдоноваторство и псевдонародность. Не могли бы вы дать определение этим терминам? Как понимать термин «идеологически незрелый писатель»?

О т в е т. Лично я считаю, что модернизм уводит художника от реальной действительности в мир субъективных иллюзий. Псевдоноватор увлекается формой ради формы, выдавая подчас далеко не самый удачный эксперимент за конечный результат. В науке псевдоноваторы распознаются легче, чем в искусстве.

Псевдонародность — это подлаживание под внешние формы национальных особенностей и традиций в спекулятивных целях, без глубокого и серьезного осмысления исторического прошлого и настоящего своего народа.

Я не применял термина «идеологически незрелый писатель». Я говорил о «идейно» незрелых людях. Идеино незрелый писатель — это писатель (пусть даже талантливый!), который не достиг уровня передового общественного сознания.

5. В о п р о с. Какие черты, по вашему мнению, делают западное искусство декадентским и буржуазным?

О т в е т. Прежде всего мы не считали и не считаем все западное искусство декадентским и буржуазным. Там успешно развивается искусство реалистическое и искусство социалистическое по своей направленности. Что же касается черт декадентского и буржуазного искусства, то его черты, на мой взгляд, следующие: идея поверженности человека и неверия в его творческие силы. Дегероизация. Безбрежный скептицизм, пессимизм и цинизм. Презрение к народу. Взгляд на человека, как на потребителя. Расизм и порнография на потребу вкусам отсталого читателя и его животным инстинктам. Зависимость искусства и литературы от бизнеса и наживы.

6. В о п р о с. Есть ли возможность в вашей стране выражать различные вкусы и взгляды в искусстве? Если есть, то какие это вкусы и взгляды?

О т в е т. Многонациональные литература и искусство Советского Союза разнообразны и выражают вкус и взгляды многих талантливых мастеров всех видов и направлений. Весь вопрос в мировоззрении художника. Если оно полностью противоречит мировоззрению и идеалам большинства членов общества, то оно неминуемо приходит в прямое столкновение.

7. В о п р о с. Есть ли что-нибудь в буржуазном искус-

стве, чему можно учиться, или его нужно категорически отвергнуть?

Ответ. Мы не рассматриваем искусство буржуазных стран, как **тотально** буржуазное искусство. В капиталистических странах существуют разные течения в литературе и в искусстве, разные направления, представителями которых являются подчас выдающиеся мастера, у которых есть чему поучиться. Они, представляя демократическое направление в искусстве, показывают пример художественного мастерства, глубины ощущения истории, гуманистических устремлений, глубокого проникновения в реальную жизнь и отображения ее в произведениях литературы и искусства.

8. Вопрос. Как вы понимаете концепцию свободы творчества? Каково ваше мнение о западной концепции абсолютной свободы творчества?

Ответ. Художник только тогда свободен, когда он творит в **естественном** контакте с живыми творческими силами истории, когда его мировоззрение и талант органически совпадают с главными устремлениями общества, с его прогрессивными идеалами.

Абсолютной свободы творчества не существует, разве что вне общественного поля зрения. На западе художник подвергается давлению системы, с которой он может быть и не согласен, но от которой он полностью зависит. Судьба художника, особенно молодого, находится в прямой зависимости от вкуса и политических взглядов того, кто его использует в целях бизнеса и наживы. Художника это положение вынуждает или приспособливаться и ломать себя, или погибать в неизвестности. Борьба художника за признание его дарования и за существование проходит вне общественного контроля и заинтересованности общества в поддержании таланта. Художник на Западе — это товар, который нуждается в дорогостоящей торговой рекламе. Если товар дает прибыль, к нему устремляются привлеченные рекламой потребители. Пример: писатель Генри Миллер, член Американской академии искусств. Судьба его книги «Тропик рака». Примеров вышесказанному не счесть из любых отраслей искусства и литературы.

С новогодними пожеланиями

Сергей Михалков

«МНОГО НА ЗЕМЛЕ ДОРОГ»

Я очень люблю читать ребячьи письма. Они никогда не высказывают свои мысли, как говорится, «между строк», ничего не утаивают, ни о чем не умалчивают. Чаще всего они пишут прямо, откровенно, и почти каждое их письмо заставляет нас, детских писателей, задумываться о своем творчестве, о планах на будущее.

«Я еще ни разу никуда далеко не ездил на поезде и не летал на самолете, — пишет киевский школьник Миша Кривенко. — Но все-таки я путешествовал по нашей стране и даже был за границей. Это мне книжки помогли... Когда я чувствую, что писатель много где-то ездил и видел всякие неизвестные мне вещи и события, мне с ним бывает так интересно! И хочется прочитать все, что он написал... Я тогда сразу иду в библиотеку и ищу другие его книги, которых у меня нет».

Да, юный человек любит людей бывалых. Это известная истина! «Скажи-ка, дядя...» — обращался молодой лермонтовский герой к старшему своему другу — участнику героических битв. Почти на каждой читательской конференции мне слышится: «Скажи-ка, дядя писатель... Расскажи-ка!» И писатель, которому есть что сказать вам, сразу завоевывает ваше доверие.

Чтобы учить жизни, надо самому ее знать! Как это важно, я коротко постараюсь показать на примере творчества одного из мастеров детской и юношеской литературы — Агнии Кузнецовой.

Передо мной любопытный документ. Юные читатели города Бологое составили небольшой список детских книг, которые они считают самыми любимыми и популярными у себя в городе. На одном из первых мест — повесть Агнии Александровны Кузнецовой «Свет-травя». Умная, поэтическая книжка! Но дело не только в этом. Главное, думается мне, в том, что повесть помогла чита-

телям, не садясь на поезд или в самолет, отправиться в Сибирь, побывать в тайге, приобщиться к удивительно интересным поискам и находкам своих сверстников, живущих за тысячи километров от города Бологое. Свет-трава — растение почти волшебное: исцеляет людей, которые считались неизлечимо больными. Но есть у свет-травы еще одно не менее волшебное качество: она подарила юным читателям дальнее путешествие, дружбу с непрестанно ищущими романтиками.

«Много на земле дорог» — так называется одна из повестей А. Кузнецовой. Дорог действительно много — все их не успеешь обойти ни за три, ни за десять жизней. А вам, ребята, очень хочется побывать всюду! Вы хотите пройти не только теми путями, которые измеряют километровые столбы, но и теми, что измерены человеческими судьбами, конфликтами, поисками и открытиями. На помощь вам приходит литература: она может провести по многим дорогам жизни. И ведет...

Я был на литературных конференциях, посвященных обсуждению повести А. Кузнецовой «Честное комсомольское». Право же, мне казалось, что участники конференции побывали в далеком сибирском селе Погорюе, что они лично участвовали в той борьбе за справедливость, за сплочение сердец человеческих, которую ведут юные герои повести. Московские школьники знали каждую улицу сибирского села и говорили о жителях его, как о своих добрых знакомых.

Юный человек всегда жаждет высокого примера. Он хочет общаться с героями, которых не назовешь «литературными», потому что они, перешагнув книжные страницы, становятся как бы живыми спутниками наших дней.

Мужественные, благородные традиции Николая Островского одухотворяют повесть А. Кузнецовой «Жизнь зовет». Читатели повести совершают путешествие в мир острых нравственных проблем, и для них, как и для юных героев книги, истинным образцом становится председатель колхоза Василий Ильич, который в борьбе за счастье живущих рядом людей забывает о своих собственных горестях и увечье.

Читатели верят тому, что происходит на страницах повести, некоторые из них даже (я это слышал в библиотеках) считают книгу документальной. Они убеждены, что писательница была в селе, о котором рас-

сказывает, что она лично знакома со всеми персонажами книги. И это не заблуждение: она действительно была, она и в самом деле знакома!

«Наверно, она учительница?» — спросили меня в одной школе об Агнии Кузнецовой. Нет, она не учительница, но, прежде чем написать повесть о школе, работала в Доме художественного воспитания детей, два года была председателем родительского комитета, руководила школьным историческим кружком, ездила со старшеклассниками в села на уборку урожая... Вот откуда приходит в книги настоящая достоверность!

Высокая интернациональная тема окрыляет страницы новой повести А. Кузнецовой «Мы из Коршуна!». Прочитав эту повесть, ребята побывают и в прекрасном таежном краю, и в Италии; они будут путешествовать по городам, селам, памятным местам великой титанической битвы с фашизмом. И вновь у них не возникнет ни малейшего сомнения в том, что писательница все видела «своими глазами», во всем участвовала. Юные читатели великолепно чувствуют, где «литература с литературы», а где сама жизнь.

На примере творческой работы А. Кузнецовой можно продемонстрировать, как необходима для писателя (а для детского и юношеского, быть может, особенно!) ежедневная, нерасторжимая связь со своими героями и с той жизнью, из которой они приходят на страницы литературных произведений.

Достоверность произведения вызывает сердечное доверие к автору. «Прошу не читать, а передать лично Кузнецовой Агнии Александровне», — прочитал я на одном из конвертов в Доме детской книги. Полюбив повесть «Честное комсомольское», девочка полюбила и автора и решила поведать писательнице что-то самое сокровенное, о чем смогла бы рассказать только близкому человеку. Что может быть дороже такого читательского доверия!

ГЛАВНОЕ СВОЙСТВО ИСКУССТВА¹

Детство миллионов советских ребят проходит в условиях бурного научно-технического и социального прогресса. Формирование представления ребенка об окружающем мире идет необыкновенно быстро. Теперь, чтобы не отстать от времени, человеку уже недостаточно просто повышать свою квалификацию. Ему необходимо удваивать свои знания каждые восемь — десять лет. Таков век научно-технической революции, таковы его законы.

Каков же путь, как одолеть всю эту массу знаний? Иной раз ставится даже вопрос — а не пришло ли время несколько «потеснить», «свернуть» гуманитарное и художественно-эстетическое воспитание, чтобы освободить «место» для научно-технических знаний, практически необходимых при современном уровне производства? Если согласиться со сторонниками подобной точки зрения, то можно в конце концов прийти и к мысли о сознательном воспитании ограниченного человека. А как же иначе? Сокращать гуманитарное образование — значит гасить эмоциональное, эстетическое восприятие мира, урезать суть человеческую в самом человеке!

А наша цель как раз в обратном — в том, чтобы воспитать гармонически развитую личность, активного строителя, будущего гражданина коммунистического общества.

Развитие художественно-эстетических начал, умение воспринимать произведения литературы и искусства в немалой степени закладывают социально-нравственные основы, вырабатывают видение мира как единого целого, развивают чувства гармонии, красоты, фантазию, воображение. Искусство формирует способность к творче-

---

¹ Выступление на Всесоюзном совещании по эстетическому воспитанию в Московском Дворце пионеров (март 1973 г.).

ству, необходимую в любой профессии. Кто знает, не свою ли признательность литературе, искусству хотел выразить Эйнштейн, сказав однажды, что наибольшее наслаждение испытал не тогда, когда открыл теорию относительности, а когда прочитал «Преступление и наказание» Достоевского?

Задача воспитания нового человека — гармонически развитой личности — все больше выдвигается в центр общественных, государственных интересов. И решается она коллективно и ежедневно — усилиями педагогов, ученых, деятелей литературы, культуры и искусства, всей теорией и практикой нашей системы образования, всем нашим обществом. И сегодня, как никогда, необходимо еще большее единение усилий школы, творческих союзов.

Союз писателей СССР, его совет по детской и юношеской литературе проводят большую работу в помощь школе, стремясь помочь решению важнейших проблем эстетического воспитания молодого поколения.

Работа эта имеет давние и плодотворные традиции. Вместе с педагогами и научными работниками мы систематически обсуждаем новые произведения. Только за последние полтора года нами были проведены большие творческие дискуссии: «Образ В. И. Ленина в книгах для детей и юношества», «Юным — о партии коммунистов», «Детская литература — друг пионерии», «О публицистике для детей и юношества». Обсуждались журнал «Детская литература», произведения для самых маленьких читателей, состояние критики в современной детской литературе.

Понимая, какую большую роль в жизни детей играют телевидение и радио, кинематограф и театр, мы старались всячески содействовать активному участию талантливых писателей в создании новых спектаклей и фильмов, радиопередач и телепроизведений. Связанные с этим проблемы обсуждались на специальном творческом совещании. Становятся традицией и семинары драматургов, создающих пьесы о школе и школьниках. Детские и юношеские писатели активно участвуют в конкурсах на лучшие пьесы и сценарии, прозаические и поэтические произведения, песни, адресованные советским школьникам.

Регулярно обсуждаются и произведения, создаваемые для детей и юношества в наших братских союзных и автономных республиках. Эти серьезные творческие раз-

говоры, происходящие на писательских республиканских съездах, пленумах и семинарах, тесно связаны с жизнью советской школы, задачами коммунистического воспитания.

Но главное дело писателей, разумеется, — книги. Перед юным читателем большой выбор литературы. Но книгу надо уметь читать, надо уметь воспринять художественное произведение. Ряд исследований приводит нас к одному и тому же выводу — у многих школьников собственное эстетическое восприятие литературы плохо развито, не сформирована в достаточной степени и способность тонко и верно судить о художественном произведении.

Думается, главный просчет — в методике преподавания литературы. В чем-то эта методика аналогична рекомендациям по изучению основ науки в школе. Но нельзя же преподавать литературу, как химию или как биологию! Литература — не наука, а искусство. Ее познавательная функция неотделима от эстетической. Истинное изучение литературы невозможно без одновременного воспитания чувства прекрасного, чувства наслаждения художественным произведением.

Но вместо того чтобы прививать школьнику любовь к Пушкину, учителя хладнокровно препарируют «Евгения Онегина», безжалостно расчлняя его на «образы» и «художественные особенности». Хотим мы этого или не хотим, но такая методика подсказывает школьнику ложный рационализм: зачем тратить время на чтение, когда можно коротко — «по учебнику» — изложить материал и получить за это хорошую оценку?

Такой путь в конечном итоге приводит к парадоксальной узости мышления. Виктор Шкловский недавно вспоминал, как ему однажды попалось либретто оперы «Катюша Маслова», в котором после слова «любовь» была приведена сноска «Любовь — это чувство, с которым Катюша относилась к Нехлюдову!» Подозреваю, что автор этого либретто имел в школе прочную пятерку по литературе...

Нужен ли анализ художественного произведения в школе? Думаю, что необходим. Но анализ целостный, учитывающий эстетическую специфику художественного творчества. Анализ, не противоречащий радости общения с искусством, а усиливающий эту радость. Чтобы наслаждаться искусством, нужно быть художественно обра-

зованным. Всем известна эта мысль К. Маркса. Но, заметьте, Маркс говорил, что художественная образованность нужна не сама по себе. Образование нужно, чтобы наслаждаться искусством, так как наслаждение искусством и есть путь к нравственному совершенствованию, путь к самовоспитанию.

Привить любовь к книге, научить думать, а не только запоминать, воспитать неутолимую потребность в чтении, воспитать культуру чтения, развить эстетическое восприятие художественной литературы — вот в чем задача.

Советские литераторы активно вмешиваются в решение этой проблемы. Они участвуют в работе комиссии по подготовке школьных программ, регулярно выступают в центральной и местной печати, встречаются с педагогической общественностью, с учителями, с библиотекарями, создают литературоведческие произведения в помощь школе. Напомню, что в РСФСР, Белоруссии, Молдавии, Латвии уже есть буквари и книги для чтения, созданные опытными, талантливыми литераторами. По постановлению пленума Союза писателей образована постоянная комиссия по вопросам преподавания литературы в школе. В нее вошли виднейшие критики и литературоведы, детские и юношеские писатели, педагоги, научные работники, представители издательств. Комиссия уже обсудила книги для чтения и пособия для учителей начальной школы. Предстоит ей изучить и школьные учебники по литературе, проанализировать литературоведческие работы, обращенные к школьнику и педагогу, участвовать в формировании авторских коллективов для создания новых учебников, учебных и факультативных программ, списков для внеклассного и самостоятельного чтения учащихся.

Чем основательней, чем глубже ведется изучение преподавания литературы, тем отчетливей представляются и другие аспекты проблемы. Хочу, например, привлечь внимание и к такой теме.

Как бы ни были прогрессивны и талантливы оценки тех или иных произведений, которые принадлежат передовой литературе прошлого, скажем, Добролюбову, Чернышевскому, Белинскому и другим классикам, они, эти оценки, все же были даны в условиях XIX века. Их надо знать, чтобы верно представить эпоху, исторические особенности того времени, когда создавалось произведе-

ние. Но это лишь одна сторона дела. Нельзя не помнить о другой.

Мы преподаем литературу школьникам, которые живут в условиях советской действительности, которым мы с самых малых лет стараемся привить активное отношение к жизни. Всегда ли надо безоговорочно навязывать все без исключения точки зрения, «узаконенные» десятилетиями?

Задача педагога — не схематический анализ художественного произведения. Задача педагога — раскрытие человековедческого содержания, поэтичности, художественной красоты романа, повести или поэмы, воспитание умения видеть все полотно в целом.

Задача, как утверждал Лев Толстой, — «заразить других тем чувством, которое испытывает художник». В этом Толстой и видел «главное свойство искусства». В этом и одно из основных назначений преподавания литературы в школе.

Нелишне вспомнить, видимо, и определение искусства, сформулированное В. Г. Белинским: «Искусство есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах». Из этого вытекают и задачи методики: формировать это «непосредственное созерцание» истины, развивать «мышление в образах». Только так можно помочь учащимся осваивать все богатство мыслей, чувств, переживаний, содержащихся в художественном произведении.

Почему с такой настойчивостью мы, писатели, стремимся внедрить этот взгляд на преподавание литературы? Да потому, что этот курс диктуется целью гармонического развития личности, потому, что и общение с юным читателем постоянно подтверждает верность этого курса.

1973

ОН СЛОВОМ И ДЕЛОМ СЛУЖИЛ НАРОДУ¹

Жизнь Александра Николаевича Островского, русского классика-драматурга, общественного деятеля, запечатлена на одной из лучших страниц замечательной книги нашей литературы. Дата, которую мы отмечаем, стала видным событием в культурной жизни страны, отражает нашу признательность, нашу благодарность, нашу любовь к Островскому.

Посетители Третьяковской галереи подолгу стоят перед знаменитым портретом работы Перова. С полотна смотрит на них человек с широким простым лицом, окаймленным рыжеватой бородой. Смотрит живо, пристально, с интересом — будто ждет, что же люди скажут ему сегодня...

И мы скажем ему, что его творчество дорого нам не только тем, что сыграло большую прогрессивную роль в развитии русского общества XIX века, но и тем, что оно верно служит людям сегодня, тем, что оно служит нашей советской культуре. Вот почему мы называем Островского своим современником.

Мы хорошо представляем себе значение творчества Островского для его времени. Уже первая журнальная публикация первой комедии «Свои люди — сочтемся!» принесла драматургу широкую литературную известность.

С тех пор появление лучших пьес Островского каждый раз становится событием культурной жизни России. Почему? Да потому, что, раскрыв настежь тесовые ворота Замоскворечья, распахнув окна светелок и горенок, драматург выставил напоказ жуткий и косный мир

---

¹ Выступление на юбилейном заседании в Большом театре СССР, посвященном 150-летию со дня рождения А. Н. Островского, 11 апреля 1973 г.

хищников и стяжателей, дельцов и самодуров и с суровой беспощадностью художника вынес им свой гражданский приговор.

И этот приговор с горячим одобрением был встречен передовой частью русского общества.

Но, бичуя «свинцовые мерзости» жизни, Островский сумел разглядеть — и не только разглядеть, но и отобразить — то светлое, возвышенное стремление к социальной свободе, что всегда отличало душу народную, что всегда неистребимо пробивалось сквозь многовековую косность царской России. Вот в этой правде о народе, в этом неуклонном стремлении звать к жизни лучшей и справедливой — в этом истоки величия драматурга.

Островский был учеником и непосредственным преемником Гоголя — главы натуральной школы, основоположника критического реализма в русской литературе. Реализм Островского, его четкая оценка фактов общественной жизни исходят из понимания драматургом собственной задачи — задачи художника. Слова Островского, написанные десятилетия назад, звучат так, словно произнесены только вчера: «Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие даже невероятное объяснить законами жизни». Так мыслил Островский. И его желание объяснить законы жизни было понято и верно оценено революционными русскими демократами, прежде всего Добролюбовым.

Островский всегда ощущал душевное влечение к революционно-демократическому лагерю. На развитие творчества драматурга сильнейшее влияние оказали статьи Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, произведения Н. Некрасова, М. Салтыкова-Щедрина. С 1857 года Островский почти все свои пьесы публиковал в журнале революционных демократов «Современник», а после его закрытия, в самые тяжелые годы реакции, сотрудничал в «Отечественных записках».

Но основным свидетельством социальных воззрений Островского является, и это понятно, сама суть его творчества. Обличительный пафос Островского, его сатира, избравшие мишенью купечество, дворянство, чиновничество, а с семидесятых годов XIX века и нарождавшуюся буржуазию, и сделали творчество драматурга тем воистину «светлым лучом», который высветил все «темное царство», весь мир тирании и произвола, мир беспощад-

ного угнетения личности. Великий Островский любил свой народ и «сердцем чувствовал его нужды». Он словом и делом служил народу. Жизнь Островского — подвиг. Год за годом, находясь в постоянной нужде, на грани нищеты, несмотря ни на что, он стремился к одной лишь цели. «Моя задача — служить русскому драматическому искусству», — утверждал Островский. Театру нашему он отдал весь свой талант, все свои силы. Ради театра он обивал пороги петербургских департаментов, ради театра старался сломить оловянное равнодушие чиновников, ради театра неустанно писал докладные записки, сочинял проекты...

Почему с такой страстностью, с такой настойчивостью служил Островский театру? Да потому, что работу на благо русского драматического театра писатель считал своим патриотическим долгом. Он убежденно шел к своей цели. «Драматическая поэзия, — писал Островский, — ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа...» Эти слова, сказанные в условиях буржуазно-крепостнической России, где букварь был заперт от народа на три замка, ясно раскрывают устремления Островского к всенародному искусству, к искусству, понятному каждому.

Вот эта благородная цель и помогала великому драматургу преодолевать и нескончаемые лишения, и яростные нападки реакции, и возню литературных недругов. Островский по праву вошел в ту могучую плеяду русских писателей, к которой принадлежат Пушкин и Гоголь, Тургенев и Толстой, Достоевский и Салтыков-Щедрин.

Но у Александра Николаевича Островского свое, особое, неповторимое место в этом ряду. Драматург по призванию и по профессии, он написал около пятидесяти пьес, создал широчайшее драматургическое полотно русской жизни XIX столетия. И как не согласиться со строками письма Гончарова — друга и современника писателя: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений для сцены, создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский,

национальный театр». Он, по справедливости, должен называться: «Театр Островского».

Театр Островского — таков итог жизни драматурга. Под сильнейшим воздействием его пьес развивалось у нас сценическое искусство второй половины XIX века. Драматургия Островского стала школой для многих замечательных русских актеров. Малый театр стал «домом Островского». А имя Островского стало знаменем русского драматического тетра.

Так в чем же все-таки сила Островского? Чем столь сильно воздействовал он на зрителя, заставляя думать, переживать, запоминать, делать выводы? Чем прежде всего сильны пьесы Островского?

Глубиной содержания? Неподражаемым юмором? Языком, поразительным по сочности и яркости?

Всем этим, конечно. Но прежде всего — счастливейшей чертой таланта драматурга: его превосходным умением типизировать, воплощать в своих персонажах характерные социальные черты, воплощать необыкновенно рельефно и узнаваемо и при всем этом не терять индивидуальности образов. Добролюбов писал о таком гениальном сплаве типичного и индивидуального в героях Островского: «В этом уменье подмечать натуру, проникать в глубь души человека, уловлять его чувства, независимо от изображения его внешних официальных отношений, — в этом мы признаем одно из главных и лучших свойств таланта Островского».

Примечательно, что Владимир Ильич Ленин в своей публицистике постоянно обращался к образам Островского, ставшим нарицательными.

Искусство Островского в высшей степени оригинально и национально самобытно. Произведения его — правдивейшая картина характеров и нравов России XIX века. Но роль творчества Островского значительно глубже.

Величие русского драматурга — и в интернационализме его искусства. Гуманизм произведений Островского, его реалистичность, его правда жизни, его образность, его юмор всегда были близки и дороги разным народам. Творчество Островского оказало большое влияние на развитие театра Армении, Грузии, Украины, Азербайджана, Белоруссии. Благоотворно его влияние и на мировую реалистическую театральную культуру. Пьесы Островского — в репертуаре театров братских социалистических стран, они — на сценах Швеции, Финляндии,

ФРГ. Показательно, что интерес к драматургии Островского за рубежом не только не ослабевает, но и растет.

В одном из писем к драматургу Лев Толстой писал: «Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно, — общенародным в самом широком смысле писателем».

Октябрьская революция осуществила мечты Толстого. Именно после Октября обрел Островский в нашей стране всенародное признание. «Не забудьте Островского!» — заметил В. И. Ленин, обсуждая вопрос о том, кого из великих демократических писателей прошлого издавать в первую очередь.

Пьесы Островского сегодня звучат на многих языках народов СССР.

Воздавая благодарную дань памяти великого соотечественника, мы пришли в этот зал, пришли на вечер, посвященный 150-летию со дня рождения большого художника-реалиста, глубокого знатока жизни народной. Здесь торжество.

А в тиши Третьяковской галереи смотрит с портрета Островский, смотрит живо, пристально, будто ждет, что же скажут люди ему сегодня.

И сегодня, с этой сцены, в этот памятный вечер мы можем и должны сказать ему:

— Спасибо, Александр Николаевич! Великое вам спасибо от всего народа!

Спасибо за огромный труд, за талант, отданный людям, за пьесы, которые и сегодня, шагнув в новый век, учат жить, трудиться, любить — учат быть настоящим человеком!

Спасибо вам, великому русскому драматургу, за то, что и сегодня для всех народов многонациональной Советской страны вы остаетесь нашим любимым современником!..

МЫ ЧИСЛИМСЯ В ПОЛКУ¹

Отечественная война навсегда оставила свой след в сознании народа. Немало написано о войне — и романов, и повестей, и рассказов, и стихов. Наша литература на эту великую тему обильна и многообразна. Многое в ней запомнилось читателю и вошло в его жизнь.

У самых истоков советской литературы, где живут и действуют наши военные люди, стоят, на мой взгляд, два произведения — фадеевский «Разгром» и фурмановский «Чапаев». В них советский читатель впервые увидел художественно воплощенные образы командира и комиссара Красной Армии. Они до сих пор живут в нашем сознании. Сегодня нам хочется особо подчеркнуть значение комиссара, изображенного Фурмановым во весь рост. Это опытный политический вожак, неггибаемый посланец партии в войсках, сердцевед и умница, первый друг и наставник бойца. Нечего и говорить о том, какую роль играет политическая работа в войсках. Она воспитывает дух людей, она помогает им переносить тяготы боевой страды, она поднимает их на подвиги, укрепляет сознательную воинскую дисциплину.

Мы с гордостью можем сказать, что лучшие произведения советской литературы — это политработа писателей. Хорошая книга на фронте — источник боевого вдохновения, и мы, литераторы, горды тем, что во всех войнах, какие выпали на долю Советского государства, — на гражданской, у озера Хасан, на Халкин-Голе и в Великой Отечественной войне — всюду писатели внесли немалую лепту в духовное вооружение нашей армии, нашего народа.

---

¹ Выступление на Всесоюзном совещании по военно-патриотической литературе в Центральном Доме работников искусств, 18 мая 1970 г.

Военная тема в советской литературе занимает важное место. Я имею в виду именно военную тему, потому что термины «военный роман», «военная повесть» кажутся мне не очень правомочными. Не обедняем ли мы тем самым нашу литературу, не сужаем ли ее значение, не испрашиваем ли как бы отпущение художественных грехов некоторым произведениям? Ведь философские сева­стопольские рассказы Льва Толстого не назовешь «военными рассказами» — это рассказы о русском человеке на войне. «Убеждение в невозможности взять Севастополь» писатель увидел не во «множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий», а в «том, что называется духом защитников Севастополя», в высокой побудительной причине — «эта причина есть чувство... лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине». Никто не называл «Поединок» Куприна «военной повестью», хотя автор изобразил в ней заскорузлые нравы офицерства старой армии. Не называем же мы чеховские «Три сестры» «военной пьесой», хотя в ней, среди проче­го, с огромной силой нарисован быт военного гарнизона небольшого городка. Никто не называет «Тихий Дон» Шолохова, это большое социальное полотно, исполненное кистью большого художника, «военным романом», несмотря на то, что множество его страниц посвящено войне.

Почему же теперь эти термины вроде бы узаконены у нас в стране, где офицер-гражданин и боец-гражданин не отделены всяческими перегородками от народа, как это было в старой России или есть на капиталистическом Западе?

В давние времена был у нас другой термин — «производственный роман». Мы отказались от него, ибо подлинная художественная литература не делится по таким признакам. В центре литературы стоит человек, его характер и его деяния. Есть большая единая советская литература, которая стала неотъемлемой частью нашего общенародного дела, нашей решимости до конца осуществить великий ленинский завет — построить коммунизм.

Подлинно художественные произведения не делятся по отраслевому признаку. Когда советский человек — герой нашей литературы — рабочий, колхозник, инженер, ученый — надевает военную форму, идет под знамена нашей армии и флота, он остается советским человеком, со всеми присущими ему достоинствами, рожденными на-

шей социалистической цивилизацией. И когда литератор создает образы этих людей, главная его задача остается неизменной — создание полнокровных характеров, психологическое раскрытие богатого внутреннего мира нашего человека. Тысячу раз прав Алексей Максимович Горький, сказав, что жизнь человека — деяние. Поэтому изучение дела человека, проникновение в сферу его профессиональных интересов равно обязательно для писателя — идет ли речь о рабочем, инженере или о солдате и военачальнике.

Мы, писатели, гордимся тем, что вместе со всей советской интеллигенцией идем рядом с нашим непобедимым народом, идем неразлучно. Наши воины могут быть уверены в непоколебимой преданности советской интеллигенции идеалам партии и народа. Тыл наших Вооруженных Сил несокрушим.

Перед нами, детскими писателями, стоит очень ответственная творческая задача — рассказывать о войне, о доблести и славе самым маленьким гражданам СССР, а трудности и значение этого в том, что ребенок узнает обо всем впервые, узнанное становится одним из краеугольных камней формирующихся взглядов миллионов, становится частью фундамента гражданского самосознания. Пусть ребенок всего лишь играет в Чапаева, но он играет историческую личность, прикасается к ней душой, заглядывает в глубины истории. Читая Фурманова, Фадеева, Гайдара, Островского, начав игры в героев их книг, поколение тридцатых годов героически вступило в войну.

Познавая свой город, свой край, ребенок постигает, с чего начинается Родина. У нас сорок восемь миллионов учащихся. Это народ, которому писатели правдиво и увлекательно должны рассказать о героизме их отцов и дедов. Школа выполняет государственное задание — на нее правительством возложена обязанность вести начальную военную подготовку учащихся старших классов к службе в армии. Мы должны вооружить своими книгами не только школьников, но и три миллиона учителей, многие из которых родились после войны.

Академия педагогических наук СССР поступила хорошо и правильно, создав в своей системе научную лабораторию военно-патриотического воспитания, привлекая к ее работе писателей, приступивших, в частности, к со-

зданию сборников «На полях отгремевших сражений», «Ходили мы походами»...

В свете этого особенно вредны попытки дегероизации, предпринимаемые некоторыми авторами книг о войне. Прежде чем коснуться этой, казалось бы, литературной темы, я хочу подчеркнуть одно обстоятельство. Никогда еще перед нашей литературой и педагогикой не стояли задачи такой трудности, какая встала сейчас, — задача морально-политически, психологически готовить юношество к возможной ракетно-ядерной войне, если нам ее навязжут, вопреки миролюбивой политике Советского правительства. Будущая война, если она разразится, подвергнет опасности все население страны, и надо вырабатывать в каждом гражданине, особенно у тех, кто не прошел испытаний минувших войн, готовность занять свое место при защите Родины. Защита социалистического Отечества требует высшей дисциплины, инициативы, беспредельного мужества, способности к самопожертвованию, массового всеобщего героизма.

Как же в свете этих требований времени выглядят те, кто хочет внушить, что защитник Родины всего лишь маленький человек, что его усилия бесполезны и бессмысленны? Это не литературный спор — это острейший фактор борьбы против попыток разоружить нас перед возможными суровыми испытаниями, в борьбе с опасным врагом. Не забывают ли это те, кто навязывает дегероизацию нашей литературе? На Западе, где, казалось бы, процветает дегероизация, на самом деле в массовом литературном ширпотребе расцветает культ героя в зеленом берете, превзошедшего фашиста-эсэсовца. И этому вооруженному до зубов, натренированному к боям гангстеру «дегероизаторы» противопоставляют хлюпика, размышляющего о том, сможет ли он совершить подвиг и целесообразен ли подвиг вообще. Правильно говорят, что мещанин не верит в героизм. В каждом герое подвига он ищет возможность принизить его, окоротить, срубить ему голову и тем уравнивать с собой.

Разве случайно на Западе возводят в сан героев солдат, карателей без души и жалости, лишенных «химеры совести»? Мы знаем, что фашизм натаскивал в организациях гитлерюгенда детей и подростков на идеях господства немецкой расы; знаем, что смертники — камикадзе в Японии воспитывались на тех же чувствах шовинизма-национализма, на обещаниях потустороннего

блаженства погибшим во имя божественного императора. Однако десятки, затем сотни тысяч и миллионы солдат гитлеровской Германии и милитаристской Японии воздели руки вверх под ударами советских войск.

Мы не готовили нашу молодежь к смерти. Общество готовило ее к радостной жизни в родной социалистической стране, ей прививали любовь к искусству, литературе, ко всему прекрасному. Но с первых дней войны советские воины, отражая натиск превосходящих сил врага, сражались до последнего патрона и взрывали себя в дотах, не сдаваясь врагу. С первых же дней войны советские летчики шли на таран, наши танкисты сражались в горящих танках, пехотинцы грудью закрывали пулеметные амбразуры врагов. Миллионы военных и невоенных советских людей под Москвой, в горящем Сталинграде, в блокированном Ленинграде, во всей стране, на всем пути к Берлину явили небывалый массовый героизм, который и определил победоносный характер борьбы Советской Армии. И то, что советские писатели своим творческим трудом и личным героизмом в боях выполнили свой долг, — этим мы гордимся.

Мы живем в тревожное время. Более четверти века прошло с дней нашей победы над гитлеровской Германией, но нет покоя на свете. Агрессивные силы плетут провокации, прощупывают наши границы, готовят народам новую бойню. Но у нас крепкие нервы, и велика наша мощь. Мир идет своим путем, пророчески указанным Марксом и Лениным. В идеологическом сражении, охватившем сейчас планету, велика роль советской интеллигенции, советских писателей. Они исполняют свой долг.

Друзья мои! Перо у нас
Приравнено к штыку.
Не время нам идти в запас —
Мы числимся в полку!

...ИДУЩИЙ ВПЕРЕДИ¹

Гайдар — это значит всадник, скачущий впереди. Таким он был всю свою жизнь.

Он был впереди на фронтах гражданской войны. Восточный фронт, Польский, Кавказский, Киев, Полоцк, Адлер, Тамбов, деникинцы, петлюровцы, антоновцы, соловьевские банды и прочая нечисть. От Арзамаса до Монголии, от курсанта до командира полка — таков путь Гайдара в гражданскую войну.

И вот постарайтесь на минуту представить себе, как этот молодой боец в кубанке, в потрепанной шинели, познавший лихой, неустойчивый вихрь кавалерийских атак, видевший смысл тех трудных дней в громовом победном «ура!», в натиске, в сражении, в походе, вдруг, неожиданно, сразу, с разбега оказывается в гуще совсем мирной жизни: уволен из РККА по состоянию здоровья, уволен после тяжелой контузии.

Казалось, жизнь остановила Аркадия Голикова на полном скаку. Так недолго и вылететь из седла. Но он удержался!

Аркадий Голиков остался гайдаром — боевым всадником — и в мирные дни. В этом вся суть гайдаровской жизни. Верно подметил С. Маршак, что при первом же взгляде на Гайдара в нем можно было узнать бойца-конармейца, так и чудилось, что за воротами его ждет, нетерпеливо цокая копытом, оседланный боевой конь...

Таким он и пришел в 1925 году к Константину Федину в ленинградский альманах «Ковш». Пришел, положил на стол несколько исписанных тетрадок и сказал:

— Я Аркадий Голиков. Это мой роман. Я хочу, чтобы вы его напечатали...

---

¹ «Слово об Аркадии Гайдаре» на торжественном вечере в Концертном зале имени П. И. Чайковского, посвященном 70-летию со дня рождения А. Гайдара. 24 января 1974 г.

Первая рукопись А. Гайдара «В дни поражений и побед» подкупала глубокой искренностью. В ней все было настоящим — люди, бойцы, сражения, победы. Но чтобы эти исписанные тетрадки стали повестью, над ними надо было еще долго работать. И, преодолевая болезнь, Гайдар целый год упорно, настойчиво трудился над рукописью...

Всадник Гайдар стал Гайдаром-писателем. Он много написал за свою недолгую жизнь. И от книги к книге Гайдар шел вперед. Он работал прицельно. Как боевой командир, он ставил перед собой точную задачу, продумывая маневр — сюжет, характеры героев, их речевую манеру — и отдавал весь свой талант решающему броску, достижению цели, тому, чтобы боевая задача была выполнена, чтобы она увенчалась победой.

«Пусть потом когда-нибудь люди подумают, — это слова Гайдара, — что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили красноречивую крепкую гвардию».

И мы сегодня глубоко вдумываемся в эти вещи слова писателя, готовившего каждой своей строкой красноречивую крепкую гвардию. Это была превосходная подготовка!

— Шире шаг! — командовал впереди Гайдар.

И вся колонна прибавляла шаг. И вел Гайдар свою несокрушимую юную армию к нелегким сражениям за светлую жизнь, в которую верил он сам, в которую верили и всегда будем верить мы с вами.

— Шире шаг! — как эхо, повторял слова командира Борис Голиков — герой знаменитой «Школы».

— Шире шаг! — подхватывал Мальчиш-Кибальчиш.

— Шире шаг! — вторил барабанщик Сережа.

— Шире шаг! — командовал Тимур.

И маленькая Светлана, и неразлучные Чук и Гек, и Алька, и все герои Гайдара вели за собой эту гигантскую колонну...

Вели? Нет, неверно! Ведут. Ведут и сегодня. Пусть уже нет впереди командира, пусть он остался, сраженный фашистской пулей, возле деревни Леплява, а колонна идет. Все новые и новые пионерские поколения берут в руки нестареющие книги Гайдара. По ним они учатся честности, благородству, преданности, вере в идею. По ним они учатся любить свою Родину и защищать ее самоотверженно, отважно — так, как это делал сам Гайдар.

В чем же главный секрет, главная «военная тайна» Гайдара? Почему так дороги его книги детям? Почему нет у нас ни ребенка, ни взрослого, который бы не знал героев Гайдара?

Я думаю, Аркадий Гайдар велик прежде всего тем, что превосходно умел сливать воедино светлую романтику, возвышенную мечту с самой сущностью нашей действительности. Точнее: он умел увлечь юного читателя разговором на самые важные, самые серьезные и очень волнующие каждого ребенка «взрослые» темы — о защите страны, о ненавистных врагах, о добрых людях, о подвиге и бесстрашии. Но разговор это был особый — необыкновенно ясный, поэтический, очень близкий ребячьим сердцам. Он и книги свои писал, как поэмы, — помнил каждую фразу, мог читать наизусть целые главы.

И не случайно юные читатели Гайдара всегда были его верными товарищами, друзьями. Не случайно Гайдар всегда был в окружении ребят. Не случайно по первому зову юные граждане со всех ног мчались выполнять его командирские поручения. И не случайно сам Гайдар, отложив рукопись, со всей серьезностью мог участвовать в переговорах «командующих» двух мальчишеских армий.

Он сам был жизнерадостен и прямодушен, как ребенок. Он доверял своим юным товарищам, а они доверяли ему. В этом, пожалуй, главный педагогический принцип Гайдара — доверие к человеку, только-только начинающему свой путь.

Наверное, многие знают о крылатой фразе, которую однажды сказал Гайдар. Он шел на станцию, шел, как всегда, в окружении ребят. Мальчишки с гордостью тащили неказистый, выдавший виды фибровый чемодан писателя.

— Аркадий Петрович, — спросил кто-то из ребят, — почему вы такой знаменитый, а чемоданчик у вас так себе?

— Не горюйте, не расстраивайтесь, — ответил Гайдар. — Хуже было бы, если бы чемодан у меня был знаменитый, а я сам так себе...

Вот в этом — весь Гайдар. Я убежден, у него и в самом деле не было другого чемодана. Не было у него и стремления обосноваться в каком-нибудь одном месте. Вся жизнь — в седле! Бесчисленные переезды Гайдара — Урал, Архангельск, Дальний Восток, Москва, Ростов,

опять Москва. Десятки редакций газет, сотни статей, репортажей, очерков. Встречи с читателями, выступления в библиотеках, на пионерских слетах... Иначе жить Гайдар не мог.

Быстро, стремительно, не признавая расстояний, не тратя времени на сборы. Другого темпа жизни он не знал!

Лишь находясь в самом кипении жизни, можно было не только правдиво и ярко описывать эту жизнь, но и предугадывать будущее. Предугадывать так, что слова Гайдара становились руководством к действию.

Напомню, что, когда вышел в свет «Тимур», раздавались голоса — писатель, мол, «изобрел», «сконструировал» такого мальчика. Нет, мол, у нас Тимуров. А чем ответила жизнь на слово Гайдара? Чем ответила вся наша Пионерия? Не только сотнями восторженных писем. Ребята ответили делом. И в огромном патриотическом движении юных, охватившем страну с первых дней Великой Отечественной войны, когда миллионы детей помогали в госпиталях, когда они шефствовали над семьями фронтовиков, каждый юный патриот был Тимуром! Да, каждый!

В то время, когда творил Гайдар, иногда слышались «ученые» речи о том, что, дескать, собственно детской литературы нет и быть не может. Не вдаваясь в споры с этими горе-«теоретиками», Гайдар пером, делом своим внес в эту литературу сотни чудесных страниц. Он внес великий вклад, который навсегда останется бесценным достоянием детворы. И нам радостно, что на Всесоюзном съезде учителей товарищ Л. И. Брежнев назвал нашу детскую литературу «превосходной» и среди лучших детских и юношеских писателей Советской страны назвал имя Гайдара.

В Каневе, на горе, над Днепром — могила Аркадия Гайдара. Он вернулся в места, где отважно сражался в годы гражданской войны. Он прожил удивительную жизнь в удивительное время. Жизнь его была коротка — всего тридцать семь лет. Но в народе говорят: «У сильного жизнь — сто лет, у слабого и четверти нет». Жизнь Аркадия Гайдара не окончилась! И не окончится никогда...

Она продолжается в неустанном гудении типографских машин, печатающих его книги. Она продолжается в подвигах героев кинофильмов и пьес, пришедших на

экраны и театральные сцены из рассказов и повестей писателя. И, разумеется, она продолжается в замечательных патриотических делах наших ребят, подражающих героям Гайдара.

И ныне, отмечая семидесятилетие со дня рождения Аркадия Петровича Гайдара, мы все, юные и взрослые, отдаем салют писателю-бойцу, писателю-большевику, Писателю — Другу детей. Мы говорим Гайдару: «Вы с нами сегодня, Вы с нами всегда. Спасибо Вам от всего народа за Ваше сердце, за Ваше мужество, за Ваш талант, которые навсегда отданы детям, а значит — грядущему дню!»

1974

ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Дело, отложенное «на понедельник», как известно, имеет десять шансов из десяти остаться невыполненным. Истина не новая. «Слово «завтра», — писал когда-то И. С. Тургенев, — придумано для людей нерешительных... «Завтра», — говорил я самому себе — и отлично ел и спал сегодня...»

Мне кажется, нечто подобное происходит у нас порой в искусстве и литературе с юмором и сатирой. «Завтра! — говорим мы самим себе. — Завтра мы обязательно откроем научную, экспериментальную лабораторию смеха в кинематографе; проведем всесоюзный фестиваль юмора и сатиры не хуже традиционного праздника шуток в болгарском городе Габрово; создадим острую и — представьте себе! — смешную современную сатирическую пьесу».

Никто не против. Наоборот, все — за. Ведь известно, как любит наш зритель-читатель остроумие, иронию, сарказм, словом, все, чем славен и ценен вечно живой, жизнеутверждающий жанр юмора и сатиры.

Каждый из нас может по мере надобности процитировать точные, исчерпывающие слова того или иного великого авторитета, подтверждающие нашу убежденность в необходимости критики и самокритики, выраженной в художественной форме. И тем не менее все это как бы откладывается... до понедельника.

«Простите! — слышу я голос оппонентов. — А московский Театр сатиры? А Аркадий Райкин? Юрий Никулин? А «Фитиль» и «Крокодил»? А телевизионный кабачок «Тринадцать стульев» и шестнадцатая полоса «Литературной газеты»? Да, все это есть, как есть в нашем кино Леонид Гайдай, Гия Данелия, Эльдар Рязанов, а на нашей сцене, к примеру, интересные комедии «Затюканный апостол» Андрея Макаенка, «Я, бабушка, Илико и Илла-

рион» Нодара Думбадзе, «Провинциальные анекдоты» Александра Вампилова и многое другое, о чем можно говорить, спорить, с чем можно, наконец, не соглашаться, но что реально существует и сегодня. И тем не менее наш сатирический цех в целом работает неравномерно, не в полную силу.

Мне довелось недавно посмотреть сразу две картины, представленные зрителю как комедии с краткими, но запоминающимися названиями, — «Дача» и «Теща». Авторы фильмов усиленно убеждают в том, что хорошую дачу заводить хлопотно, а плохую тещу лучше не заводить вовсе. Не правда ли, смелая и, главное, общественно значимая мысль? Я упоминаю лишь два названия, но, к сожалению, их гораздо больше — фильмов, которые, имея целью обличать обывательщину, по своему идейно-художественному уровню становятся комедиями не столько о мещанах, сколько для мещан... Ущерб, наносимый подобной кинопродукцией, выходит за пределы частной неудачи студии.

Привыкая к юмору «второго» сорта, мы со временем перестаем воспринимать и понимать по-настоящему глубокие, смешные и гневные произведения, созданные по действительным законам жанра. В результате, когда такое произведение появляется на свет, вновь всплывают всякого рода «теории» и «аргументы», ставящие под сомнение право художника-сатирика на типизацию, гротеск. Раздаются курьезные упреки в том, что, изобразив, допустим, одного недобросовестного врача, автор подрывает авторитет всей советской медицины.

Мне довелось услышать, как один человек всерьез возмущался тем, что памятник Пушкину теперь обращен не лицом к зданию московского кинотеатра «Россия»: «Надо же! Пушкин! А стоит спиной к России! Как вам это нравится!» Представляете себе, куда может завести воображение такого зрителя на сатирическом спектакле?

Тогда-то и приходится снова защищать права жанра, повторять прописные истины, что с подлинной сатирой не имеет ничего общего злопыхательство, порождаемое внутренним неприятием всего нового, а подчас и враждебным отношением к нему. Очернителями движет не вера в торжество идеала, в победу правды и справедливости над злом и пороком, а мелкая мещанская сущность, ожесточение индивидуалиста. Критика же, продиктован-

ная высокой партийной непримиримостью ко всякого рода недостаткам, является силой созидательной, утверждающей, укрепляющей наш социалистический строй, наш советский образ жизни.

Весь дух марксистско-ленинской эстетики, политика партии в области идеологии, решения XXIV съезда КПСС последовательно утверждают непреходящее значение критики и самокритики в жизни развитого социалистического общества. Соответственно не ослабевает, но возрастает в этих условиях и роль советской сатиры как действенного оружия коммунистического воспитания народа. Нам нужны фильмы, книги, спектакли, памфлеты, беспощадно осмеивающие все нелепое, глупое, чуждое, несовместимое с нашими идеалами, с нормами нашей общественной морали.

Смелая сатира, рожденная принципиальными соображениями и государственными интересами, активно приветствуется зрителем и читателем. Двенадцатилетний опыт всесоюзного киножурнала «Фитиль» убедительно показывает, что самые разные люди, самые массовые аудитории правильно реагируют на острые выступления «Фитиля», порой больно задевающие «за живое» виновников тех или иных благоглупостей, действий, достойных всенародного осуждения. Конечно, иногда эти конкретные виновники предпринимают шаги, чтобы тот или иной выпуск «Фитиля» не проник на экран области или района, о которых идет речь. Можно было бы и адреса назвать, но не хочется ставить товарищей в неловкое положение. Понять-то их нетрудно: кому приятно, когда на люди выносятся сор из твоей избы...

Мне вспоминается одна статья, написанная народным артистом СССР Игорем Ильинским. В ней, в частности, говорилось: «Ряд режиссеров, актеров, развивавших на экране комедийный жанр, был обескуражен чрезмерной опекой некомпетентных консультантов, находивших в их работах то эксцентрику, то утробный смех, то еще что-нибудь крамольное. Эту опеку я испытал на себе, снимаясь в фильме «Волга-Волга». Роль Бывалова — сатирическая. В конечном счете критики и зрители признали ее как будто удачной в этом плане. Но сколько из нее выкинули, сколько в ней смазали мест, которые, на мой взгляд, сделали бы ее еще более острой и интересной».

Предполагаю, что Игорю Ильинскому во время работы над теперь уже давним фильмом как раз и попался

один из «бываловых», кому робость и чрезмерная осторожность внушали представление, будто авторы «очернили», оглупили советского человека на экране. Спорить с такой демагогией всегда трудно. Ведь, в конце концов, прототип отрицательного персонажа произведения в реальной жизни прописан по советскому паспорту. И эта прописка отнюдь не должна страховать от критики всякого рода бюрократическую коросту, обывательщину, в какие бы одежды она сегодня ни рядилась.

Сатира всегда беспокоит мещанина, нервирует его, выводит из равновесия, нарушает, по словам Горького, «удобную обстановку» в его душе. Узнавая в том или ином персонаже себя или себе подобного, мещанин начинает негодовать, обвинять авторов в клевете, в искажении действительности. Даже в грибоедовском Фамусове ему спокойнее видеть добродушного дядюшку, а в Скалозубе — безобидного и чудаковатого ветерана войны. Ему не объяснишь, что классические творения бессмертны именно тем, что они обращены к жизненному и художественному опыту читателей и зрителей любого времени, взаимодействуют с этим опытом. А так как исторически он меняется, то изменяется и прочтение произведения, которое в каждую новую эпоху начинает жить новой жизнью. Вот почему Гоголь и Салтыков-Щедрин, Островский и Чехов и сегодня рядом с нами, помогают нам обличать пережитки прошлого в характерах людей.

Создание комедийных и сатирических произведений — одна из насущных проблем современного искусства и литературы. Ведь при решении поистине грандиозных хозяйственных и социальных задач мы испытываем подчас немалые трудности, о которых открыто говорим с самых высоких трибун. Преодолению этих трудностей помогает действенная сила критики, самокритики. И в этом плане чрезвычайно важно использовать богатейшие возможности юмора и сатиры.

Можно привести немало фактов, подтверждающих, что острое перо писателя-патриота, его активное вмешательство в жизнь верно служат народу. Но ограничусь одним: в грозные военные дни, когда страна сражалась с фашизмом, на сцене МХАТа была поставлена смелая патриотическая пьеса А. Корнейчука «Фронт», опубликованная впервые в «Правде». С какой обличительной силой выступили автор и театр против косности некоторых весьма заслуженных в прошлом военачальников, стояв-

ших на пути новой военной мысли! Так искусство помогало партии решать задачи, которые ставило перед страной военное время.

Надо ли говорить, сколько мишеней дожидаются прицельного огня сатирического писателя и сегодня. Мы еще недостаточно активно поддерживаем, например, авторов, работающих в области международной темы. Едва ли можно припомнить больше двух-трех имен и произведений, появившихся в последние годы на этом направлении.

А ведь какое поле деятельности для применения и совершенствования сатирического оружия открывается на фронте контрпропаганды!

Политика мира, разрядки международной напряженности, политика, которую последовательно проводят наша партия и государство, вовсе не означает умаления роли идеологической борьбы, ослабления борьбы с враждебными взглядами, настроениями, идеями. Мы точно знаем адреса, откуда ползут эти идеи. Мы знаем, как настойчиво пытаются они проникнуть в наш дом.

Вот почему в многосторонней работе, связанной с формированием новой личности, воспитанием строителя коммунизма, необходимо использовать в полную меру и великое, очищающее человеческие души воздействие сатиры.

ЖИЗНЬ В АТАКЕ¹

Бывает, жизнь писателя столь ярка и необычна, что сама становится фабулой увлекательного автобиографического романа. Литература знает немало таких примеров.

Но героическая судьба Николая Островского даже в этом ряду занимает неповторимое место. Мужество, воля, талант писателя-коммуниста стали той могучей подъемной силой, которая стремительно вознесла ракету Николая Островского на нашем литературном небосводе. Вознесла так высоко, так зримо, что, пожалуй, нет нынче у нас человека, который бы не знал, как закаляется людская сталь.

Я не очень верю, когда тот или иной коллега по перу говорит, что пишется ему легко и просто. Серьезная работа над словом от каждого из нас требует огромной отдачи. Все эти бесконечные переделки, возвраты к уже написанным страницам, сравнения, анализ, отбор, то вдохновенный бросок вперед, а то и осторожное, неуверенное, чуть ли не на ощупь продвижение — кто из настоящих писателей не знал этой радости и этого горя творчества! Сколько раз у каждого из нас вскипало торжество, когда перо укладывало на лист удачную строку! И сколько раз возникало ощущение поражения, провала, когда на том же листе бумаги явственно проступала фальшь...

Но каково же было писать Островскому! Постель, неподвижность, слепота, боль. Не видеть лист, не видеть строку, медленно писать карандашом по транспаранту, а когда уже совсем нет сил — диктовать, диктовать, выигрывая у смерти день, час, даже минуту. И все — от первого до последнего слова — в памяти, только в памяти!

---

¹ К 70-летию со дня рождения Н. Островского. «Литературная газета», 1974, 25 сентября.

Писательский труд Островского — сам по себе подвиг, достойный самого глубокого уважения.

Но величие Николая Островского, мне думается, не только в том, что он писал, духом своим преодолевая мысль о неизбежном, ощутимо приближающемся конце, а в том прежде всего, что он автор романа необыкновенной вдохновляющей силы. От автобиографического материала Николай Островский поднялся до неоспоримо глубокого художественного обобщения. Вот эта подлинная художественность романа «Как закалялась сталь» и сделала его любимой книгой советского юношества.

Я думаю о Николае Островском с неизменным чувством благодарности за то, что он создал для наших юных граждан вечный образ Павки Корчагина. Мысли, дела, любовь и ненависть главного героя Островского служили и служат примером миллионам людей. Не раз, не два уже писалось об истоках подвигов Гастелло, Матросова, Маресьева, тысяч других известных и неизвестных героев. И нет никакого сомнения, что Павел Корчагин был всегда в числе их самых близких, самых верных друзей. Он вместе с другими наиболее сильными, наиболее зовущими героями советской литературы сделал очень многое для воспитания молодого поколения в духе преданности Родине, партии, народу.

Время идет без остановок. Минуло семьдесят лет со дня рождения Н. Островского. На его нелегкую долю выпало всего тридцать два года жизни, и только девять последних лет он отдал литературе. Но его талант, рожденный бурей революции и гражданской войны, успел раскрыться. Это была вспышка — как при взлете ракеты — необыкновенной эмоциональной, пафосной силы, направленной на утверждение великих коммунистических идей. Творчество Островского — один из ярчайших примеров воплощения в жизнь ленинского принципа партийности литературы.

В постановлении ЦИК СССР от 1 октября 1935 года о награждении Н. Островского орденом Ленина говорилось о писателе, самоотверженно продолжающем «оружием художественного слова» борьбу за дело социализма. Книги Островского так же самоотверженно продолжают сейчас борьбу за дело коммунизма. Честь и слава памяти Николая Алексеевича Островского!

НЕРАСТОРЖИМЫЙ СОЮЗ¹

Создание Всероссийского добровольного общества книголюбов — событие весьма радостное для писателей, книгоиздателей, работников библиотек, для миллионов любителей книги.

Многое можно поставить в заслугу человечеству. Придуманно колесо, построены пирамиды, электричество варит сталь, бьется искусственное сердце, но никакой самый широкий, самый значительный, самый неожиданный шаг в развитии земной цивилизации не может сравниться с возникновением письменности, и далее — с рождением книги.

Величие книги — этой бумажной тетради, страницы которой испещрены условными значками-буквами, — в способности запечатлеть, хранить, донести до миллионов умов любую человеческую мысль. Трудно представить какой-либо другой предмет, историческая судьба которого была бы столь схожа с людской судьбой. Книги, как и людей, сжигали на кострах, преследовали, судили, уничтожали. Книги награждали, возносили на почетные пьедесталы, их тщательно берегли, прятали, укрывали, спасали. Книги бесследно исчезали, не оставляя в памяти ни строчки, ни запятой, и, наоборот, перешагнув века, книги становились вечными доказательствами таланта и гениальности человечества. Были книги-борцы, книги-воины, книги-ученые, книги-рассказчики, книги-врачи, книги-учителя. Были, есть и будут. Ныне нельзя представить существование человека без книг. Нельзя представить человека без книг-друзей, так же как и нельзя представить книги без их друзей, книголюбов.

---

¹ Из выступления в Центральном Доме литераторов в Москве на Первом учредительном съезде Всероссийского общества любителей книги, 3 октября 1974 г.

Любая новая — самая хорошая, самая умная, самая интересная книга может остаться незамеченной на магазинной или библиотечной полке, если тот, кто ее прочитал, не расскажет о ней друзьям, если о ней не будет говориться в газетах, по радио, телевидению. Пропаганда — наиважнейшее дело! Перед новым обществом любителей книги только в одном этом направлении открываются самые широкие перспективы.

В его создании мы видим еще одно доказательство большого внимания и сердечной заботы, которые проявляют наша партия, наше правительство к проблемам просвещения, литературы и книги. Новое общество, несомненно, послужит дальнейшему повышению роли книги в деле коммунистического воспитания народа.

Читатель и писатель в нашей стране — это неразлучные друзья. И пусть этот нерасторжимый союз крепнет и ширится во славу благородной, талантливой, умной книги! И особенно во славу книги, которая первой попадает в руки человека, которая первой начинает его учить добру, справедливости, познанию мира, — во славу детской книги!..

КАК БЫ ЖИЛИ МЫ БЕЗ КНИГ?..

Мы дружны с печатным словом,
Если б не было его,
Ни о старом, ни о новом
Мы не знали б ничего!

Ты представь себе на миг,
Как бы жили мы без книг?
Что бы делал ученик,
Если б не было бы книг,
Если б все исчезло разом,
Что писалось для детей:
От волшебных добрых сказок
До веселых повестей?..

Ты хотел развеять скуку,
На вопрос найти ответ.
Протянул за книжкой руку,
А ее на полке нет!

Нет твоей любимой книжки —
«Чиполлино», например,
И сбежали, как мальчишки,
Робинзон и Гулливер.

Нет, нельзя себе представить,
Чтоб такой момент возник
И тебя могли оставить
Все герои детских книг.

От бесстрашного Гавроша
До Тимура и до Кроша –
Сколько их, друзей ребят,
Тех, что нам добра хотят!

Книге смелой, книге честной,
Пусть немного в ней страниц,
В целом мире, как известно,
Нет и не было границ!

Ей открыты все дороги,
И на всех материках
Говорит она на многих
Самых разных языках.

И она в любые страны
Через все века пройдет,
Как великие романы
«Тихий Дон» и «Дон-Кихот»!

Слава нашей книге детской!
Переплывшей все моря!
И особенно советской –
Начиная с букваря!

1974

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Если иметь в виду самые значительные литературные события, определяющие лицо года семьдесят пятого, то этот год надо было бы назвать годом Шолохова.

Все прогрессивные художники мира, все люди, не представляющие себе жизни без книги, вновь и вновь стремят думы свои к титану литературы и его творениям. Станица Вешенская, как и Ясная Поляна, как Болдино или Михайловское, как Карабиха, навеки неотторжима от судеб великой русской литературы. Это уже не географическое понятие, а символ, колыбель нетленных художественных свершений.

«Очень велика ответственность писателя перед народом, очень велика. Мы все вместе и каждый из нас отдельно должны быть совестью народа» — так говорил Михаил Александрович Шолохов, обращаясь к молодым литераторам. В его устах эти слова прозвучали особенно убедительно, ибо сам он являет ярчайший пример осуществления этих высоких и благородных истин. Только понимание ответственности перед Родиной и ее народом как главного долга художника могло родить поразительную шолоховскую взыскательность к каждой строке, каждой мысли, каждому образу...

Он стал совестью народа, — и потому к нему обращаются миллионы читателей, ища совета в самые главные минуты жизни, ища напутствия и благословения на ратные и трудовые подвиги, на смелые творческие искания.

Вероятно, в литературе не может быть эталонов, которым следовало бы подражать, но произведения Шолохова стали теми вершинами, которые не только определяют уровень наших высших культурных достижений, но и вдохновляют всех служителей литературы на стремление к высотам мастерства, на творческие дерзания.

«Судьба человека» — так назвал Шолохов свой рассказ, который вместил в себя столько глубочайших жизненных наблюдений и философских мыслей, что их вполне могло бы хватить на много томов. Судьба человека... Именно о ней повествует писатель во всех своих романах, рассказах, публицистических выступлениях. О судьбе человека, одержимо ищущего, борющегося за правду и счастье, вовлеченного в события глобальных масштабов, но не растерявшего при этом ни одного из самых «обыкновенных» и вечных человеческих чувств, о судьбе человека, которого мы воспринимаем не как образ литературный, а как реально существовавший и существующий, лично нам знакомый и навсегда вошедший в наш разум и наше сердце, — о такой судьбе повествует гениальный творец в каждом своем произведении.

Колоссален масштаб страстей его героев. Он под стать масштабу событий, в которых они участвуют. Их радости и страдания, сила их любви потрясают не только их самих, но и нас, читателей, при этом возвышая и очищая нас.

Разумеется, эти шолоховские герои являются детьми своего времени, но их характеры, их стремления, их зримые черты мы видим и в людях времени нашего, ибо этим-то и славна классическая литература: созданные ею образы прописаны во всех столетиях и порой на века становятся образами нарицательными.

Мы часто хвалим писателей за то, что они хорошо знают жизнь. Такая похвала, сказанная в адрес Шолохова, прозвучала бы крайне наивно: он не просто *знает* жизнь, — эта жизнь народная в нем самом, он существует ею и олицетворяет ее.

Все самые значительные события в истории Советской страны стали как бы фундаментом шолоховских книг. Октябрьская революция и гражданская война, могучие социалистические преобразования, война Великая Отечественная — в литературе их обессмертили романы «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», рассказ «Судьба человека»... И так же, как все подлинно классические произведения русской литературы, книги Шолохова, о каких бы трудных, а подчас и трагических страницах истории они ни повествовали, всегда одухотворяют людей верой в победу света над тьмой.

Михаил Шолохов — гуманист в самом истинном значении этого слова. Он не просто сострадает тем своим героям, которые достойны сострадания, но и каждой строкой как бы сражается за их счастье. И за счастье своего народа, за счастье всех честных граждан земли!

«Гуманизм, любовь к человеку, к человечеству... Как по-разному склонны разные люди толковать эти понятия применительно к тому, какие силы человеческого общества они представляют. Тут надо иметь терпение и особое старание, чтобы отстоять высокую миссию гуманиста, которую должно нести советскому писателю, разделяющему коммунистические убеждения». Эти слова Шолохова как нельзя лучше определяют характер его гуманизма. Он — гуманист коммунистических убеждений, формирующий свои воззрения с позиций интересов народа, трудящегося человека. Его гуманизм диктует беспощадную борьбу со всеми врагами свободы, прогресса, разума. Вот почему в годы минувшей войны трудно было найти более гуманное произведение, чем шолоховская «Наука ненависти». Этот гуманизм провозглашает, как высшую доблесть, умение быть добрым, нежным и чутким... Таким вот, как Андрей Соколов в своем отношении к ребенку, а значит — к будущему Земли.

Среди образов, созданных пером великого писателя-коммуниста, видное место принадлежит образам большевиков, которые наиболее полно и точно выражают чаяния народные, наиболее ясно видят пути борьбы за осуществление этих надежд, с наибольшей отвагой и самоотверженностью вступают в битву за дело народа.

В разных странах мира я был свидетелем огромного восхищения и даже преклонения людей перед величием шолоховского гения. Эти люди говорили мне, что Шолохов в их представлении стоит в одном ряду с Толстым, Чеховым, Горьким... Я был счастлив слышать эти слова любви и восторга, потому что сознавал: Шолохов с предельной полнотой и последовательностью осуществил в своем творчестве принципы социалистического реализма, и они, эти принципы, воплощенные в шолоховских книгах, покорили сердца людей, даже далеких от социалистических убеждений. Да, его творчество покорило весь мыслящий мир!

Будучи прежде всего гордостью нашей русской литературы, Шолохов стал и гордостью всей советской культуры, гордостью всего человечества. И как не вспомнить тут слова Алексея Толстого: «...Замечательное явление нашей литературы — Михаил Шолохов. Он целиком рожден Октябрем и создан советской эпохой».

Октябрь родил писателя-гиганта, и страна Октября отмечает его юбилей как торжество поистине всенародное. Только в стране, озаренной идеями Ленина, праздник литературный может стать таким торжеством!

1975

КРЫЛЬЯ ЭПОСА

«Нюргун Ботур Стремительный» — крупнейший памятник героического эпоса якутского народа, свидетельство огромной духовной культуры, впервые переведен на русский язык — язык межнационального общения всех наций и народностей СССР.

Известно, с каким вниманием относился Владимир Ильич Ленин к устному народному творчеству. В фольклоре вождь мирового пролетариата прозорливо разглядел и неисчерпаемый клад истории, и дерзновенные фантастические прогнозы грядущих свершений, и богатейший материал для изучения народного «миросозерцания в разные эпохи»¹.

Высокая мера внимания ленинской мысли к устному народному творчеству находит свое подтверждение в неослабевающем интересе читателей нашей «самой читающей в мире страны»: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР разработал, а издательство «Наука» начало издание новой серии «Эпос народов СССР».

По-государственному мудро, с трибуны XXIV партийного съезда прозвучали слова заботы о воспитании нового человека — строителя коммунизма с его глубоким чувством гордости за нашу советскую Родину, за великие свершения ее в настоящем и чувством уважения к достойным страницам прошлого.

Одним из первых глубокий научный анализ героического эпоса якутов — олонхо дал создатель якутской советской литературы и организатор ее творческих сил, крупнейший якутский поэт и бесстрашный революционер Платон Ойунский. Много лет жизни он посвятил сбору, записям и своду в единый сюжет героического эпоса

---

¹ Бонч-Бруевич. Собр. соч., т. 3, глава «В. И. Ленин об устном народном творчестве».

«Нюргун Ботур Стремительный». В те далекие теперь для нас 20-е годы в Якутии далеко не все понимали, как важно собирать и изучать богатство фольклора: иные предпочли разом перечеркнуть все прошлое только потому, что оно уже минуло... Отвечая нигилистам от фольклора, Платон Ойунский писал: «Как бы ни шумели мои некоторые современники, воспевающие глупейшие погребальные гимны народному творчеству... их шум меня не заставит бросить недоконченным мой труд по народному творчеству и не заставит меня встать на путь крикливого осуждения народного творчества»¹.

Сегодня жизнь подтвердила правоту суждений поэта и революционера Платона Ойунского, который своей героической жизнью и деяниями может быть сравним с одним из богатырей олонхо, бесстрашно вступившим в борьбу за светлое, здоровое начало жизни народной.

Когда раздумываешь над содержанием девяти героических песен о далеком прошлом якутского народа, становится понятно, чем привлекло оно Платона Ойунского — рыцаря и певца революции: Нюргун Ботур Стремительный и его подвиги живут в благодарной памяти олонхосутов-сказителей; богатырь благороден и бесстрашен, готов ради защиты своего народа «с солнечными поводами за спиной» пожертвовать собой, но одолеть чудовище Уота Усугаакы, который оскверняет и разоряет родную людям Среднюю землю.

В этом олонхо наиболее полно представлена якутская мифология о происхождении мироздания и нашей Земли, которая издревле виделась так:

Гладкоширокая, в ярком цвету,
Изначальная мать-Земля
Была в незапамятные времена
Предназначенно-сотворена, — говорят.
С восходяще-пляшущим солнцем своим,
С деревьями, роняющими листву,
С шумом убывающих вод,
С расточающимся изобилием земным...

Подобно древнегреческим мифам, и в якутском эпосе боги поселили первых людей на Средней земле; Верхний мир находился во власти светлых богов, и лишь края его занимали злые исполины абаасы; Нижним подземным миром правили чудовища адъараи.

¹ «Статьи и воспоминания о П. А. Ойунском». Якутск, 1969, с. 76.

Ритмический аллитерированный стих олонхо перемежается песнями-монологами персонажей.

Типичные для олонхо повторы, как бы местами скрепляющие все события, помогают резче очертить основные идеи, ради которых создано повествование. Вот пример повтора, где соседствуют и фантастические, и вполне реальные детали древних обычаев якутов:

Пир кумысный устроили для гостей,
Чэчир из тонких берез
Поставили на небесном лугу.
Чашу первую старикам поднесли,
Благословение произнесли,
Обняли на прощанье детей,
Шестикратно поцеловали их
В нижнюю губу,
Троекратно обнюхивали у них
Верхнюю губу
Так, что из нижних губ
Просочилось шесть ложек крови у них,
Так, что из верхних губ
Просочилось три ложки крови у них.

Величественна и вместе с тем конкретно осязаема картина труда сказочного кузнеца Балтааны, сковавшего для богатыря Нюргуну Бóтура Стремительного оружие и доспехи:

Могучий Балтааны — кузнец
В кузнице исполинской своей
Молотом неустанно бьет,
День и ночь грохочет, кует,
Железом скрежешет,
Сталью звенит...
Там такая работа идет,
Что за три дня верховой езды
Солнца белого не видать;
От кузни такой поднимается дым,
Что за шесть дней верховой езды
Вся земля окутана мглой.

Героическому эпосу неведомы были процессы становления, развития образа. В последней, заключительной, главе-песне Нюргун Бóтур, одолев последнего смертельного врага, заставляет все три мира содрогаться от яростного сражения... со своей невестой, красавицей Кыыс Нюргун. В этой исполинше противоборствуют два начала: добра и зла. Смирить их, заставить одну из равномогущих сил покориться возможно лишь с помощью светлых богов Верхнего мира, которые и посылают на землю слуг-ша-

манок. Они околдовывают сном Кыыс Нюргун, выпускают ее злую «порочную кровь», изгоняют из сердца ее и сжигают на костре «ящерицу раздора» и лишь тогда, окропив спящую живой водой, возвращают ее к жизни обновленной и очищенной, способной к добру и созиданию.

В якутском олонхо, как во всех волшебных сказках народов мира, есть и ложь, и намек. Как ни фантастично сказание о подвигах богатырей далеких незапамятных времен, но и в нем уже присутствуют пусть очень наивные, но дальнзоркие представления о тучных урожаях (восьмицветистый злак), о пищеблагодати, способной насытить на восемь лет, придать человеку восьмикратную силу.

Труд Платона Ойунского, воссоздавшего в совершенной и стройной форме якутский героический эпос, может быть приравнен к труду Э. Лёнрота, первооткрывателя карельских народных рун, на основе которых был им создан карельский эпос «Калевала», ставший ныне достоянием не только русской, но и мировой культуры. Сегодня благодаря титанической работе талантливого поэта-переводчика Владимира Державина, много лет упорно работавшего над переводом якутского эпоса, «Нюргун Бóтур Стремительный» встает в первый ряд эпического наследия народов Советского Союза.

Богатейшая переводческая практика Владимира Державина — его перу принадлежат переводы эстонского эпоса «Калевипоэг», армянского «Давид Сасунский», латышского «Лачплесис», а так же классиков таджикской, узбекской, украинской поэзии — сказалась достойнейшим образом в его работе над якутским героическим эпосом. В каждой из частей олонхо проступает глубокое ощущение русским поэтом образов якутской устной поэзии, умение чеканным словом передать звучание и ритмы эпоса, максимально сохранив колорит подлинника.

Труд Владимира Державина — крупный вклад в сокровищницу нашей многонациональной литературы, еще одно выдающееся достижение советской переводческой школы. Выход в свет якутского эпоса-олонхо «Нюргун Бóтур Стремительный» на русском языке — это праздник культуры всех советских народов.

ВЫСОКИЕ ИДЕАЛЫ ПИСАТЕЛЯ-ГРАЖДАНИНА¹

Чествуя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, мы чествуем великого гражданина России, писателя, патриота, самоотверженного борца, сохранившего до конца дней своих верность знамени того реалистического направления, символом которого был Гоголь, а трибуном — Белинский.

В истории нашей культуры, в освободительном движении русских революционных демократов Салтыкову-Щедрина — одному из величайших мастеров слова XIX века — наряду с Белинским, Герценом и Некрасовым, Чернышевским и Добролюбовым принадлежит виднейшее место. Жизнь и творчество Щедрина были безраздельно отданы общественной борьбе. В оценках художественных произведений он всегда исходил из гражданской, из социальной роли литературы.

«Общественное значение писателя (а какое же и может быть у него иное значение?), — утверждал Салтыков-Щедрин, — в том именно и заключается, чтобы пролить луч света на всякого рода нравственные и умственные неурядицы, чтоб освежить всякого рода духоты веяньем идеала». И луч света, который бросил сам Щедрин на жизнь тогдашнего общества, был сильным и ярким. Он беспощадно обнажал всю реакционную суть царской России, ее историческую исчерпанность и обреченность.

Главное свойство щедринского таланта — это огромная всепроникающая сила сатиры, прозорливой и бдительной, отличавшей пороки прогнившего самодержав-

---

¹ Вступительное слово на торжественном вечере в Большом театре СССР, посвященном 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. 27 января 1976 г.

ного строя. Жизнь Салтыкова-Щедрина была в полном смысле подвижничеством.

Бичуя реакционеров всех мастей — и трусливых либералов, живущих по принципу «применительно к подлости», и упырей-крепостников, пытавшихся подняться из гроба, и народившихся им на смену наглых и пронырливых буржуазных хищников, — Салтыков-Щедрин всегда стремился донести до читателя «веканье идеала» как грозное предвестие неминуемой расплаты, как предвестие грядущей революционной бури. «До боли сердечной», по его собственному выражению, любя свою родину, писатель твердо верил в ее будущее — торжествующее и просветленное.

В 1886 году смертельно больной Салтыков-Щедрин принял депутацию студентов, пришедших выразить свое восхищение его творчеством. Среди молодых людей были Александр и Анна Ульяновы, брат и сестра будущего великого революционного вождя Владимира Ильича Ленина. Какой глубокий символический смысл заложен в этой встрече, воплотившей идею преемственности революционных поколений!

В. И. Ленин высоко ценил творчество писателя-борца, более четырехсот раз цитировал его в своих сочинениях. На всем славном и трудном пути русского революционного движения сатира Щедрина, ее точный прицел, ее разительный огонь верно служили народу. «Вспоминать, цитировать и растолковывать» Щедрина учил Ленин, призывая товарищей по борьбе широко использовать грозное оружие щедринской сатиры.

Цену этому оружию хорошо знают и наши противники. Не случайно в кострах из книг, разоженных гитлеровцами на площадях Германии, пылали и щедринские тома. Вся тупая, бесчеловечная, омертвляющая суть фашизма и расизма была видна в волшебном зеркале этой сатиры, в деятельности мрачного идиота Угрюм-Бурчева, мечтавшего превратить мир не то в казарму, не то пустыню.

Великий сатирик жив не только в миллионных тиражах его книг, но и в сердцах миллионов читателей-друзей, видящих в нем и мудрого собеседника, и наставника, слова и мысли которого учат справедливости, самоотверженности, принципиальности.

Ныне мы вступаем в новый этап коммунистического строительства. Страна наша — в беспрестанном движе-

нии. И долг каждого — сметать с пути все старое, все отжившее, что мешает этому неуклонному движению вперед. Вот почему наша партия так высоко оценивает роль критики и самокритики в развитии общества. Вот почему мы ценим сатиру как один из самых действенных, боевых литературных жанров.

Высокий нравственный идеал писателя, его пафос борьбы за человечность, его гневное презрение ко всякого рода подлости, хищничеству, произволу позволяют считать Салтыкова-Щедрина нашим великим современником. И сегодня гениальный сатирик вместе с нами, в одном строю. Вместе с нами он борется за воспитание нового человека!

1976

ПЕВЕЦ РОССИИ¹

Двадцатый век русской советской поэзии определяют три великих имени — Маяковский, Блок, Есенин. Это неоспоримо ясно и понятно теперь не только специалистам по литературе, но и всем, кто просто любит поэзию, для кого духовный мир современности немислим без нее. Семьдесят лет нашего века — вполне убедительное испытание временем, а с временем трудно спорить в оценках явлений.

Географическую границу этих трех поэтических явлений двадцатого века невозможно окинуть взглядом. Их поэзия звучит на многих языках мира, вызывая пристальный интерес к нашему новому, еще не виданному на земле обществу, ибо она наиболее ярко выражает его дух и движение к идеалам, выработанным лучшими умами человечества и передовым социальным классом земли.

Владимир Маяковский, отдавший « всю свою звонкую силу поэта » атакующему классу, известен в мире как поэтический трибун революции.

Александр Блок, поставивший свою музу на службу революции, первым из поэтов в поэме « Двенадцать » утвердил ее пришествие в поэзии.

Алексей Максимович Горький назвал Сергея Есенина « законченно русским поэтом ».

Поэзия Есенина удивительно проникновенно и ярко выражает главное в характере национального гения нашего народа — огромную душевную широту и любовь к родной земле, его активный патриотизм, а, как известно, мир с неослабным вниманием вглядывается в те революционные социальные преобразования, которые русский народ совершает вместе со всеми народами нашего

---

¹ Из выступления на торжественном вечере в г. Рязани, посвященном 75-летию со дня рождения Сергея Есенина, 2 октября 1970 г.

советского отечества. И мир вчитывается в стихи Есенина, чтобы увидеть в них нас.

Именно беззаветная любовь к своему народу, беспредельная вера в него, патриотизм в поэзии Есенина, выраженные с подкупающей искренностью, сделали его достоянием самого многочисленного читателя, обеспечили широчайший общественный резонанс, а проще сказать — любовь народа.

Сергей Есенин гармонически сочетал в своем творчестве народную поэтическую стихию языка с традициями истинной и высокой русской классической поэзии.

Он внес в конструкцию русского стиха живую органику естественной разговорной речи, самые доверительные интонации ее, а также мелодичность песенных основ ее...

Наш современный мир полон многочисленных научных и технических открытий и преобразований. Есенин в свое время писал о том, что он хочет видеть Русь стальнойю. Она стала ею.

Мир не раз замирал в нашем веке от восторга перед техническими чудесами, но потом привыкал к ним и переставал удивляться. Но вспомните, как Россия в бесчисленный раз слушала знакомые ей наизусть стихи Есенина в день его семидесятилетия. Она слушала их с трепетом и замиранием, как первый раз. К чуду поэзии нельзя привыкнуть. В нашей новой, стальной, по выражению Есенина, России он стал нужен и дорог людям, как сама прекрасная вечная природа ее. В его творчестве живет свежесть раздольных полей и лесов...

ЭТИХ СТРОЧЕК ТЫЩИ¹

Годы — как верстовые столбы на дороге. Чем дальше, тем больше их остается за спиной. И чем дальше уходишь в будущее, тем труднее различать то, что осталось в прошлом. Это было бы аксиомой, если бы жизнь нашего общества — и, следовательно, жизнь нашей литературы — развивалась бы в одной, в горизонтальной плоскости. Тогда события прошлого года заслоняли бы от нас то, что происходило в позапрошлом. И, уж конечно, разглядеть, да еще в деталях, дела полувековой давности было бы совсем затруднительно.

Но в том-то и суть, что путь наш строится по восходящей. И, поднимаясь с каждым годом все выше, мы, оглядываясь, всегда видим самое начало — как это и бывает, когда поднимаешься в гору и смотришь вниз, в долину. Больше того, с новых высот нам легче сравнивать, что было и что есть ныне.

И сегодня особенно величественным представляется поэтический, гражданский, партийный подвиг Владимира Маяковского, осуществившего труднейший, ответственнейший замысел, вычеканившего своей строкой образ Ленина.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как В. Маяковский закончил поэму «Владимир Ильич Ленин». И эти полвека безусловно доказали, что поэма о Ленине явилась этапным произведением не только в творчестве самого поэта, но и в истории советской литературы.

Перечитывая в эти дни поэму, я снова и снова возвращался к строчкам:

Слово за словом
из памяти таская,

---

¹ К 50-летию со дня создания поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», 6 ноября 1974 г.

Не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
слова мастерская!
Подходящее
откуда взять?

Современный школьник, воин, рабочий, комбайнер — обычный наш сегодняшний читатель буквально на каждой странице поэмы легко находит глубочайшие поэтические образы, острейшие сравнения, точнейшие характеристики — весь этот драгоценный языковой сплав, всю эту щедрую по-маяковски россыпь: насквозь пройденный Колонный зал, молодой капитализм — деловой парнишка, тучи, ничком упавшие на скалы...

Но сколько времени потребовалось профессиональным критикам и литературоведам, сколько было погнута критических копий, сколько было выпущено словесных залпов — и наивно-запальчивых, и откровенно злобных, пока наконец не восторжествовало безоговорочное признание редчайшего поэтического дара Владимира Маяковского!

С высоты сегодняшнего дня легче оценить всю взрывную силу языка Маяковского, брошенного, словно граната, в щебетанье салонной поэзии. И те самые слова, образы, сравнения, которые на заре становления советской литературы многие ценители «чистого искусства» воспринимали лишь как «агитку» и «политграмоту», ныне прочно вошли в поэтический строй. Великий пролетарский поэт, взяв на вооружение простое, ясное, «непоэтическое» по тем временам слово, искал, как сам говорил, «язык улицы». И за прошедшие пять десятков лет советская поэзия множество раз подтвердила правоту Маяковского — всенародного признания добивались лишь те поэты, которые свободно владели глубиной, образностью, простотой подлинно народного языка.

Но, думается, во сто крат тяжелее для поэта были не работа над словом, не грузила точного предвидения, как встретит поэму вся поэтическая братия (помните — «критик ринется хлыстиком выстегать»). Нет, в сто, в тысячу раз труднее, мне кажется, Владимиру Маяковскому было решиться приняться за работу над образом Ильича. Вот тут я и вижу истоки этого поэтического подвига.

Нельзя спорить с писателем, с поэтом, когда они утверждают, что для глубокого осмысления важнейших общественных процессов, для кристаллизации мысли до той степени, когда можно взяться за перо, им необходимо время, им нужно отойти на некоторое расстояние от событий. История литературы доказывает справедливость такого подхода — мы знаем, например, немало значительных прозаических и поэтических произведений о Великой Отечественной войне, которые появились много лет спустя после ее окончания.

И в то же время как можно отвергать стремление поэта, писателя не медля, не откладывая ни на мгновение, обратиться к этому дню, не потерять неповторимого ощущения событийности, своего собственного присутствия в этом дне! Та же история литературы охотно приводит примеры замечательных художественных произведений, родившихся, что называется, на гребне волны.

Но даже и в этом ряду поэма «Владимир Ильич Ленин» занимает особое место. Год, когда Маяковский работал над поэмой, был годом не только литературных баталий. Нет, год 1924 — это год сложнейших экономических и политических процессов, первый год жизни без Ленина, год суровой прозы, когда молодое социалистическое государство еще не имело ни авангарда мощной промышленности, ни прочного крестьянского тыла, год, когда из-за рубежа еще доносились громкие угрозы, а оппозиция, как могла, подрывала стройность партийных рядов. И обращение поэта к образу Ленина, именно в то время, мне представляется не только отважным литературным поиском, но в первую очередь — политическим шагом, декларировавшим право рождавшейся советской литературы на участие в формировании идейных воззрений общества.

Понимал ли это сам поэт? В этом я убежден. Убеждают слова самого Маяковского: «Мы утверждаем, что литература не зеркало, отражающее историческую борьбу, а оружие этой борьбы». Убеждает вся революционность его творчества.

За эти полвека виднейшие критики и литературоведы не раз и не два обращались к поэме. И школьные учебники, и солидные монографии давно уже воспитали в нас и знание этого необыкновенного произведения, и уважение к нему. Но в том-то и сила настоящей поэзии, что

всякий раз знакомая, врезавшаяся в память строка вновь и вновь поражает, волнует, восхищает.

Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.

Здесь принцип, который избрал Маяковский, изобразить вождя в неразрывной связи с историей революции, с ее победой. А отсюда и труднейшая задача — образно, поэтически описать крупнейшие экономические и политические события. И описать так, чтобы самую глубину факта вскрыть той простотой и слога и мысли, что присущи лишь самой высокой степени художественности. И никаких скидок, никаких послаблений на всю сложность исторического процесса, на всю переплетенность случайностей, заслонявших закономерную сердцевину, не могли принять ни время, ни литература, ни сам поэт. Тут как в атаке: поднялся во весь рост — не гнись, беги, штурмуй! Начнешь мешкать, колебаться, искать взглядом кочку, которая укроет и защитит, — тут тебя и пуля найдет, тут и сразит поэта фальшивая нота.

Но снова и снова вчитываясь в поэму, снова и снова дивлюсь эмоциональному порыву Владимира Маяковского, красоте его поэтического броска вперед. И, конечно, его высочайшему профессионализму. Вчитайтесь, например, в лаконичное, но необычайно образное описание периода нэпа.

Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!
Нас опрокинет —
на правом борту
в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются воя,
но так
лишь Ильич умел и мог —

он вдруг
        повернул
                        колесо рулевое
сразу
        на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
                        дивящая даже;
крестьяне
        подвозят
                        к пристани хлеб.
Обычные вывески
                        — купля —
  — продажа —
— нэп.
Прищурился Ленин:
                        — Чинитесь пока чего,
аршину учись,
                        не научишься —
  плох. —
Команду
        усталую
        берег покачивал.
Мы к буре привыкли,
                        что за подвох?

Как предельно насыщены эти строки! Как великолепно вырублены два (только два!) слова «аршину учись», с ясностью лозунга обрисовывающие существо задачи, поставленной тогда Ильичем перед партией, — учиться хозяйствовать, учиться торговать...

Не надо, я думаю, умножать примеры подобного поэтического, партийно выверенного проникновения Маяковского в тему. Но как не сказать о многократных обращениях поэта к самому облику Ленина, к живым человеческим чертам, которые нынче легко узнаваемы каждым читателем, каждым зрителем благодаря нашей литературе, театру, кинематографу, изобразительному искусству, десятилетиями создававшими бессмертную Лениниану. И Маяковский был одним из первых, если не первым большим художником, взявшимся за это многотрудное и бесценное дело.

Правдивость, боязнь «приторного еля», стремление к ленинской простоте вели перо Маяковского, когда он работал над портретом вождя. И тем дороже этот портрет, когда еще и еще раз убеждаешься, насколько точно он совпадает с нашими сегодняшними представлениями об Ильиче. Я, например, буквально зрительно ощущаю нерасторжимую связь знаменитой сцены в «Человеке с ружьем» со словами поэта:

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩИЙ ТАЛАНТ

К 80-летию Н. С. Тихонова

Нередко мы говорим о таланте: большой писатель, большой поэт. Но как, какой мерой измерить литературный талант? Я думаю, нет точнее критерия, чем созвучность творчества современности. Подлинно талантливый писатель всегда является летописцем времени, которому он принадлежит. И чем отчетливее в литературном произведении предстает эпоха, тем выше значение писателя.

В дни, когда мы отмечаем 80-летие одного из старейшин советской литературы Николая Семеновича Тихонова, обзираем его жизнь, еще раз убеждаемся в справедливости такого утверждения: большой писатель и время неразрывны. Но сказать, что Тихонов — большой писатель, этого, конечно, мало.

В советской литературе Тихонов занимает совершенно особое место, оно принадлежит ему, и только ему. Самобытность Тихонова я вижу прежде всего в необыкновенной многогранности его творческих интересов. Поэт, прозаик, переводчик, публицист, критик, и — что особенно важно — каждой из этих граней тихоновского таланта присуще необычайно точное и острое чувство времени.

Но ведь и время можно ощущать по-разному. Бывает и так, что писатель, уцепившись за минутку, не видит часа, не видит времени в движении, не видит его в перспективе.

Сила Тихонова как художника, мне думается, основана на очень счастливом и редкостном даре — на умении за течением лет увидеть век, увидеть время в целом, понять, куда оно идет. Почувствовать, как говорил сам Тихонов, «дыхание эпохи». Эта великая способность всегда питала и питает творческий оптимизм писателя.

Свыше полувека назад молодой Тихонов заявил о себе в литературе двумя книгами: «Орда» и «Брага». Заявил ярко, по-своему, по-тихоновски. В многообразии стихов того времени эти книги выделились своим жизнеутверждающим пафосом. Восторженно, романтично, глубоко искренне поэт славил нарождавшийся новый мир, славил героев, взявших за революционное преобразование страны, их подвиг, самоотверженность, мужество. Тихонов навсегда отдал перо этим людям.

Гвозди б делать из этих
людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Всего две строки, простые, ясные, точные... А прошли они как лозунг через десятилетия. И время подтвердило их правоту. Советский человек, его духовный облик, являющий собой невиданный сплав идейной убежденности и жизненной энергии, — главный герой произведений писателя.

Вот эта вера в человека, в его неисчерпаемые духовные возможности мне представляется путеводной нитью во всем творчестве Тихонова — и в поэтическом, и в прозаическом. Почему я вспомнил о путеводной нити? Да потому, что литературное богатство, созданное писателем, настолько велико, настолько необъятно, содержит столько пластов, что сразу его и не окинешь взглядом.

Такую литературную щедрость, такое разнообразие в творчестве, какое являет нам Тихонов, может позволить себе лишь мастер, который свободно владеет любым родом и жанром. Как-то Тихонов сказал о себе: «Я — поэт, тут ничего не поделаешь». Очень верно сказал. И думается мне, что именно эта подлинная поэтическая искренность каждый раз и одухотворяла мастера, подсказывала ему нужный жанр, верное слово.

Необычная судьба путешественника и ученого Вамбери облекается Тихоновым в форму романтической приключенческой повести. Пафос туркменского народа, приступившего к строительству новой жизни, писатель выразил в серии необыкновенно объемных и образных очерков «Кочевники».

Замечательный цикл «Стихи о Кахетии» полон глубокого лирического дыхания. «Тень друга» — совсем дру-

гая, тревожная книга о Западной Европе, над которой уже нависла мрачная тень войны. А еще позже — суровый, четкий, как шаг батальонов, идущих на фронт, ритм знаменитой поэмы «Киров с нами»...

Тот, кто пережил Великую Отечественную войну, навсегда запомнил обжигающие сердце стихотворные и публицистические строки Тихонова, звучавшие по радио из блокадного Ленинграда. Поэт говорил с защитниками родного города, со всем советским народом, вселяя твердую веру в победу. Вот какую запись в те дни оставила в своей тетради Вера Инбер: «Возвращаясь из города, пропустили на Введенской два трамвая, слушая Тихонова по радио. Это было обращение к Кавказу, к которому сейчас рвутся немцы. Разговор с кавказскими народами... На темной ленинградской площади, осенним вечером, под далекий орудийный гул много народа стояло и слушало это выступление...»

В послевоенную пору Тихонов подарил нам и новые прекрасные циклы стихов, и воспоминания «Двойная радуга», и книгу повестей и рассказов «Шесть колонн», за которую ему была присуждена Ленинская премия. И еще много, много стихотворений, статей...

А как представить творчество этого выдающегося художника слова без многочисленных переводов? Ведь благодаря великолепным переводам Тихонова мы знаем многих зарубежных поэтов, в особенности Востока, многих видных поэтов братских республик нашей страны. С полным правом на Кавказе, давно и верно любимом Тихоновым, его считают своим родным поэтом. По существу, он был первооткрывателем для русского читателя современной грузинской лирики.

Откуда же такое неумемное сверкающее богатство, такое литературное разноцветье? Итог путешествий?

Действительно, вся жизнь Тихонова, я бы сказал, бесконечное путешествие. Где он только не бывал! Россия, Кавказ, Средняя Азия. Пешком, на коне, в самолете. Финляндия, Индия, Ливан, Китай, Цейлон... Разные города, страны, континенты. Десятки тысяч километров, тысячи встреч, знакомств.

Да, конечно, многое в творчестве Н. Тихонова — итог путешествий. Но сразу возникает другой вопрос. А откуда такая ненасытная жажда увидеть, узнать, а потом рассказать людям? Неужто за этим только неутомимый характер, неиссякаемая энергия, неутомимость, неподвласт-

ная годам, и удивительная страсть к новым местам и новым ощущениям?

Все это есть. И все-таки это были путешествия не во имя путешествий, а во имя блага людей. Это были путешествия не в страны и города, а в человеческое братство. Вот где главное — гражданская, партийная позиция писателя.

Наш Тихонов всем своим творчеством, всей своей жизнью воплощает великий, вечно живой дух пролетарского интернационализма. Высокий писательский свой долг он видит в том, чтобы запечатлеть, отобразить новые приметы великого социального переустройства мира, начатого Октябрем! Писатель видит будущее мира в дружеском рукопожатии народов. И он активно борется и за это будущее своими проникновенными строками.

Коммунистическая убежденность Тихонова насыщает силой два крыла его творчества — разум и чувство, «лед и пламень». Благодаря такому удивительному сочетанию писатель достигает, с одной стороны, необыкновенной романтической высоты полета, а с другой — обладает способностью выбрать точный, реалистический курс. Вот почему его произведения всегда вдохновенны и своевременны. Вот почему, выделяя главные, наиболее важные общественные проблемы, он пишет страстно и увлеченно, обращаясь к сердцу и уму человека. Не потому ли наш Тихонов, прозаик, поэт, публицист, так много и так горячо отдает себя в творчестве коренной проблеме современности — проблеме мира.

Только ли в творчестве?

Еще сорок лет назад в Париже с трибуны Международного конгресса в защиту культуры громко и гневно звучал голос Тихонова, обличавшего фашизм, выступавшего против угрозы войны. Четверть века назад писатель был в числе зачинателей Всемирного движения сторонников мира. С тех пор он является бессменным председателем Советского комитета защиты мира. Настойчиво выступая за разрядку международной напряженности, за политику мира, провозглашенную нашей партией, Тихонов участвует практически во всех крупных международных акциях сторонников мира. Его активная работа в этом подлинно массовом движении общественности отмечена международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Значительна роль Тихонова в обращении писателей к такой важной, благородной теме, как борьба за мир. Это особенно видно сейчас, перед пленумом правления Союза писателей РСФСР, на котором мы обсудим достижения российской литературы в борьбе за мир, за разрядку международной напряженности.

Нашему Тихонову — восемьдесят. И радуешься этому юбилею, и в то же время не веришь: не может быть, чтобы Николаю Семеновичу было восемьдесят! Как не восхищаться его жизнелюбием, неиссякаемым оптимизмом, творческим горением, постоянным желанием быть в гуще событий! Да можно ли представить себе Николая Семеновича одного, отгороженного от мира стенами кабинета? Всегда в работе, в переписке, во встречах... Таков наш Тихонов — депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, яркий образец народного писателя Страны Советов, патриота, интернационалиста. «Велика ответственность советских писателей, — сказал Тихонов, — за будущее, которое они творят и будут творить вместе со всеми коммунистами, со своим народом. Можно не сомневаться, что и старые и молодые литераторы нашей страны всегда будут на высоте положения, с любовью и преданностью будут служить делу построения коммунизма, делу мира, будут работать, чтобы достойно запечатлеть в новых произведениях наше советское время — время поступательного движения к коммунизму!»

Этим словам он сам верен всю жизнь.

СЛОВО О МОЕМ ДРУГЕ

Он умер совсем молодым — в сорок пять лет. Его смерть была тем более нелепа, что он прошел невредимым всю войну — от первых ее дней и до последних. Прошел не только как военный корреспондент, но и как беззаветно храбрый офицер, всегда стремившийся попасть первым туда, где было особенно трудно. Лишь фронтовики могут в полной мере оценить его боевой путь. Болота Калининского фронта, горящие леса и нивы Западного. А потом победное наступление наших войск. Третий Украинский фронт — с ним он прошел от Сиваша до Черного моря. С Третьим Белорусским — до западных границ нашей Родины. И, наконец, освободительный поход советских войск — Румыния и Венгрия. Он вернулся с войны с двумя боевыми орденами — Красной Звезды и Отечественной войны. А через два месяца после победы, 29 июля 1945 года, остановилось его сердце.

Невысокого роста, стройный, худощавый, он был олицетворением стремительной энергии и искрящегося жизнелюбия. Но мы, близкие его друзья, знали, какие огромные физические нагрузки выдержали его по-мальчишески хрупкие плечи, какие огромные эмоциональные нагрузки выдержало его неугомонное сердце.

Габриэль Аркадьевич Эль-Регистан, армянин по национальности, родился в солнечном Самарканде в самом конце прошлого века, 15 декабря 1899 года. Двенадцать детей воспитал его отец, дал им образование и привил любовь к труду. Отец был страстно влюблен в восточную поэзию, читал в подлиннике арабские и персидские книги и рукописи. И Габриэль уже в шестнадцать лет, помимо русского и армянского, владел узбекским, азербайджанским и таджикским языками. И, конечно же, бесконечно любил литературу и мечтал посвятить ей свою жизнь.

Юность родившихся на стыке XIX и XX веков совпала с годами небывалых социальных потрясений и классовых битв, с величайшим событием всех эпох — Великой Октябрьской социалистической революцией. Не остался в стороне от этих событий и Габриэль Эль-Регистан. Из далекого Самарканда, преодолев труднейший путь, перебирается он в рабочий Баку, чтоб вступить там добровольцем в Красную гвардию. В ее рядах борется он с мусаватистами, а после оккупации Баку интервентами перебирается в Армению, где участвует в восстании I армянского коммунистического полка против дашнаков.

Только в 1924 году, в мирном уже Тбилиси, начала осуществляться мечта его юности — в газете «Рабочая правда» появилась маленькая заметка-репортаж, подписанная его именем. Уже через год вся Средняя Азия читала рассказы и очерки Эль-Регистана — вернувшись в Самарканд, а затем в Ташкент, он становится корреспондентом «Узбекистанской правды», а потом работает специальным корреспондентом «Известий» по Средней Азии.

Журналистом Габриэль был выдающимся. Недаром Алексей Толстой в одной из своих статей включил его в тройку лучших журналистов страны, назвав рядом с именами Ильи Эренбурга и Михаила Кольцова.

Мы были очень близкими друзьями. Такими, о которых говорят, что они и часа не могут обойтись друг без друга. И все-таки я видел его урывками. Он стремительно врывается в мой дом, бросал на тахту какой-нибудь необычный сувенир — расплюснутую о скалу пулю басмача, привезенную с памирской погранзаставы, или обломок фюзеляжа самолета Молокова, на котором они совершили вынужденную посадку во льдах в районе Таймыра, обрушивал на нас фейерверк блестящих рассказов о своем недавнем путешествии и, не успев их даже записать в блокнот, снова куда-то спешил — убежал, уезжал, улетал.

Сколько же было написано им за те короткие двадцать лет, что отпустила ему жизнь на творчество? Это несколько сотен рассказов, очерков и фельетонов, которые чуть ли не еженедельно появлялись во всех газетах Средней Азии, в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Литературной газете», «Огоньке», «Новом мире», «Молодой гвардии»... Написанные сочно, хлестко, они прочитывались залпом, их ждали и редак-

торы, и читатели. Потому что в них всегда бился пульс времени, они были населены живыми людьми, и, главное, они были убедительно достоверны: в них всегда присутствовал автор — не только очевидец, но и горячий участник событий. Очередной материал уходил в набор, а он снова спешил к «горячим точкам» страны, чтобы первым сообщить о наших первых победах — Беломорканал... Балхаш... Караганда... Кузбасс... Магнитка... Сталинградский тракторный... Уралмаш... Сибмаш...

И еще одна страсть жила в его сердце — страсть путешественника. Попасть туда, где до него никто не был. И он совершает четыре путешествия в почти недоступные районы Памира, пять путешествий по неисследованным местам Тянь-Шаня, дважды пересекает Алтай, трижды — пустыни Каракум, Кызылкум и Бетпак-Дала и, наконец, он — южанин, совершает два арктических перелета с Василием Молоковым, которые проложили авиационную трассу на Диксон. Чтобы воплотить эти путешествия в большие книги, необходимы были годы. А корреспондентская работа не давала ему порой и свободно-го дня. И все-таки один за другим появляются четыре его фильма о первых путешествиях: «Тайна черных гор», «Когда умирают эмиры», «Эмигрант» и, наконец, один из первых наших приключенческих фильмов — неподвластный времени «Джубльбарс». Полеты на Север подарили ему книги «Необычайное путешествие» и «Следопыты далекого Севера». А тянь-шанские впечатления легли в основу сборника «Стальной коготь» — и до сих пор мальши в наших школах учатся по одноименному рассказу родной русской речи.

Тридцатые годы принесли Эль-Регистану книгу очерков «Большой ферганский канал» и «Москва — Каракум — Москва». Участник небывалого по трудности автопробега, за которым следила вся страна, он проявил себя не только блестящим очеркистом, но и стойким, мужественным человеком, о котором его товарищи по пробегу до сих пор вспоминают с восхищением, рассказывая, как в пятидесятиградусную жару, когда все задыхалось от жажды, он тратил свой ничтожно малый паек воды на то, чтобы всегда быть чисто выбритым и умытым. А когда, вытащив из очередного бархана тяжелые, раскаленные машины, все валились от усталости в их тень, он доставал блокнот, писал корреспонденцию и бежал к проходящему вдали каравану, чтобы переслать ее

в ближайший кишлак, где есть телефонная или телеграфная связь.

Его сын, поэт Гарольд Регистан, показывал мне блокноты, исписанные четким бисерным почерком отца, — материалы для книг, которые тот собирался написать, когда образуется наконец пауза в стремительной череде журналистских дел и можно будет обобщить увиденное. Только один раз он позволил себе не отрываться от письменного стола целых два месяца. Это было в 1943 году, когда мы вместе трудились над текстом Государственного гимна Советского Союза. Я часто вспоминал это время, работая над новой редакцией Гимна...

1977

СЕРДЦЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ РОССИИ¹

Сто лет исполнилось нашему, теперь уже орденоносному Всероссийскому театральному обществу — творческому содружеству драматургов и режиссеров, актеров и художников, композиторов и всех работников сцены. Сто лет содружеству, которое служило и верно служит прекрасным целям, высоко несет знамя отечественного театрального искусства, освещенное бессмертными именами многих корифеев русской сцены и литературы.

Справедливы слова, что вряд ли в прошлом веке основатели Театрального общества могли предполагать, какую огромную роль, какое значение приобретет это общество театральных деятелей в новой России, в стране развитого социализма, где театр стал общенародным достоянием, многогранным зеркалом народной жизни.

Нет на свете более взыскательного и отзывчивого зрителя, чем многомиллионный советский зритель. Именно он призывает нас повышать свою гражданскую и художественную ответственность перед нашим современником, перед будущими поколениями нового общества.

А для деятелей театра, в том числе и драматургов, нет выше счастья, чем чувство единства сцены и зрительного зала, когда сотни сердец приобщаются к великому чуду — театральному действию, этой правдивой школе жизни.

Всегда, в течение всего века деятельность Всероссийского театрального общества была направлена на бережное сохранение реалистических традиций русского театра. Сегодня, когда столь разнообразны и подчас столь спорны театральные вкусы, когда театр ищет новые пути своего развития, мы не можем не вспомнить слова вели-

---

¹ Выступление на торжественном вечере в Большом театре СССР, посвященном 100-летию со дня основания Всероссийского театрального общества. 26 января 1978 г.

кого реформатора театра Константина Сергеевича Станиславского, сказанные им более пятидесяти лет тому назад:

«Мировое первенство в области театра, несомненно, за Россией. Европа признала, что только у нас сохранилось искусство театра. Среди общего мирового оплевания и презрения, такая первенствующая роль России очень ценна. Но она и обязывает в большом мировом масштабе... Как же справиться с огромной мировой задачей, выпавшей на нас: сохранения для всего мира основ драматического искусства?»

Значение этой задачи в наше время все так же велико: известно, какие жертвы несет подлинное искусство в буржуазном обществе в атмосфере этого «общего мирового оплевания и презрения». Оно во многих своих проявлениях деградирует, превращаясь в свою противоположность.

Сегодня, когда цивилизация достигла того уровня, что однажды само человечество может быть сметено с лица земли, когда искусство во имя мира обязано утверждать высокие нравственные идеалы, наш многонациональный советский театр вносит ценный вклад в развитие общечеловеческой культуры, чему немало способствует Всероссийское театральное общество — (ВТО) — сердце театральной России.

Поощряя истинное новаторство, проявляя заботу о молодой театральной смене, о развитии драматургии и теории театра, поддерживая ветеранов сцены, ведя огромную шефскую и пропагандистскую работу, укрепляя широкие международные связи, наше ВТО пришло к своему столетию как активный, деятельный, сплоченный творческий союз.

С еще большим вдохновением и энергией мы будем приумножать духовные ценности нашей отечественной культуры, служить сплочению художественной интеллигенции под знаменем ленинских идей!

ВЫСОКИЙ ДОЛГ УЧИТЕЛЯ¹

Трудно себе представить, но уже сегодня наши народные учителя воспитывают гражданина Союза Советских Социалистических Республик XXI века. Этот гражданин пока еще учит таблицу умножения, а со временем к нему придут такие знания, о которых ныне и ученые не подозревают. Но и обогащенный неведомыми нам открытиями, этот гражданин следующего тысячелетия должен принести в новый век все духовные и нравственные ценности прошлого, завоеванные прогрессивным человечеством в долгой борьбе, ценности, которые были навеки провозглашены как незыблемые в октябре 1917 года.

Многие научные и технические достижения со временем устаревают, утрачивают свое первоначальное значение. Им на смену приходят новые, более совершенные.

Что же касается вершин литературы и искусства, то они не стареют. Как Вчера и Сегодня, так и в далеком Завтра «Евгений Онегин» останется «Евгением Онегиным», «Война и мир» — «Войной и миром», а «Тихий Дон» — «Тихим Доном». Точно так же никакие технические феномены не отменят даже и в самом отдаленном будущем благороднейшую фигуру народного Учителя. Ибо ничто не может заменить его духовный контакт с Учеником, могучее нравственное воздействие воспитателя на воспитуемого. Очень важна эта связь в преподавании гуманитарных дисциплин, и прежде всего, конечно, литературы. Для учителя-словесника эта связь всегда остается жизненно необходимой, кого бы он ни учил: Тимирязева или Менделеева, Зою Космодемьянскую или Аркадия Гайдара, Королева или Гагарина.

---

¹ Выступление на Всесоюзном съезде учителей. 29 июня 1978 г.

Чему же должен учить учитель? Разумеется, и тому, что изложено в школьном учебнике. Но даже идеальный учебник литературы никогда не заменит саму литературу, являющуюся учебником жизни. В конечном счете ведь не даты рождения и смерти того или иного писателя, не анатомическое препарирование художественных образов Гоголя или Гончарова является самоцелью при изучении литературы.

Главная цель — научить ребят любить литературу, научить их творчески мечтать, беречь родную природу, уважать человеческое достоинство, прошлое и настоящее своего народа, гордиться героическими делами отцов и дедов, свято хранить социалистическое Отечество, умножать его завоевания, беззаветно отдавать свой труд, способности и силы претворению в жизнь высоких идеалов коммунизма. Именно это является целью и святым долгом советского педагога. Чтобы справиться с этой задачей, учителю даны могучие помощники. Это проверенные временем учебники, среди которых можно было бы назвать учебник для средней школы «Обществоведение», несмотря на то что он, несомненно, требует дальнейшего совершенствования и доработки.

Кроме учебников, это советская многонациональная детская и юношеская литература.

Это и вся великая русская классическая литература — от древних былин и «Слова о полку Игореве» до небывалой по своему революционному пафосу советской литературы социалистического реализма, зарожженной М. Горьким и В. Маяковским и продолженной в замечательных произведениях нескольких поколений писателей, в том числе и тех, чей творческий путь начался сравнительно недавно.

Это, наконец, прогрессивная классическая и современная зарубежная литература.

Каждому из нас, разумеется, особенно близка советская литература. Она повествует о величайших революционных преобразованиях нашей Отчизны, страны, которая шесть десятилетий назад возникла, возвестив новую эру в истории человечества, а затем трудом и волей советского народа, мудростью и мужеством ленинской партии превратилась в символ могущества, подлинной свободы и справедливости.

Возможно ли без страсти, без волнения, без боли о невосполнимых утратах, без светлой гордости и чув-

ства благодарности говорить с нашими школьниками о книгах, рассказывающих о наших испытаниях, победах и свершениях!

Особое место среди этих книг заняли сегодня воспоминания Леонида Ильича Брежнева «Малая земля» и «Возрождение». Для людей моего поколения они — волнующее повествование о том, что мы пережили, они — правдивые страницы нашей жизни. Но в школу пришло сегодня то поколение, которое знает войну и эпоху послевоенного восстановления нашей страны лишь по рассказам отцов, а то и дедов.

Адресованные взрослому читателю, эти книги в руках учителя послужат и для подростка прекрасным уроком советского патриотизма, несгибаемого мужества и душевной щедрости, беззаветной верности ленинским идеалам, ленинским принципам жизни, ибо это подлинно партийная педагогика.

Ведь те, кто сидит сегодня за партой, в недалеком будущем сами станут солдатами партии, организаторами сельского и промышленного производства, пополнят ряды нашего рабочего класса, нашего колхозного крестьянства, народной интеллигенции.

Книги товарища Л. И. Брежнева для них — замечательная школа нравственных отношений между людьми в годы военных испытаний и в процессе коммунистического созидания. А между нравственностью и идеологией, как известно, самая прямая, нерасторжимая связь.

Наша литература не только воспевает то, что достойно подражания, она и воюет за это, обличая все то, что противоречит нашей коммунистической морали, советскому образу жизни, что тормозит развитие нового общества.

Когда-то Максим Горький говорил о том, что эпоха повелительно требует от литератора участия в строительстве нового мира, в обороне страны, в борьбе против мещанина, который в любой момент может переползти в стан врагов, о том, что эпоха требует от литературы активного участия в классовых битвах. Современные советские прозаики и поэты, драматурги и сатирики, детские, юношеские писатели последовательно осуществляют заветы великого пролетарского писателя.

Закрепляя связь с жизнью, писатели России совместно с руководством Союза писателей СССР проводят многочисленные встречи с партийно-хозяйственным активом

и трудящимися союзных и автономных республик, краев и областей Федерации. Тольятти, Волгоград, Смоленск, Грозный, Новосибирск, Тюмень, Тобольск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре — вот далеко не все географические точки, где в последнее время проходил большой писательский разговор по актуальным проблемам литературы при обязательном участии педагогической общественности.

С первых дней своего существования советская детская и юношеская литература стремилась ответить на все «сто тысяч почему», которые возникают в сознании растущего человека. И сегодня задача этой литературы — талантливо, правдиво, откровенно и смело говорить со своими молодыми читателями обо всех волнующих их проблемах, с педагогическим тактом помогая им разобраться в многообразных явлениях жизни, утверждая лучшие нравственные качества в их сердцах, предостерегая от необдуманных шагов и поступков.

Надо сказать, что наши детские и юношеские писатели не стоят в стороне от создания учебников и книг для чтения. К сожалению, мы не всегда находим общий язык с методистами, которые подчас за деревьями не видят леса.

У нас в стране — многотысячная армия учителей литературы, армия, оснащенная марксистско-ленинским идеологическим оружием, обладающая мощным благотворным влиянием на миллионы юных умов. Но кому много дано, с того много и спрашивается. Выступая недавно на учительском съезде в Литве, учительница Рома Добранскене из Шилуте говорила о том, как важно для педагога не утратить ощущения праздничности, живого желания помочь ученику открыть, понять, познать и вместе с ним пережить то, ради чего он пришел в первый класс. Я полагаю, что для преподавателя литературы это утверждение имеет самое первостепенное значение.

Но чтобы хорошо преподавать свою дисциплину, учитель-словесник должен быть в курсе всего, чем живет сегодня наша литература, вся наша богатейшая социалистическая культура. Наверное, мы еще не можем обеспечить каждого преподавателя подпиской на полное собрание сочинений или на «Библиотеку мировой литературы для детей», но в наших силах сделать так, чтобы каждый учитель, особенно если он живет на селе, мог бы

без помех подписаться на литературные газеты и журналы.

Не будем забывать: все, что читает учитель литературы, читает не только он сам. Свои знания он передает своим питомцам.

Мы, писатели и педагоги, делаем, в сущности, одно общее партийное дело: мы учим и воспитываем человека нового общественного строя, человека коммунистического труда. Постараемся же вершить свое дело так, чтобы наши потомки в душевном разговоре со своими детьми и внуками благодарно вспомнили нас и назвали нас своими учителями.

Оправдаем доверие нашей великой партии Ленина!

1978

ЗОВ ПОЛЯРНЫХ ШИРОТ

Помню, когда в шестидесятых годах одна за другой выходили юмористические повести Владимира Санина, я написал об одной из них (речь шла об «Острове Веселых Робинзонов»), что почерк юмориста стал уверенней и, главное, окончательно определилось его писательское лицо.

Но сложившимся юмористом вдруг овладела «охота к перемене мест», и дороги для своих странствий он стал выбирать такие, на которых не так-то просто подобрать и крупицу юмора: стрелка его компаса стала упорно указывать на север. И вот уже более десяти лет Владимир Санин путешествует по полярным широтам: дрейфует на станциях «Северный полюс», летает над гигантской акваторией Северного Ледовитого океана, становится участником антарктической экспедиции и живет на станции Восток — полюсе холода нашей планеты, чтобы собрать материал и написать о полярниках, людях, которые приняли его и которых он полюбил.

Как говорится, неожиданный поворот темы: от чистого «джеромовского» юмора первых повестей — к суровой прозе «Семидесяти двух градусов ниже нуля», гимну мужества механиков-водителей, железных людей, совершивших беспримерный в истории освоения Антарктиды санно-гусеничный поход. Повесть эта имела заслуженный успех, о ней много писалось, и было совершенно естественным предположить, что В. Санин продолжит героико-романтическую линию в своем творчестве.

Так оно и получилось.

Повестью «За тех, кто в дрейфе!» писатель завершил свою полярную трилогию, которая в течение нескольких

лет публиковалась журналом «Знамя». Все три повести, связанные общими действующими лицами, построены по одному принципу: Владимир Санин создает исключительно сложные, драматические ситуации и следит за тем, как люди находят единственные выходы из положения, — следит не как сторонний наблюдатель, а с любовью и гордостью за своих героев. Именно так: с любовью и гордостью. Писатель как бы говорит читателю: смотри, какими бывают люди, ведь гибнут, ничто на свете, кажется, их не может спасти, кроме воли к жизни, огромного мужества и высокой, одухотворяющей их идеи. И читатель верит: таких людей надо любить и можно ими гордиться, потому что заважнены они на редкость здорово и ни при каких обстоятельствах не склонят головы. И еще потому, что их принцип — «спасай товарища, если даже при этом ты можешь погибнуть. Помни, жизнь его всегда дороже твоей!».

Действие первой повести трилогии — «В ловушке» — разворачивается на станции Восток, на вершине ледяного купола Антарктиды. Пять человек, обессиленных, обмороженных, лишенных всякой связи с другими станциями, отчаянно борются за восстановление дизелей, без которых на Востоке жить нельзя. Острое кислородное голодание, кровь из всех пор, обмороки — и негибемое мужество, побуждающее работать даже тогда, когда последние силы давно исчерпаны. Как Иван Гаврилов в «Семидесяти двух градусах ниже нуля», Сергей Семенов, начальник станции, зажигает людей своей железной волей, вселяет в них, полумертвых от усталости, веру, надежду, любовь — веру в себя, надежду на успех, любовь к жизни. Падает без сознания один, поднимается другой, третий — нет, такие люди просто так не сдадутся, их, как хемингуэвского Старика, можно повалить, можно убить, но победить нельзя!

Потом эти пять человек — суховатый на вид, сдержанный Семенов, поразительно цельный в своей преданности долгу и чистоте Гаранин, богатырь и весельчак, неутомимый оптимист Бармин, безрассудно-взрывчатый правдоискатель Филатов и скрытный, раскрывающийся лишь в самом конце трилогии Дугин — пойдут из повести в повесть, обнаруживая в сложнейших ситуациях все новые грани своих характеров.

«Трудно отпускает Антарктида», вторая часть трилогии, также построена на драматической коллизии: дизель-электроход «Обь» не может пробиться к берегу и увезти на Родину группу отзимовавших полярников во главе с Семеновым. Появляется единственная возможность — можно эвакуироваться по воздуху, но большинством голосов полярники от нее отказываются: слишком опасно экипажу самолета пробиваться к ним в одиночку, случись вынужденная посадка — и летчики неминуемо погибнут.

Одиннадцать полярников остаются на вторую зимовку. Происходят острые столкновения, временами кажется, что коллектива уже нет — есть «одиннадцать рассерженных мужчин», каждый из которых по-своему прав, но Семенов и в этой чрезвычайно психологически накаленной ситуации спасает коллектив. Эта сцена, где рассказчиком выступает сам Семенов, — одна из сильнейших в повести.

«— Немногого, Груздев, стоит человек, рассчитанный на одну хорошую зимовку.

— Я не доска, а вы не рубанок, Сергей Николаич. По живому телу режете.

Я видел, что Груздев с трудом сдерживается. Этот разговор был необычайно важен. Мне казалось, что от него зависит все, буквально все, а раз так, его необходимо довести до логического конца. Я перестал видеть Груздева — передо мной была трещина, в которую могла провалиться станция.

— Вы затребовали объяснений, — начал я, — терпите, обезболить не умею. Все мы, Груздев, сделаны из одного теста, только закваска у каждого своя. В ней, закваске, суть дела; Гаврилов и его ребята оголодали и замерзли до черноты, но довели тягачи от Востока до Мирного. Закваска! Сколько раз советские полярники, наши с вами товарищи, перебирались с одной расколотой льдины на другую, но продолжали дрейфовать — закваска!.. Вы достойно вели себя в авралах, мы гордились вашей стойкостью, когда вы с дикой болью от жестоких ожогов ни на час не прерывали работу. Это было. И знаете почему вы скисли?

И снова мертвая тишина. Мне казалось, я даже слышу, как вдалеке бьются о барьер волны.

— Потому что вам не хватило закваски. Что было, за год израсходовали. И все. Вы свою дистанцию пробежа-

ли, уже вскинули руки, ожидая аплодисментов, а вам вдруг — бегите снова...»

Повесть написана динамично: чуть не в каждой главе — переход от надежды к отчаянию, от отчаяния к надежде, одна ситуация стремительно сменяет другую. И даже тогда, когда «Обь», так и не сумев пробиться к берегу, находит айсберг и с этого ледового аэродрома за полярниками вылетают две «Аннушки», даже тогда Антарктида не собирается так просто отпустить своих пленников: одна из «Аннушек» оказывается в аварийном состоянии. И возникает драматичнейшая сцена не только повести, но и, пожалуй, всей трилогии: кому на каком самолете лететь?

Полярная судьба то и дело испытывает персонажей трилогии на прочность, «прокатывает на всех режимах». Это чрезвычайно важно для писателя, ибо его концепция такова: настоящий полярник должен пройти жестокое сито естественного отбора, выжить в полярных широтах может лишь тот, кто десять раз там погибал. И не случайно несколько раз в трилогии встречается: «Товарища по зимовке выбирай, как жену выбираешь. Жизнь твоя от него зависит».

Впрочем, об этике полярников, об их суровой справедливости Владимир Санин размышляет на протяжении всего повествования. Есть у них свои обычаи, «...неписанные и никем не утвержденные... В высоких широтах больше инструкций и приказов людьми правит Полярный Закон. Много в нем есть параграфов, кровью написанных и сердцем утвержденных, и главный из них: «Не оставляй человека в беде».

И возникает огромное уважение к этим людям нелегкой судьбы, суровым и честным, мужественным и вдруг лиричным, каждый день рискующим жизнью и безмерно любящим ее, годами зимующим вдали от Родины, но думающим о ней каждую минуту своего бытия...

Заключительная повесть трилогии, посвященная первопроходцу-папанинцу академику Е. К. Федорову, переносит действие на дрейфующую станцию «Северный полюс». Хрупкая ледяная корка, под которой скрываются три с половиной километра океана... Как и их славные предшественники — И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов и Э. Т. Кренкель, люди Семенова, несущие научную вахту на «макушке Земли», проходят через безмерные опасности дрейфа. В полярную ночь, когда

помощи ждать неоткуда, лопаются льды, на станцию идет всеокрушающий вал торосов, впечатляющую картину которого рисует автор:

«Льдины громоздились одна на другую, вал рос на глазах. Еще недавно, когда люди бежали к палаткам, он был высотой два-три метра, а сейчас вперед двигалась ледяная гора. Она подминала под себя все новые льды, ползла и становилась все выше, и движение это сопровождалось таким грохотом, какой бывает при крушении поезда, когда вагоны лезут друг на друга, но с той разницей, что там грохот за минуту-другую стихает, а здесь он длился уже целый час. Порой нагромождение торосов застывало, как будто стихия изнемогла и осталась без сил, а она вовсе не изнемогла, а просто нащупывала слабое место. Где-то в стороне лопались и вставали на дыбы другие льдины, и вырастал новый вал, который шел навстречу старому и сталкивался с ним, и такое столкновение порождало совсем уж чудовищный грохот, и впечатление было, что ничто не может уцелеть на свете и весь мир взрывается к черту. Один вал побеждал другой и будто взваливал его на спину, и бесформенная гора льда снова неотвратно двигалась вперед. А день был солнечный и ясный, и ослепительно синий был в своих изломах лед, вознесенный на десятикилометровую высоту, и двигалась гора, как живая, и такой грандиозностью и ужасом веяло от этой картины, что глаз не оторвать, магнитом притягивала, завораживала, словно гипнозом»...

Но и в этих условиях Семенов и его товарищи, связанные с Большой землей лишь тонкой эфирной нитью, находят в себе силы до конца выполнять свой долг. Здесь, в заключительной части, окончательно проясняются характеры персонажей трилогии во всей их сложности и многогранности. Для понимания этого очень важен внутренний монолог Семенова в последней главе, когда главный герой всего повествования производит «переоценку ценностей» и сознает, что «четверть века полярки не всему его научили, и если разговор льдов и пурги он научился понимать с полуслова, то разгадать, понять человека может не всегда». Эта мучительная переоценка, вызванная как будто бы неожиданной трусостью Дугина, приводит к тому, что Семенов по-иному теперь смотрит на людей, которым раньше не очень доверял и которых не очень любил. И читатель, знавший, чего стоят эти

люди — Филатов и Груздев, — рад за Семенова и его прозрение...

Трилогия завершена — и мне кажется, что она удалась. Владимир Санин создал произведение, полное романтики и приключений, горячей любви к смелым людям, обживающим полярные широты, и — с удовольствием подчеркиваю это — полное юмора, ибо его герои прибегают к шутке даже в самых тяжелых ситуациях, когда шутить может себе позволить только уверенный в своих силах человек. Трилогия Владимира Санина похорошему волнует, и остается лишь пожелать автору, верному своей полярной теме, новых произведений о нашем современнике.

1978

ПИСАТЕЛЬ И ЖАНР

Александра Кривицкого я знаю давно — с первых дней войны. Он работал в газете «Красная звезда», я служил в «Сталинском соколе» и помню, каким огромным успехом в армии пользовались его военные очерки, исследования о гвардии, присяге, знамени... Думаю, если спросить у любого офицера — участника Великой Отечественной войны, то окажется, что он или сам читал эти произведения, или от кого-то слышал о них. Уже тогда публицистика А. Кривицкого имела свою особую печать: масштабность, историчность подхода к явлениям при яркости изобразительных средств. Ныне вы найдете в его книгах рассказы, блещущие юмором и трогающие душу проникновенностью раздумий и ощущений, ироничные, саркастические памфлеты, вскрывающие корни политических доктрин современного буржуазного мира, портреты людей, с которыми автора сталкивает его писательская и просто человеческая судьба, наконец, «биографии» произведений, которые он всей душой любит или, наоборот, не приемлет.

Художественная публицистика — полноправный вид прозы, и творчество Александра Кривицкого как нельзя лучше подтверждает этот неоспоримый факт. Ему свойственны особая манера лирического проникновения в историю и современность и одновременно та острота, которую я назвал бы драматургией исследуемого факта или процесса. Одинаково убедительно выступает А. Кривицкий как военный историк, как публицист-международник, как зоркий художник, способный глубоко осмыслить и оригинально выразить то, что он видит и знает. Уже не раз говорилось о богатстве языка этого писателя, подчеркивались его обширные знания, его идеологическая вооруженность. В его творчестве есть та искрометность, которую называют «игрой ума», но это свойство проявляется у него не само по себе, не самоцельно, а всегда работает на главную мысль, на серьезную проблематику его произведений.

Я пришел в литературу как детский писатель, но у меня есть некоторый опыт написания пьес и киносценариев, связанных с зарубежной темой, с проблемами идеологической борьбы. Знаю, как нелегко переводить политические формулы на язык метафор, вводить явления политики в образную ткань произведения. Александр Кривицкий делает это настолько точно, что невольно позавидуешь.

Счастливым свойством этого таланта — емкость мысли, образа, слова. Может быть, в его «почти рассказах» содержится зерно романов, а в памфлетах — обширных исследований. Но он пишет как пишет, отличаясь лаконизмом в постановке общей проблемы, воссоздании человеческого поступка или характера в целом. Его манеру не спутаешь ни с какой другой.

«Похищение из отеля «Черный дрозд» — что это? Рассказ? Очерк? Или, как теперь модно говорить, эссе? Здесь все признаки отличной прозы — напряженный сюжет, живые портреты персонажей, в том числе и фигура самого автора, особая, свободная и доверительная манера его рассуждений. И вместе с тем взрывающийся как бы неожиданно публицистический темперамент... Одно качество переходит, перетекает в другое естественно и органично, радуя законченностью формы.

Серия памфлетов на американские темы опубликована в книге «Как ловят крабов в Сан-Франциско». Они охватывают широкий круг проблем нашей борьбы с идеологическим противником, написаны точно и остро. В эрудиции автора нет ни назойливости, ни мишуры. Перо держит рука художника-бойца.

Имя Александра Кривицкого звучит в нашей публицистике особо. Когда вижу это имя на газетной полосе, журнальной или книжной обложке, всегда предвкушаю интересное чтение и еще ни разу не обманулся. Один писатель уподобил его «почти рассказы», такие, как «Жара в Агудзере», «Узор ковра», «Бранденбургские ворота» и другие, собранные в книге «Как ловят крабов в Сан-Франциско», старинным павловским секретерам с их до времени потаенными ящичками и углублениями. У Кривицкого эта особенность выражена в непредвиденном направлении контрастных ассоциаций и пружин, двигающих сюжет. То чеховский «Вишневый сад» в «Шпионе со слезой», то явление королевы Марии-Антуанетты и шахини Сорейи в «Жаре в Агудзере», то образ Гейне с его

классическим путешествием по Гарцу в «Похищении из отеля «Черный дрозд», то видение древнерусского тираноборца Вадима Новгородского в рассказе «Хочу повидать Ярымова». И все это, неожиданное и будто случайное, отнюдь не воспринимается как «вставной номер», а неизменно и прочно соотносится с тем важным, что составляет художественный и социальный смысл «почти рассказов» А. Кривицкого.

Настоящая художественная публицистика долговременна, потому что прозорлива. Девять лет назад был опубликован памфлет «Плоды просвещения г-на Бжезинского». А. Кривицкий одним из самых первых разглядел на политических подмостках США злокозненность будущего помощника президента по национальной безопасности, который в ту пору был директором института «по изучению» коммунизма при Колумбийском университете. Этот памфлет, написанный с идейной убежденностью, отточенный литературно, публиковался затем в сборниках писателя «Начала и концы», «Человек и событие». Он многое объясняет в сегодняшней деятельности рьяного трубадура американской реакции.

Александр Кривицкий — отличный полемист, его памфлеты запоминаются надолго. Этот жанр в его чистом виде — редкость в нашей литературе. Он требует не только ясной целенаправленности, энциклопедических знаний, но и такого владения формой, которое позволяет стянуть к единому центру все разнородные элементы произведения, выдержать избранную интонацию, ритм, строй и достигнуть эффективной энергии памфлетного образа.

В книге «Пентагон и его окрестности» собраны первоклассные образцы этого жанра. Помимо бьющего в цель сарказма в них часто присутствует и сквозная лирическая метафора, выражающая душевное кредо автора. Она органична в движении избалованного сюжета, и это тем более впечатляет. Мне кажется, единство двух полярных образных течений в отчетливом замысле писателя и составляет неповторимость его почерка. Как поэту мне близка такая форма произведений Кривицкого, я ощущаю его плодотворность в художественном освоении общественной темы.

Творчество Александра Кривицкого давно замечено и признано. Георгий Марков назвал его мастером публицистики. Николай Тихонов так оценил его дарование: «Как писатель он владеет языком, где есть все элементы

отличной прозы — от пафоса до иронии. Как публицист он точен, вооружен новейшими фактами, сосредоточен и страстен, отчего его многочисленные статьи и очерки всегда привлекают внимание и остаются прекрасными образцами в своей области». Константин Симонов писал в связи с выходом сборника «Не забуду вовек»: «...В книге этой, при всем различии жанров, в котором написаны разные ее главы, присутствует цельность. Та самая главная, внутренняя цельность, которая определяется цельностью взгляда на войну и на ту сумму военных моральных, психологических требований, которые война предъявляет к человеку». Юрий Жуков горячо отозвался о книге «Кое-что о Пентагоне»: «Работа А. Кривицкого... служит всем нам, международникам, примером того, как можно не только обстоятельно рассказать о хитросплетениях американской политики, диктуемой военщиной из Пентагона и стоящим за нею военно-промышленным комплексом, но и дать яркие картины их деятельности и даже нарисовать запоминающиеся портреты наиболее видных фигур этого удушливого мира. Для того чтобы сделать это, требовалась огромная исследовательская работа, помноженная на ювелирную шлифовку стиля».

Любопытно, что о творчестве Кривицкого писали главным образом прозаики и даже поэты, такие, как Степан Щипачев, Расул Гамзатов и другие. Да и я пишу о нем не впервые. Между тем критике давно пора серьезно проанализировать большое содержание и стилевые приемы произведений этого выдающегося советского публициста. Маститый наш критик Виктор Перцов назвал памфлеты публициста сюжетными. Это, бесспорно, меткое определение. Сюжетная публицистика — не столь частое явление в нашей литературе, а ведь она, безусловно, обладает притягательными свойствами для читательской аудитории. Почему бы критике не рассмотреть подобную проблему более углубленно? Творчество Кривицкого дает к этому серьезные основания.

Широкую известность принесло писателю первооткрытие ныне легендарного подвига двадцати восьми героев-панфиловцев. В осенние дни 1941 года страна и армия впервые узнали о волнующем событии на маленьком разъезде Дубосеково под Москвой из статьи и очерка Александра Кривицкого, опубликованных в «Красной звезде». Спустя срок автор выпустил в свет

документальную повесть «Подмосковный караул», посвященную этому событию.

Увлекательно, интересно пишет А. Кривицкий о людях Советской Армии. Любопытнейшие его изыскания в сфере воинской психологии соседствуют с портретами людей, написанными живыми красками. Таковы портреты комиссаров — боевых воспитателей двадцати восьми героев — Ахмеджана Мухамедьярова, Петра Логвиненко, Сергея Егорова и политрука Василия Клочкова. Автор тонко передает своеобразие лексики персонажей. Вот всего лишь несколько строк — зачин рассказа старого кавалериста: «Слушай, — сказал Мухамедьяров торопливо, таинственно, вполголоса, полуприкрыв веками два кофейных зернышка в глазах, — на рассвете, когда солнце только царапнуло небо клинком, песок серый, совсем серый, как лицо убитого басмача. Солнце всходит — песок желтеет. Все оттенки этого цвета переливаются. Плов — тоже желтый...»

«Подмосковный караул» — произведение очень насыщенное. Я читал его как маленькую военную энциклопедию, отвечающую на очень важный вопрос: что такое воинские традиции Советских Вооруженных Сил? Машинной времени называет автор память — «дар, что возвысил человека над всем сущим и сблизил череду поколений». В этой мысли — зерно всего документального повествования, умно пропагандирующего боевые традиции нашей армии, которые, как пишет автор, взаимодействуют с современностью «на широком поле жизни, где смыкаются прошлое с настоящим, звено к звену».

Тридцать лет в общей сложности и писал автор небольшую эту книгу. Он исполнил свой долг. Он отнесся к своей работе с полной мерой гражданской ответственности, с благородством талантливого писателя-коммуниста, сознающего величие дела, которому он служит.

Недавно в пятом и шестом номерах «Знамени» за этот год я прочел повесть-хронику А. Кривицкого «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года». Автор заглянул в военную историю из дней Отечественной войны и из современности широкозахватно и пронизательно. Это значительное произведение, и, как всегда у Кривицкого, оно написано зажигательно, молодо, полно удивительных находок, смелых, интересных умозаключений.

СЛОВО О ТОЛСТОМ¹

Русская литература никогда не замыкалась в интересы чисто эстетические. Она всегда являлась своего рода кафедрой, с которой звучало мудрое слово писателя-наставника. И в той замечательной плеяде апостолов гуманизма, что дала человечеству классическая литература прошлого века, неоспоримое первенство принадлежит Льву Николаевичу Толстому.

Тревожной совестью мира, его сердцем и разумом было гениальное перо Толстого. Гневный голос писателя неся по всему миру набатным призывом в защиту обездоленных, в защиту попраных прав трудового народа. Пожалуй, нет такой сферы человеческой деятельности, которой не коснулся бы своим могучим гением великий художник и мыслитель. И все его искания — во имя нравственного совершенствования человечества, во имя светлых идеалов гуманизма.

Девятнадцатый век — это эпоха страшных потрясений и катаклизмов. Аустерлиц, Бородино, героический Севастополь, непроглядный мрак бесправной русской деревни и пресыщенный блеск аристократических салонов — эти разящие противоречия русской действительности тех времен предстали пред судом беспощадного обличителя и великого гуманиста.

А. М. Горький писал о Толстом: «Этот человек сделал поистине огромное дело: дал итог пережитого за целый век, и дал его с изумительной силой, правдивостью и красотой».

И в то же время девятнадцатый век — это интенсивный рост самосознания русского общества, это начало осознанной и самоотверженной борьбы с царизмом.

---

¹ Из речи на торжественном заседании в Туле, посвященном 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. 6 сентября 1978 г.

И Толстой своим творчеством приближал день справедливого возмездия. Именно это и дало повод В. И. Ленину назвать Толстого «зеркалом русской революции».

«Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть», — говорил Толстой. И были на русской земле люди, которые были готовы умереть и умирали во имя светлых идеалов, шли на эшафот, погибали на полях сражений за свободу своей родины, гибли на баррикадах в борьбе с бесправием самодержавно-полицейского строя.

Страстный обличитель казенной церкви, господствующих классов буржуазного общества, буржуазной науки и культуры, Толстой с неизменной любовью раскрывал чистые сердца безвестных тружеников родной земли, людей беззаветного воинского подвига.

А как живописал он родную природу, нравы и характеры героев своих бессмертных произведений! Вспомним раздолье русского сенокоса в «Анне Карениной», сцены охоты в романе «Война и мир», святочную пляску Наташи Ростовой, героический подвиг батареи Тушина; вспомним любимых героев Толстого — Безухова и Нехлюдова, Болконского и Левина — людей сложных, мятущихся, но чистых душой и сердцем; вспомним арьергардный бой Багратиона под Шенграбенем; вспомним, наконец, Холстомера — одно из высочайших художественных обобщений мировой литературы. Все эти образы символизируют то лучшее, чем жила Россия, в этом и была соль соли земли русской. Пафос творчества Толстого — это многомиллионные Карпы и Власы, которые скорее сожгут сено, чем отдадут его неприятелю. За этими людьми Толстой видел будущее России. И герои Толстого воскресли на русской земле в дни Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов. Да, именно Толстой, как никто до него, показал те потенциальные, дремлющие и недюжинные силы русского общества. Высоко справедливы известные ленинские слова о том, что «до этого графа подлинного мужика в нашей литературе не было».

Время не отдаляет нас от Толстого, а приближает к нам бессмертный гений великого гражданина России. Он всегда с нами. Прикасаясь к Толстому, человек становится лучше и честнее, ибо его слово проникло в самые глубины человеческого «я».

Сегодня, на исконно русской тульской земле, давшей

всему человечеству Толстого, мне как представителю советской творческой интеллигенции хотелось бы, обращаясь к деятелям культуры — наследникам великих заветов гениального писателя, напомнить суждение Толстого о смысле жизни.

«Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость!»

Какое великое откровение гениального писателя! Будем же бороться за наши идеи, трудиться для блага народа, жить тревогами мира и всего человечества, искать, дерзать, не останавливаться перед трудностями и воевать с равнодушием! Перед нами вечный пример беззаветного служения своему народу, вся жизнь Льва Николаевича Толстого.

1978

ДОСТОЕВСКИЙ И ДЕТИ

«Русским детям. Из сочинений Ф. М. Достоевского» — это книга для детей. Ее особенность — самая большая искренность, на которую только способен писатель и человек. Все мысли и чувства в ней высказываются без утайки. Все, что передумано, увидено, все, что заставляло сердце сжиматься от жалости, сострадания, любви, — все вложено в строчки книг, где живут, резвятся или тайне страдают, думают, учатся, играют, любят родителей или боятся их дети.

Эта книга для детей. Но все, что в ней собрано, было написано Федором Михайловичем Достоевским для взрослых.

Вот какова интереснейшая история этой книги.

Своей пятилетней дочке и ее друзьям Федор Михайлович Достоевский читал отрывки из своих книг. Потом он говорил знакомым, что, читая детям, утвердился в верности своих догадок: даже в самых сложных книгах есть куски, доступные детскому пониманию. Достоевский сам собирался выбрать на досуге такие отрывки и издать их для детей отдельной книжкой.

Федор Михайлович не успел этого сделать, но такая книга была издана после его смерти под редакцией О. Миллера. В нее были включены отрывки из самых сложных и глубоких произведений русской литературы: «Бедных людей», «Неточки Незвановой», «Униженных и оскорбленных», «Преступления и наказания», «Подростка», «Братьев Карамазовых». Затем в 1887 году вышла еще одна хрестоматия из произведений Достоевского для детей среднего возраста.

Отчего же Достоевский хотел познакомить даже самых маленьких детей с отрывками из своих книг? Оттого ли, что в его времена не было такой детской литературы, какая есть сейчас, и малолетним читали книги и стихи, написанные для взрослых, например, сказки

Пушкина, басни Крылова? Кроме этих прекрасных книг, детям читать было нечего. Нельзя же принимать всерьез книжки для детей, высмеянные еще Белинским как бездарное чтиво, или говорить как о детской периодике о «Задушевном слове», «Детском чтении для сердца и разума»?

Но только ли из-за отсутствия книг для детей хотел Достоевский издать хрестоматию? Нет. Вероятно, ему было важно ввести детей в мир больших чувств и размышлений. И он доверял детскому уму настолько, что считал это возможным, нужным. Для нас это интересно, поскольку подводит к важнейшей проблеме — отношению детей к мировой классике.

У наших детей (я говорю о возрасте от пяти до тринадцати лет) есть своя музыка, балет, кинематограф, своя литература. Их жизнь богата духовными впечатлениями. Советские писатели стремятся развить в своих читателях с самых ранних лет чувство справедливости, дружбы, товарищества, пролетарского интернационализма. В детских книгах говорится и о патриотизме, о преданности Советской стране, и о том, что слабый нуждается в защите, что сломать деревце так же отвратительно, как бросить камень в беззащитную кошку или воробья. Одним словом, нет такой темы, которой не касались бы писатели в разговоре с детьми. Так, может быть, этого и довольно? И не стоит расширять круг этих произведений?

Нет, стоит. Писатели великого таланта задевают такие струны человеческой души, на которые отзываются люди в любом возрасте.

Для Достоевского, так остро воспринимавшего все доброе и злое в человеческой природе, дети были воплощением чистоты, доброты и невинности. Именно один из героев Достоевского вымолвил знаменитое: «За единую слезинку невинного ребенка я билет в рай почтительнейше возвращаю».

По тем временам это были слова настолько значительные, сильные, сильнее которых уже и быть ничего не могло. Куда уже сильнее, если рай и загробное блаженство не могут оправдать ни единой слезинки замученного ребенка! Только очень глубокая любовь к детям человека, страдающего за каждую слезу, каждую обиду, нанесенную беззащитному существу, могла подсказать писателю эти слова.

Душа ребенка чиста, полна любви, не защищена от грубых прикосновений, вот почему самый страшный грех — обижать ребенка.

О детях в своих книгах Достоевский говорит как о людях с большим миром чувств. Но только чувства эти часто непонятны взрослым, потому что перешагнуть через пропасть, отделяющую взрослого от ребенка, можно только любя. Только любовь соединяет и позволяет взрослым понять этот мир.

Подлинность чувств, не слова о них, а живые чувства отличают поступки тех героев, которых любит автор. Где нет любви к людям, там нет и понимания, нет прощения, нет мудрости, есть озлобленность, жеманство, фальшь, кривляние — все что угодно, только не простота и человечность, не искренность, убеждает автор читателя. Но, с другой стороны, именно способность к любви, прощению, пониманию дает силы видеть зло и, не смиряясь с ним, не склоняя головы, обличать его без страха, как того требует чувство справедливости. Большие вопросы о том, что делает человека человеком, что дает ему силы сохранить чувство собственного достоинства, не растратить себя, не разменяться, не идти на компромисс с совестью. Каждой строчкой своих книг Достоевский будит в сердце своих больших и маленьких читателей отзывчивость, сострадательность. Можно ведь бесконечно повторять слова о добре, красоте, гуманности, но только от перечисления этих понятий человек не станет человечным. Нужно задеть все струны сердца. Конечно, если бы в жизни Достоевский не любил детей, то никогда он не смог так писать о них. Первая дочь Достоевского, Соня, умерла трех месяцев от роду. «Это маленькое трехмесячное создание, такое бледное, такое крошечное — для меня было уже и лицо и характер, — писал Федор Михайлович своему другу, когда горе несколько утихло и он смог говорить о своих страданиях. — Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходил. Когда я своим смешным голосом пел ей песни, она любила их слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее целовал, она останавливалась плакать, когда я подходил».

Кажется, что человек пишет эти строки, глотая слезы.

Федор Михайлович умел не только разговаривать с детьми, но и нежно заботился о них. Анна Григорьевна Достоевская, супруга писателя, вспоминает, как они воз-

вращались из-за границы в Россию с дочкой, «резвою Любочкой», которой было год десять месяцев. «Ввиду моего болезненного состояния, — пишет А. Г. Достоевская, — все время пути с нею (шестьдесят восемь часов) нянчился мой муж: выводил ее на платформы гулять, приносил молоко и еду, развлекал ее играми...»

Достоевского интересовали мысли его друзей о детях. Он изучал их мнения, просил рассказать о своих наблюдениях. Своему другу В. В. Михайлову он пишет: «В Вашем письме меня очень заинтересовало, между прочим, что Вы любите детей, много жили с детьми, да и теперь с ними бываете. Ну вот и просьба к Вам, дорогой Владимир Васильевич: я замыслил и скоро начну большой роман, в котором между другими будут много участвовать дети и именно малолетние, с 7 до 15 лет примерно. Детей будет выведено много. Я их изучаю и всю жизнь изучал, и очень люблю, и сам их имею... Итак, напишите мне о детях то, что сами знаете. И о петербургских детях, звавших Вас дяденькой, и о елизаветградских детях, и о чем знаете. (Случаи, привычки, ответы, слова и словечки, черты, семейственность, вера, злодейство и невинность, природа и учитель, латинский язык.)»

Именно любовь к детям и знание их детской жизни, характеров, их интересов, их мыслей и чувств позволили рассказать так точно, правдиво о разных детских судьбах и характерах, типичных для того времени, да и до сих пор интересных и значительных для нашего читателя. Так и сейчас глубоко симпатичен для наших мальчиков и девочек смелый, независимый, умный Коля Красоткин (роман «Братья Карамазовы») с его очень нежной душой. Эта душевная нежность сквозит в его отношении к матери, к Илюшечке, к младшим детям. Ему не всегда удается делать все так хорошо, как бы он того хотел. Но, несмотря на все противоречия в его характере и поступках, несмотря на неудачи, обиды, которые он иногда невольно причиняет самым любимым людям, доброта его и ум в конце концов побеждают в нем.

В «Неточке Незвановой» говорится о величайшей трагедии ребенка, страдающего за своих родителей. Отец Неточки, спившийся скрипач, ленив, безволен и сваливает вину за все неудачи на мать. Эта трагедия доведена писателем до апогея, до гибели обоих людей.

И все-таки даже эти отношения человечнее, лучше для ребенка, чем ледяная духовная атмосфера княжеского до-

ма, где Неточка снова жертва. Достоевский видит то, на что другой бы закрыл глаза. В самом деле, какой сюжет! Многие другие писатели ограничились бы этим сюжетом: бедную сиротку взяли в богатый дом, одели, обули, накормили, стали воспитывать вместе с дочерью князя. Как прекрасно, гуманно! Как не пролить слезы умиления по поводу господской доброты? Нереалист поставил бы точку на этом. Достоевский же раскрывает, какова оборотная сторона доброты. Здесь лишь система новых мучительств. Только внешне тут все как будто и хорошо, никто не бьет, не морит голодом, не заставляет ходить в тряпье. Но сколько нравственных страданий, унижений приходится испытывать ребенку с его неогрубевшей душой! Высокомерная любезность, кастовая дистанция между богатыми и бедными, титулованными, родовыми аристократами и людьми другого круга.

Именно эта неприглядная сторона жизни раскрыта в романе «Подросток». Как объяснить сегодня детям его главную проблему? Кто поймет ее? Барин полюбил крестьянку, и их дети считаются крестьянами. Мальчик только втайне может любоваться своим отцом, когда тот читает, например, монолог Чацкого. Кто из нынешних детей поймет, что это за пропасть между отцом и детьми? Пусть сегодня наши дети знают о тех нравственных муках, которые приходилось когда-то переживать людям не только на страницах романов.

Достоевский не прощал ни одной обиды, наносимой детской душе. Он не закрывал глаза ни на какие мучения, выпадающие на долю голодных, замерзших, гибнущих детей. В «Мальчике у Христа на елке» он пишет: «А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика... мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, — то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа — уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать».

Огромное значение придавал Достоевский, пусть ясно не осознанным, впечатлениям детства, связи со своей страной, со своим народом. Именно это чувство согревает особым теплом рассказ «Мужик Марей». Даже в тюрьме, на каторге именно воспоминания детских лет позволяют человеку не утратить чувства любви и уважения к людям. «...Каким глубоким и просвещенным чело-

веческим чувством и какою тонкою, почти женственной нежностью может быть наполнено сердце иного, грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего — не гадавшего тогда о своей свободе... Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце...»

Возможно, некоторые читатели и поплачут над этой книгой. Но ведь и смеяться-то по-настоящему не может тот, кто не умеет сочувствовать людям. Смех — это не просто беспечальность. Если человек умеет смеяться только как беспечальный тупица, то это не добрый, а черствый человек.

1978

ФОРУМ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ¹

В любом учебнике арифметики есть задачи о путниках, которые, покинув пункты А и Б, вышли навстречу друг другу. Обычно такие задачи предлагают определить место встречи этих путников. Мы с вами хорошо знаем пункты, которые покинули, чтобы встретиться друг с другом. Знаем мы и точку, где происходит эта встреча, — вот этот зал. Но от этого задача, стоящая перед нами, не стала легче. Задача эта огромной сложности — как же надо писать, чтобы донести свои мысли и чувства до сердца юного человека? Какие найти слова, чтобы у этого чрезвычайно занятого человека, решающего задачи про путников, бегающего с хоккейной клюшкой, часами просиживающего перед телевизионным экраном, чтобы у этого человека нашлось свободное время, возникло желание, родилась неодолимая потребность читать?

Детских писателей объединяет не только высокая цель, но и не менее высокая ответственность. Когда отец и мать, воспитывая своего ребенка, учат его понимать окружающее, учат добру, справедливости, чести, они выполняют свой долг перед новым человеком, вступающим в мир. Они выполняют свой долг и перед миром, перед обществом за этого нового человека, за то, каким он станет. Писатель своей книгой, пьесой, сценарием тоже участвует в этом глобальном процессе.

В тот день, когда появилась первая детская книга, автор ее вошел в дом, где рос и воспитывался ребенок, и постарался ему объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, что есть добро, а что — зло. Это стало традицией детской литературы. И чем популярней писатель —

---

¹ Выступление на первой Международной встрече детских и юношеских писателей: «Писатели мира и воспитание подрастающего поколения», в Москве, в Центральном Доме литераторов, 1973 г.

тем больше у него маленьких друзей, тем выше степень его ответственности.

У каждого литератора, на каком бы континенте он ни жил, на каком бы языке ни писал, когда он склоняется над чистым листом бумаги, возникает вопрос: каким же принципам будет служить его произведение, чему оно научит молодого читателя? Нам понятны и дороги детские книги, в основе которых лежат простые и ясные, по-настоящему благородные принципы.

Прежде всего — гуманизм. Воспитание в юном друге человеколюбия, ненависти и презрения к насилию над человеческой личностью, воспитание убежденности в том, что человек человеку друг, — может ли стоять перед детским писателем более возвышенная цель! Эту цель указали нам своими произведениями для детей классики русской литературы — Лев Толстой, Максим Горький, Владимир Маяковский, Алексей Толстой...

В мире, где миллионы людей, едва встав на ноги, едва научившись говорить, попадают в крепкие сети расовых и националистических предрассудков, умело насаждаемых фальшивых представлений об обществе, в мире, раздираемом войнами и раздорами, в этом мире подчас очень трудно не дать угаснуть идеям гуманизма. Но, несмотря на все это, история мировой литературы каждой своей страницей подтверждает величие и бессмертие этих идей. Почему же классические произведения, воспевающие человеколюбие, живут в веках и остаются не только в памяти, но прежде всего — в сердцах народов? Да потому, что человеку не присуще стремление к розни, к насилию. Ему присуще стремление к миру, к совместному общественному труду. И этот гуманизм, свойственный человеческой природе, неразрывно связан с утверждением равенства всех народов, независимо от цвета кожи, расы, национальности.

Сомнительно, что кто-либо из нас с вами мог бы высказать уважение и признательность писателю, который проповедовал бы войну, расовую неприязнь, ненависть человека к человеку. Но, к сожалению, и такого рода произведения появляются на мировом книжном рынке. Их вред невозможно переоценить. Манящие доверчивого, неискушенного юного читателя обложки, на которых пестрят рисунки взрывов, погонь, пистолетов, летящих по воздуху лассо... Кого же должна погубить эта петля, кого заарканить? Прежде всего — ребенка. Она душит

его сердце, оставляет на нем неизлечимые раны, рубцы. Авторы некоторых книг упрямо делают вид, будто со времен Майна Рида и Фенимора Купера мир не претерпел никаких изменений. По-прежнему, мол, индейцы прячутся в прериях, по-прежнему на мустангах их преследуют лихие ковбои. Но индейцы давно уже спрятаны в резервации, а ковбои давно уже сменили живых мустангов на металлические — на автомобили марки «мустанг»...

У миллионов детей вообще нет детства. С самых малых лет они сами, их родители пытаются решить одну лишь проблему: как выжить? И это — едва ли не одна из самых глубоких трагедий человечества.

Так как же оценить деятельность литераторов, которые сознательно, в погоне за собственной выгодой, забыв о своей ответственности перед обществом, торгуют отравленной духовной пищей? Как оценить литераторов, пишущие машинки которых, словно пулеметы, расстреливают души детей, наводняя книжный рынок нескончаемым потоком историй о ловких преступниках, элегантно и безнаказанно добывающих горы денег, или о престестных девицах, легко и просто прячущих в свои сумочки тузов-банкиров и сказочно богатых магараджей?

Идеализируя то, что заслуживает лишь презрения, скрывая истинное положение вещей, такие литераторы затуманивают сознание ребенка, подсказывают ему ложный жизненный путь, уводят в сторону от понимания подлинных причин общественных конфликтов.

Есть японская поговорка — «душа трехлетнего остается неизменной до ста лет». И, в самом деле, воспитывая в ребенке верные нравственные начала, мы — детские писатели — на всю жизнь закладываем фундамент, на котором утвердится благородное мировоззрение человека. Каждая новая добрая книга становится не только наставником, другом, но и бойцом. Бойцом против фальши и лжи.

И, наоборот, книги, растлевающие человеческий разум в детстве, на всю жизнь калечат представления о нормах нравственности, о законах морали.

Только достоверное, правдивое изображение жизни, всей ее сложности, на наш взгляд, может явиться основой творчества подлинно прогрессивного детского писателя — в каком бы жанре он ни работал. Ведь даже самые волшебные сказки, самые невероятные приключения являются в конечном счете преломлением жизненных

взаимосвязей. И все дело в том, насколько верно они воздействуют на читателя, чему они учат его.

Советские писатели, являясь приверженцами демократического социального строя, давно уже забыв о царских орлах и коронах, в то же время вовсе не являются противниками сказочных королей и принцесс. Мы тоже за сказку, если она несет в себе добрые начала. Мы за сказку, если в ней торжествует народная мудрость, если одерживает верх справедливость. В этих случаях мы даже радуемся, когда симпатичная принцесса, скажем, выходит замуж за доброго молодца. Как говорится, дай бог ей счастья!

Но мы полагаем, что современный ребенок, даже если он и принадлежит к какой-нибудь коронованной династии, не огражден от реальной действительности, какими бы высокими ни были стены его королевского дворца. От действительности не уйти никуда. Огромный поток информации проникает ныне в любую точку земного шара — и туда, где стрекочут телетайпы, и туда, где стучат тамтамы. Он как бесконечный дождь. Можно, конечно, укрыться под зонтиком, но все равно придется шагать по лужам. Хотим мы этого или не хотим, но под зонт, под стеклянный колпак ребенка надолго упрятать нельзя.

И вечный вопрос: «А почему это? Почему то?» — нельзя отменить ни одним декретом. Как столетия назад, разглядывая знамена и хоругви рыцарей-крестоносцев, ребятишки расспрашивали о гробе господнем, так и сегодня всюду дети задают миллиарды вопросов — «А почему это?».

И, разумеется, легче растолковать ребенку, почему трава зеленая и что такое снег, чем объяснить, зачем гибнут люди на полях сражений или отчего выходят на улицы пикеты забастовщиков. Но объяснять приходится. Объяснять необходимо. И если говорить о детских писателях, то каждый из них, воздействуя на нравственный облик читателя своими произведениями, готовит его к пониманию ответов на такие вопросы, делает это сообразно своему таланту и своей совести.

Нам понятно и дорого творчество писателей, зовущих своими книгами к социальному прогрессу, к процветанию народов, к яркому будущему человечества. Я бы сказал, что подобный социальный оптимизм, произрастающий на плодородной почве общегуманистических взглядов, в каких бы формах он ни проявлялся, всегда

благотворен для маленького человека. Он воспитывает в нем веру в себя, веру в людей.

Но тут хочу уточнить. Мы, советские литераторы, считаем, что подлинного прогресса общество достигнет, если будет руководствоваться коммунистическим мировоззрением. И это, естественно, находит отражение в наших произведениях. Мы не стараемся кому-либо навязать собственные взгляды, но и не собираемся уступать либо приспособлять свои идейные убеждения. Можно с разных позиций оценивать общественные явления, можно придерживаться различного миропонимания — и в то же время найти немало близких точек зрения, единение которых и явится существенным вкладом в развитие мировой детской литературы, в укрепление международных литературных связей. Собственно, для этого мы и собрались здесь.

Когда литературное произведение воспитывает в душе молодого читателя верные нравственные начала, будит его фантазию, учит эстетически тонкому восприятию мира, развивает стремление познать новое, тогда автор может рассчитывать на дружбу с советскими детьми. Хорошей книге у нас открыта дорога всегда!

С первых лет Советской власти у нас издаются и переиздаются лучшие образцы мировой литературы для детей. Книги Диккенса, Марка Твена, Александра Дюма, Бичер-Стоу можно найти в каждой школьной библиотеке. Стремимся мы познакомить ребят и с наиболее заметными произведениями современных зарубежных авторов. Трудно, например, встретить у нас маленького читателя, который бы не считал Чиполлино своим близким приятелем.

Знаю, что цифры и перечисления обычно не украшают речей, но не могу не сказать, что одно лишь московское издательство «Детская литература» в последние годы выпустило книги Джанни Родари четырнадцать раз тиражом три миллиона триста тысяч экземпляров. Добрым другом наших ребят стал и добряк Карлсон. Тираж книг Астрид Линдгрен, выпущенных тем же издательством, перевалил за полмиллиона. А если вспомнить о книгах Джеймса Крюсса, издававшихся в Москве, то их общий тираж достиг девятисот тысяч экземпляров. Я бы мог рассказать о работе других издательств нашей страны в этом направлении, но, думаю, приведенные примеры вполне убедительны.

Хочу отметить, что маленький наш читатель хорошо знаком и с лучшими произведениями детских писателей братских социалистических стран. Книги А. Росева, Ю. Тувима, К. Ярунковой, Э. Штриттматтера, Сьнтымбрюну, Я. Бжехвы, Плудры, многих других наших друзей выходят огромными тиражами.

К сожалению, советская детская литература издается в некоторых зарубежных странах — к примеру, в США, Италии, Швеции, Федеративной Республике Германии — не так интенсивно, как у нас издаются книги зарубежных авторов. Хотя, как известно, дружба хороша лишь на основах взаимности.

Мы придаем большое значение деятельности организаций, способствующих развитию международных связей детских писателей и издательств. И в первую очередь среди этих организаций хочу назвать Международный Совет по детской и юношеской литературе. Двадцать лет деятельность Кураториума привлекает внимание мировой общественности к проблемам воспитания молодого поколения. Усилия Кураториума, его руководителей, и прежде всего его президента Ниило Висапээ, которого мы рады приветствовать здесь, на этом совещании, направлены на расширение международного сотрудничества в деле издания детской книги. Это — благородный, заслуживающий самого высокого уважения труд.

Нам представляется весьма значимой и работа Жюри по присуждению премии имени Ганса Христиана Андерсена, что ведется в рамках Кураториума. Почетная премия Андерсена является еще одним доказательством того внимания, которое проявляет мировая общественность к творчеству прогрессивных детских писателей.

Мы ценим и существенную помощь нашему общему делу, которую оказывают многие периодические издания, освещающие вопросы развития литературы для детей, — такие, как журнал «Златый май» (Прага), «Вукберд» (Вена), «Детская литература» (Москва).

Расширение международных связей в области детской литературы — важная задача. И к ее решению писатели моей страны всегда подходили и будут подходить с большим чувством ответственности. Вот почему с удовольствием, с надеждой мы ждали начала работы этой Международной встречи.

Есть у нас старинный русский обычай — встречать гостей хлебом и солью. Москва наша гостеприимством издавна славится. Но время дорого, и я решил воздержаться сегодня от торжественного вручения хлеба и соли каждому гостю в отдельности. Хлеб да соль на московской земле всем вам, дорогие друзья!

Есть у нас и такая пословица: «Хлеб-соль кушай да добрых людей слушай». Думаю, эта пословица может стать для нас с вами хорошим напутствием. Пусть встреча эта будет не только приятна, но и полезна. Пусть она явится новым заметным вкладом в мировой процесс развития детской литературы.

1978

О ТЮТЧЕВЕ¹

Вся читающая Россия, весь Советский Союз отмечает 175-летие со дня рождения замечательного русского поэта, мыслителя Федора Ивановича Тютчева. Его произведения уже давно вошли в антологии и хрестоматии, давно стали классическими. С детских лет до старости нас сопровождают и радуют стихи «Люблю грозу в начале мая...» («Весенняя гроза»), «Зима недаром злится...» и многие-многие дивные, мудрые, певучие строки этого несравненного художника слова, чье имя медленно, но верно встало в ряд наиболее читаемых имен русских поэтов-классиков: Пушкина и Лермонтова, Баратынского и Некрасова, Кольцова и Фета, Грибоедова и Крылова.

Напечатанный Пушкиным в «Современнике», высоко оцененный в «Современнике» же Некрасовым, Тютчев был любимым поэтом Тургенева и Льва Толстого, сказавшего о Тютчеве, что «без него нельзя жить».

Известно, что чеканные, звонкие стихи Федора Тютчева ценил и любил Владимир Ильич Ленин. В его кабинете в Совнарком на этажерке около стола постоянно была книга Тютчева. Имя поэта было включено в приложение подписанного Лениным в 1918 году декрета «О монументальной пропаганде». Через два года был открыт музей имени Тютчева в Муранове — бывшей подмосковной усадьбе Тютчевых. Этот музей двух поэтов — Тютчева и Баратынского — стал одним из самых любимых очагов нашей русской культуры, одним из примечательных памятников Подмосковья.

Тютчев, казавшийся в девятнадцатом веке и в начале двадцатого века «поэтом для немногих», в совет-

---

¹ Из выступления на вечере в Политехническом музее, посвященном 175-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева.

скую эпоху стал одним из наиболее любимых и почитаемых поэтов, любимых не только тонкими ценителями поэзии, но и всеми, кто не лишен чувства прекрасного.

Когда-то Фет на книге стихов Тютчева написал: «К зырянам Тютчев не придет», но тонкий певец природы ошибся. Тютчев пришел и к зырянам, и к якутам, и к литовцам, и к таджикам, и ко всем народам Страны Советов.

Мы можем не согласиться с политическими воззрениями Тютчева, но его поэзия — это наше с вами богатство, наше достояние.

Чем же привлекают произведения Тютчева нашего современника? Прежде всего умением восторгаться просторами мира, природой, окружающей человека, упиваться мгновением счастья, вечностью этих мгновений, постижением законов и тайн мироздания. Острый взгляд поэта проникает и в сердцевину дерева, и в глубь человеческой души. Этот неустанный, умудренный, основательный взгляд сперва постигает суть явления, а уже потом изображает, компанует, воплощает в слове. Слово Тютчева весомо и проникновенно. Надо, конечно, помнить, что Тютчев писал свои первые стихотворные опыты в пору, когда в русской литературе творили Пушкин и Лермонтов. И все же его слово проложило свой путь, привлекло внимание ценителей и знатоков поэзии, число которых росло из десятилетия в десятилетие, но никогда имя и слово Тютчева не встречалось так часто на страницах газет и журналов, как в наше время. Его поют и читают с эстрады и по радио, он звучит в самых отдаленных уголках страны.

Творчество Тютчева оставило глубочайший след в нашей поэзии. Нет русского поэта от Фета до Блока, от Брюсова до Ушакова, от Есенина до Твардовского, от Ахматовой до Пастернака, который прошел бы мимо опыта Тютчева. Ширится круг исследователей его творчества не только в нашей стране, но и за рубежом.

К имени Федора Тютчева идут эпитеты и великий, и гениальный, но куда важнее то, что к нему не зарастает народная тропа; что он и его поэзия составляют славу и гордость русской культуры. Сегодня нельзя считать себя культурным человеком, не зная творческого наследия Тютчева.

В стихах, посвященных гибели Пушкина, он писал:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Не забывает и не забудет сердце России и своего проникновенного певца Федора Ивановича Тютчева. Его вещему слову суждена светлая, бесконечная жизнь. И наш вечер, посвященный 175-летию со дня рождения поэта, является ярким подтверждением его бессмертия.

1978

НАШ СОВРЕМЕНИК АЛЕКСАНДР БЛОК¹

Александр Блок — поэт, который одним из первых приветствовал социалистический Октябрь, сознательно подчинил свои творческие силы служению революции и ее народившемуся искусству. Было бы, конечно, самоограничением учиться гражданственности только у Блока: наша литература достаточно богата революционными традициями, чтобы не замыкаться в мире одного, пусть даже выдающегося, художника. Сила русской литературы заключена как раз в многообразии ее истоков, неисчерпаемости опыта и величия исторических путей народа.

И если сегодня мы обращаемся к Александру Блоку как почитатели его таланта, как законные наследники его лучших достижений, то мы видим в нем прежде всего художника, сумевшего преодолеть идеологию того класса, который неизбежно погибал в пламени революции.

Чествуя Блока, мы чествуем всех передовых людей России, сознательно связавших свою судьбу с социалистическим обновлением. Чествуя Блока, мы отдаем дань уважения тем нашим зарубежным коллегам, которые преодолевают узкие рамки буржуазного искусства, поднимаются до понимания исторических перспектив социализма и коммунизма, озаряют свой талант светом передовых идей эпохи.

Александр Блок — это поэтический мир, в котором еще не проставлено окончательных границ. За Блока цеплялись и цепляются противники классового, партийного искусства, трактующие поэта как анархиста-мистика, аполитичного созерцателя, лирика-декадента. Ясную

---

¹ Выступление на торжественном вечере, посвященном 90-летию со дня рождения Александра Блока, в Колонном зале Дома Союзов. 11 декабря 1970 г.

и недвусмысленную позицию Блока в период революционной бури они склонны расценивать как уступку внутренним сомнениям, как отход от того, чему поэт поклонялся прежде.

Но что бы ни писали проповедники буржуазной эстетики в искусстве, враги искусства социалистического, как бы они ни тужились в попытках ревизовать творчество Блока, поэт был, есть и остается с нами.

При всех неизбежных колебаниях, сомнениях и оговорках Блок определенно принял сторону социалистической революции и ее творца — народа. Он уверился в том, что только революция способна освободить Россию от скверны буржуазности и мещанства, покончить с бесправием и нищетой, с нравственной и физической эксплуатацией. Об этом свидетельствуют сами его стихи, его записные книжки, письма, статьи, выступления, а также его активная общественная деятельность в первые годы становления молодого Советского государства.

Большого поэта нет и не может быть без большой души и биографии, отражающей сложность и противоречивость общественной жизни. Александру Блоку предстояло пройти трудный и порою мучительный путь. Но и в годы реакции, во времена столыпинщины и мертворожденного думства он чувствовал, если не понимал, что настоящую культуру России делают писатели-реалисты, писатели-борцы. «Полезно, — писал Блок в статье «О реалистах», — когда ветер событий и мировая музыка заглушают музыку оторванных душ и их сокровенные сквознячки».

События освобождали его от плена классовых предрассудков, от приверженности идиллическим юношеским пристрастиям. Еще в 1908 году в одном из писем он исповедовался: «Растет передо мною понятие «гражданин», и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие, когда начинаешь открывать его в собственной душе».

Но было бы ошибкой и упрощенчеством не видеть противоречий в затянувшемся становлении поэта. Растущая популярность и старые связи требовали своего, перешагнуть через них сразу было невероятно трудно.

Но поэт все же пришел к цели, давно томившей и звавшей его. Свою ответственность перед революцией Блок начал сознавать с ответственности перед Россией.

Цикл стихов «На поле Куликовом» — результат начавшегося процесса политического прозрения Блока. От расплывчатых представлений о некоей вселенской любви поэт приходит к мужественному пониманию святости борьбы, если ее цель и смысл — освобождение личности, открытие перед нею пути к счастью. Когда читаешь стихи этого цикла, с презрением думаешь о тех, кто подменяет гражданственность гитарным салонным брэнчанием и пуще всего боится ответственности поэта-гражданина. А сколько развелось стишков да стихотворных мещанских текстов, где радость сознательной, творческой, подвижнической жизни подменена обывательской радостью?

Настроения, отмеченные неопределенностью или недосказанностью, вместо утверждения подрывают гражданственность, выхолащивают из нее социальную суть. Эти настроения резко расходятся с традициями нашей литературы, в том числе с наследием Александра Блока, без которого невозможно представить боевую зарю новой литературы.

Блок — это поэтический барометр революции. Его душа почти интуитивно ощущала предстоящий крах царского режима. Он задыхался в атмосфере царизма, он жаждал иных общественных отношений и нового человека.

«Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего» — вот позиция Блока. Он принял Октябрь как величественную музыку гуманизма, как долгожданную утреннюю зарю России, как незнакомку, указующую путь к прекрасному.

Можно спорить, в какой мере пониманию Блока был доступен социально-политический смысл Октября, но радикальность, с какой революция сметала с пути старое, ветхое здание, была ему вполне и определенно по душе. Приступая в январе 1918 года к написанию поэмы «Двенадцать», он, впервые за всю свою жизнь, глубоко ощутил связь с революционной массой, связь с народом, воспринимая самого себя не только как свидетеля, но и как соучастника, как певца, сопричастного к великим событиям.

Какого бы туману ни напускали иные критики вокруг поэмы «Двенадцать», она была и остается лирическим гимном Октябрю, она была и остается политическим и морально-этическим кредо поэта, выражением его уверенности в том, что часы старой России пробили пол-

ночь, что впереди Россия новая, обновленная, полная страдания и любви, чистоты и чести.

Важное место в ряду высокогражданственных произведений Блока занимает стихотворение «Скифы». Интуиция, граничащая с научным прозрением о бое «стальных машин, где дышит интеграл», сегодня вызывает уважительное удивление. Стихи поэта, проникнутые заботой о будущем социалистической революции, по сей день взывают к политической бдительности перед лицом «неугомонного врага».

А забота Блока о сохранении культурного, художественного наследия? Его отношение к нему — это позиция настоящего гражданина. Отстаивая права поэта, он не забывал указать и на ответственность, с которой должны использоваться эти права, — ответственность перед революцией, перед историей, перед самим собой.

Разумеется, Блок не избежал многих иллюзий интеллигенции старого мира. Революционный смерч «на палубе большой» порой и ему казался светопреставлением.

Однако на прямой вопрос, может ли интеллигенция работать с большевиками, Блок дал ясный и недвусмысленный ответ: «Может и обязана».

В статье «Интеллигенция и Революция» он требовал: «Дело художника, *обязанность* художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Советская поэзия вдохновенно учит всему прекрасному, всему революционному, коммунистическому. Но если мы удовлетворены общим состоянием, это не значит, что нельзя предъявить некоторым поэтам конкретного счета за безликость, серость, оторванность от жизни и ее проблем.

Гражданственность — понятие широкое. Гражданственность в искусстве — это многочисленные проблемы, которые не могут не волновать настоящего гражданина. Это проблемы укрепления социалистического строя, устранения недостатков и препятствий, стоящих на пути созидания нового общества. Высшее проявление гражданственности — это сознательное служение социалистической Родине, Коммунистической партии, всему советскому народу.

Писать гражданственно — значит писать современно, уметь заглядывать в будущее ради разрешения проблем настоящего. Гражданственность — это прежде всего обо-

стренное чувство ответственности, это ощущение сопричастности к происходящему.

Программа Коммунистической партии, партийные решения, направленные на ее осуществление, должны на деле стать сутью нашей конкретной работы, целью наших исканий, смыслом нашей творческой жизни.

У нас нет недостатка в великих предшественниках, пример которых помогал бы видеть действительность в ее революционном развитии. Один из них — Александр Блок, гражданин нового общества, поэт, не только осознавший мощь и красоту поэтического слова, но умевший пользоваться им ответственно и честно в интересах расцвета социалистической морали. И сегодня не утратили своего глубокого смысла слова Блока:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

1978

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

(Педагогические раздумья)

Посеешь Поступок —
пожнешь Привычку,
Посеешь Привычку —
пожнешь Характер,
Посеешь Характер —
пожнешь Судьбу.

Народная мудрость

«Все начинается с детства» — это раздумья о характере и облике молодого советского человека, о патриотизме, о гражданском призвании юного поколения. Большая часть раздумий посвящена морально-этическим проблемам, вопросам воспитания чувств.

Именно в детстве происходит посев добра. Но лишь через годы будет ясно, оказались ли семена добра всхожими, или сорняки зла погубили их. Задача каждого из нас — помочь взойти семенам добра.

В жизни каждого человека, независимо от того, три ему года, тридцать три или семьдесят три, бывают радости и огорчения, любовь, восторг, ревность. Но проявляются эти чувства по-разному. Один и в гневе прекрасен, другой и в любви неприятен. Многое зависит от того, как воспитывался человек.

В детстве переживания особенно остры, а ум еще недостаточно подготовлен для того, чтобы правильно оценить все происходящее вокруг. Человек и сказать-то еще не может о том, что он чувствует, а впечатления уже формируют его характер.

В детстве нет незаметных происшествий.

Мелочь, пустяк могут оказаться важнейшими событиями для ребенка, навсегда запечатлеться в его памяти и сыграть свою роль, дурную или хорошую.

Спору нет: характер меняется, его можно перевоспитать. А как хорошо было бы не перевоспитывать, а просто сразу хорошо воспитать человека! Из любого ребенка можно вырастить доброго, отзывчивого, мужественного, честного человека.

Бывает, человек еще совсем маленький, только начинает жить, а характер его уже нуждается в перестройке, в «лечении».

Главное в воспитании — не упустить время. Можно и должно преградить дорогу всему дурному.

Однажды милиция обнаружила регулярное хищение вина из продовольственной палатки. Было ясно, что орудует шайка. Виновников долго искали и наконец нашли. Их оказалось трое: старшему одиннадцать лет, а младшему четыре года. Он-то и пролезал, как мышь, в небольшую щель в дощатой стене палатки. Когда следователь спросил у мальчишек, куда они девали краденое, один из них ответил: «Вино выливали, бутылки сдавали».

Смешные, наивные хитрецы! И все же если мы сегодня оставим их без внимания и, улыбнувшись, пройдем мимо, то через несколько лет эти трое могут стать участниками менее безобидных проступков.

Наши советские ребята в своем большинстве растут смелыми и честными, дружными и добрыми. И все же многое уходит из поля зрения старших. Тревожные сигналы порой раздаются из школы, из милиции, из прокуратуры: один не хочет учиться, второй хулиганит, третий грубит и лжет на каждом шагу, четвертый уличен в воровстве.

Сегодняшние подростки родились в послевоенные годы. Они, к великому счастью, не видели, как взрываются бомбы, не слышали душераздирающего рева сирен воздушной тревоги, не знали голода...

Они не знают, как это страшно потерять хлебные карточки.

Им не приходилось бежать по снегу босиком к партизанам, спасаясь от фашистов.

Это счастье, что наши дети избежали ужасов и тягот военного времени, но плохо, что некоторые взрослые, испытавшие войну на себе и прошедшие сквозь нее, стараются оградить своих детей от минимальных трудностей и забот сегодня, в мирное время. И потому не случайно иногда дети вырастают такими потребителями

жизненных благ, бесстрастными, пассивными созерцателями жизни, ленивыми, развязными скептиками, равнодушными к труду, ко всему, чем живет и дышит наш героический народ.

— Запустили космический корабль? Подумаешь!

— Построили новый город? Ну и что?

Появляются юные снобы, которые хотят жить только как в развлекательном заграничном фильме: легко и бездумно.

На детей и легче и трудней воздействовать, чем на взрослых. Легче потому, что они чутки и восприимчивы; трудней поэтому же: дети, многого не зная, многое чувствуют.

Если бы старшие почаще думали об этом, то, несомненно, тревожились бы о воспитании чувств своих сыновей и дочерей ничуть не меньше, чем о том, чтобы помочь им получить образование.

В характере каждого ребенка есть свои очень определенные черты.

Но, пожалуй, нежный возраст-то и существует для того, чтобы старшие с любовью и терпением лепили характер юного человека, повседневно заботясь о гармоничности его интеллектуального и эмоционального развития.

Для многих воспитателей юный возраст их подопечных — это нерешенная проблема собственного детства... Они, начисто забыв о нем, заново открывают, что такое ребенок.

То это абсолютное совершенство, «образ Христов» на земле, как говаривали встарь, то это что-то вроде малолетнего правонарушителя, за которым надо сверхбдительно следить.

Чаще всего взрослые приходят к выводу: надо смириться с тем, что дети не сразу становятся взрослыми, и утешаться тем, что сегодня они дети, а завтра — сталевары, геологи, писатели, поэты, художники, врачи, инженеры.

Выступая перед различными аудиториями, а также на страницах газет и журналов, я, как детский писатель, никогда не мог обойти этой темы, и все-таки мои высказывания были отрывочными.

Сейчас, многое подытожив, я хочу рассказать читателю о том, какими эмоциями, формирующими духовный мир, сопровождается вступление в жизнь человека.

Я не берусь и не в моих возможностях решить все

проблемы детства и не ставлю перед собой задачу научного анализа методов воспитания ребенка. Мне лишь хочется рассказать о некоторых своих наблюдениях над взаимоотношениями взрослых и ребят.

Воспитывать наших детей, людей будущего, — это и значит строить завтрашний день. Воспитание человека коммунистического общества означает не только развитие ума, широкой образованности, общественной активности, но предполагает и всестороннее развитие чувств.

Человек начинается с детства.

Человек рождается не для того, чтобы влечить печальное существование в бездействии, а чтобы работать над великим и грандиозным делом.

Л. Альберти

ЗЕМНЫЕ СПУТНИКИ

Однажды я услышал разговор двоих. Одному было семь лет, а другому лет на сорок больше.

— Ты читал «Тома Сойера»?

— Нет.

— А «Вия»?

— Нет.

— А «Хижину дяди Тома»?

— Не читал.

— Счастливый, — вздохнул с завистью старший.

И правда, можно было позавидовать. Мальчишке только еще предстояло наслаждение смеяться вместе с озорным Марком Твенем. Он только еще будет глазами, расширенными от ужаса и восторга, впиваться в строчки гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и по-мужски скрывать слезы, перелистывая Бичер-Стоу. Все это впереди. Важно лишь не упустить минуты и вовремя прочесть все эти прекрасные книги, без которых я не представляю себе детства.

По-моему, какой бы интересной ни была домашняя и школьная жизнь ребенка, не прочти он этих драгоценных книг — он обворован. Такие утраты невозполнимы. Это взрослые могут прочесть книжку сегодня или через год — разница невелика. В детстве же счет времени ведется иначе, тут каждый день — это открытия. И острота восприятия в дни детства такова, что ранние

впечатления могут влиять потом на всю жизнь. Вот почему и страшно потерять напрасно хоть час в пору этих золотых лет. Представьте себе, что так годков через десять с бывшим первоклассником, с тем самым, которому мы сегодня позавидовали, состоялся бы такой разговор:

— «Войну и мир» читал?

— Смотрел в кино.

— А «Белые ночи»?

— Тоже. Не понравилось. «Дама с собачкой» лучше.

Тут уж никто бы не позавидовал девственной нетроутости ума и несомненной примитивности чувств своего собеседника. Мы бы, скорей всего, ужаснулись: «Неужели книги не научили его чувствовать, думать? Неужели он прошел мимо них?!»

Хорошая, вовремя прочитанная книга может иногда решить судьбу человека, стать его путеводной звездой, на всю жизнь определить его идеалы.

Недавно я раскрыл Некрасова и перечитал знакомые с детства строки:

В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!

Эти строки я помню с восьми лет.

За полстолетие изменилось лицо Родины и сам, «покорный общему закону, переменился я». Но стихи эти не потеряли для меня своей прелести, очарования, и сейчас я не могу их читать без волнения.

Уже писателем, побывал я в тех местах, где дед Мазай спасал несчастных зайцев.

Через леса и болота размашисто шагнули линии высоковольтных передач; по осушенной, распаханной целине ходили зеленые волны ржи; над крепкими, ладными домами, которые здесь по-прежнему строят на сваях, выросли радио- и телевизионные антенны. Колхозные ребята, с которыми я разговорился в одной из деревень, рассуждали о космических кораблях, о полете на Луну и других событиях в мире. Но когда я заговорил с ними о Некрасове, напомнил строки, где поэт описывает их родные места, ребята замялись и никто, увы, не смог прочитать наизусть из «Деда Мазая» ни одного четверо-

стишия. Я с горечью подумал: а не была бы богаче их душа, если бы наряду с тем, что они знают о науке, технике и текущих политических событиях, они знали бы еще и стихи — много стихов! — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Тютчева, Блока и других замечательных русских поэтов.

Как же научить их любить поэзию? Многие произведения помещены в школьных хрестоматиях, предусмотрены школьной программой. Но ребенок должен знать, что поэт писал свои стихи не для школьной программы, не для того, чтобы его изучали и «прорабатывали». Он писал свои стихи для себя, а они стали нужны всем его соотечественникам. Его стихи живут и отдельно от учебника.

Без некоторых книг, не пережитых в детстве и отрочестве, сущность человека со всей его психологией останется грубой и неотесанной.

Какие же это книги? Прежде всего — сказки! Сколько в них поэтической прелести, художественного совершенства! Народные сказки всегда развивали чувства справедливости в человеке, ненависти к злу, будили воображение, фантазию. Вспомним Пушкина, который, уже знаменитым поэтом, с удовольствием слушал сказки няни Арины Родионовны.

Человек без фантазии и без чувства юмора — полчеловека. Фантазия побуждает людей делать открытия, фантазия окрыляет и ведет за собой. Сказка прежде всего развивает именно фантазию, воображение.

Каждый народ богат своими сказками: лучшие из них, переведенные на все языки мира, стали добрыми спутниками детей. Сказка как жанр литературы не может умереть. Прочное долголетие обеспечено и таким всеми нами любимым сказкам, как «Золотой ключик» Алексея Толстого, «Три толстяка» Юрия Олеши, «Приключения Незнайки» Николая Носова, «Старик Хоттабыч» Л. Лагина, «Баранкин, будь человеком!» Валерия Медведева, сказки современного итальянского писателя Джанни Родари и многие другие.

Как известно, своей пятилетней дочке и ее друзьям Федор Михайлович Достоевский читал отрывки из своих книг. Очень многие отрывки из книг для взрослых не только можно, но необходимо читать детям.

Пока ребенок не пошел в школу, у него много сво-

бодного времени, которое нужно использовать, чтобы постепенно приобщать его к миру прекрасного.

Один мой знакомый рассказывал, что самые яркие впечатления от чтения Тургенева остались у него с детских лет, когда он сам не знал даже букв, а слушал, как отец читает вслух «Записки охотника». И более всего тронули его тогда описания природы.

Задумывались ли когда-нибудь наши ребята над тем, что те их сверстники, жившие в прошлом, которые имели доступ к книгам, были гораздо образованнее и начитаннее их? Достаточно вспомнить юного Ломоносова, или Пушкина и его друзей-лицеистов, или мальчика Льва Толстого...

Спросите у школьника, разобравшего на «отлично» все «образы» и лирические отступления «Онегина», читал ли он «божественного Омира», упомянутого Пушкиным в том же «Евгении Онегине», — и почти любой ученик, уверяю вас, растеряется. Для большинства встречи с Гомером и Тютчевым, Верленом, Гёте и Омаром Хайямом так и остаются случайными встречами с великими незнакомцами.

Обращение к литературе, искусству прошлого, так же как и к истории, — это обращение к прошлому своего народа. Только тот, кто любит, ценит и уважает накопленное и сохраненное предыдущими поколениями, может стать подлинным патриотом.

В утро дуэли Пушкин написал Александре Осиповне Ишимовой: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»

Книга, раскрытая великим поэтом в то трагическое утро, была патриотической книгой для детей. Эпиграфом к ней были строчки Жуковского:

О родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Для нас драгоценно каждое слово, сказанное Пушкиным, а уж письмо, написанное в такое утро, тем более. Поэтому я позволю себе привести начало книги, отмеченной Пушкиным.

«Милые дети! Вы любите слушать чудные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебниках. Но, верно, для вас

еще приятнее будет слышать не сказку, а быль, то есть сущую правду...»

Серьезно, без кокетства говорит Ишимова со своими читателями.

«Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков. Ведь вы знаете, что такое предки? Это дедушки и бабушки ваших дедушек и бабушек...

...В старину в отечестве вашем России... жили люди, красивые лицом и станом, гордые славными делами предков, честные, добрые и ласковые люди, но страшные и непримиримые на войне. Их называли славянами.

Какое прекрасное имя, не правда ли, милые дети? Верно, и самые маленькие из вас понимают, что значит слава...»

Слава Родины, она не только в боевых и трудовых подвигах твоего народа, она в сказаниях и сказках, в стихах и романах, доступных тому, кто приобщился к такому простому и такому великому: к грамоте.

Несправедливо полагать, что вся ответственность за твое образование, за то, каким ты стал, лежит на плечах педагогов, учивших тебя. Много заложено в вас самих. Как от каждого члена экипажа зависит порядок на корабле, так и от каждого ученика зависит облик школы. Чем больше в классах любознательных, начитанных ребят, тем живее и интереснее работают все кружки, тем легче учителям открывать для ребят что-то новое, а не тратить время на подтягивание отстающих и повторение пройденного.

Чтение художественных произведений — неоценимый источник познания жизни и законов ее борьбы.

К. Маркс

Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь делает остальное.

Ф. Достоевский

Ройся в книгах при всяком удобном случае. Старайся перелистать и пересмотреть на своем веку возможно больше разных книг.

Н. Рубакин

Любить чтение — это обменивать часы скуки, неизбежные в жизни, на часы большого наслаждения.

Ш. Монтескье

КРЫШИ И КУПОЛА

У каждого из нас была в детстве пора, когда мы зачитывались былинами, русскими сказками и дух захватывало от описаний побед над двенадцатиглавыми змеями и радостных пиров в честь богатырских подвигов в теремах, изукрашенных так, что скатный жемчуг и красное золото меркли в сравнении с их красотой.

В сотнях сказок появляется лесная избушка на курьих ножках. Крикнет ей добрый молодец: «Стань к лесу задом, ко мне передом!» — и затопчутся курьи ножки, повернется изба в другую сторону.

Читаешь сказки и былины и задумываешься: правда ли были на Руси такие избушки и многоцветные терема или их создала фантазия сказителя заодно с живой водой, скатертью-самобранкой и Змеем Горынычем?

Оказывается, были.

В Костромской области до наших дней дожила двухсотлетняя избушка «на курицах».

Вместо фундамента подпирают ее по четырем углам огромные еловые пни, выросшие корнями в землю. Пни эти с гляцевитыми гибкими корнями напоминают куриные ножки. Еще одна «куриная нога» с торчащими «пальцами» придавливает крышу избушки. Это охлупень — бревно с обрубленными корнями, особенно фантастически вырисовывающимися на северном послезакатном небе.

Правда, редко теперь встретишь такую избу, а скоро их, быть может, совсем не останется. Разве что в музее подивисься черному от дождя и солнца могучему охлупню, спиленному с крыши.

Не выдумки сказителя и терема, стены которых горят жаркими цветами, оплетены узорами из небывалых растений. До сих пор поражает звонкая красота избяных росписей — настоящих оживших былин и сказок в Архангельской области. Это великая художественная культура, покоящаяся на древнейших традициях.

В «Истории» Геродота в главе «Скифия и поход Дария на скифов» говорится о деревянном зодчестве на землях «к северу на пятнадцать дней сухопутья от конца скифской земли» (то есть на территории Древней Руси): «Будины — народ великий и многочисленный, весь крепко белобрысый и в веснушках. У них есть деревянный город, имя ему Гелонос. Острог вокруг города велик...

притом высок и весь деревянный, дома также деревянные, равно как и святилища. Земля их вся заращена лесами».

Конечно, и следа не осталось и не могло остаться от деревянных сооружений страны, покрытой дремучими чащами. Пожары, набеги половцев, печенегов, войны стерли с лица земли почти все памятники деревянного зодчества языческой Руси.

Даже на Севере, лучше всего защищенном от войн и разорений, советские архитекторы и искусствоведы не находили изб старше двухсот — полутора столетий, их не было уже и до революции. Но традиции древней культуры живы и до сих пор.

О поэтическом, философском восприятии жизни русскими строителями говорят деревянные постройки Севера: красивые мельницы у холодных прозрачных рек, часовни, прижавшиеся к берегам северных озер, как будто неотделимые от теснящихся вокруг редких елочек, и резные столбики на погостах, словно вросшие в камни, траву и окружающие их заросли.

Книг обо всех этих чудесах русского деревянного зодчества написано мало, а собственными глазами все это видели очень немногие.

Я видел одну такую деревушку в Латвии, а одну... в центре Бухареста. В столичном парке на берегу озера раскинулось румынское село-музей. В какой бы двор, обнесенный забором, с воротами, колодцем, хозяйственными строениями и домом, полным мебели, посуды, одежды, вы бы ни зашли, все сохранилось, как было с давних пор. Дома эти привезли сюда из разных уголков страны.

А как богаты художественные традиции нашего Севера, Сибири, Урала, Поволжья, Карелии...

Заповедные деревни издавна привлекают сюда экскурсантов, туристов.

Кстати, перенос избы с места на место никогда не был диковиной для русских крестьян. Они подсовывали под избы, рубленные из вековых деревьев, такие же могучие бревна, и изба буквально переезжала на новое место. И стояли эти избы с нависающими, как шапка, тяжелыми крышами, с крыльцами, тоже рубленными из бревен, крепких, как железо, стояли еще долгие годы, из-за тяжести своей даже вращались в землю на два-три венца, но не разрушались.

Патриотизм начинается с любви и уважения к тому, что завещано отцами, дедами, предками; с любви к своему городу начинается гордость за свою Родину. Не только завоеваниями науки и покорением природы можно гордиться нам, но и великой культурой.

Лик города: площади, улицы, дома — все это с детства формирует и вкус, и мировоззрение. Для того чтобы проникнуться пониманием красоты, недостаточно ходить на свидание с ней только в музей. Красота должна окружать человека окнами вечернего города, цветами, благоухающими у дороги, набережными, дворцами, памятниками.

И вот ребенок идет по многолюдному городу, вбирая в свою память его обычаи, нравы. А дома!.. Одни строгие, высокие, другие небольшие, уютные. Есть дома чопорные, словно застегнутые на все пуговицы. Другие приветливо подмигивают светящимися окнами. Зимой они дремлют, спрятавшись в сугробы, летом радуются, окутанные зеленью и шелестом ветвистых крон. Постепенно человек сживается с городом, проникается его духом. Говорят же: «настоящий ленинградец». И это звучит как комплимент. Или знаменитое:

Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток...

Чем раньше пробуждаются в душе добрые чувства любви к своему городу, к своему дому, тем больше духовных сил у человека.

Хотя детство мое прошло в Пятигорске, сам я все же коренной москвич. В каких бы городах мира я ни бывал, как бы ни восхищался их красотой, Москва остается для меня лучшим городом в мире. Идешь по Москве, по ее площадям, по тихим переулкам, и чувствуешь, сердцем своим ощущаешь: это твой город. Он есть у тебя так же, как есть мать, родина, небо над головой, воздух, которым ты дышишь.

Можно бесчисленно приходить на Красную площадь, и все-таки дух захватывает, когда смотришь на сказочный храм Василия Блаженного, устремленный в небо всеми своими цветными фантастическими куполами. Он как бы вобрал в себя красоту и мастерство русских зодчих. И тут же у подножия малиновой Кремлевской стены — Мавзолей Ленина. А за ней — соборы, встают как зажженные свечи, торжественные, гордые и на-

рядные. Словно вся краса Древней Руси пришла на эту площадь, чтоб навеки слиться со светлым, новым городом. Надо только уметь смотреть, чувствовать эту красоту. И учатся этому с детства.

Святые камни Москвы — летопись, бережно хранящая имена сыновей: поэтов, писателей, художников, воинов, революционеров, связавших с ней свою жизнь и судьбу.

Москва бесконечно разнообразна. На ее сверкающие, оживленные улицы спешешь, когда на душе радостно и хочешь побыть среди людей. В старинные задумчивые переулки ее идешь, когда хочется поразмыслить о чем-нибудь, сосредоточиться, остаться наедине с собой. Эта Москва задумчива, есть в ней переулки пушкинских и лермонтовских времен. Сохранились до сих пор дома, где бывали великие русские поэты, писатели, композиторы, художники. Сохранились уголки литературной и театральной Москвы прошлого. Это живая история, культура и гордость наша. Правда, мест таких остается все меньше. И отнимает у нас их не только неумолимое время...

Я говорю об этом потому, что когда забывается история, то неизбежно начинается космополитическое низкопоклонство, нигилизм, раболепное поклонение всему, на чем стоит штамп: «импортное». Иные, чтобы подчеркнуть наши сегодняшние достижения, бросают пренебрежительно: «В старой, пыльной, купеческой Москве...» И пренебрежительно относятся к тому, что их окружает. Подумаешь, какое-то старье! Вот там, за рубежом, — это шедевры. А у нас? Так... хлам, еще не уничтожили... просто руки до всего не дошли... И поддерживается эта уверенность рассказами своих же туристов, которые охают и ахают, вспоминая чужестранные красоты, а своего родного не ценят, потому что не знают. Да, в общих чертах именно так и зарождается это низкопоклонство, постыдное незнание и непонимание своей исконной, национальной культуры.

Я люблю сегодняшнюю Москву с ее новыми широкими проспектами, щедро залитыми светом, с легкими мостами, взлетающими над рекой, с пестротой реклам, афиш художественных выставок, концертов, спектаклей. Москва сейчас — один из крупнейших мировых центров культуры.

Сегодняшняя Москва — стремительная, трудовая

и праздничная — очень хороша. Но нельзя не восхищаться и старой Москвой. Ленинградская школьница Елена Д. рассказывает мне в письме, какое неизгладимое впечатление произвело на нее первое свидание с Москвой.

«Я живу в Ленинграде. Очень люблю свой город, где выросла, пошла в школу, стала комсомолкой, узнала так много хороших людей. Мне раньше казалось, что самый лучший город — это наш Ленинград.

Мне не надоедает бродить по набережным Невы, ходить в Эрмитаж или Филармонию. Все, кто любит красивые города, должны непременно побывать в Ленинграде. У нас нет ни одной некрасивой улицы, каждая — строгая и поэтичная.

И вот, в этом году, летом, я впервые попала в Москву. И тогда поняла, что тот, кто не был в Москве, не может еще сказать, что он знает свою Родину, свою Россию.

Хотя Москва очень современная по своему духу, настроению, темпу жизни, но в то же время по ней можно ходить и узнавать о своей Родине так же много, как в музее.

Когда по улице Разина подходишь к Красной площади, кажется, что постепенно вступаешь в торжественную песню или в легенду.

Именно такое впечатление производит храм Василия Блаженного и Кремль...»

«Жизнь народа, его судьба, даже, пожалуй, его настроение — то озорное, то торжественное — отражается в названиях улиц и площадей, — пишет дальше Лена и делится со мной такими мыслями: — Я попросила одну москвичку, и она меня провела по Москве и заодно сказала старые названия многих улиц. Мне казалось, что все они такие родные, приятные, настоящие русские. И есть очень забавные, так и слышишь в них шутку. Но многих из них уже никто не помнит. Только коренные москвичи знают Маросейку, Лубянку, Поварскую, Охотный ряд, Ильинку, Девкин переулок, Кудринскую площадь, или Кудринку, как звал ее живший неподалеку Чехов. Московские школьники недосчитываются многих и многих знакомых по русской классической литературе названий.

Вот, например, читают они «Анну Каренину» и доходят до таких строчек: «Левина уже не поражало теперь,

как в первое время его жизни в Москве, что для переезда с Воздвиженки на Сивцев Вражек нужно было запрягать в тяжелую карету пару сильных лошадей...» И дальше: «...Левин вышел на крыльцо и, кликнув извозчика, сел и поехал на Никитскую...»

В Москве перебивали люди из всех наших городов, но кто из них знает, что это за Воздвиженка и Никитская? И московские ребята тоже не могут показать, где они.

А ведь названия нужны были Толстому не только для того, чтобы показать, как близко находились улицы. За ними у читателя вставляли совершенно конкретные образы, помогающие лучше понять его героев.

Впрочем, не только в Москве, но и у нас в Ленинграде отменили многие исконные названия улиц.

У Маршака есть хорошие строки:

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский,
О Блоке вспоминают острова,
И по Разъезжей бродит Достоевский.

Но сейчас мы, ленинградские школьники, не знаем, где отыскать бывшую Гороховую или Миллионную, о которых писал Достоевский».

Деревянная Москва, доставшаяся нам в наследство от прошлого, не может быть сохранена как музей. Город растет, строится. На смену улочкам приходят широкие магистрали.

Это закономерно.

Мы не можем, к сожалению, восстановить и сохранить все то, что напоминает нам о славном прошлом нашей столицы. Только наиболее значительное, ценное берется под охрану государства. Отряды следопытов восстанавливают в памяти картины ратного подвига нашего народа, и вы можете изучать и познавать историю нашей культуры по тем памятным вехам минувшего, которых еще много в Москве, да и в каждом городе.

Зарисовать, описать, сфотографировать — все это под силу любому, кто хочет сохранить в памяти историю своего родного края. Не зная прошлого, нельзя любить настоящее, думать о будущем.

И все начинается с детства.

ПЕРЕД ТЕАТРАЛЬНЫМ ЗАНАВЕСОМ

Театр любят. О театре пишут много, вдохновенно, спорят, изучают мнение зрителей, их вкусы, симпатии, антипатии.

Люди объединяются в одном зале в ожидании чего-то необычного, праздничного, даже в том случае, если на сцене они увидят человеческую драму или трагедию. Все они, сидящие в зале, готовы дать волю своим чувствам, вместе с героями спектакля плакать и смеяться.

Это ожидание, тихий говор, медленное угасание света, наступающая затем короткая тишина — все это настоящая увертюра для чувств, вслед за которой начинается самозабвенное, как в детстве, переживание, приобщение к искусству.

Хороший зритель, как хороший актер, полностью перевоплощается в героя. Человек в зале потому и жаждет торжества добра над злом, что это его сердце изменено изменами, разгаданными Гамлетом. Это он вместе с комиссаром из «Оптимистической трагедии» готов отдать себя делу Революции.

Задача настоящего театрального действия — заставить человека увидеть себя со стороны, лучше себя узнать и понять.

Плох тот зритель, что приходит в театр от нечего делать — просто так, развлечься.

Если человек, придя в театр, умеет забывать о себе, о собственных тревогах, ревности или досаде и целиком отдается тому, что видит на сцене, значит, в нем были пробуждены лучшие чувства и душа его стала отзывчива к человеческому страданию, радости, надеждам и любви.

На своих спектаклях я, как автор, больше люблю смотреть в зрительный зал, чем на сцену. По разным причинам актеры могут играть лучше или хуже. Зато зрительный зал всегда живет своей особой жизнью. Он не рассудочно оценивает достоинства и недостатки спектакля, а целиком отдается тому, что видит. Юный зритель видит подчас совсем не то, что сидящий рядом с ним взрослый.

Как-то раз на спектакле «Зайка-зазнайка» рядом со мной оказался театральный критик.

— Понятна ли будет детям философская идея «Зайки-зазнайки»? — тревожно спросил он меня во время спектакля.

— Какая именно? — полюбопытствовал я.

— Ну, о том, что нельзя доверять оружие не умеющему стрелять, ибо это доверие он обратит во зло обществу.

— Но этой идеи в пьесе нет и в помине...

— Но в подтексте-то! — взмолился критик.

— Какой же здесь подтекст? В зале пятилетние дети!

И пятилетние дети в самых страшных моментах, закрывая лицо руками, безоговорочно верили, что актер, одетый волком, — это волк, а актриса — лиса.

Для детей игра часто становится жизнью. В том числе и «игра» актеров на сцене. Это счастливая особенность детства.

Ребята абсолютно забывают, что они в зрительном зале...

В Калининском театре шел спектакль «Хижина дяди Тома». В сцене продажи негров-рабов в зрительном зале наступила напряженная тишина. Очередь дошла до дяди Тома: его тоже должны были продать с аукциона. И вдруг на сцену из зрительного зала вбежала девочка, протягивая свои деньги, — она искренне хотела спасти и освободить дядю Тома.

И воцарилась тишина,
Согретая дыханьем зала,
И вся Советская страна
За этой девочкой стояла.

А ведь если бы кто-нибудь остановил девочку и напомнил ей, что это всего-навсего театральное представление, она бы, вероятно, устыдилась своего искреннего порыва и никогда бы не смогла уже так живо воспринимать и горячо переживать то, о чем говорит с ней писатель, художник.

Детство без ложного стыда отдается чувству прекрасного: смеется, читая смешное, плачет, читая грустное. Счастлив тот, кто сохранит эту непосредственность восприятия на всю жизнь...

«БЕЗМЯТЕЖНОЕ» ДЕТСТВО

В одной семье, в советской семье, произошел следующий случай. Отец уговаривал своего ребенка: «Вот как ты нехорошо себя ведешь, не слушаешь маму с папой. Мама с папой все для тебя делают, так о тебе заботятся...»

— Это не вы обо мне заботитесь. Это партия и правительство обо мне заботятся! — ответил ребенок.

Ребенку было пять лет. Но он ежедневно слушал радио и смотрел телевизор, и все, что слышал и видел, он, будучи ребенком, впитывал в себя как губка. Поэтому ответ его прозвучал не по-детски. Ребенку с детства надо прививать уважение и любовь к Родине, к партии и правительству, но он должен знать, что воспитывают его отец и мать.

Как много могут сделать средства информации, если это живое дело находится в руках умелых воспитателей. Но раннее «овзросление» — «ненормальность», в которой ребенок не виноват. Скорее, он жертва. Его лишили непосредственности, естественности поведения, романтики детства, подгоняя его «умственное развитие».

Как-то меня пригласили посмотреть новый документальный фильм «День в семье Никитиных». На экране творились «чудеса»: малыши читали, считали, упражнялись на турнике, чуть ли не нагишом выходили зимой на улицу.

Когда я смотрел этот фильм, да и позже, когда читал о методе воспитания детей в семье, предложенном супругами Никитиными, я все время рассуждал сам с собой: «А не противоестественно ли такое насилие над детством? Не дрессировка ли это, не «выжимание» ли всех возможностей, отпущенных природой человеку про запас? Не вредна ли ребенку эта педантичная эксплуатация его способностей? Даже из новой автомашины не выжимают всей мощности, а поначалу пользуются ограничителем...»

Одним словом, то, что как некое откровение предлагали с экрана зрителям, вызывало у меня протест: дети — это отнюдь не материал для подобных экспериментов.

А может, все-таки правы супруги Никитины?

В статье Татьяны Снегиревой «Осторожно, детство!», опубликованной в «Литературной газете», была приоткрыта завеса над тем, что осталось для широкого кру-

га телезрителей как бы «за кадром». Оказывается, ученые — медики и педагоги — уже доказали, что одностороннее физическое развитие не укрепляет здоровья, а преждевременное и чересчур интенсивное накопление знаний отнюдь не способствует развитию ребячьих способностей.

И все-таки это я пишу не для того, чтоб стать еще одним оппонентом в полемике с супругами Никитиными. Я хочу задуматься вот над чем: так ли уж одиноки супруги Никитины в своих взглядах на воспитание? Пусть в других семьях их метод не доводят до крайности, но в семейной педагогике, в философии семейного воспитания сейчас безусловно происходит некоторый сдвиг, крайним выражением которого и стал эксперимент, проведенный в семье Никитиных.

Что же это за сдвиг? Что за перелом?

Последнее время стало модным восхищаться необыкновенно ранним развитием детского ума. Нынешнее поколение, мол, особенное: дети не те, что были в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы. А уж об их сверстниках, живших сто лет назад, и говорить не приходится!..

Это своеобразная концепция наших дней. Доказательства в ее пользу приводят разные.

Берутся для сравнения книжки, написанные специально для детей в незапамятные времена, и сравниваются с современными: ну, например, какие-нибудь «Олины затеи» в «роскошном коленкоровом переплете» с любой мало-мальски удачной современной книжкой.

Сравнить нельзя! Под «роскошным коленкоровым переплетом» содержалась история о том, как к богатой, избалованной девочке, конечно с добрым сердцем, привозят несчастную сироту из деревни. Мать ее умерла, отец — мужик Иван — страшно пьет и избивает свою дочку-ангела. Крестьянская девочка Оля оказывается изобретательной выдумщицей. Она чудесно играет с господской дочкой в куклы, забыв, разумеется, об отце и маленьком брате. Идиллическая дружба двух маленьких прелестных, как резвые птички, подружек длится до тех пор, пока не приходит пора барышне ехать в пансион. Затеяница Оля, заливаясь слезами и целуя от удивления руки своей подруге, благодарит ее за участие к ней, бедной сиротке. Затем одна уезжает в пансион, а другая отправляется к отцу, «пьяному мужику Ивану»,

поскольку развлекать-то теперь больше некого, в барском доме она не нужна.

Впрочем, дальнейшая судьба «затейницы Оли», крестьянской девочки, автора и не волнует: «главная авторская задача» — умилиться добрым сердцем барышни.

Конечно же, подобная «литература» никоим образом не выдержала бы критики сегодняшних юных читателей.

Их не обманешь такими книжками. Эпоха не та, и ребята не те.

Да, в наши дни дети смотрят телевизор, слушают радио, ходят в кино, получают большую информацию.

Все это верно. Объем этой информации, обрушивающейся на головы наших детей, очень велик. Но не слишком ли большое значение придаем мы тому, что дети наши знают слова «космос», «спутник», «ракета» или щеголяют знанием марок самых разных автомашин? Между такой осведомленностью и умением думать и чувствовать лежит дистанция огромнейшего размера. Осведомленность — это только первая ступень развития духовного мира ребенка. Он многое слышал, любознательность его разбужена — и все. Теперь дело воспитателя — объяснить эти факты, позаботиться о том, чтобы знания стали разносторонними, дело воспитателя — помочь ребенку познать окружающий мир, научить юного человека думать и чувствовать. А научиться всему этому для современных детей ничуть не легче, чем было когда-то для предыдущих поколений. Действительность требует от людей все больше энергии, знаний, а потому все большего внимания к детям. Вот почему роль воспитателей становится все более важной. Некоторые же воспитатели, беспомощно вздыхая, опускают руки: вроде, мол, и воспитывать нечего — дети теперь умней взрослых.

Из того, что дети весьма и весьма информированы, нельзя опрометчиво делать вывод о том, будто они... перестали быть детьми. Детский ум, детские способности очень специфичны. Многие говорят, что испытывают наслаждение, беседуя с детьми. Но наслаждаются они не тем, что их собеседники говорят, как равные им, опытные люди, нет-нет, а тем, какие неисчерпаемые возможности познания таит в себе развивающийся человеческий мозг. Способность улавливать объяснения, накапливать знания с самых ранних лет у человека громадная. Мозг жаждет пищи.

Особенно важно не притупить эту драгоценную способность схватывать на лету мысли.

Мне кажется, широкая, но хаотическая осведомленность идет скорей во вред ребенку, чем на пользу. Если сегодня, включив телевизор, он смотрел фильм для взрослых, завтра — эстрадный концерт, за ним популярную лекцию, то в этом калейдоскопе он ничего не успевает понять и почувствовать. Ребенок преждевременно пресыщается впечатлениями, но не умеет осмыслить увиденного, не испытывает уже никаких эмоций и одинаково равнодушно смотрит рекламный фильм, снятый по заказу Госстраха, и философски глубокие кадры из «Войны и мира».

Широта знаний и глубина переживаний не всегда мирно уживаются в детском возрасте. Но из-за взрослого эгоизма и невнимания к духовному миру ребенка мы иногда совершенно не желаем щадить нежный возраст детей. Пусть они родились во второй половине просвещенного XX века и им предстоит познать очень многое — они дети, и нельзя лишать их радости ощущать юный возраст, абсолютно ни к чему делать из них маленьких старичков.

Жажда «овзрослеть» своих детей, видеть их и детьми и одновременно этакими юными мудрецами, искать в детском лепете притчи и афоризмы — это стремление взрослых очень легко угадывается самими детьми и не всегда благотворно на них отражается.

Прислушайтесь к рассказам иных мам и пап. Они полны гордой убежденности в том, что их ребенок необычайно интеллектуален, тонок, одарен. Не всегда об этом говорится напрямую — чаще всего рассказывается какая-нибудь история из жизни мальчика или девочки, приводится реплика ребенка, нередко отредактированная старшими, или же на авансцене появляется сам ребенок... Он знает: от него ждут взрослых интонаций, мудрых высказываний. И ребенок всю старается не обмануть ожиданий.

Одним словом, я за то, чтобы будить в душе ребенка добрые чувства, свойственные именно его возрасту, и я решительно против того, чтобы воспитывать всезнаек, которые могут говорить обо всем, как взрослые, на самом деле еще очень многого во взрослом мире не понимая...

Нужно проявлять такт по отношению к детям, не го-

ворить при них обо всех своих делах и заботах, как это часто случается.

Праздничный вечер. К родителям пришли родные, друзья. Взрослые сидят за столом, шутят.

— Ниночка, почитай нам, пожалуйста, стихи. Что ты выучила сегодня в садике?

Пятилетняя Ниночка читает стихи, поет песенку, всем приятно послушать милый детский голосок. Девочка остается за столом, принимает участие в разговоре, бросает какие-то свои реплики. Очень наивные, ребячливые, они смешат гостей. А через два-три года Ниночка уже совершенно привыкает к тому, что она может беседовать со всеми, высказывать свои суждения и держаться как равная с мамиными и папиными друзьями. Не понимая интересов и забот взрослых, она дает советы, спешит высказать свое мнение.

Я не считаю, что взрослые должны каждый раз обрывать ребенка: «Тебя не касается». Но до этого и не дойдет, если оберегать ребят от слишком ранних «взрослых» впечатлений.

Как-то я зашел пообедать в кафе. Рядом со мной за столом оказалась именно такая Ниночка с мамой. Девочке было лет двенадцать. Она сообщила, что учится в английской и музыкальной школах; что Театр на Таганке, конечно, говорит какое-то новое слово, но как драматург ей ближе всего Розов, хотя его последние искания представляются ей несколько спорными.

Мать, млея, слушала лепет своей девочки. Когда принесли меню, она передала его дочке, и та сама заказала официантке обед:

— На закуску ветчина? Она у вас жирная? Нет, мама, это не годится для твоей печени.

— Она у нас и медицинские справочники читает, — пояснила мать.

А я смотрел на нервное, усталое личико девочки, напряженно разыгрывавшей роль взрослого человека и заученно повторявшей чужие, услышанные где-то фразы о литературе, политике, театре... И мне было жаль ребенка: слишком рано кончилось его детство. Детское обаяние, непосредственность были утрачены. Духовной глубины опыта взрослых быть не могло, так же как и собственных суждений о сложных проблемах жизни. Было только желание, чтоб все заметили, какая она умная, исключительная.

А нужно ли было все это? Действительно ли такое подхлестывание обогащает духовный мир юного человека? Быть может, незатейливые с виду, но такие солнечные радости чистого детства дадут растущему человеку гораздо больше? Ведь романтика игр, увлечение сказками, любовь к щенку и котенку — все это детям необходимо!

На одном московском бульваре мне пришлось наблюдать такую сценку. Мальчик лет пяти очертил прутиком круг и оказался в его центре.

— Не переходите за черту! Я тут один буду играть, — сказал он своим друзьям.

«Вот так индивидуалист!» — подумал я и подошел поближе.

Оказалось, воспитательница, присматривавшая за детской группой, только что объяснила ребятам, что неправдашних «ученых котов» и «витязей прекрасных», выходящих на берег прямо из морских вод, на свете не существует и что все сказки, которые они читали, — это выдумка и неправда.

А как же богатыри на конях? А спящие красавицы? А волшебная калоша?..

— Ты веришь в ведьм? — с надеждой спросил мальчик своего друга.

— Анна Андреевна сказала, что их не бывает!

Вот тут-то Витя и отгородился от всех кругом, который, быть может, считал волшебным. Он по-своему отстаивал романтику детских представлений о чудесах. Никакие ведьмы его не пугали: там, где ведьмы, — там и могучие богатыри, которые спасают честных людей от злых колдуний; там и романтика костров, таинственно мерцающих в заброшенных пещерах. А за этими кострами и пещерами, в еще более сказочной дальней дали, живет надежда самому стать добрым молодцом, сесть на коня, сразиться со злыми волшебниками... Словом, живет мечта быть добрым, быть сильным и защищать слабых...

Ведьм нет... Какое жестокое разочарование для благородного детского сердца! Значит, и спасать не от кого. И костров в заброшенной пещере не будет...

Не скажешь ведь ему:

— Успокойся, Витя: еще придется тебе и со злом бороться, и свои убеждения отстаивать!..

Не поймет он всего этого. Ему же пять лет. Ему нуж-

но, чтоб подарки на елку приносили не просто папа и мама, а румяный Дед Мороз в шубе из снега и льда да синеглазая Снегурочка с длинной косой. Ему нужно мечтать, придумывать, фантазировать...

Он живет в особом мире. Он очень любит байкового мишку в красной рубашке и голубых штанах и почему-то совсем иначе относится к мишке в желтой рубашке и полосатых штанах. Отчего? Этого он и сам не может объяснить. Просто тот мишка хороший, а этот плохой.

И вдруг вопрос:

— Что ты думаешь, Витя, о театре абсурда?

— Не сказал бы, что это прогрессивное явление в искусстве...

Можно, разумеется, научить Витю рассуждать и на эти темы. Отчего же нет? Можно. И есть Вити, которые обучены подобным репликам.

Конечно, я сам довел до абсурда воображаемую ситуацию. Но разве не дико требовать, чтобы дети говорили взрослыми голосами? Во имя чего это нужно делать? «Во имя их будущего!» — ответит иной родитель. Как это ни странно, но ребят лишают романтики детства именно из-за любви к ним, из-за желаний видеть их выдающимися личностями, сверхумными, сверходаренными.

Детские игры, детские шалости, детские фантазии, детские интересы, детские разговоры... Если взрослые не разрушили преждевременно этой особой атмосферы, в которой и зарождается будущее богатство духовного мира, если взрослые сумели понять и оценить вдохновение, романтику и чистоту юной поры, то они уже многое сделали для счастья ребенка.

Любовь и привязанность к людям, животным, природе, первое чувство дружбы и товарищества, первая благодарность за добро, ненасытная любознательность — вот что должно наполнять духовный мир ребенка, развивать его фантазию и воображение.

Мы, взрослые, любим повторять: «Детство безмятежно. Детство — это счастливейшая пора жизни. Детство — это радостная, весенняя заря человеческого бытия».

Так ли? Безмятежно ли детство?

Вообразите, что вы сейчас не в комнате, не в вагоне метро с книжкой в руках, а занесло вас неведомой силой на некую неведомую планету. Ну, Марс, что ли, возьмем для большей безопасности и близости. Оказались вы на

Марсе, оглянулись окрест себя и увидели не мертвые просторы, а жизнь. Надо приспособиться к ней. В-первых, надо узнать, как что называется вокруг. Для этого нужно понять язык марсиан.

А потом научиться вести себя так, как тут принято.

И эти «нужно» никогда, кажется, не кончатся.

Нужно овладеть множеством марсианских житейских правил, иначе еще неизвестно, чем кончится ваше пребывание на Марсе.

Вот примерно такие же способности должен проявить человек в счастливейшую и безмятежную пору своих детских лет. Шалая и играя, он должен узнать: вот я и вот не я, а мир вещей, мир зверей, мир людей. И познание мира — это не просто механическое накопление наблюдений: вчера человек не знал, что такое дождь, а сегодня утром увидел его и заодно узнал, что бывают на свете водосточные трубы, что воробьи от холода нахохливаются и превращаются во взъерошенные клубочки. Это были утренние открытия, а в полдень он узнал, что, если испугать котенка, шерсть на нем станет дыбом, а глаза вспыхнут зелеными огоньками.

В этом ли суть открытий детства?

Нет.

Они куда сложнее. Вспомнить это дано не всякому.

В детстве человек и счастлив, и умен. По-своему. Но он не может быть один, он не должен оставаться одиноким и непонятым. И тут дело не только в том, чтобы его вовремя кормили, одевали и выводили гулять. Ребенку нужно, чтобы к нему относились именно как к человеку, достойному уважения, любви и внимания.

Действительно, присмотритесь к детским играм, рисункам, прислушайтесь к речи детей — и вы увидите, каким солнечным, ярким, переполненным самыми невероятными чудесами видится им мир. Даже в страшных сказках улавливают они своим чутким слухом что-то радостное, а в будничных происшествиях видят то необычайное, значительное, что ускользает от взрослых.

За эту праздничность ощущений и любят детство и вспоминают о нем с благодарностью всю жизнь. За праздничность ощущений, а не за отсутствие забот.

Старшие не должны отнимать у детей радости, приземляя их восторженное удивление, возникающее от познания бесконечно нового, непрерывно меняющегося мира.

Мы все хотели бы помнить, как длинны были в детстве дни, как много событий умещалось в каждом часе, как приятно было летать во сне, как высок был обычный потолок в комнате, огромен сад возле дома, таинственна ближайшая роща.

Но кто действительно помнит настоящие лучи вокруг солнца? Кто помнит, как неотразимо пахнут новые игрушки, новые книжки? Кто помнит, какими торжественными и значительными представляются самые обычные события и какими иногда задерживаются в памяти эти далекие картины.

Поле, белое и покачивающееся, с острым запахом ромашек. Неожиданно появившаяся вдали мать... Ее голос... Солнце, от которого радостно разошлись во все стороны тонкие, как палочки, сияющие лучи.

Их никогда не видят взрослые, а дети видят.

И даже рисуют.

Не случайно на детских рисунках такие чистые краски. Зеленые — яркие, как первая трава, красные — такие, аж дух захватывает. Точно так же, без полутеней, видится в детстве добро и зло. В детстве или любят, или ненавидят, поступок здесь может быть или хорошим, или плохим, а не средним.

Опыта, знаний еще нет, но до крайности обострено восприятие прекрасного и уродливого, искренности и фальши.

Да, немногим удается унести с собой из детства умение видеть красоту и сохранить свежесть чувств. Но только тот человек духовно молод, кто умеет, как в детстве, радоваться и удивляться таинственности закатного неба и сумеречных городских улиц, кто замечает, как кружатся в светящихся облаках птицы, чувствует запах земляники и разогретой солнцем хвои в лесу.

Именно этим людям, свежо воспринимающим мир, мы бываем обязаны наслаждением слушать музыку, читать хорошие книги, видеть настоящую живопись. Они раскрывают перед нами в звуках, цвете, слове красоту и мудрость мира, потому что талант и начинается с детской впечатлительности и способности открывать в обыденном прекрасное, помноженное на жизненный опыт и духовную зрелость.

Но порой непонимание старших отгораживает их от жизни детей.

— Папа, я шел от бабушки, — захлебывается от возбу-

ждения пятилетний мальчик, — увидел медведя, застрелил его из этого ружья...

— Не ври, — прерывает отец восторженный рассказ.

А разве это было враньем? Если бы отец внимательнее посмотрел на мальшца, то понял бы, что тот не солгал. Да, шел от бабушки, увидел медведя, ловко сорвал с плеча ружье, метко прицелился и единым выстрелом убил зверя наповал. Он смелый и меткий стрелок, он герой, он знал, что все это случилось, и хотел рассказать обо всем отцу. А тот не понял, не поверил, и для мальчика это стало драмой, потому что для ребенка игра — не только игра, но и жизнь.

К. С. Станиславский говорил артистам Художественного театра: «Когда вы дойдете в искусстве до правды и веры детей в играх, тогда вы сможете стать великими артистами».

В утешение тем, кто хочет непременно видеть в детских играх рациональный элемент, могу сказать, что элемент этот есть. Если мальчишки, сидя на берегу реки у костра, мечтают когда-нибудь выйти в зеленые волны океана, то для начала они непременно научатся переплывать эту самую речку, на берегу которой сидят. Входя в ее холодные, быстрые воды (это тоже требует усилия воли), они вообразят себя отважными мореходами.

И, мечтая о героических делах, бродя по окрестным лесам, строя шалаши, преследуя воображаемых шпионов, ребята взрослеют.

Извечны казаки-разбойники, дочки-матери, следопыты-разведчики! Сколько характеров отшлифовалось в этих играх!

Я лично не встречал среди детей, играющих в разведчиков, трусов, которые, попав в плен, выдавали бы врагам тайну, несмотря на то что в игре, как и в жизни, свои суровые законы.

Если, выглянув в окно, вы увидели, что несколько мальчуганов прыгают с крыши сарая в песочную кучу, то знайте, что они, отважно распахнув дверь межзвездного корабля, бросаются в бездонную звездную черноту. При такой фантазии миг, когда нужно спрыгнуть с крыши, требует тоже напряжения воли.

Я не знаю, дано ли будет взрослым, промчавшись через ледяную черноту космоса на соседнюю планету, пережить восторг, какой испытывают дети, отправляясь

тем же маршрутом через комнату на стульях, опрокинутых для «достоверности».

И пожалуй, это преступление — раздраженно разрушать их фантазию.

— Что тут творится! Во что превращена комната!

...Знарок юной души писатель и педагог А. Макаренко утверждал: «Трудно представить себе такую тему, которая не могла бы быть предложена детям». Дело, стало быть, не в том, какие темы предлагать детям, — запретных тем нет! — а в том, как их ставить. В доходчивой, ясной форме с детьми можно говорить о жизни во всех ее проявлениях, о добре и зле, лжи и правде, чести и бесчестии, храбрости и трусости. Детям нужна богатая животворными витаминами духовная пища, им нужно высокоидейное искусство — искусство, которое воспитывало бы в них высокие эстетические чувства, порождало бы потребность бороться за осуществление высоких идеалов.

Вам не удастся никогда создать мудрецов, если будете убивать в детях шалунов.

Ж.-Ж. Руссо

Пусть дитя шалит и проказит, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себе отпечатка физического и нравственного цинизма; пусть оно будет безрассудно, опрометчиво, лишь бы оно не было глупо и тупо, мертвенность же и безжизненность хуже всего.

В. Белинский

Игра есть потребность растущего детского организма. В игре развиваются физические силы ребенка, тверже делается рука, гибче тело, вернее глаз, развиваются сообразительность, находчивость, инициатива. В игре вырабатываются у ребят организационные навыки.

Н. Крупская

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ?

Есть люди, о которых говорят: «Это человек слова!» Значит, на такого человека можно положиться — он выполнит свое обещание без напоминания.

Вы обещали позвонить по телефону товарищу и не позвонили — забыли. Вы опоздали на свидание, на деловую встречу, а то и вовсе не пришли, сославшись потом

на нездоровье или на другую причину. Вас попросили опустить по пути письмо в почтовый ящик, а вы протаскали его в кармане всю неделю.

Мы довольно часто совершаем такие мелкие «предательства», не придавая им большого значения, не замечая их и прощая друг другу. Эта небрежность в человеческих отношениях вошла у многих в привычку.

«В конце концов, не на этом строятся отношения между людьми!» — думают некоторые. И ошибаются. Они просто не понимают, насколько легче жить людям организованным, обязательным.

Как же стать таким человеком?

Здесь трудно дать рецепт, но многое, по-моему, зависит от самовоспитания.

С юных лет надо научиться заставлять себя делать не только то, что хочется, но и то, что надо. Не откладывать на завтра того, что можно сделать сегодня, сейчас.

К примеру, вы собираетесь в поход. Собрали накануне вещи и, лежа в постели, вдруг вспоминаете, что забыли положить зубную щетку. Вы уже погасили свет и пригреблись под одеялом. Не хочется, конечно, подниматься, доставать щетку, распаковывать рюкзак. Можно с успехом сделать это и утром. Такой пустяк! Но если вы не отложите на утро, а сделаете немедленно, то это будет ваша победа над собой, пускай маленькая, но победа!

Вовремя возвращенная в библиотеку книга, не оставленное без ответа письмо, точно выполненное поручение, не бросаемые на ветер обещания — это звенья одной цепи, воспитание самодисциплины, ответственности перед собой и другими.

И все начинается с детства...

Как редактору «Фитиля» мне пришлось повидать множество родителей, которые, заливаясь слезами, жаловались на детей, покинувших их как раз тогда, когда человек более всего нуждается в заботе своих детей — на склоне лет.

— Видели бы вы, какой это был милый мальчик. Мы души в нем не чаяли, все делали для него...

Был. А теперь вот пришлось идти в редакцию и просить образумить жестокосердное чадо с помощью кинофильтона.

Ну, а что было до того, как мама с папой пришли в редакцию?

— Кушай, лапуся, кашку, — приговаривает мать, кормя с ложечки маленького сына. — Вот Жучка просит кашки, а мы Жучке не дадим! Коленька сам съест.

Мать топает ногой, а Коленьке смешно смотреть, как Жучка бросается вон, поджав хвост. Он проглатывает ложку каши. Постепенно в его сознание прочно входит убеждение, что не нужно ни с кем ничем делиться. Это нравится маме — значит, это хорошо.

А мама приговаривает снова:

— Вот бабушка просит кашки, а мы ей не дадим. Уходи, бабушка. Коленька сам съест!

Бабушку в шутку прогнали, но сделан еще один вывод. С бабушкой, оказывается, тоже можно не церемониться.

Прехорошенький малыш останавливается посреди улицы и осипшим от слез голосом выводит басовитую ругаду: «На ручки-и-и».

Мать устала, в руках у нее тяжелая кошелка, но, когда ее дитя бросается животом на асфальт, размазывая по лицу черные, перемешанные с пылью слезы, задыхается, всхлипывая: «На ручки-и-и-и», мать решительно поднимает его и, взяв поудобнее сумку, несет на руках.

Малыш тотчас же затихает, слезы утерты, и в знак примирения он мягко шлепает маму по лицу пухлыми ручками, приговаривая: «Мама гадкая...»

Маме тяжело нести сына, но она рада, что мир восстановлен, ребенок не капризничает. Она очень удивилась бы, услышав, что нельзя позволять даже в шутку называть себя гадкой и шлепать по лицу.

Если человек не научится с первых дней жизни уважать свою мать, центром мироздания для него навсегда останется он сам. Он, кому все дозволено, кому все чем-то обязаны и должны угождать. И не только родители и близкие будут страдать от этого. Сколько синяков и шишек придется получить ему, прежде чем он поймет всю глубину своего заблуждения!

Детство начинается с любви к матери. Это самое святое чувство. Если в твоей душе нет его, значит, когда ты станешь взрослым, не будет у тебя ни любви к другу, ни любви к Родине. Все будет для тебя безразличным, кроме собственного покоя и удобств.

Я далек от мысли, что причиной всех запоздалых материнских обид на эгоизм сыновей и дочек были лишь упомянутые мной впечатления детства. Но может быть,

именно с этих невинных на первый взгляд сценок началось многое. Можно не пожалеть кошку, можно прогнать бабушку, шлепнуть по лицу маму. «Я самый главный, все должно быть удобно и приятно мне», «Я не дам свою лопаточку и формочки для куличиков из песка сестре», «Я заману на дедушку, если он зовет меня бросить интересную игру во дворе и идти домой», «Не дам никому кататься на новеньком трехколесном велосипеде», «Потребую у мамы, чтобы она купила мне точно такой же костюм, как у моего приятеля. Где мама возьмет деньги, меня не интересует, главное, что мне хочется иметь такой костюм, а мое желание — закон».

Проходит еще несколько лет. Мама уже получает пенсию, ей трудно, но помочь ей сейчас никак невозможно: нужно купить гарнитур для однокомнатной квартиры.

Подобные истории мы встречаем в жизни еще чаще, чем в фельетонах.

Не всегда можно проследить, тянется ли нить от сплошных воспитателей непосредственно к фельетону. Но сознайтесь, жалея родителей, ставших жертвами эгоизма своих детей, мы редко задумываемся, с чего все начиналось. Где первое звено цепи дурных поступков, столь уродливо сформировавших человека? Ведь предыдущий поступок логически подготавливает последующий. И в этом смысле действительно все начинается с детства — весь человек, с привязанностями, характером, мировоззрением, с его судьбой. Я не утверждаю, что каждое неосторожное слово, сказанное при ребенке, в итоге приведет к ужасным последствиям. Ребенок увидит в своей жизни еще многое, и, возможно, он станет умней и добрей, чем были его родители. Но тонкость и деликатность, грубость и невоспитанность во многом зависят от детских впечатлений.

Дать ребенку шлепок, подзатыльник, даже оплеуху безусловно легче, чем спокойно и терпеливо объяснить ему, в чем он прав и в чем неправ. На такой разговор уходит больше времени и, главное, душевных сил.

С какого же возраста нужно начинать воспитывать ребенка? С рождения!

...Валерий жил на Невском проспекте, и его однокласснице Наташе очень нравилось, что окна его комнаты выходят прямо на Казанский собор. Красиво.

Валерий с папой и мамой недавно переехали в отдельную трехкомнатную квартиру. Он пригласил к себе друзей, показывал снятые им самим коротенькие фильмы.

— К окончанию школы отец обещал подарить мне машину, — сообщил однажды Валерий Наташе. — Деньги, в общем-то, поднакопились. Я и сам собрал кое-что.

Наташа сначала не обратила внимания на то, что Валерий копит деньги, хотя и не зарабатывает.

Наташе Валерий нравился. Она любила бывать у него, разговаривать с ним. Они мечтали провести вместе лето. Некоторые странности Валерия проходили мимо нее.

Например, то, что вся квартира ее товарища опутана какими-то электрическими шнурами, впрочем замаскированными, так что сразу и не заметишь. Мало ли зачем шнуры, может быть, это от киноаппаратуры? Или для научных опытов?

Правда, ничего такого в доме у Наташи не было: ни киноаппаратуры, ни электрошнуров.

Как-то Наташа спросила:

— Что это за шнуры у вас везде?

— От воров. Если полезут, то где-нибудь зацепятся, у нас всюду звонки.

— Так уж к вам и полезут?

На этом разговор закончился и не возобновлялся.

— Ты любишь театр? — спросил как-то Валерий.

Выяснилось, что Наташа любит, но ходит редко, потому что свободных денег у мамы мало.

— Ничего, наверстаешь, — успокоил Валерий. — Духовная пища не убежит, я вот тоже себе в театре отказываю. Откладываю на черный день.

О черных днях Наташе не хотелось думать. Она просто перестала приходить в красивую квартиру с окнами на Казанский собор, опутанную сетью шнуров со звонками. Любовь как в воду канула.

Права ли была Наташа? Говорят ведь: за любовь надо бороться. И за нее борются отчаянно, иногда даже слишком, пуская в ход все средства — от телефонных звонков, записок до писем в молодежные газеты: «Как быть? Я его люблю, а он меня нет». В борьбу вовлекают учителей, говорят о любви на школьных диспутах, приводят конкретные примеры из жизни своих одноклассников. А тут диспутов на тему «Что такое любовь?» не

устраивали, родителей не вызывали, «персонального» дела не обсуждали. Ничего такого не было, а вот поллюбовь-полудружба рухнула... из-за сберегательной книжки.

Может, была Наташа не права? Может, ей нужно было поговорить с Валерием? Может, он понял бы? Но речь сейчас о другом.

С чего все началось? С пустяков? С мелочей?

В большой коммунальной квартире, где семья Валерия жила раньше, на кухне стояло семь столов. У каждого была своя хозяйка, и над каждым висела своя лампа. Для чего? У каждой хозяйки был свой счетчик, каждая платила «за себя». Семь ламп на щите было укреплено и в ванной, и в прихожей, и во всех прочих закоулках квартиры и местах коммунального пользования. Инициатором этого разделения была мама Валерика, план осуществляли папа и сын, у которого были большие способности к технике. Валерик очень рано привык из всего извлекать выгоду; даже вкусы и привычки родителей он наловчился облагать налогом.

Отец курил. Валерик держал у себя про запас сигареты. Когда у отца не оказывалось под рукой курева, Валерик продавал ему сигареты поштучно, с наценкой. И деньги складывал в копилку.

— Крохобор, — заметила как-то соседка. — Вырстет — наплачетесь от него.

Мама Валерика обиделась:

— Будет практичный человек.

Из коммунальной квартиры уехали. Валерик открыл текущий счет в сберкассе, вносил на него деньги, сэкономленные на проездах «зайцем». Ему и в голову не приходило, что это мелкое воровство у государства. Он высчитывал: четыре копейки — туда, четыре — обратно, итого — восемь. За месяц — два сорок. Если не ходить в театр (отец деньги на театр дает), итого... Духовная пища не убежит.

Скоро слова «духовной жаждою томим» вообще стали для него пустым звуком. Ребята обсуждали книги, спектакли, спорили, волновались. Они учились думать, чувствовать, говорить. Они становились взрослыми. Валерий снисходительно посмеивался и поглаживал потихоньку в кармане сберегательную книжку. Ну, а потом случай с Наташей, которая не захотела бороться за любовь. И была права.

А ведь все, казалось бы, началось с мелочей...

Уважение — это застава, охраняющая отца и мать, столько же и детище; первых оно спасает от огорчений, последнего — от угрызений совести.

О. Бальзак

Есть прекраснейшее существо, у которого мы всегда в долгу, — это мать.

Н. Островский

В дурно воспитанном человеке смелость принимает вид грубости; ученость становится в нем педантизмом; остроумие — шутовством, простота — неотесанностью, добродушие — льстивостью.

Д. Локк

Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности.

А. Пушкин

Воспитание коллективиста должно быть соединено с воспитанием всесторонне развитого, внутренне дисциплинированного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организовано действовать.

Н. Крупская

КЛИМАТ ВЕЖЛИВОСТИ

«Человек — это ряд его поступков», — писал Гегель. И в этом ряду нет ничего случайного, незначущего. Один спешит на работу — всех расталкивает, бросается первым в двери автобуса. Другой и на этом коротком отрезке пути остается деликатным. Путь-то этот не только на работу. Это пятнадцать минут из жизни, из жизненного пути.

Бывает, входит в комнату незнакомый человек. Здоровается. Говорит как будто обычные слова: «здравствуйте», «добрый день». Пробудет недолго и уйдет, оставив после себя хорошее, приятное впечатление.

«Обаятельный человек», — говорят о нем. Секрет его обаяния прост: он умеет себя держать в обществе, умеет скрывать дурное настроение, владеть собой. Он внимателен к окружающим, вежлив. Понимать вежливость, мне думается, надо очень широко: это манера обращения не только с людьми, но и с беззащитными животными, по-

тому что один из первых законов вежливости — защита слабого.

Ничего не делается «просто так», случайно. Когда человек говорит спокойно, ровным голосом, это не значит, что он незмоционален. Просто он хорошо воспитан. Воспитанный человек никогда не позволит себе кричать и грубо разговаривать с людьми, и особенно с теми, кто ниже его по положению. Он понимает, что грубый тон только роняет его в глазах собеседника.

Как-то я высказал эту мысль на встрече с моими читателями и получил записку:

«Вежливость, она и есть вежливость, и ничего больше. Не сморкайся в пальцы, не плюй на пол, не чешись, ну и так далее — вот ты и воспитанный человек, вот и вся наука, что тут еще философию разводить?»

В полемическом пылу неожиданно для самого себя автор записки назвал «вежливость» философией. А ведь манеры человека — это действительно философия поведения. Статьи, книги о хорошем тоне — от самых давних до новейших — в библиотеках стоят именно в разделе философии, этики. «Этика», «этикет» — слова одного корня. Хорошие манеры — это этическое отношение к людям, дурные — незтичное.

Вежливость имеет свои законы, которые нужно знать, а не открывать всякий раз заново. Каждое поколение не изобретает заново алфавит, цифры, не открывает вновь законы естественных наук. Точно так же, нам думается, не лишним будет обучать несложной, но каждому нужной науке повседневных человеческих взаимоотношений.

К примеру, в вагон вошла пожилая женщина, свободных мест нет, и у нормального молодого человека естественно возникает мысль уступить ей место.

Часто приходилось слышать от ребят и взрослых, что многих интересует проблема поведения, другими словами — советского этикета. Хорошие манеры, не равнозначны ли они жеманству?

И что же? Некоторые запальчиво заявляют: «Одно дело манеры, другое — истинная душевная красота. Плевали мы на разные ломанья-кривлянья, подавай нам духовную красоту, а не притворство, этикеты! Князья-графы выискались... Была бы душа хорошая — остальное приложится».

Другие оправдываются: «Да нет, мы не князья-графы, но хамство оскорбляет, травмирует, нервную систему

расшатывает, так что давайте, товарищи, будем взаимно вежливы».

Конечно, бывает, что за внешней грубоватостью скрывается тонкая и нежная душа.

А если бы этой внешней грубоватости, положим, не было, разве тот же человек не выиграл бы в наших глазах? Случается, конечно, и наоборот: хорошие манеры прикрывают черствость и бессердечность. Но тут нужно обращать свое внимание именно на черствость и бессердечие, а не на внешне благопристойные манеры, их прикрывающие.

Наконец, между этикетом и жеманством в сознании некоторых возник знак равенства. Хотя тут — обратная зависимость: жеманничанье часто начинается с невоспитанности. Бывает, к примеру, так. Гости сели за стол. И вдруг кто-то начинает перетирать бумажными салфетками нож, вилку, ложку. Напоминает мне это почему-то, как лакей Смердяков из «Братьев Карамазовых», прежде чем съесть кусок, долго рассматривал его, подняв вилку на свет. Что это: чистоплотность или неумение вести себя в обществе?

Безусловно, второе.

Все это лишний раз показывает, что нам очень нужны книги о советском этикете.

Недавно мне попала в глаза старинная книга. Называлась она «Об обращении с людьми», и на титульном листе было означено: «Санкт-Петербург, 1810 год». Я взглянул в оглавление. Названия глав были изложены длинно и неторопливо: «Надобно стараться о действительном совершенстве, а не об одном только призраке его», «Не надобно говорить слишком много и скучно», «Не надобно никого вмешивать в частные свои распри».

«Искусство казаться решительным, утонченным, правдивым, остроумным, искусство не слишком распространяться в своих выражениях, рассказывать все забавно, не подвергая осмеянию собственных своих поступков, есть один из величайших даров, которым только венчаются человеческие усилия. Притом надобно обращать внимание на все внешнее, особенно на лицо. Не надобно делать каких-нибудь гримас».

Язык книги был вычурным, но мысли показались мне не слишком устарелыми.

«...Осанка и телодвижения должны быть благородны. Не надобно, подобно простому народу (вот, пожалуй,

где только и почувствовался 1810 год! — С. М.), в мало-важных и вовсе никакой страсти не выражающих разговорах делать слишком сильные движения головой, руками. Надобно прямо, но учтиво и скромно смотреть в лицо людям, а не дергать за рукав, пуговицы...»

Собравшись с духом, автор все же перечисляет и то, о чем в «сих листках» подробно говорить не пристало ввиду «уважения к читателю»:

«Неприлично прерывать разговор других людей, надобно принять тарелку или другое что-нибудь, предлагаемое нам, и даже тогда, когда бы сего не хотели, дабы не заставить других напрасно для нас трудиться... сколько можно менее надобно в обществе становиться спиной к другим... надобно быть умеренным в своем голосе, не кричать, а говорить, впрочем, понятно, наблюдать осанку в походке. Сопровождая женщину, для предосторожности надобно идти на правой стороне, при сходе с крутой лестницы надобно позволить идти вперед женщине, а при восхождении на оную — самому».

Заканчиваются советы таким рассуждением:

«Людям все это внушаемо бывает в первых летах юности.

Напоминаем только, что сии маловажные предметы в глазах многих людей не так маловажны».

Я совершенно согласен с автором этой стародавней книги. Речь-то ведь не о том, как, когда и кому вручать визитные карточки, а о необходимых повседневных правилах поведения.

Если ребенка вовремя не научить правильно сидеть за столом, не чавкать, не болтать ногами, не вмешиваться в разговоры взрослых — это значит упустить что-то очень важное в его воспитании.

Радость. Визг. Ребенок, забравшись с ногами на диван, хватает кого-то за нос, ловит за хвост кота.

Выражение обиды: рыдания, вопли, топанье ногами.

Виноват ли ребенок в том, что проявления его чувств нестерпимы для окружающих?

Нет. Просто его не научили элементарным правилам проявления своих чувств, и он оказался совершенным дикарем.

А вот такие сцены...

Возле билетной кассы консерватории выстроилась очередь; предположим, что все это знатоки и ценители музыки. Они готовы отстоять долгое время за предвари-

тельными талонами, по которым потом получают билеты. И вдруг проносится слух, что число талонов будет меньше, чем предполагалось, и выдавать их будут не в кассе № 1, а в кассе № 2 и нужно перейти к другому окошечку.

Вмиг исчезло благодушное спокойствие людей, только что мирно беседовавших о музыке, о пианистах и певцах. Все бросаются, стараясь опередить друг друга, к другой кассе. Раздавлены чьи-то очки, растоптан оброненный кем-то букетик цветов.

В итоге короткого сражения за лучшие места первыми оказываются наиболее выносливые молодые люди, за ними — самые энергичные женщины, где-то в конце те, кому не по силам или совестно участвовать в этой баталии.

Разве хорошо, что у некоторых любовь к музыке иногда проявляется в такой форме?

Но может быть, главное в людях — это искренность и непосредственность, а воспитание лишает человека этих драгоценных качеств?

Да, искренность — это прекрасное свойство характера. Но нужно различать искренность и распушенность. Разве можно назвать неискренним того, кто в любой, даже самый тяжелый для него момент умеет не отравлять жизнь окружающим?! И разве в том проявляется прямота, чтоб сначала «искренне» высказаться, чуть ли не оскорбить, а потом, когда отлегло от сердца, снова вернуться к обычному тону? Вспылит — и прошло.

Невыдержанный человек сам же страдает от своей распушенности. Он не только мало-помалу теряет друзей, но и становится все нервней, раздражительней. А если при этом есть семья, дети... Ребенок слышит, как родители говорят при нем раздраженным тоном, как закричала на своего маленького сына соседка, видит, как пнул сапогом подвернувшегося под ноги щенка обонятельный чем-то отец...

Значит, так надо поступать, если ты чем-то недоволен, раздражен, устал, — такой вывод делает ребенок. Вырастает он и, смотришь, сам начинает «срывать зло» на любимом, грубить людям, если не в духе.

Очень важно с детства поднять цену уважению. Уважая других, ты уважаешь и себя.

Ты звонишь приятелю, и тебе не обидно, если кто-нибудь из его домашних вежливо ответит:

— Витя, позвони, пожалуйста, попозже. Шура сейчас делает уроки, и я не хочу его отрывать.

А ведь как часто ответ бывает совершенно бесцеремонным:

— Тебе делать нечего, что ты все звонишь? Занят Шурка, не подойдет!

В другой раз Витя, возможно, услышав такой ответ, вообще ни слова не сказав, испуганно повесит трубку. А когда станет постарше, то позвонит и, не здороваясь, отрывисто бросит:

— Шуру мне!..

Как грубость, так и фальшивое восхищение в отношениях одинаково уродуют характер. Говорят, тон делает музыку. Именно тон разговора старших с младшими сильнее всего влияет на характер и нрав ребенка. Он очень чутко улавливает, где есть подлинное чувство и где его имитация. Своим безошибочным чутьем дети тотчас отличают доброту подлинную от фальшивого сюсюканья, видят, когда человек испытывает восторг, а когда имитирует это чувство.

Если постоянно терзать свой слух фальшивыми тонами, ухо перестает различать их. Точно так же и дети привыкают к ходульной восторженности, фальши и наконец сами усваивают эти вульгарные способы выразить свои чувства и настроения.

А к верному тону надо приучаться с детства.

Часто я получаю письма от взрослых о детях. Не всегда это радостные письма. Некоторые корреспонденты сетуют, что школьники грубы, кто-то жалуется даже на то, что дети слишком рано просыпаются и будят соседей, некоторые тревожатся о том, что школа недостаточно заботится о воспитании своих питомцев, давая им только образование. Не буду перечислять все факты, о которых мне пишут, поскольку авторы касаются в большинстве случаев одной проблемы — воспитания. Как воспитывать детей в школе и за ее стенами?

Чтобы дети выросли действительно гуманными, воспитанными людьми, я думаю, они с детства должны расти в климате вежливости. Школа тут играет огромную роль. Но, наверное, взрослые, пекущиеся о воспитании детей, должны подумать и о самовоспитании, не подавать дурных примеров своим поведением. А как происходит часто на самом деле?

Самый обыкновенный, рядовой случай.

Мать с ребенком спешит, останавливает такси, но кто-то более предприимчивый опережает:

— Шофер, гони во Внуково!

А ей с простодушной веселостью советует:

— Пройдитесь пешочком, не графы.

И машина уносится со скоростью, исключаяющей возможность запечатлеть в памяти ее номер.

Это случай ясный. Если грубиян выталкивает женщину с ребенком из машины, то это хулиганство, случай наказуемый. А сколько таких поступков ненаказуемо и происходят только потому, что граждане, совершающие их, искренне уверены, что грубость — это не преступление, благовоспитанность же нужна для маскировки душевной черствости плохим людям.

Наверное, студентов педагогических училищ и институтов, молодых учителей вопросы воспитанности, этикета должны интересовать не меньше, чем приобретение специальных знаний.

Недавно в деканате одного педагогического института я наблюдал такую сцену.

Профессор предлагал студентке сесть.

— Ах, что вы, — говорила она смущенно, — я и постоять могу.

Подтекст такой: вы человек уважаемый, а я простая студентка и должна стоять в вашем присутствии. И профессор сам встал, потому что он не мог позволить себе сидеть, если женщина стоит. Всю долгую беседу пожилой человек вел стоя. Вот итог нелепой застенчивости, помноженной на невоспитанность.

Правила этикета пока что не введены в учебную программу подготовки будущих педагогов. В чем же выход из этого положения?

Когда-то в старину по самым утилитарным вопросам поведения были справочники, указатели, толкователи, путеводители. Адресовались они к разным читателям. Были «Дружеские советы молодому человеку, вступающему в свет», были наставления «благородным воспитанницам», и даже открывался «магический секрет всех заставлять в себя влюбляться... Изучил и проверил многолетним опытом профессор магии С. Роден».

В этих книжках, конечно, было много комичного. Только с улыбкой можно было читать сейчас наставления «Об обращении со стихотворцами, музыкантами и любителями свободных художеств» или «Об обра-»

нии с благодетелями», о «Предосторожности в обращении с журналистами». Но вопреки экстравагантным заглавиям в них, хоть и витиеватым языком, излагались вполне здравые мысли.

И таких книг, где освещаются проблемы каждодневного общения с людьми, нам сейчас не хватает. А у педагога такие справочники должны быть настольной книгой. Правда, из этого еще не следует делать горестные выводы о том, что вот, мол, и сами будущие педагоги не знают всех тонкостей обращения. И вообще раньше все были воспитанными, а теперь нет. Раньше мужчины уступали женщинам место в трамвае, а теперь наоборот.

«...Но в трамвае молодые люди не уступают вам (женщинам) места, оставляют вас стоять на площадке...»

Это о наших днях? Вовсе нет. Это говорилось на грани XIX и XX веков. Во Франции. Цитата взята из «Сада Эпикура» Анатоля Франса, чья наблюдательность так же неоспорима, как светскость и образованность. Так что дело не в том, «раньше» или «теперь», а попросту в том, «хорошо» или «плохо».

Иногда «хорошим тоном» считается подчеркнутая ласковость. Но эта подчеркнутость часто оборачивается фальшью и манерничаньем. Разве любезность и доброта выражаются в сюсюканье, когда все слова подряд, без разбора произносятся как уменьшительно-ласкательные?

— Дайте мне огурчиков, парочку рыбок, ветчинки.

И вдруг, без всякого перехода, в мнимоинтеллигентный жаргон покупателя гастронома влетают слова, выражающие высший градус эмоций:

— Гражданочка, куда претесь без очереди? Ишь ловкая!

— Да ей семьдесят лет, поди...

— Ничего не знаю.

Нет, сюсюканье не скрывает, а лишь подчеркивает душевную черствость. Но говорящий думает, что он обходителен и интеллигентен. Вот это-то и есть жеманство и манерность.

«Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки? — Почему им знать, что в лучшем обществе жеманство и напыщенность... именно и обличает незнание света! Почему им знать, что откровенные, оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки про-

винциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку. — Хорошее общество может существовать и не в высшем круге, а везде, где есть люди честные, умные и образованные», — писал Пушкин в заметках «О новейших блюстителях нравственности».

Наше общество достаточно ровно образованно. И люди умные и честные в нем преобладают. Теперь только книги, картины и кинокадры, торопливо и немоскачущие на экране, доносят до нас овеванные романтикой удаленности во времени кожаные куртки, одинаковые у мужчин и женщин, грубо подрубленные прямые волосы у девушек, нарочитую прямолинейность, резкость и угловатость движений. Было время, когда рабочим нужно было хотя бы начальное образование, рабфак, потом хотя бы семилетка, восемь классов... Сейчас на заводы в основном приходят юноши и девушки с аттестатом зрелости. И это не один-два процента, как когда-то, а почти все. Социологические исследования показывают, что уклад жизни молодого рабочего очень изменился. Слушатели факультетов литературы, музыки, киноискусства в народных университетах — это главным образом молодые рабочие. Они хотят знать историю литературы и живописи, слушать и понимать Бетховена и Шостаковича. Несоизмеримо с прошлым возрос образовательный ценз рабочих. Это уже, можно сказать, рабочая интеллигенция.

Естественно, что, кроме знаний, нам нужна другая сторона воспитания — эстетическая. Нужна не только внутренняя, но и внешняя культура. Именно так, как бы странно и непривычно ни казалось тут изменение в порядке слов. Нужна уже не какая-то примитивная, а утонченная культура одежды, жилого и рабочего интерьера, и как неразрывное целое с внешним изяществом одежды, привлекательной рабочей обстановкой в цехе, всем укладом жизни нужна культура поведения.

Если об одежде, цветовом решении интерьера жилых и рабочих помещений заботятся художники, архитекторы, если музыковеды дают рекомендации, какие именно музыкальные произведения транслировать во время смены в цехе, если об образовании хлопочут дома, заботятся в школах, техникумах, институтах, то о воспитании пекутся далеко не везде. Даже в школе, где смолоду происходит формирование личности, иные учителя до сих

пор считают, что совершенно достаточно научить выпускника разбираться только в программном материале.

Но, может быть, это и правильно? Представьте себе преподавателя физики или математики. У него жесткая программа, у него хлопоты об отстающих. Он каждую секунду из отведенных ему сорока пяти минут академического часа старается отдать своему предмету, и только ему. Досуг ли ему учить Федю шаркать ножкой, а Настю делать книксен? Словеснику тоже едва хватает времени научить школьников думать над книгами, воспитывать их литературный вкус. Может, действительно преподавателей литературы и физики, так же как и других предметов, не касается, будут ли их образованные ученики, рассуждающие о теории вероятности и фрейдизме, резать котлеты ножом, теребить собеседника за рукав или фамильярно похлопывать его по плечу?

Но как же все-таки быть тем, кто, несмотря на все резоны, будет страдать от недостатка своего воспитания? Может быть, в школах нужно ввести специальные уроки хороших манер?

Но можно ли за какой-то час в неделю научить тонкости обращения, когда для этого нужна постоянная атмосфера, климат вежливости?

И все-таки в школе проходит десять лет — и каких лет! — человеческой жизни. Школа — это не только часы, отведенные изучению физики, химии, литературы и географии! Школьная перемена, вечера, буфет (да, и буфет!)... Вот время, когда учеников можно научить красиво сидеть, правильно держать вилку и даже «кланяться непринужденно». Сколько упускается минут — а они складываются в часы и годы — для воспитания не только духовной культуры, но и внешней (без уничижительного оттенка «показной», как по инерции принято еще говорить).

Сейчас в школьном буфете ребята просто наспех глотают завтраки, их умение держаться за столом никак не отражается на отметках по поведению. Зачем же тогда вообще классный руководитель выставляет эти отметки? Только для того, чтоб отметить высшим баллом то обстоятельство, что ученик не разбил на перемене стекло и не резал перочинным ножиком крышку новенькой парты? Учетливость и любезность должны стать со школьных лет второй натурой, чтоб человек не думал о них, так же как не думает о буквах, читая книгу. Уме-

ние всегда чувствовать себя непринужденно, безупречно, вести себя в любой обстановке нужно сейчас не только в научной или артистической среде, не только во время приемов и банкетов, но всем и всегда. Наше общество dorосло до требования осознанной культуры.

Положение человека в коллективе должно наполнять его жизнь радостью от сознания того, что рядом — образованные, чуткие, воспитанные люди, чьи вкусы, привычки, какими бы разными они ни были, никогда не проявляются в форме, обидной для другого. Это возможно потому, что общество наше более или менее однородно. В нем уничтожено социальное неравенство, нет почвы для лжи, униженности, забитости. В нем созданы все условия для свободного проявления способностей, вкусов, развития личности. Изменилось само существо отношений между людьми, этическая мера которых: человек человеку — друг, товарищ, брат.

Люди, будьте человечны! Это ваш первый долг.

Ж.-Ж. Руссо

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Как-то раз, зайдя на телеграф, увидел я старушку, беспомощно озирающуюся кругом в поисках того, кто бы помог ей заполнить телеграфный бланк.

— Так напиши, сынок, вот что, — продиктовала мне старушка в черном, низко повязанном платке, — напиши-ка так: «Деньги ваши получила, будьте вы прокляты. Тетя».

Тут я понял, почему до сих пор никто так и не помог неграмотной старушке отправить телеграмму ее родственникам, от которых в соседнем окошечке она только что получила перевод.

История родственных взаимоотношений, о которых я случайно узнал, оказалась несложной. Старушку пригласили погостить, но не создали ей подходящих, с ее точки зрения, условий для жизни. Она считала, что жить человеку под одной крышей со «скотиной» (собака в данном случае) не пристало. А у ее родственников жила се-ребристая от старости овчарка. В комнату к старушке ее не пускали, но собака ложилась под дверь и дышала, просунув нос в щель, прямо в комнату. Этого гостя

перенести не могла, тем более что собаку не отучила даже ее ключка, которой тетя старалась отогнать пса.

Собаку на улицу так и не выгнали, а тетя рассердилась и уехала сама, но дала себе зарок: не прощу! Даже за переводы, получаемые в прибавку к пенсии, благодарила на свой лад: «Будьте вы прокляты».

Комментариев этот случай не требует. Никто не хотел помочь старушке зафиксировать на бланке телеграммы столь оригинальное выражение переполнявшего ее чувства благодарности к родственникам за их заботы. Следовательно, оценка поступка и чувств была сделана всеми безоговорочно единая.

Но вот однажды я стал свидетелем такого разговора одного режиссера со своим сыном, где все смысловые акценты не были расставлены столь ясно.

— Почему твой товарищ не поздоровался сегодня со мной, когда я мимо проходил? — говорил отец.

— А почему он должен был здороваться? Думаешь, если ты помог ему сделать роль, он теперь должен тебе в пояс кланяться? Спасибо, мол, благодетель вы мой.

Отец отчего-то сконфузился и замолчал, видимо призвав свою отсталость в вопросах «современной» морали. А я подумал, что не стоило бы ему так легко поддаваться уверенному тону своего сына. Не в том ведь дело, что друг его сына не поздоровался, проявив элементарную невоспитанность, да и не элементарная она, а «философски» обоснованная. Человек проявил, оказывается, «независимость» гордой творческой личности. И его одобряют за то, что он не «подхалим», не «заискивает», чужд рабских понятий о благодеяниях и для демонстрации этих высоких качеств своей души даже не здоровается. Но он же просто не выразил естественного чувства благодарности. И не случайно, видимо, к слову «неблагодарность» так пристал эпитет «черная». Никаких сверхсовременных понятий о благородстве тот юноша не проявил, потому что неблагодарность, к сожалению, отнюдь не новое слово в нашем лексиконе.

И не нужно, думается мне, закрывать глаза на то, что неблагодарность всегда останется свойством низких душ. И как бы она ни проявлялась, в примитивной ли форме («Деньги ваши получила, будьте вы прокляты») или будет возведена в жизненный принцип, суть ее остается неизменной.

На конференции молодых читателей я услышал такое рассуждение:

— Если считать чувство благодарности проявлением высоты душевной, тогда самые высокие, благородные души надо признать за собаками, потому что преданный пес в отличие от человека поддыхает на могиле своего хозяина.

Девушка, которая отстаивала эту позицию, вовсе опрокидывает традиционные представления о чувстве благодарности. Просто, доводя до абсурда высказанные в пылу полемики с трибуны мысли, она искренне старалась разобраться в сути понятия.

— Так, что ли, получается? Преданная собака лучше неблагодарного человека? — горячилась она.

И вдруг услышала неожиданный для всех ответ откуда-то с места:

— Да!

Конечно, во всей этой полемике было много запальчивости, путаницы в суждениях. Разумеется, невозможно сводить в один ряд сложно мотивированные поступки людей и сравнивать их с инстинктивными действиями самых разумных животных. Но нельзя было не сочувствовать резко выраженной реакции зала, одобрительно рассмеявшегося при последней реплике.

И внутренне я был согласен с теми из выступавших, кто считал, что, если человек, который живет рядом с тобой, так же работает, так же тревожится о делах и старается в чем-то бескорыстно помочь другому, не услышит слов благодарности за эту помощь, он не потеряет ничего. Но вот тот, кто не умеет быть благодарным, теряет очень много. И я думаю, что дело даже не в том, что со стороны поступки его выглядят далеко не в лучшем свете. Дело в том, что такой человек сам постепенно теряет веру в людей, уважение к ним, происходит необратимый процесс опустошения души. И это понятно, потому что у этого человека сама собой образуется такая цепь понятий: протяну я руку тому, кто сейчас нуждается во мне, или нет, все равно, когда мне понадобится дружеское участие, он, скорее всего, пройдет мимо. Завершающий этап рассуждений такого мыслителя имеет следующую форму: лучше не делать добра, чтобы не нажить себе врага.

Разумеется, нельзя понимать чувство благодарности как принцип: ты сделай мне, а я — тебе. Сделки с со-

вестью, разумеется, не имеют ничего общего с этим высоким чувством. Но если человек, сделавший тебе добро, может быть, по отношению к тебе же будет в другой раз в чем-то и не прав, то, ей-ей, простить ему эту несправедливость не значит поступить непринципиально. Иногда даже друзья могут быть не правы, усталы, раздражены. Право же, память о хорошем пусть будет сильнее чувства обиды. Для меня всегда остается выражением высочайшего душевного благородства пушкинское: «Наставникам, хранившим младость нашу... не помня зла, за благо воздадим».

Я вовсе не собираюсь изучать психологию человека неблагодарного. Но, мне кажется, не стоит проходить мимо некоторых очень типичных случаев, закрывая на них глаза.

Молодому, начинающему режиссеру, или художнику, или актеру доверяют сложную, большую работу. Заключив договор, юный мастер вскоре занимает такую позицию: «Я талантлив, необычайно талантлив. Может быть, даже я гений. Да, наверное гений. Они же (те, кто доверил работу) нуждаются во мне, поскольку они бездарные, ничтожные люди. Они обязаны мне помогать, работать за меня, восхищаться мной...»

Итак, формула составлена: я гений, «они» (остальной мир) ничтожество. «Гений» начинает требовать к себе внимания, потом восторга, потом обожания. И вскоре ему открывается та истина, что мир состоит из плохих людей. Очень плохих людей. Ну, во-первых, жена. Она отстала, взгляды ее слишком узки, она не может понять гениального искусства (а искусства-то еще и нет). Во-вторых, друзья. То есть бывшие друзья. Они стали завидовать, поэтому и не соглашаются с высокими мыслями. С ними тоже как-то не по пути.

Ну, и так далее: жена, друзья, коллектив, весь свет, наконец... Это, конечно, очень схематичный рисунок взаимоотношений, скажем мягко, неблагодарного, самовлюбленного человека с окружающими. Но как часто ростки душевного и творческого кризиса появляются именно на почве недоброжелательного отношения к людям. И кто же в итоге остается в проигрыше?

Я думаю, ответ тут ясен.

Сегодня человек говорит о ком-то: «Ну что ему стоит позвонить, попросить за меня...» Завтра он не здорова-

ся со своим другом, дабы не обременять своей души старомодным чувством благодарности, или смеется над тем, кто вчера старался помочь ему словом и делом. А послезавтра отчего-то нет у него единомышленников, преданных друзей. Отчего он оказался за бортом творческой жизни и вне коллектива, он, такой талантливый? И человеку не приходит на ум, что началось его отчуждение от людей, от коллектива по его же вине. И во многом потому, что высокое чувство уважения к людям, благодарности за их участие к его судьбе абсолютно не свойственно его натуре. Он не понимает, что неблагодарность — это свойство низких душ.

Я бы не стал уделять внимания этим случаям; тем более что «мораль», лежащая в основе этих поступков, глубоко чужда тем, для кого мерило человеческих отношений — соответствие принципу: человек человеку — друг, товарищ и брат. Но ведь бывает же так, что эти светлые слова произносят с трибун, на читательских конференциях, диспутах, зрительских обсуждениях новых пьес, но не всегда замечают случаи, когда эти высокие нормы общественной жизни нарушаются при личных взаимоотношениях двух-трех людей. А ведь в ряду человеческих поступков нет мелких и незначительных. Каждый поступок, каждая минута жизни, как зеркало, отражает всего человека.

Кто сам не любит никого, того, кажется мне, тоже никто не любит.

Демокрит

Дружба — самое необходимое для жизни, так как никто не пожелает себе жизни без друзей, даже если б он имел все остальные блага.

Аристотель

Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважают в других человеческого достоинства, и еще больше оскорбляется и страдает, когда человек сам в себе не уважает собственного достоинства.

В. Белинский

ДИСТАНЦИЯ, СЕРДЕЧНОСТЬ И «РАНИМЫЕ» ДУШИ

СОВЕТ ВОСПИТАТЕЛЮ

Нельзя воспитывать щенков
Посредством крика и пинков.
Щенок, воспитанный пинком,
Не будет преданным щенком.
Ты после грубого пинка
Попробуй подзови щенка!
Где раздают щенкам пинки,
Там воспитатели пеньки...

«Если ты сделаешь еще хоть один шаг, клянусь: я убью тебя!» — прошептала она.

Вы думаете, читатель, что это цитата из детективного романа? И что дальше героиня с лихорадочно пылающим лицом, вскинув револьвер, будет целиться в сердце своего заклятого врага и убьет его?

Нет, вовсе нет. С этими словами обратилась мать к своей маленькой дочке на пляже в Сухуми. Просто я услышал то, что не предназначалось для посторонних ушей.

Заметив, что ее реплика коснулась слуха не только дочки, она сказала тоном, взывающим к сочувствию присутствующих:

— Беда с этими детьми, совсем не слушаются. Все жилы она мне вымотала.

Девочка, видимо привыкшая к такому стилю разговора, поняв, что продолжения не последует, стала лепить из песка куличики.

Не нужно обладать богатой фантазией, чтоб представить, как складываются повседневные отношения в этой семье. И тут же, на пляже, мне показалось, я увидел, как, с чего это все начинается.

...Под тентом, натянутым в пятнадцати шагах от теплого, ласкового моря, которым завладели отпускиники, был свой микромир загара, транзисторной музыки, винограда и персиков, нежно розовевших в полихлорвиниловых мешочках. Казалось, все заботы отброшены. Море, солнце, пляж — и никаких поводов для ссор и волнений.

— Митя, ты что расселся в лапах?

— Пап, а ты не спи.

— Хватит купаться...

— Ты поел?

- А тебе не напекло голову?
- Пап, дай транзистор.
- Не бегай.
- Надень тапочки.
- Пап, ты чего газету на голову надел?

Наконец, в обеденный час, абсолютно измученные этим обоюдным вниманием, папа и Митя двинулись с пляжа. Впереди шел отец и бубнил что-то себе под нос, позади отпрыск с понурым видом тащил за собой по песку ласты.

Нет, ничего страшного в этом не было. Просто отец не думал о том, что его сын вовсе не нуждался в ежедневных советах. А сын? Так ли уж он был виноват в том, что, перенимая стиль поведения отца, не давал ему ни минуты покоя? Каков же культурный уровень этих отношений? Весьма невысокий. Я не хочу сказать, что через неделю отец будет шипеть:

— Сделаешь еще один шаг — убью!..

Но ведь и сейчас в беседе друг с другом отец и сын не обретают никакой радости. Может случиться, что следующим этапом в их отношениях будет раздражение, а потом и неприязнь. Легче всего закрыть глаза на некоторые стороны отношений больших и маленьких. И легче и вроде бы приятней не замечать их. Ну, пристаёт ребенок ко взрослому, не давая ни минуты отдыха, не считаясь с тем, что у отца или матери есть своя жизнь, свои интересы, свои мысли, — одним словом, свой духовный мир, в котором не каждый уголок должен быть заполнен интересами и делами ребенка. Ну и пусть пристаёт. Бывает наоборот: мальчишечья или девчоночья самостоятельность совершенно не уважается и не принимается в расчет родителями.

— Вот сейчас ты наденешь форму, потом пальто, не забудь застегнуть пуговицы у ворота, возьми портфель, не промочи ноги. К Толе по дороге не заходи, а к Роме можно.

И скучно же сыну и дочке выслушивать все эти наставления. И не нужны они вовсе... Ничего внушающего уважение к миру взрослых в них нет, все и так ясно. И даже дельные слова и мысли в этом потоке «поучений» не воспринимаются всерьез.

— Да как же я могу поступать иначе? Я ведь люблю Ванечку. Глаз с него не спускаю. Он у меня единственный! — объясняла одна очень заботливая мать, когда

классный руководитель посоветовал ей предоставить сыну больше свободы, направлять его только в главном.

— Ребенок мой, это часть меня самой! — обиделась мать.

Ей и в голову не приходило, что в собственном ребенке нужно уважать человека, личность, уважать его свободу, выслушивать его мнения, не считать его глупеньким, обязанным только слепо подчиняться родительской воле. С этого уважения, «невмешательства» в личную жизнь ребенка по пустякам и начинается культура взаимоотношений родителей и детей, учителей и учеников.

Тем более уважение личности, тактичность необходимы, когда происходят события серьезные. Да, серьезные, не терпящие бесцеремонного прикосновения к себе с чьей бы то ни было стороны. Написал я однажды такие стихи:

МАЛЬЧИК С ДЕВОЧКОЙ ДРУЖИЛ...

Мальчик с девочкой дружил,
Мальчик дружбой дорожил.

Как товарищ, как знакомый,
Как приятель, он не раз
Провожал ее до дома,
До калитки в поздний час.

Очень часто с нею вместе
Он ходил на стадион.
И о ней как о невесте
Никогда не думал он.

Но родители-мещане
Говорили так про них:
«Поглядите! К нашей Тане
Стал захаживать жених!»

Отворяют дверь соседи,
Улыбаются: «Привет!
Если ты за Таней, Федя,
То невесты дома нет!»

Даже в школе! Даже в школе!
Разговоры шли порой:
«Что там смотрят в комсомоле?
Эта дружба — ой-ой-ой!»

Стоит вместе появиться,
За спиной уже: «Хи-хи!
Иванов решил жениться,
Записался в женихи!»

Мальчик с девочкой дружил,
Мальчик дружбой дорожил.

И не думал он влюбляться,
И не знал он до сих пор,
Что он будет называться
Глупым словом: «Ухажер!»

Чистой, честной и открытой
Дружба мальчика была.
А теперь она забыта!
Что с ней стало? Умерла!

Умерла от плоских шуток,
Злых смешков и шепотков,
От мешанских прибауток
Дураков и пошляков.

Стихи были опубликованы в журнале «Юность». И вот получаю письмо из города Ростова-на-Дону. «Здравствуйте, Сергей Владимирович! Вам пишет ученик 9-го класса.

Недавно я прочитал ваше стихотворение «Мальчик с девочкой дружил...» Мне оно понравилось. Вы все в нем изобразили правдиво, как бывает в действительности, в жизни. Я говорю это потому, что я тоже дружу с одной девочкой, и дружим мы с пятого класса. Если б Вы только знали, как мы волновались друг за друга, когда кто-нибудь из нас отвечал у доски, сдавал зачет! Если же один из нас приходил в школу печальным, то другому тоже становилось как-то грустно, и он старался узнать, почему его друг печален, делал все, чтобы тому снова стало хорошо.

Сначала мы сидели за одной партой. Но вот в наш класс пришла новая классная руководительница. Однажды, на классном часе, она пересаживала учеников, рассадилла она и меня с Галей — так зовут девочку, с которой я дружу. Теперь мы сидели в разных концах класса.

Нам было, конечно, очень жаль, что нас рассадили, и мы решили попросить, чтобы нас снова посадили вместе, но обратно нас так и не посадили.

Вообще-то неизвестно, почему нас пересадили, ведь на уроках мы, наоборот, старались сидеть тихо. Когда я сказал это классной руководительнице, то она ответила: «Так, а зачем же вы тогда хотите сидеть вместе, если вы не будете разговаривать?» Этот вопрос, признаться,

поставил меня тогда в тупик, я не нашел что ей ответить.

Потом я очень жалел, что не задал ей такой вопрос: «С кем бы вы предпочли сидеть за одной партой, с другом или с кем угодно?» Я думаю, что она ответила бы положительно на первый вопрос.

Эта девочка жила в доме, который находился прямо напротив школы. И когда смотришь из окна нашего класса, то видно было, как она выходит из дому и идет в школу. Один раз я стоял с мальчишками у окна, и мы видели, как девочка, с которой я дружил, вышла из своего дома с мальчиком из нашего класса. Один из мальчишек, с которыми я стоял, увидев это, сказал одну фразу, которую мне не хотелось бы Вам писать. Но только то, что он сказал, было подло и, как сейчас нам говорят в школе, неприлично... И я его ударил. Парень не ожидал этого, однако, опомнившись, драться не полез. Может, он почувствовал свою вину, а может быть, просто испугался. Я вообще-то не люблю драться (не потому, что силы у меня нет, ее у меня пока достаточно) и считаю, что просто не к чему выставлять свою силу напоказ. Но в этом случае я просто не мог себя сдерживать, хотя раньше просто не обращал внимания на подобных дураков.

Сейчас Галя живет далеко от меня, в другом конце города, но я езжу к ней, как только у меня бывает свободное время, — ведь теперь кроме занятий в школе приходится заниматься и самому.

В общем, дружба наша сохранилась до сих пор.

Я написал Вам все это потому, что считаю: в том, что дружба между мальчиком и девочкой из Вашего стихотворения погибла, виноваты прежде всего сами друзья; да и вообще: была ли между ними настоящая дружба? Если бы была, то она бы, по-моему, не

Умерла от плоских шуток,
Злых смешков и шепотков,
От мешанских прибауток
Дураков и пошляков.

Саша С.».

Саша прав: юный человек имеет право встать на защиту своей любви, своей дружбы, активно выступить против бестактного, бесцеремонного вмешательства

иных взрослых в его личные дела. Тем более что юные души особенно ранимы... Об этом всегда надо помнить.

Как? Невмешательство? Дистанция? Но где же тогда забота? Сердечность взаимоотношений?

Иной скажет: «Если я хорошо, а тем более даже сердечно отношусь к человеку, о какой дистанции может идти речь? Чем чаще я буду видеть того, кто мил моему сердцу, делиться с ним радостями и горестями, обидами и переживаниями, тем мне будет приятней! И я тоже имею право знать о нем все!»

Да, пусть мой друг в любой момент обратится ко мне — я буду только рад. Значит, чем сердечнее люди относятся друг к другу, тем меньше дистанция между ними?

Думаю, не совсем так. Я нарочно выбрал резкое слово — «дистанция». Можно было бы сказать: нельзя переходить границ, отнимать покой у друга, докучать ему жалобами на кашель, насморк, плохой характер соседа. Верно. Нельзя. Все это знают. Но, к сожалению, часто правила — сами по себе, а поступки — сами по себе. То на душе «накипит-наболит», то: «Свои люди! Что друг от друга таиться?», то: «Я простой человек, у меня характер открытый!..»

И что же в итоге получается?

Молодожены поссорились. Он пошел «запил» горе с товарищами, она излила душу подругам. Оба считают себя хорошими людьми, нескрытными. Секретов от друзей нет, на короткой ноге со всеми. И оба немного предали друг друга. Может быть, какая-то застенчивость, которую рождает ощущение дистанции между просто знакомыми, а не самыми близкими людьми, помогла бы сдержать свой недолгий гнев? И в итоге лучше было бы всем: и друзьям, и подругам, которые не слушали бы жалоб, и прежде всего тем двоим.

Или другой случай. Две подруги долгое время не виделись. Встреча. Радость. Чай с конфетами. И через полчаса беседы выяснено абсолютно все в жизни каждой из них, начиная от зарплаты мужей и кончая сведениями о семейных взаимоотношениях.

Почему-то принято считать, что разговоры о театре, музыке, книгах — это «светские» разговоры далеких друг другу людей. А вот закадычные друзья должны, сокращая иногда искусственным броском дистанцию между собой, непременно говорить о сугубо «личном». Считают

и говорят! И тем обесценивают «личное», и скудеют духовно, сужая круг интересов и общих тем разговора до самого крошечного — сообщения фактов личной жизни.

А может быть, не нужно бояться этой «светскости» и дистанции в отношениях?

Может быть, тогда выиграют все, и друзья, которым не придется разбираться во всех мелочах жизни собеседника и прикладывать болеутоляющие компрессы ко всем ничтожным царапинам, и сочувствовать тонкости, уязвимости «легко ранимых» душ?

Может быть, стоило бы подумать о том, что если уже эти «раны» есть, то гораздо больней вновь и вновь беречь их разговорами и многократно переживать их мысленно? Не переходят ли эти жалобы и излияния в любование своими переживаниями? Вот, мол, какая тонкость чувств, полюбуйте, какая у меня чувствительная душа!

Душевная тонкость, если она не придумана, а действительно есть, непременно скажется в суждениях о только что прочитанной книге, и разговор этот будет приятен и интересен всем собеседникам. В нем проявится та сердечность, которая существует в их отношениях, но не будет грубого выворачивания души наизнанку, того отсутствия дистанции, которое в конце концов приводит к взрыву эмоций, замаскированных или явных: «Шагнешь еще раз — убью!»

Я уверен, что мать, так эмоционально выразившая свое негодование, любит свою дочь. Но вот неумение оберегать покой друг друга, отсутствие того уважения, которое не позволяет быть назойливым, одним словом, отсутствие ощущения дистанции между «я» и «не я» (если «не я» даже самый близкий человек на свете) — все это и приводит к раздражению, к тому эмоциональному взрыву, который превращает в грудку обломков самые сердечные отношения. И обидно, что взрывчаткой оказывается всего-навсего неумение находить форму общения, даже столь несложную на первый взгляд, как разговор.

Этому тоже надо учить и учиться с детства.

Твердо зная, что о человеке судят не по словам, а по поступкам (это, конечно, правильно!), мы иногда никакого значения не придаем словам. А вот это ох как неверно!

По-моему, беседа — высокое искусство общения

с людьми. Как важно быть приятным и интересным собеседником, не раздражая другого неврастением, не унижая темой разговора! Именно «не унижая», потому что, если с собеседником можно говорить только о самых примитивных вещах (семейные ссоры, болезни, обиды, туалеты), значит, собеседник этот — ограниченный, приземленный человек.

Я вовсе не хочу сказать, что все житейское должно быть начисто исключено из сферы интересов. Нет! Но пусть оно присутствует лишь в той мере, которая не унижает чувство собственного достоинства собеседников. Нельзя понимать принципы человеческих взаимоотношений, на которых стоит наше общество, — человек человеку — друг, товарищ и брат! — как право детально посвящать друзей, сотрудников, соседей во все мельчайшие подробности семейных проблем и личных переживаний. Сегодняшняя жизнь дает столько интереснейших представлений о науке, искусстве, общественной жизни, ставит столько новых проблем!

Высокий культурный уровень общественных взаимоотношений должен наводить на размышления о том, как повысить культурный уровень общения с ближайшими друзьями, с самыми дорогими и любимыми людьми. Почему в этих отношениях любезность, сдержанность в проявлении неприятных эмоций, широта интересов кажутся порой необязательными? Мне могут возразить, что повседневная семейная жизнь и работа, каким бы спаянным и крепким ни был коллектив, все равно ставят людей в условия, когда кто-то кем-то недоволен и может вспылить. Невозможно быть все время довольными друг другом. Как же иной раз и не вспылить? Можно ли не высказать своего мнения, отрицательного отношения к тому или иному поступку?

Расскажу об одном заинтересовавшем меня человеке. Как-то познакомили меня с молодым, очень талантливым ученым, скромным, целиком погруженным в жизнь лаборатории своего института и, как я слышал, очень требовательным к сотрудникам, заслужившим у них прочный авторитет.

Я спросил его об отношениях с сотрудниками, поинтересовался, как удается ему избежать фамильярности, лишних конфликтов, ссор. Признаюсь, вначале его ответ меня удивил. Оказалось, он практикует политику дистанции и наказаний «выразительным молчанием». Конечно,

ты в своей области очень известный, уважаемый человек, с тобой все считаются, но дает ли это право держать людей за какой-то непроходимой «зоной невмешательства», на определенной дистанции.

Но почему же тогда к нему так хорошо относятся его сотрудники? Что-то тут не так, как представилось мне с первого взгляда. И вскоре я понял: «зона выразительного молчания» только заменяла выяснение отношений и грубые слова, которые остаются навсегда где-то в далеком уголке памяти как неприятный осадок. Этот ученый, при всей своей требовательности и добросовестности в работе, был человеком чрезвычайно деликатным и мягким. Для себя лично он не мог попросить даже, чтобы закрыли окно в лаборатории, когда приходил на работу не совсем здоровым. Обидеть кого-то, накричать, сказать неприятное было для него просто невозможно. И оказалось, что отлично можно обойтись без накала эмоций как на работе, так, вероятно, и в семейной жизни и в дружбе. Вместо бури, склоки, кипения страстей — выразительное молчание, дистанция, которая в конечном счете сохраняет добрые отношения и взаимное уважение людей друг к другу.

Любезность должна стать таким же незаметным, но неотъемлемым условием жизни, как воздух, которым мы дышим. Искусство беседы вообще и выбор слов в частности — одно из необходимейших ее качеств.

Недавно женился сын моего близкого друга. Мне захотелось поздравить его, и я пошел во Дворец бракосочетаний. У подъезда Дворца стояли элегантные «Волги» не с привычными шашечками и зеленым глазком, а с иной эмблемой — двумя обручальными кольцами. Из дверей Дворца выходили радостные, взволнованные люди с букетами. Но не успевали они (что, разумеется, можно понять и оправдать) быстро сориентироваться, кому в какую машину сесть, как их немедленно возвращал с неба на землю энергичный распорядитель: «Ну что столпились? За руку, как маленьких, разводить по машинам?», «В какую вы дверь идете? Не видите, что ли: закрыто тут сегодня, глаза надо иметь», — отрезвлял он уже следующую пару, действительно пытавшуюся войти в закрытую дверь.

Возможно, распорядитель устал. Это для них, для каждой пары, подошедшей к дверям Дворца, та минута была единственной и незабываемой. А для него, распоря-

дителя, мука-мученическая видеть этот непрерывный поток растерянных от счастья людей.

И все-таки разве так уж трудно подумать не только о себе, а и о других, о тех, кому отравить эти минуты радости — преступление?

Пусть не поймут меня читатели слишком конкретно: во Дворцах бракосочетаний, в порядке исключения, необходимо дорожить настроением людей, а в других случаях не обязательно. Во всех случаях нужно, любезность должна быть не исключением, а правилом. В ней очень нуждается каждый из нас.

Недавно я зашел в издательство, где много-много лет работает курьером Лушенька. Скоро она выходит на пенсию, а так и зовут ее все Лушенькой. Как будто ласково, сердечно.

— Вчера ходила в местком, бумаги оформляю, спрашивают: «А как имя-отчество?» И не знают, что я Лукерья Алексеевна. Я их по отчеству, уважительно, а они, как девочку: Лушенька...

Говорила она это без гнева, даже с какой-то извиняющейся улыбкой, и все же чувствовалось, что эта мелочь, неправильно понимаемая сердечность, оскорбляет человека. Может быть, не стоит в своей сердечности переходить те грани, где теплота человеческих взаимоотношений оборачивается фамильярностью, амикошонством и в конечном счете неуважением к человеку как к личности? Я не претендую на неопровержимость моих мыслей о «легко ранимых» душах, о сердечности и дистанции, которые могут сделать отношения между нами приятными. Просто мне хотелось сказать о тех необходимых мелочах, с которых начинается уважение к себе, друзьям и близким людям...

Дети видят в родителях прошедшее, родители же видят в детях будущее; и если мы у родителей встречаем всегда больше любви к детям, нежели у детей к родителям, то это грустно, вместе с тем и естественно. Кто же не любит больше свои надежды, нежели свои воспоминания?

И. Этвеш

ЧТОБЫ НЕ СГЛАЗИЛИ...

Чтобы прожить счастливо, говорили философы древности, нужно избежать несчастий. Как избежать их? Не

дать страстям овладеть душой, советуют те же философы.

Но есть множество общеизвестных, куда более простых радикальных средств избежать несчастий. Нужно знать особые приметы везения и невезения, удач и неудач.

Например, попался вам по дороге столб. Чтобы сегодня дома не произошло крупной неприятности, нужно обойти вокруг столба тринадцать раз.

Если кошка... Надо предоставить ближнему возможность пересечь роковую черту или быстро повернуться вокруг собственной оси, сплунуть три раза через левое плечо — и будешь в безопасности.

Если упала на пол рукопись, быстро сядь на нее, а то не напечатают.

Счастье в дом приходит с трехцветной кошкой. Это давно известно...

Есть и другие способы разгадать свою будущую судьбу и «повлиять» на нее. Очень «помогает», к примеру, умение разгадывать сны. Есть сны, «предсказывающие» жизненное благополучие, а есть такие, что лучше бы уж и не снились.

Суеверия? Пустяки?

Да, начинается с пустяков, с кокетства, оригинальничанья, а заканчивается иногда... Приведу примеры, как говорится, из жизни.

Недавно, проходя через вестибюль санатория в одном южном городе, я увидел за столом женщину. В руках у нее были карты. И в последующие дни — утром, вечером, в полдень — я видел ее погруженной в созерцание карт. Как-то мы разговорились.

Тамара, так звали женщину, имела высшее образование, была ветеринарным врачом, приехала на юг в отпуск. Дома ее ждали муж и ребенок. Для развлечения она прихватила с собой карты, раскинула их как-то веевром на столе и вдруг обнаружила дома «измену». Вернуться домой на основании столь шатких «свидетельств» она стыдилась. Говоря по телефону с мужем, старалась шутить, смеялась. Но весь отпуск ее был отравлен. По утрам она не ходила на пляж (не до того!), а по вечерам ее не видели в кинозале (тоже не до того!). От завтрака до обеда и от обеда до ужина она раскладывала карты. Вскоре к ней присоединились две подруги. «Изменил, на сердце другая...» Вполне достаточно оснований для того,

чтобы отравить отпуск всем троем. Вместо солнца и купаний — пузырек с валокордином.

Перед возвращением домой мне захотелось побывать в Сухуми, благо езды было не больше двух часов. Я сел в дачный поезд. Все было как обычно: через вагон прошел контролер, за ним буфетчица с корзиной орехов, груш и винограда, где-то в тамбуре запели под гитару юные туристы. И вдруг я услышал истошный призыв заглянуть в тайны своей судьбы. Оборачиваюсь... Рослый элегантный юноша с попугаем. Протягиваешь юноше десять копеек — попугай опускает в шапку крючковатый клюв и выхватывает скатанную трубочкой полоску папиросной бумаги... На ней изречение: «Вы еще будете счастливы, но сначала вы должны получить важные казенные бумаги. Остерегайтесь черных глаз и не доверяйте тайн друзьям. Вам вредит ваша доброта». Итак, человек должен сделать роковой для себя вывод: не доверяй близким и добрым не будь.

В одном из московских переулков кренился набок старьей, ныне уже снесенный домишко, куда, стыдливо оглядываясь по сторонам, шли по утрам жаждающие узнать тайны своего будущего и чужого прошлого. На звонок к двери подходила горничная, провожала клиента в приемную. Дальше все как на приеме у врача, занимающегося частной практикой. В приемной — ожидающие, плата — два рубля. «Клиенты» проходили в комнату, опускались в кресло. Потом появлялась гадалка... Уходя, некоторые смеялись, другие плакали.

Кто только не ожидал своей судьбы в приемной! Старушки, старухи (это бы еще ничего), молодые девушки — студентки физмата, молодые люди, недавно получившие аттестат зрелости (это уже страшнее!).

Как-то в Ленинграде, выйдя из Эрмитажа, я прошел к Адмиралтейству и присел отдохнуть в сквере на набережной, поджидая товарища. День клонился к концу. Расходились последние посетители музеев, студенты возвращались с лекций. Около меня присели на скамеечку две девушки. По их разговору можно было понять, что это студентки филологического факультета. К одной из них подошла женщина в черном платье. Тихо заговорила. До меня долетели только обрывки фраз. Но конец разговора я слышал ясно:

— Принесешь пять рублей — дам тебе заговор из

«большой книги»... Людям помогает, почему же тебе не поможет?

— И принесете? — спросил я, когда женщина ушла. Девушка смутилась. Но, увидев, что я не собираюсь читать ей нотации, доверчиво улыбнулась:

— Не знаю... может быть, и не приду. Но она многое сказала верно. Многое угадала...

— Что же именно?

— Она сказала: «Плохо тебе, ты стоишь на мертвой земле».

— И что это значит?

— У меня бабушка умерла в прошлом году... Ну, и есть еще неприятности. Вы не смейтесь. А вдруг она поможет, предскажет? Вдруг я смогу что-нибудь предотвратить?

— В самом деле, пренебрегать услугами колдуньи нельзя, — сказал я. И потом постарался высмеять прорицательницу в черном платке: смех сильнее нравучений!

В конце концов девушки улыбнулись. Потом рассмеялись — я победил! А потом та, что стояла «на мертвой земле», протянула мне листок бумаги:

— Это я сейчас купила у нее за рубль. Заговор. Прочитайте.

Я развернул листок папиросной бумаги с бледными (это был восьмой или десятый экземпляр под копирку) буквами. С трудом разбирая стертые строчки, прочел: «Когда взойдет полная луна, не отрываясь смотри на нее и повторяй: «Ой, вы, девы, девы красны, сладкогласны! Вы куда идете, изгой несете?»

Мы идем до моря, поджигать леса, сокрушать сердца добрых молодцев.

— Сестры мои, сожгите (назови его имя) сердце, печень-печенку, селезенку, чтобы он (скажи свое имя) уважал, любил и ценил».

Передо мной сидели студентки. Только что они говорили о том, у кого взять конспект пропущенной лекции о Блоке, о том, что хорошо было бы ввести в нескольких школах Васильевского острова латынь, а потом отбирать самых способных ребят на классическое отделение. И вдруг... «сожгите печень-печенку». Мне просто стало не по себе, когда я подумал, что они могли бы дожидаться, когда над Ленинградом встанет полная луна, давным-давно сфотографированная с невидимой землянам сто-

роны, и зашептали бы: «Изгой несете...» Неужели они могли бы отложить первую пятерку из стипендии не на театр, а на заговор из «большой книги», который «людям помогает»?

Я написал это и подумал: а вдруг кто-нибудь из читательниц возьмет сейчас ручку и перепишет из этой книги заклинание, а может, и вырежет ножницами процитированный мною текст из листка папиросной бумаги? Этих девушек я встретил еще раз. Мы улыбнулись друг другу, как давние знакомые, и я спросил, помогла ли им ворожба. Обе засмеялись, сказали, что все это шутка. А потом одна из них сказала:

— Наша подруга смотрела-смотрела на луну, повторяла-повторяла... Ничего не помогло! Провалилась на экзамене.

Начинается с малого: в шутку поговорили с ворожеей. Кончается иногда тем, что бегут на кладбище к могиле тезки «предмета мечтаний», чтобы взять сырой землицы и незаметно подсыпать ее «предмету» в ботинок. Это смешно, конечно, но стоит представить себе духовное состояние человека, надеющегося на успех ворожбы, — и тут уж становится не до смеха: все-таки ведь вторая половина двадцатого века, а не шестнадцатое столетие.

Вот два письма к молодому актеру, только что снявшемуся в фильме. Одно пишет молодая зрительница, второе — ее родители. Зрительница, видимо школьница старшего класса, говорит, что ей понравилась игра актера, и она влюбилась в него. Родители пишут ему: «Приезжайте к нам в гости. Поживите у нас. Вы очень понравились нашей дочери. Имейте в виду, что она богатая невеста. У нас есть дом, корова, свиньи, птица, сад. Вы будете жить у нас, отдыхать и ничего не делать!»

Письмо абсурдное. «Отдыхать и ничего не делать» — таково представление о благоденствии, которым можно «купить» жениха для дочери. Наверно, их дочь так и живет, отдыхая от ничегонеделания. И со скуки пишет письма обаятельным актерам. А родители «болеют сердцем» за родимое чадо и готовы работать на нее, на будущего мужа, лишь бы в доме было счастье. И вовсе не догадываются они о том, что у скучающих людей не может быть счастья. От скуки появляется только жажда развлечений. Каких? Самых нелепых.

...Спит человек. В три часа ночи раздается над ухом телефонный звонок. Он, ничего не понимая, спросонок хватается трубку. Кто-то смеется, дует в трубку и вешает ее. У кого-то бессонница, и он развлекается от нечего делать.

В квартиру известной эстрадной певицы звонит каждый день в один и тот же час неведомый поклонник ее таланта, мурлычет начало песни, которую часто исполняет певица в концерте, и вешает трубку. Проходит месяц, второй. Всех в доме охватывает какая-то тревога. Когда стрелки часов приближаются к половине двенадцатого ночи, все начинают нервничать, ждут. Сейчас раздастся звонок. Песенка, и будет повешена трубка. Дом не спит: волнуются, высказывают разные предположения...

— Да заявите на телефонную станцию, — советуют им друзья.

— Неудобно... может, он образумится, — вздыхают они.

А звонки продолжают. От скуки, от нечего делать. Для того, чтобы заполнить душевную пустоту. Сплетнями, ворожбой, анонимными звонками, письмами к артистам, пересудами... Тому, кто с иезуитской точностью звонит по ночам в чужую квартиру, очень скучно. Не может этот человек найти для ума и сердца никакой доброкачественной духовной пищи и эту пустоту стремится чем-то заполнить. Кто-то держит в памяти все приметы и соблюдает невинные ритуалы по поводу соли, кошки или столба, кто-то хватается за телефонную трубку, кто-то вздыхает и шепчет что-то луне. А вроде бы можно найти для себя много дел, нужных людям... Щедро растрачивая свое время на всякий вздор, человек обкрадывает не только самого себя, но и общество, в котором живет. Сколько полезного можно было бы сделать, не будь голова забита средневековым вздором. Не растрачивайте преступно время на подобные пустяки!

Духовная пустота. Человек, не зная, как избавиться от скуки, бросается к людям для того, чтобы чем-то заполнить душевный вакуум. Ворожба — от скуки, телефонные приставания и анонимки — от скуки, наконец, романы — от скуки, пересуды — от скуки, суеверия — от скуки.

А может, не нужно нам закрывать глаза на эти «причуды»?

ВЫДУМКА С ВЫГОДОЙ

Мы сидели втроем. Я со своим другом и его сын второклассник. Игорь давно клевал носом, и отец послал его за дневником, чтоб «на сон грядущий» проверить отметки.

— Я дам тебе дневник в субботу. Что там смотреть? Сегодня четыре пятерки, — сказал Игорь, поцеловал отца и ушел спать.

— Если его послушать, — сказал, смеясь, отец, когда за сыном закрылась дверь, — то его пятерками можно вымостить дорогу до луны. А вот о тройках сообщать забывает. Фантазирует! Как все дети...

— Но заметь: с выгодой для себя.

— Да, он не дурак! — не без гордости воскликнул родитель.

Фантазия или ложь? И какое вообще существует различие между фантазией и ложью?

По шоссе на велосипеде едет девушка. На багажнике, обняв ее и прижавшись щекой к ее спине, сидит мальчуган. Вдруг он испуганно шепчет:

— Вера, дальше ехать нельзя. Стой, стой... видишь, натянута сетка? Дальше нельзя, там живет волшебник.

Это не вранье. Это детская фантазия. Поэтичная, светлая. И бескорыстная! Вот что, по-моему, главное: бесхитростная, без всякой выгоды для себя.

Взрослые тоже имеют право на фантазию. Есть у меня друг, к которому многие любят ходить в гости. У него не скучают ни минуты. Ставит он на стол вино. Пыльная в паутине бутылка.

— Когда я был в ОАР, то фараон... это вино, завернутое в шкуру рыси...

Эти «воспоминания» исполнены такого артистизма, такого пленительного юмора, что враньем их назвать просто невозможно. Все покатываются со смеху и очень довольны гостеприимным хозяином. Магия фантазии не разрушается даже комментариями жены, старающейся в деталях восстановить истину: бутылка-де куплена в каком-то гастрономе...

Фантазия творческого человека — ребенок он или взрослый — всегда бескорытна. Оба не могут, просто не в состоянии расстаться с миром поэтической выдумки. Но их «сочинения» не преследуют никакой практической выгоды. Они от избытка воображения, таланта. Когда

ребенок приходит из школы и сообщает, что видел, как по дороге шли тигры и он не застрелил ни одного из них, потому что хищники были очень приветливы и не кусались, — это фантазия. Но если он при этом добавит: «Я так загляделся на тигров, что забыл об уроках, о том, что сегодня контрольная, и не пошел в школу...» — это хитрое вранье, преследующее весьма определенную, конкретную цель.

Не слишком ли просто относимся мы иногда к «невинной» обиходной лжи?

Звонят, допустим, по делам к «начальству».

— Товарища Булатова? — выпытывает секретарь. — Кто его спрашивает? Николай Гаврилович? (Вопросительный взгляд на начальника. Тот машет отрицательно рукой.) Товарищ Булатов в министерстве. Возможно, к концу рабочего дня будет, а может, и не будет совсем...

Николай Гаврилович или любой другой знает: неспроста его имя повторили вслух. Но доказать ничего невозможно. Ехать к товарищу Булатову он сейчас не может. Просто он переносит дело «на потом». Обычный этап волокиты. Рано или поздно все будет решено. Но ведь могло бы решиться рано. Все были бы от этого только в выигрыше.

Я не собираюсь писать трактат о лжи и не исследую разные виды ее: светскую (для приличия), будничную (вроде только что упомянутого случая), ложь-шутку, ложь-рисовку, ложь для упрочения авторитета и т. д. Я не говорю о подтасовке цифр в отчетах, когда лжецы обманывают государство, народ. Тут уже ложь перерастает в преступление. Я не говорю о лжи, за которую наказывают по кодексу законов. Я не говорю о лжи в семейных делах, за которую порой наказывает сама жизнь. Я вообще не говорю о том, что лгать нехорошо. Это и так всем известно.

Нет, я говорю о той капельке лжи, которую считают иногда столь же необходимой, как капельку масла для смазки мотора, чтобы машина не остановилась. Я говорю о той лжи, с которой будто бы легче жить и для которой найдены снисходительные формулировки: «смягчить», «спустить на тормозах», «обтекаемо сформулировать». А ведь какое имя ни дай лжи, в какие одежды ни выряди ее, а вранье-то останется враньем, и оно когда-нибудь выдаст себя, так или иначе о себе заявит, испуганным выражением лица или «бегающими» глазами,

укорами совести или бессонницей, страхом лишиться уважения, авторитета, построенного на зыбкой почве лжи. Одним словом, неизвестно, кому придется хуже — обманщику или обманутому. Пожалуй, обманщик тоже жертва своей собственной изворотливости, потому что если он даже и не ощущает укоров совести (совесть ведь в конце концов может и атрофироваться), то где-то в глубине души всегда живут страх и тревога: а не наступит ли разоблачение?

И это — тяжкое наказание.

Когда о ком-то складывается мнение: «лживый человек», это плохо не только для авторитета, для репутации. Просто стыдно считаться лгуном!

Стыдно... Пожалуй, это страшнее всего.

«Дайте мне честное слово, что вы...»

Разве не унижительно для обоих собеседников это самое «дайте честное слово»? Или: «Давайте будем откровенны!» Значит, один не уверен в том, что другой не солжет, если специально не оговорить условий соблюдения честности? Почему в голову приходит мысль о том, что собеседник может сказать не только честные слова, но и лживые?

Лучше всего недвусмысленные «да» или «нет». «Да» и «нет» без подтекстов, уловок, иносказаний, недомолвок и полуправды. Благородная простота правды. Трудна ли она?

Бывает, что очень трудна. И все же побеждает всегда тот, кто находит в себе силу сказать эту трудную правду. Потому что уважать будут всегда именно его. Разве это само по себе не высочайшая награда? И наоборот... Разве уже само по себе не наказание — знать, что уважают окружающие не тебя самого, а (до поры до времени, разумеется!) мнимую честную и благородную фигуру, украшенную побрякушками фальшивых добродетелей?

Отец, лгущий детям. Художник, лгущий зрителю и читателю. Сослуживец, обманывающий коллег. Друг, предавший своего друга. Проходит время — и ложь обнаруживается со всей очевидностью. Вдребезги, в прах рассыпаются не выдержавшие испытания временем ценности: иллюзорное благородство, притворная дружба, суррогатное искусство. И кто страдает более всего? Обманутый или обманувший? Неумолима диалектика: мнимое торжество оборачивается неизбежным поражением.

Особенно страшно, когда взрослые сознательно, преднамеренно учат детей лицемерию.

Школьник Вова Т. написал простодушное, бесхитрое сочинение на тему «Как я отношусь к своим двойкам».

«Как я отношусь к своим двойкам? Двойки родителям приносят огромный вред. Им от них очень худо. Но учителя все равно их исправляют, потому что начальство их за двойки ругает».

Под сочинением была выведена красным карандашом большая жирная двойка и каллиграфическим почерком учительницы приписано: «Вова, тетрадь — это официальный документ; ты можешь так думать, но не писать об этом в тетради. Запомни это на всю жизнь». И ниже — четкая подпись учительницы. О каком воспитании правдивости у ребенка может идти речь при такой «резолюции»?

Легко себе представить чувства родителей, столкнувшихся с этой «педагогической заповедью» и приславших мне сочинение Вовы с припиской учительницы. Запомни Вова «на всю жизнь» совет учительницы — и вот уже заложено в его душу зыбкий фундамент лжи и лицемерия.

Только что я запер дверь за неожиданным гостем. Приходил начинающий поэт Александр П. Раньше, еще школьником, он присылал мне свои стихи, объемистые рукописи. Потом несколько раз присылал номера заводской многотиражки, которая давала иногда целые полосы его стихов с портретом автора.

Разговор был трудным для нас обоих.

На заводе, где он работает, к нему относились более чем хорошо. Его любили: поэт! Им восхищались: серьезный, умный, талантливый.

Но Александру хотелось большей славы, большего признания. Он просиживал вечера в библиотеке. Он читал. Он помнил многих безвестных поэтов прошлого. Забытых. Александр стал выбирать лучшие стихи (вкус у него есть, в этом ему не откажешь) забытых поэтов и также печатать их под своей фамилией в заводской многотиражке. Разумеется, его уличили в плагиате.

Пришел он ко мне потому, что рухнуло для него все: его перестали принимать всерьез товарищи; «пожала плечами» и ушла навсегда любимая девушка. Передо мной был подавленный и растерянный человек. Правда, я заметил некоторые симптомы, дающие надежду на

нравственное исцеление: дальше он хочет работать честно. Расстались мы с ним на том, что в следующий раз он придет ко мне со своими собственными стихами. Пусть не такими уж талантливыми, но зато своими, честными, выстраданными, искренними. И главное: это будут не просто честные стихи, но стихи о честной жизни, своей жизни, а не украденной, не взятой у кого-то словно бы напрокат.

Я убежден, что лгать — в стихах ли, в чувствах ли, — внушать людям ложное представление о себе и заставлять людей до поры до времени в него верить — это значит жить чужой, украденной жизнью. Это значит и не жить вовсе. Это значит украсть у самого себя драгоценную правду собственной жизни.

Пусть такая ложь никем не разоблачится. Пусть тот, кто неожиданно для самого себя открыл подлинный образ лжеца, усмехнется и промолчит. Но рано или поздно лжец спохватится: что я наделал?!

Хорошо, если не будет поздно...

Даже в пустяках надо быть правдивым!

М. Горький

Для того, чтобы выучиться говорить правду людям, надо научиться говорить ее самому себе.

Л. Толстой

ЗАГЛЯНИ-КА В СЕБЯ!..

Передо мной письмо школьницы Тани. Таня родилась через восемь лет после окончания Великой Отечественной войны. Ее письмо было напечатано в «Комсомольской правде». Оно понравилось мне своей искренностью и теми мыслями, которыми Таня поделилась с читателями своей газеты. Я хочу привести его полностью:

«Говорят, что каждый человек чувствует тот момент, когда у него кончается детство. Вот и в книгах часто можно встретить: «В этот день он попрощался с детством...»

А я и не знаю, когда кончилось мое детство. Не знаю, в какой момент и почему. Но чувствую: кончилось. Оно все-таки кончилось...

Мне только 16 лет. Мои подруги еще играют иногда в куклы и возмущаются от мысли, что им когда-то нужно будет выходить замуж. «Дети...» Ну и что ж оттого, что и мне иногда вдруг захочется проказливо шмыгнуть носом, побороться с братом или привязать кота к дивану. Это всего лишь мгновения. Мое детство кончилось. Мне грустно оттого, что оно никогда больше не вернется, что я старше их, своих подруг и одноклассников.

Я, наверное, слишком «умная». Не нужно думать, что я хвастаю. Мне становится просто смешно, когда я представляю себя в роли «хвастуни». В данном случае я измеряю ум не количеством прочитанных книг, выученных цитат, не знаниями в физике и умением решать сложные математические задачи, нет.

Я говорю здесь о понимании жизни, об умении ее понимать. Я с детства была «слишком умной» для своих лет. Так считали взрослые. Они недолюбливали меня за излишнюю сообразительность, за то, что я все понимала в их отношениях, за то, что я видела, когда они лгут. Ведь это, знаете, не легко, хотелось ничего не понимать, как другие дети, видеть только хорошее, но не могла. Теперь, когда я почти выросла, мое «понимание» стало еще резче, выше.

Я слишком остро стала чувствовать неправду, фальшь, обиду, несправедливость. Раньше я считала, что взрослые — мама, отец, учителя — никогда не ошибаются, всегда правы. Раньше я терпела, была послушной, не смела перечить взрослым, теперь — нет. За то, что я не могу терпеть ни от кого несправедливости, лжи — будь то мама, будь то учитель, — за то, что я часто вступаю в споры, хоть они и нередко кончаются слезами или, еще хуже, тяжелой, горькой, затаенной обидой, меня иногда называют несдержанной, излишне самолюбивой, даже грубой. Ну и пусть! Зато я стою всем сердцем за добро, за радость, за справедливость!

Да, все-таки главное, что пришло ко мне с возрастом, — желание спорить. Но это не желчная, злобная сварливость, это юное, хорошее, если хотите знать, звонкое и жизнерадостное чувство — спорить. Ведь я познаю мир. Это какая-то дотошность, желание до всего докопаться самой. Мне хочется спорить не только с людьми, но и с книгами, природой. Долой примирение, долой равнодушие! Спор лучше!

Ну как не поспорить с учебником, утверждающим,

Были в письме такие строчки:

«Целая книга о культуре чувств! И почти ничего о внутренней борьбе человека с самим собой. А ведь иногда с собой труднее справиться, чем с несколькими оппонентами. Слов не произносишь вслух при такой борьбе, но терзаешься противоречивыми мыслями, да и просто злостью, обидой. Уж если зашел разговор о культуре чувств, то почему бы не подсказать людям, как сладить с самим собой, с этими чувствами? Вот Пушкин писал об этом! А мы боимся обратить внимание на эти «мелочи!»»

Письмо Марины Н. искреннее, открытое, честное. Видно, мысли о самовоспитании, о чистоте внутреннего мира серьезно волнуют ее. Вот еще один отрывок из ее письма:

«Какая была мука для меня еще недавно просто-напросто идти на работу. В голову приходили какие-то противные мысли. Почему-то мне неприятно было видеть сотрудницу в мятом платье, с золотыми зубами (а то, что она много работает, думающий человек, — этого я не замечала). Мне виделась в поступках всех людей расчет, хитрость, злоба, коварство. И наверное, моя недоброжелательность была заметна. Я чувствовала это по отношению окружающих к себе».

Прерву пока чтение письма. Возможно, Марина слишком самокритична. Трудно поверить, что с утра до ночи ее терзает черная ненависть и презрение к окружающим. Но меня интересует сейчас не настроение девушки, а ее собственный вывод о том, что не ее окружают плохие люди, а она сама плохо думает о них.

Подметить в себе этот недостаток — значит сделать первый шаг в самовоспитании. Да, бывает, что у человека мнительного возникает как бы «второй план» жизни — вымышленный. И при этом он непрерывно влияет на жизнь реальную.

Лежит передо мной рукопись одного начинающего автора. Вот отрывки из нее:

«Это преуспевающий пошляк, чей лоб, ботинки и портфель лоснятся одинаково. Со своей жирной шеей и спиной он кажется сложенным из огромных шмотков мяса». И так далее. Вплоть до: «Не запачкайте руки о гной этих душ».

Читаю рукопись и присланное вместе с ней письмо. В нем жалоба на то, что романиста-де затравили сослуж-

живцы (автор не профессионал), потому что его романы и повести считают пасквилем на окружающих. Не буду приводить нелестных эпитетов, которыми осыпаны критики.

Автор не замечает, что это он сам раздражен, а окружающие ничуть не виноваты, что у него всегда скверное, желчное настроение, которое он не может побороть. Так бывает.

Ну, предположим, человека мучает зависть. У кого-то есть талант, или голос, или красивая шуба... Кто-то получил премию, совершил научное открытие, написал сценарий, спел в опере главную партию. У завистника сразу возникает мысль: дело тут не в таланте, а просто есть покровители, связи, «блат». Певец трудится, ставит перед собой высокие цели, преодолевает трудные рубежи, а завистник мучается, не спит ночей, расстраивает свое здоровье, интригует, сплетничает. А будь он доброжелателен — сходил бы на концерт и получил удовольствие. Так кому из них хуже? Певцу или завистнику?

А если... Если отбросить подозрение? Не позволить ему овладеть сердцем! Но не притупится ли тогда и проницательность?

Проницательность и подозрительность... Я не за то, чтобы смотреть на мир сквозь розовые очки и при этом видеть не дальше собственного носа... Но не стоит, между прочим, подражать персонажам известного анекдота — змее и лягушке, — которые оба тонут из-за того, что подозревали одна другую в предательстве. В конце концов можно вообразить, что все вокруг жулики, спекулянты, подхалимы, рвачи, эгоисты, и жить, терзаясь, в этом вымышленном мире, подозревая всех и каждого, вплоть до своих собственных детей, в неискренности и лукавстве.

За вечерним столом сидит семья. Бабушка нарядная, в красивом платье. Дедушка пришел с работы и не переоделся. Внучка бросила дедушке куклу на колени. Родители, боясь, как бы дед не обиделся, немедленно допрашивают ее:

— Зачем бросила в дедушку куклу?

Девочка не знает, как оправдаться. Ей хотелось поиграть с дедушкой. Но раз взрослые недовольны, — значит, она виновата. Детская логика!

— Но не могла же я бросить в бабушку, — начинает оправдываться девочка, — на ней шелковое платье.

Опять детская логика: шелковое платье — это что-то тонкое, с чем нужно обращаться бережно. А на бабушке костюм, который не порвется. Ведь, когда на ней самой обычное платье, ей разрешают в нем кувыркаться, а вот когда идут в гости, приходится беречь воздушное платье в оборочках.

Но родители с их логикой взрослых приходят в ужас.

Как? Их дочь бросает куклу в тех, кто не разряжен в шелка?

Огорченный отец долго объясняет дочери низость ее поступка, читает для смягчения ее жестокого сердца андерсеновскую «Девочку со спичками», страстно обличает «Принцессу на горошине».

Все это прекрасно: и Андерсен, и желание родителей выкорчевать зло из детского сердца.

А если зла и не было? По ходу дела родители объявили дочери о том, что существует на свете такая постыдная философия: кто красив и наряден, тот и хорош, с тем и надо дружить. Хорошо, конечно, заранее объяснить порочность подобного взгляда на жизнь, да только зачем обижать ребенка? Девочке и в голову не приходили все те ужасные вещи, которые ей приписывали.

Говорят, чтобы корректировать собственные поступки, нужно смотреть на себя со стороны. Что ж... Это разумно. При таком взгляде на себя видишь: помогаешь ли ты людям или ждешь помощи со стороны только себе самому, умеешь ли радоваться чужим успехам или нет. Да, бывают в жизни ситуации, когда необходимо это умение, взглянуть на себя со стороны.

Но вернемся к письму Марины Н.

«И вдруг, в один прекрасный день, началась моя собственная борьба с собой. Я заставляла себя не быть слепой, видеть в людях хорошее. Раньше слух и зрение были устроены так, что, как фильтр, улавливали плохое: обиды, чужую грубость, безвкусицу. Все это сразу отмечалось и осуждалось. А тут я спросила себя: «Хотела бы я себе такую подругу, как я сама?» «Нет. Ни за что», — поняла я. Я написала длинный список того, что не нравится мне в себе самой, и просто испугалась: другие показались мне после этого чудеснейшими людьми. Я стала замечать чужую доброту, вкус, ум, участливость.

С этого и началась работа над собой, и ко мне стало возвращаться хорошее настроение».

Я понимаю: Марина вступила в очень трудную внутреннюю борьбу.

«Иногда кажется, — заключает она, — нет сил одолеть какие-то муки, обиду, недоброжелательство. Все видишь в черном свете и о других думаешь скверно. Тяжелые мысли ворочаются как глыбы, как жернова, но одолеешь их — и они просто растают, как снег весной. И когда собеседник начинает кого-то поносить, ища сочувствия, тоже нужно набраться духу и пресечь этот разговор. Собеседник, кстати, только уважать будет за то, что не выслушали его злых слов».

Внутренняя борьба, о которой пишет Марина, невидимая и очень трудная, потому что контролировать себя тут может только сам человек. Нужна большая культура чувств, чтобы подметить собственную дурную мысль и сразу решительно оборвать ее.

Если удастся однажды «преодолеть себя» — это еще отнюдь не победа. Это только знак, что поставленная цель достижима.

Думаю, что нужно «не спускать с себя глаз» всю жизнь и ничего себе не прощать. Поменьше мягкости к себе и побольше к друзьям — честное слово, это хороший девиз. Принято считать, что человек начинается с познания своего «я». Перед существом, родившимся на свет, начинается, как величайшее из чудес, открываться окружающий его мир: это я, а вот это уже не я... Что же это? Солнце, небо, люди, реки, горы, леса.

Но если собственное «я» становится единицей измерения всех ценностей? Если все поступки человека оказываются продиктованными одним весьма беспринципным принципом: «Сперва я, а потом уже ты. Пусть прежде всего будет удобно мне, а потом — тебе и вообще всем остальным. Сначала я! Сначала мои интересы!»?

Если с осознания своего «я» начинается человек, то не заканчивается ли он в тот миг, как только собственное «я» становится всеобъемлющим и заслоняет собой весь мир?

Эгоизм... Стремление к счастью и радости для себя, и только для себя... Отчего же в итоге эгоисты как раз и не бывают счастливы?

Народная мудрость гласит: «Посеешь Поступок — пожнешь Привычку; посеешь Привычку — пожнешь Характер; посеешь Характер — пожнешь Судьбу». Итак, поступок... Если человек всю жизнь растит чертополох

поступков, продиктованных эгоистическими расчетами, то, оглянувшись назад, вряд ли найдет он силы выполоть его: поздно, жизнь прожита. И венчает жизнь эгоиста его собственная душевная опустошенность, равнодушие окружающих. А небо остается прекрасным: дождливое и озаренное утренними лучами и лучами заката. И цветы цветут. И люди уже привыкли обходиться без эгоиста: ведь не один он на свете... Вот и остается эгоист наедине со своим собственным «я».

Но может ли человек сам осознать свой эгоизм?

Несколько лет тому назад на международном конгрессе я познакомился с автором детских рассказов, которые показались мне неплохими. Мы разговорились, и я узнал, что его путь в детскую литературу начался, как это нередко бывает, с книжки о собственной жизни. Я считаю, что почти каждый человек может написать одну книгу: рассказать о своей собственной судьбе. В крайнем случае чуть-чуть помогут — и напишет...

Что же произошло с моим коллегой?

Однажды к человеку пришла беда. И тогда он неожиданно взялся за перо. Все мучившие его «почему?», «как это могло случиться?», все сбивчивые мысли, бесконечно возвращавшие его к тягостным для него событиям, стали беспорядочно ложиться на бумагу.

Неделя запойной работы, когда утро сливалось с вечером, а пальцы, сжимавшие ручку, казалось, не могли разжаться... Наконец все сотни раз передуманное было записано. Правда, в хаосе, безо всякой последовательности, но с абсолютной искренностью. Потом и хронологический порядок был установлен...

Он читал аккуратно перепечатанную рукопись и словно бы чужими глазами, словно со стороны видел, как эгоистическое стремление к счастью, заставлявшее молчать совесть и пренебрегать интересами других людей, сыграло с ним самим весьма злую шутку.

Для писателя самым поразительным было то, что логика жизни и художественного произведения совместились абсолютно. Нельзя было переместить ни одного события, ни единой фразы, даже слова, чтобы не рассыпалась вся цепь. Вот тут он и задумался о связи слов, дел, поступков, привычек, характера и судьбы.

Когда я услышал о таком начале литературного пути, то подумал: это первая литературная работа была и становлением человека. Осознать свои недостатки, свои по-

роки, пожалуй, еще труднее, чем взяться за перо. Дело ведь не только в том, чтобы однажды осознать собственный эгоизм, главное в другом: как дальше строить свою жизнь? Как научиться контролировать собственные поступки? Как держать себя в руках до тех пор, пока характер окончательно не перестроится и свои личные интересы немного не потеснятся?

Обвинять в эгоизме окружающих, не замечая собственного, так легко и заманчиво. «Он эгоист...» «Она эгоистка...» Не правда ли, какие привычные для слуха слова?

«Я эгоист» — это более редкое признание, но и его можно услышать.

Так уж устроена жизнь, что за себялюбие эгоист обязательно расплачивается, и почти всегда дорогой ценой.

Вряд ли нужно доказывать, что рядом с эгоистом людям живется неуютно. Не требует доказательств и то, что не может быть великодушного и благородного эгоиста, ибо жизненные принципы эгоизма и благородства взаимно исключают друг друга. Эгоизм начинается с легкого и приятного: я, мне, для меня. Благородство с иного: хорошо ли вам? Удобно ли вам? Принцип нелегкий и, с точки зрения эгоиста, глупый.

Постоянные спутники эгоизма — черствость и даже жестокость. Такова уж логика себялюбца: если мне хочется чего-то, я должен это получить даже ценою чьих-то потерь. И другая примета эгоизма: считать свои беды и горести самыми тяжкими на земле...

Любовь эгоиста не выдерживает никаких испытаний. Его дружба тоже не выдерживает проверки трудностями. Стало быть, это не любовь и не дружба.

Самовлюбленный эгоизм — благодатная почва для вражды, зависти, раздражения.

Эгоизм затуманивает взор, мешает ясно видеть и здраво оценивать поступки людей. Там, где оскорбленное самолюбие видит злонамеренную ложь, любовь разгадывает заблуждение; там, где настороженное ухо слышит наглый смех, доброе сердце может уловить замаскированную поддельной веселостью жалобу. Холодный эгоизм позволяет человеку видеть только часть событий, одну их сторону, но не позволяет объять взором и правильно оценить все событие в целом. Умение встать на место другого, взглянуть на все, что происхо-

дит, его глазами — доступно ли это самовлюбленному эгоисту?

Закончить мне хочется словами, услышанными на одном молодежном диспуте. Как раз, когда дискуссия об эгоизме зашла в тупик и стена «эгоистов» пошла на стену «альтруистов» чуть ли не с кулаками, как раз в этот момент и было найдено простое решение вопроса о том, как уничтожить эгоиста в себе самом. Решение было простым по форме, хотя и трудноисполнимым в жизни: начинай свои мысли не с «я», а с «вы» — и всегда окажешься в выигрыше. Это решение показалось мне правильным.

Тайна счастья заключается в способности выходить из круга своего «я».

Гегель

Искать счастья в эгоизме — ненатурально, и участь эгоиста нисколько не завидна: он урод, а быть уродом неудобно и неприятно.

Н. Чернышевский

Личный эгоизм — родной отец подлости.

М. Горький

УМЕЮ ЛИ Я СМЕЯТЬСЯ?

Добрая, ласковая, приветливая улыбка, так же как и веселый, жизнерадостный смех, должна сопутствовать человеку всю жизнь. Но для этого надо, чтобы человек с ранних своих лет научился радоваться жизни. Научился понимать смешное.

— Ура! Ура! Ура! — кричит новорожденный, заявляя о своем появлении на свет.

Не значит ли это: «Ура! Ура! Ура! Я родился! Я начинаю жить!»

В семье появился малыш. Все не могут на него наглядеться — фиксируют и комментируют каждое его бессознательное движение.

Первое подобие улыбки.

— Смотрите! Он уже улыбается!

Первое подобие смеха.

— Глядите! Он уже смеется!

Но вот ребенок встает на ноги. Его ведут в детский садик. Он сам идет в школу.

Теперь он часто слышит:

— Почему ты улыбаешься? Здесь нет ничего смешного!

— Не смейся так громко!

И опять театр, Театр юного зрителя. На сцене — комедия. В зале — школа. Волнуются актеры, волнуется автор, присутствующий на спектакле. И актеры и автор ждут... смеха в зрительном зале. Первый взрыв смеха воодушевил артистов, но затем они пали духом — в самых веселых, смешных местах спектакля зал почему-то безмолвствовал.

В антракте автор подошел к одному из зрителей.

— Тебе и твоим друзьям не нравится этот спектакль?

— Очень нравится.

— Вам было не смешно?

— Очень даже смешно, — фыркнул в ответ мальчуган.

— Почему же вы не смеялись?

— Сначала мы смеялись, — простодушно ответил юный зритель, — а потом наша классная руководительница Анна Ивановна сказала: «Прекратить смех!» Вот мы и прекратили...

Можно было только пожалеть и детей и бедную Анну Ивановну.

Человек, лишенный чувства юмора, чаще всего обидчив и потому несчастен. Ему трудно ужиться в коллективе. Он мнителен и всегда настороже. Простую безобидную шутку, пародию, дружеский шарж, эпиграмму он может воспринять как оскорбление.

Зато бесценно свойство человека, умеющего посмеяться над самим собой. Такой человек — плохая мишень для злых шутников. Попав в смешное, комическое положение, он не смутится, не сконфузится, не испытает чувство ложного стыда, желания «провалиться сквозь землю» и этим лишит других удовольствия посмеяться над ним.

Я хорошо знал одного школьника, страдающего заиканием. Однако в определенных трагикомических ситуациях он так легко и с таким неподдельным юмором умел обыграть свой недостаток речи, что никому из его сверстников не приходило в голову смеяться над ним.

Чувство юмора надо ценить, развивать и беречь. Это жизнестойкий витамин, помогающий человеку в самые трудные минуты его жизни. Перед лицом опасности. В труде. На войне.

«...Смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно!» Но чем выше интеллект человека, чем он начитанней и образованней, тем тоньше воспринимает он смешное. Его уже не смешит грубая, вульгарная шутка.

В силу своего малого жизненного опыта и еще не развитого интеллекта дети часто смеются над тем, над чем в зрелом возрасте они наверняка смеяться не будут. Порыв ветра сорвал на улице с головы пожилого человека шляпу. Шляпа покатила по мостовой. Нелепо размахивая руками, тот бросается за ней, пытается поймать ее, падает в грязь. Из авоськи, которую он нес в руках, во все стороны летят яйца... Проходящие мимо школьники — свидетели этой сцены — умирают от хохота. А смешно ли на самом деле? Скорее, печально. Почему же эта уличная сценка вызвала такой гомерический хохот у ребят? Вероятно, потому, что поведение человека, поставленного волей случая в столь чрезвычайные обстоятельства, не соответствует его внешнему виду, возрасту. Быть может, смешной эта сценка могла бы стать, если бы она была разыграна актером в кинофильме, если бы она была не «всамделишная», а все происходило бы «понарошку».

Однако смех, вызываемый у зрителей неожиданным падением человека в воду, оплеухой на арене цирка, комической дракой, видом лилипута, гримасами юродивого, — это смех не высокого «качества».

...Юмор бывает тонкий и грубый. Юмор народных сказок и юмор пошлых обывательских анекдотов. Юмор клоунады и горький юмор Гоголя, Чехова, Шолом Алейхема, озорной юмор Гашека и Марка Твена. Полный иронии и сарказма смех Салтыкова-Щедрина и Бернарда Шоу. Мы смеемся над языком и нравами персонажей из произведений Зоценко, Ильфа и Петрова... И это лишь малая часть мировой сокровищницы смеха, доступ к которой надо готовить с детства.

Вот почему нет настоящего детства без веселых, озорных стихов Самуила Маршака, без сатирических стихов Агнии Барто, без веселых повестей и рассказов Николая Носова, Анатолия Алексина, Юрия Сотника, Виктора Драгунского, Валерия Медведева и других советских детских писателей, понимающих, что юмор — это порой кратчайшее расстояние между самой серьезной проблемой и сознанием ребенка.

Там, где заходит разговор о юморе, там нельзя не сказать и о сатире. Они родные брат и сестра.

Дети отлично умеют подмечать смешное и потому от души смеются, когда узнают себя или своих друзей в стихах мастеров детской сатиры. Однако ребята читают не только сатирические произведения, написанные для них. Они приобщаются к сатире, адресованной взрослым, — читают журнал «Крокодил», в театре и по телевидению смотрят сатирические комедии для взрослых, в кино — сатирический киножурнал «Фитиль».

Важно, чтобы читатель и зритель научились правильно понимать сатиру, ее назначение и конечную цель.

Общеизвестно, что, смеясь над безобразным, человек делает для себя вывод о том, какой должна быть жизнь.

«Человечество смеясь расстается со своим прошлым», — говорил Карл Маркс.

«...Смеясь над глупцом, я чувствую, что понимаю его глупость, понимаю, почему он глуп, и понимаю, каким бы он должен быть, чтобы не быть глупцом, — следовательно, я в это время кажусь себе много выше его. Комическое пробуждает в нас чувство собственного достоинства...» — так понимал значение смеха в комедии Чернышевский.

Сатира — это такой жанр, который обязательно кого-нибудь задевает, кого-то обижает и кому-то не нравится. И иной раз, к сожалению, обижает, задевает и не нравится хорошим, честным людям. Это происходит не потому, что они, эти люди, по внешним признакам принимают сатиру на свой счет. Как гоголевский чиновник, они обижаются за честь своего мундира, забывая о том, что сатирик смеется не над мундиром (не над профессией), а над тем, кто не по праву носит этот мундир.

Ну, а если сатира направлена против тебя? Если точно и зло высмеяны твои пороки, недостатки, слабости? Как быть? Чувство юмора тут не поможет. Твое самолюбие задето, уязвлено.

Сатирик этого и добивался. Вспомним слова Гоголя: «Насмешки боится даже тот, кто ничего не боится». Но не спеши обижаться...

Если зеркало правдиво показывает твое отображение — грязное, неумытое лицо, нечесаную голову, то оно как бы говорит тебе: «Посмотри на себя!» Можно, конечно, обидеться и разбить зеркало. Но это не будет вы-

ходом из положения. Лучше все-таки причесаться и умыться.

Наше социалистическое общество состоит из разных людей. Все они являются гражданами Советского Союза, но еще не все они честно и беззаветно служат своему Отечеству. Честных тружеников, хороших людей у нас больше, чем тех, кто, формально являясь советскими гражданами, по существу не имеет права называться советским человеком. И все же эти по существу «несоветские люди» живут среди нас, мы общаемся с ними, страдаем от них, презираем и ненавидим их всеми силами своей души. К таким людям я причисляю и чванливого, равнодушного к людским нуждам бюрократа, и карьериста-невежду с дипломом в кармане, и авантюриста, вводящего в заблуждение десятки людей, и расхитителя государственных средств, с величайшей наглостью живущего за счет награбленного, и ханжу — лицемера, спекулирующего самыми светлыми нашими идеями, и многих других типов из галереи прошлого, но, к сожалению, еще живущих в настоящем.

Очень хорошо сказал видный советский ученый В. В. Воеводский: «Пни нужно не объезжать, а спотыкаться об них — тогда легче будет их выкорчевывать». Задача советской сатиры — выкорчевывать пни. Конечная цель сатиры — служить своему народу. Другими словами, оружием смеха бороться с теми пережитками прошлого, с теми пороками и недостатками в нашей действительности, которые мешают нам строить новое общество. В смелой, беспощадной критике этих недостатков выражается непоколебимая вера в силу нашего строя, в правоту нашего дела.

Еще в 1920 году в своей статье «Будем смеяться!» Анатолий Васильевич Луначарский писал:

«Смех не только признак силы, но сам — сила. И раз она у нас есть, надобно направить ее в правильное русло... Смех — признак победы.

...Пока человек слаб перед врагом, он не смеется над ним, он ненавидит его; если порою саркастическая, полная ненависти улыбка появится на его губах, то это — смех, отравленный желчью, смех, звучащий неуверенно. Но вот пригнетенное растет и смех раздается громче, тверже. Это — смех негодующий, это ирония, кусательная сатира. В этом смехе слышен свист бича и порою раскаты грядущего грома борьбы. Так начал смеяться,

еще не осушив слезы на глазах, Гоголь, и так смеялся, дрожа от негодования, Салтыков.

А дальше?

А дальше смех становится все более презрительным, по мере того как новое чувствует силы. Этот презрительный смех сверху вниз веселый, уже чувствующий свою победу, уже знаменующий отдых, необходим как самое настоящее оружие...»

Итак, будем смеяться!

Из личных свойств непосредственное всего способствует нашему счастью веселый нрав

А. Шопенгауэр

КОШКА В ОКАНТОВКЕ

Каждый понимает вкус, красоту по-своему. Для одного телевизор — источник духовной пищи, другой категорически заявляет, что иметь телевизор прощительно разве что пенсионеру. Один любит бодрые марши, другой — «Страсти по Матфею» Баха. Один считает непревзойденными шедеврами зодчества храмы Новгорода, Ростова Великого и влюблен в Суздаль, другой часами готов любоваться открытками с видом нью-йоркских небоскребов.

Кому-то нравится бродить по мечтательным и запутанным старинным переулкам, а кому-то весело идти по новым улицам, застроенным громадами из стекла и железобетона.

Один считает, что нет в мире картины лучше, чем «Березовая роща» Куинджи, другой говорит о ней же: «Побегать между белых березок хочется, а аромата-то и нет».

Один с пеной у рта доказывает, что абстрактная живопись в век расщепления атома — это последнее слово в искусстве, доведенном до уровня науки; другой возражает: абстрактная живопись — голый король, так как задача художника — проникать не в глубь атома, а в глубины человеческой души, психологии. Кто-то мечтает побывать по туристской путевке за пределами Отечества и привезти из поездки несколько немнущихся сорочек и десяток рекламных буклетов, а кто-то берет фотоаппарат, блокнот и карандаш и отправляется по лесам

и сельским дорогам на свидание с красотой своей Родины.

Для одного древние русские иконы — это рассказ художника о своем понимании высшего проявления человеческого духа, а для другого — предмет религиозного культа.

Можно бесконечно продолжать эти сравнения, но мне интересней не сопоставлять сформировавшиеся вкусы и не решать, какие из них ближе мне самому, а взглянуть, с чего начинается формирование хороших и дурных вкусов.

...Я перебирал стоящие на полке в переплетной мастерской рисунки, фотографии, репродукции: искал отданные мной для окантовки гравюры. И вдруг... что за наваждение? Среди выполненных мастерской заказов я увидел одну окантованную кошачью морду, вторую, третью, пятую... Десять одинаковых кошек смотрело на меня одинаковыми зелеными глазами, одинаково топорща усы.

Старенький мастер понимающе усмехнулся:

— Какой-то журнал дал цветную вклейку: кошка. Крупное фото. И вот... граждане окантовывают... говорят: дома — дети, а кошечки — трогательно. Лебеди теперь вышли из моды, кошечки вошли...

Легко представить себе, как воспитывается эстетический вкус в тех семьях, где стены украшают кошкой в окантовке. Дело, конечно, не в самой кошке. Можно увлекаться фотографией и даже специализироваться на «портретах» кошек и собак. Лучшие из этих фотографий могут по праву украшать комнату такого фотографа. К тому же если это была любимая кошка, любимая собака. Но мы завели речь о чужой кошке, самое изображение которой стандартно, ничем не примечательно. Просто какая-то кошечка, снятая в цвете. Окантовывать такую чужую стандартную кошечку — сентиментально и безвкусно. И не лучше ли было бы украсить свое жилище репродукцией хорошего произведения искусства?

А вот еще пример.

Это был самый обычный, сшитый из коричневого вельвета медвежонок. Размером с ладонь. Его шестилетней хозяйкой было точно установлено, что набит медвежонок опилками. После того как вельветовое брюхо зашили, оно похудело, а опилки, когда с мишкой играли, стали так славно хрустеть. Впрочем, играть пришлось недолго. Из Крыма вернулись родители и привезли де-

тям подарки: коробочку сердечком, усыпанную раскрашенными ракушками, и рамочку, облепленную такими же ракушками, только в форме розочек. На рамке и коробочке было наискосок, с завитушками, написано: «Привет из Ялты. 1967 год». В рамку вставили фотопейзаж: раскрашенная зеленым пальма на берегу моря, по глянцевої поверхности которого, конечно же, бежала лунная дорожка, а около пальмы виднелась белая гипсовая балюстрада. Лунную ночь в ракушечной рамке водрузили над столом сына-школьника: пусть привыкает к природе! Распустившиеся же ветви с клейкими листиками (сын подобрал их, когда на бульваре стригли деревья) выбросили, чтобы они не заслоняли собой пейзажа с пальмой. В коробочку сложили ненужные маме украшения: брошь в форме паука со сломанным замком, пластмассовые голубые клипсы — и все это подарили дочке... А медвежонка размером с ладонь выбросили вслед за ветками, потому что он был простым заштопанным медвежонком.

Надо ли рассказывать об этих мелких случаях в жизни семьи? Ну, выбросили игрушку, весенние ветви... Ну, подарили взамен коробочку из ракушек. Да таких случаев сотни. Стоит ли говорить об этом? Стоит.

И как раз потому, что подобных мелких происшествий можно насчитать не одно и не два.

И все они бациллоносители мещанства, которое на «высшей стадии своего развития» переходит в наступление, начинает диктовать.

Школьница любит кино. Как же выражаются ее эмоции? Просмотрен фильм, но мыслей и чувств, волновавших его создателей, юная зрительница не поняла, потому что восторженно следила лишь за красивым лицом актера.

Она уже «влюблена» и, не стесняясь, пишет в «Советскую культуру» или «Искусство кино»:

«Я коллекционирую артистов, прошу выслать мне наложенным платежом фотокарточки следующих актеров, которые не продаются в ларьках нашего города...» И далее список имен и фамилий. Она разыскивает телефон своего кумира, начинает звонить, писать письма, назначать свидания... И кажется ей, что она общается таким образом к искусству. Девочка не понимает, что так проявлять эмоции смешно и стыдно.

Все папы и мамы заботятся о том, чтоб ребенок был

вовремя накормлен, чтобы к началу учебного года у него были учебники, школьная форма, чтоб он поменьше «болтался на улице», побольше бы сидел за письменным столом, помогал в домашних делах старшим. Но этого ведь мало — похлопотать о том, чтоб устроить сына или дочку в английскую или французскую школу, научить музыке и фигурному катанию на коньках. Бывает, что усердием родителей ребенок устроен во все эти школы, а по существу предоставлен самому себе. Родители просматривают табель успеваемости, поджидают свое чадо у дверей класса музыкальной школы или около катка и считают, что свои обязанности они выполняют. Но разве достаточно этого, чтобы можно было с уверенностью сказать: «Растет умный, интеллигентный человек»?

Нет, нет и нет. Нужно не просто заботиться о том, чтобы дать ребенку как можно больше знаний, необходимо развивать культуру эмоций: чтобы понять боль, страсти, радости и мечты великих умов и сердец, нужно и самому быть духовно богатым человеком. Конечно, хорошо в каждом доме, где растут дети, иметь проигрыватель и краски, и цветные карандаши, но главное — уметь обратить все это на пользу ребенку. Иные родители покупают своим детям пианино, а сами никогда не ходят ни в оперу, ни в балет, ни на концерты. Дети выучиваются барабанить на инструменте мелодии, которые нравятся родителям, и все. А потом, когда вырастут, заявляют, что симфонический жанр устарел, народные мелодии давно уж не модны, а само словосочетание «серьезная музыка» их пугает. Какое неприятное впечатление (вспомните сами) производят квартиры зажиточных мешан, где непременно стоит пианино, на котором никто не умеет играть. Музыкальный инструмент тут низведен до роли подставки для бесчисленных статуэток и в то же время должен внушать гостям мысль о культуре хозяев.

Вне школы, вне обязательных занятий по школьным программам мальчик или девочка чаще всего самостоятельно организуют свой досуг. Один часами сидит у телевизора, другой гоняет мяч, третий не отрываясь читает «шпионскую книжку», четвертый, вернее, четвертая вышивает розу на подушке. Кто-то «болтается», как говорят родители, возле кинотеатров, кто-то занят спортом, кто-то озорничает во дворе, а кто-то идет в театр, но... все равно на какую пьесу.

Что такое эстетическое воспитание, знают далеко не в каждой семье. Многие школьники мучительно зевают, слушая серьезную музыку, в тоске, ничего не понимая, бродят по залам выставок, а приходя в театр, гогочут в самые неподходящие моменты. Словом, они не подготовлены к восприятию прекрасного.

В одном пионерском лагере ребята подняли на смех мальчика, узнав, что он собирается стать художником.

— Кому нужна твоя мазня? — сказали они. — Вот футболист — это дело!

Футбол, конечно, дело. И что говорить, дело популярное.

Но непонятно, откуда взяли ребята варварское представление о «мазне»? Эти ребята вырастут, станут взрослыми. И неужели придется со страниц «Комсомольской правды» доказывать им, что наши футболисты знают и Врубеля, и Серова, и Чайковского!

К школьному утренику учитель попросил мальчика выучить стихотворение Пушкина.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь? —

учит сын.

— Читай лучше «лошадку», — поправляет отец. — «Кобылка» — грубое слово, не произноси его при сестричке.

Я не сомневаюсь: в этой семье искренне желали детям добра. Их хотели воспитать деликатными, любящими природу, чуткими к красоте. Хотели, но не могли, не знали, как это сделать. И вот душевная тонкость и деликатность подменены смешным жеманством. Но кошке в окантовке и ракушечным коробочкам, рамкам, пластмассовым паукам, неизменной пальме, лунной ночи и гипсовой балюстраде, так же как «лошадке», с невежественным самоволием вставленной в пушкинский стих, — всему этому, возможно, суждено сыграть роль в жизни детей. Печальную роль: с таких именно фактов начинается опошление вкусов. Где же найти противоядие? Оно на стенах картинных галерей и в залах музеев, на сцене театров, в произведениях художественной литературы, в самой природе, в традициях отцов.

Как было бы хорошо вовремя дать «толчок», пробуждающий в ребенке чувство подлинной красоты.

Поройтесь в собственной памяти, и вы непременно вспомните какой-нибудь факт, который был таким именно благородным «толчком». Может быть, в детстве вы десятки раз проходили по улицам Ленинграда и вдруг кто-то обратил ваше внимание на то, как красива кованая чугунная решетка Летнего сада.

Может быть, как раз с этого момента вы начали открывать для себя одну за другой прекрасные улицы, дома, площади — и немой язык архитектуры стал для вас живым и звучным.

...Да, мимолетный жест, усмешка значат иногда более, чем пространная лекция. У взрослых множество приемов воздействия на душу ребенка. Но когда речь идет о воспитании вкуса у детей, то дело не столько в приемах, сколько в собственном вкусе воспитателя...

Недавно я получил письмо от студенток педагогического техникума. Во дворе студенческого общежития есть небольшой флигелек, в котором проживают две «ответственные квартиросъемщицы». Одной семьдесят лет, она одинока. Другой вдвое меньше, живет с маленькой дочкой. Стоит старушке выйти из дому, как девочка распахивает окно и сообщает: «Мама, старуха-то опять расфуфырилась, кружево нацепила».

Студентки писали, что их как будущих педагогов волнует не только незнание поведения ребенка. Вопрос был поставлен шире: следует ли и когда надо начинать говорить с детьми о культуре одежды, о красоте ее? Не только об опрятности, а именно о красоте!

В последнее время наши журналы, телевидение уделяют большое внимание вопросам моды. Школьницы, наравне с их мамами, с интересом постигают «тайны» Домов моделей и охотно беседуют друг с другом на темы «кройки и шитья».

Надо ли детей приобщать к проблемам культуры современной одежды?

Надо. Красота одежды не исключает простоты и скромности, но она косвенно дисциплинирует человека, дополняет его облик.

Множество упреков обрушено на вульгарные начесы, грим и прочие парикмахерско-косметические красоты школьниц. А как было бы хорошо, если бы школы приглашали иногда в гости художников-модельеров. Их беседы с детьми и родителями могли бы сопровождаться демонстрацией моделей. Я видел в Таллине, с каким интересом

смотрели взрослые и дети, как мальчики и девочки показывали новые модели одежды, придуманные для них художниками.

Эстетическое воспитание — это неотъемлемая часть воспитания трудового. Как ни важно само по себе воспитание художественного вкуса, оно не цель, а средство привития человеку вкуса не только к искусству, но и к самой жизни. Воспитать в ребенке художественный вкус — значит научить его с помощью искусства и через искусство видеть красоту самой жизни во всех ее проявлениях.

И хотя обо всем этом мы часто говорим, у наших ребят все еще очень мало верных друзей и советчиков, которые помогали бы им ориентироваться в «мире прекрасного». Может быть, пора создать в Домах творческой интеллигенции и Дворцах культуры свои, советские «воскресные школы»? Здесь работники культуры и искусства могли бы встречаться с детьми, беседовать с ними, учить их видеть и ценить красоту.

Некоторый опыт тут уже есть. Постоянно приглашают московских школьников Центральный Дом работников искусств и Центральный Дом актера на так называемые устные журналы. Ученые, артисты, писатели, художники охотно приходят к ребятам рассказать о своих планах, надеждах, своих взглядах. Есть такая «воскресная школа» и в Черновицах на Украине. В жизни появляются новые и все более увлекательные формы приобщения детей к прекрасному. Достаточно напомнить о замечательных беседах композитора, действительного члена Академии педагогических наук СССР Д. Кабалевского. Думается, здесь должны сыграть свою еще не достаточно сыгранную роль кино, телевидение и наглядная агитация.

Не знаю, стоит ли доказывать, что на детей наглядная агитация влияет больше, чем на взрослых. Умелая — она действительно призывает, поверхностная — оставляет человека равнодушным и, хуже того, утверждает равнодушие, узаконивает его.

А ведь речь идет о правильном воспитании и политическом вкуса. В иных школах считают, что развесить как можно больше лозунгов и портретов — это и значит повысить уровень политической грамотности или воспитать у ребят хороший вкус. На деле же такая наглядная агитация учит казенному отношению к тем понятиям,

которые должны быть не обыденными, а исключительными. Святыми. Нельзя превращать школу по внешнему виду в магазин изопродукции, где выставлены все вышедшие плакаты и портреты, все имеющиеся в данный момент в продаже мраморные, бронзовые и гипсовые бюсты.

В школе, в детском саду, в доме портретам дорогих для нас людей должно быть определено свое место. Их нельзя вешать в буфете, над окошечком раздачи, где в короткие минуты перемены ребятам поспешно выдают пирожки, винегреты и компоты, или в раздевалке, откуда сломя голову школьники бросаются на улицу, едва успев накинуть на себя и не застегнув в спешке пальто.

Самые замечательные и близкие сердцу каждого советского человека понятия можно разменять, если подходить к ним равнодушно и формально, казенно, ради галочки в графе «Наглядная агитация и пропаганда».

Замечательный русский художник Петр Петрович Кончаловский часто говорил: «Верный цвет на верное место». Это определение можно полностью отнести к чувству меры и политического такта в отношении наглядной агитации и пропаганды. Иной раз диву даешься, до чего непродуманно используются в оформлении города лозунги и слова, ставшие для нас символом самых дорогих понятий. Нередко они сочетаются с обыкновенной торговой рекламой:

Рекламные слова! Но есть еще и те,
Что в городской житейской суете
О светлых символах напоминают зримо.
Они нужны! Но только там и так,
Чтоб мы пред ними замедляли шаг,
А не спешили равнодушно мимо.

У полка может быть только одно полковое знамя, и потому оно для бойцов — реликвия, их честь и слава...

Нельзя вырастить полноценного человека без воспитания в нем чувства Прекрасного.

Р. Тагор

У народа в социалистической стране должно быть высоко развито чувство изящного.

М. Калинин

Не зная истории культуры, невозможно быть культурным человеком.

М. Горький

МЫ ИЗ АРТЕКА

Слышал я одну восточную сказочку: «Решил бог создать человека. Вылепил он из глины маленького человечка и посадил в печь, да рано из печи вынул — не успел тот в огне закалиться. Получился слабый, хрупкий, ни на что не годный белый человечек. Вылепил бог второго человечка и тоже посадил в печь. Дольше первого продержал его в печи и — передержал. Черным получился человечек, лучше белого, но все же не такой, как надо. Бог вылепил третьего глиняного человечка и уже не отошел от печи — вынул его из огня вовремя. На этот раз закалился человечек лучше первых двух, получился крепкий, сильный, красивый — не белый, не черный, а желтого цвета. И тогда бог наделал много-много желтых человечков и расселил их по всей земле. С тех пор...»

Хватит! — скажем мы. Довольно! Нам уже ясно, о чем эта далеко не безобидная детская сказочка. Таит она в себе глубокий и недобрый смысл. Для кого она написана? Для тех маленьких желтокожих малышек, которым с детства хотят внушить, что люди с желтым цветом кожи лучше белых и черных людей.

Нет ничего бесчеловечнее, чем плохо относиться к человеку только из-за его расы, из-за его национальности. Немецкие фашисты уничтожали евреев в лагерях смерти за то, что в их жилах не текла «чистая» арийская кровь.

В Южно-Африканской Республике и многих штатах Америки на негров и вообще на всех цветных смотрят как на представителей низшей расы, «недостойных» жить рядом с белым человеком, обедать с ним за одним столом, учиться в одной с ним школе...

Для цветных закрыт доступ в рестораны, которые посещают белые; в автобусах и поездах им отведены специальные места. Им платят за ту же работу, что исполняет белый человек, меньше. Да и работу негр и ему подобные могут получить только «черную». Закон в этих странах существует фактически лишь для белых — черный всегда будет виноват. Вдумайся в это, мой читатель! Представь себя на месте какого-нибудь Тома или Джона, которые только тем и отличаются от тебя, что у них другой цвет кожи.

Наиболее сильно расовая дискриминация проявляется в Южно-Африканской Республике, в южных районах Соединенных Штатов Америки. Не случайны поэтому те

волнения, которые в последние годы все чаще и чаще охватывают районы, где проживает бесправное негритянское население. Негры борются за свои права, а в ответ получают слезоточивые газы, дубинки, пули и наручники. Правительство бросает против них войска и полийские отряды, в мирных городах, как во время войны, дымятся пожарища и развалины, стонут раненные, погибают на улицах женщины и дети.

Всем памятна история, происшедшая в одном из штатов Америки, когда под давлением прогрессивной белой общественности негритянским детям разрешили учиться вместе с белыми детьми. Однако в школу чернокожих малышей нужно было провожать под охраной. А в другом штате негритянского мальчика осудили только за то, что он осмелился играть с белой девочкой.

Советскому человеку чужды и отвратительны эти дикие нравы. С детских лет воспитывается он в духе дружбы и равенства всех народов независимо от их расовой принадлежности.

Тем не менее и в наши дни нет-нет да и выглянет то тут, то там «мурло мещанина». Он, этот мещанин, живет для себя. Какое ему дело до общества, до его законов, идеалов? У него свои законы, свои представления о добре и зле. Его дети тоже ходят в школу. Его десятилетний сынишка Вася с вдохновением читает на школьном вечере стихи:

Смотри, три школьника идут!
Их летом ждет Артек.
Один — латыш, другой — якут,
А третий друг — узбек.

Они равны, они дружны.
У них один отряд.
Сражались рядом в дни войны
Отцы троих ребят.

А дома, в семье, Вася слышит угрюмое ворчанье отца:

— Опять этот армяшка за стеной пиликает!

Что же окажет решающее воздействие на Васю? Его семья или его школа? Кто победит? Каким он вырастет? Ведь все начинается с детства...

Если ты уважаешь законы своей Родины, если ты помнишь, как непримиримо относились к любым проявлениям расизма, шовинизма, национализма и антисемитизма лучшие умы человечества, то тебе должно быть ясно,

как вести себя в жизни, когда ты сталкиваешься с подобными явлениями. Ты советский человек, и ты живешь по законам пролетарского интернационализма.

Всякая нация может и должна учиться у других.

К. Маркс

...Необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключая возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил.

Ф. Энгельс

Ни один народ в мире не одарен какой-либо способностью преимущественно перед другими.

Г. Лессинг

ЛЮДИ, ЗВЕРИ И ЦВЕТЫ

В квартире жили две семьи: мать с шестилетней дочкой Ниной и муж с женой, астрономы, пожилые люди. Жили мирно. Нина уважала соседей за то, что работа их — смотреть на звезды в большую трубу. А вот соседскую Мурку она любила, возилась с ней. Ей нравилось слушать, как кошка дышит ей в ухо: приставишь кошкин нос к своему уху, а та вздохнет и замрет сначала, а потом задышит часто-часто; нос холодный, мокрый, усы щекочутся. В воскресенье у кошки родились котята. А в понедельник, когда Нинина мама, уходя на работу, торопливо готовила на кухне завтрак, сосед сказал ей, что сейчас будет топить котят.

— Только Нине не говорите, — попросила мать.

— Ишь ты какая неженка, — сказал сосед.

Едва за Нининой мамой закрылась дверь, он позвал Нину. На полу стояло ведро с водой.

— Посмотри, как я буду топить котят, — предложил он девочке.

Девочка упала в обморок.

Гадок такой человек со всеми его философствованиями о том, что дети должны познавать жизнь, не быть неженками. Это подлость и жестокость. Сколько таких происшествий ранят детскую душу!

Хорошее воспитание заключается в том, чтобы вырастить детей гуманными людьми, готовыми всегда защитить слабого. В детстве это начинается с защиты жи-

вотных, с жалости к птицам, даже к стрекозам, бабочкам и цветам.

Двое детишек стоят у окна. Мальчишке — два года, девочке — четыре. Дети, прижавшись носами к стеклу, смотрят на улицу. И вот им уже надоело смотреть на улицу, они поймали бабочку, бившуюся о стекло, оторвали ей крыльшки и смотрят, как она ползает. Им интересно. Сначала летала, а теперь вот ползает.

— Папа, мама! — в полном восторге взвизгивают дети. — Идите посмотрите!

Почему-то папе совсем не нравится смотреть на их игру.

— У мотылька крылья все равно что у вас руки, — говорит он. — Вам было бы приятно, если б кто-то сильный играл с вами так, как вы с бабочкой? Никому нельзя делать больно.

Дети растеряны. Хорошо, что они не услышат продолжения разговора между родителями.

— Бывший танкист, а детей слюнтяями растишь!

— Не слюнтяями. Я не хочу, чтоб они были жестоки и бессердечными людьми. Сейчас они ничего не понимают. Им нужно объяснить. А вот если они начнут находить удовольствие в том, чтоб мучить слабых...

Это верно. Я целиком поддерживаю в этом споре отца, а не жестокую маму. Сегодня ребенок вырезал перочинным ножом на парте имя друга, чтоб выразить свое хорошее отношение к нему. Потом вырежет на дереве имя девушки, чтоб увековечить свою любовь, сломает молодое деревце, чтоб попробовать силу мышц, поразмяться. Такой человек — дикарь. И повинны в этом взрослые, которые были рядом с ним в его детские годы и не удержали его. Не считали нужным удержать. Самое печальное, что и сегодня еще есть люди, которые не понимают, какую подлую роль играют они в жизни детей, уча их жестокости. Расскажу об этом подробнее.

В одной московской квартире великовозрастный хулиган в присутствии мальчика зарубил топором его любимую собаку. Другой житель столицы, П. Тимофеев, объявил собачку Любы Карасевой «нечистой силой» и потребовал удаления собаки из квартиры. О «деле Шустрика» писали в газете. Но товарищеский суд домоуправления № 15 Москворецкого района решил дело не в пользу комсомолки Карасевой.

Я писал как-то в «Правде» об одном ветеринарном

враче, который похвастался «массовым уничтожением хозяйственно бесполезных собак». Уничтожение производилось в присутствии детей. Сколько глубоких травм осталось после этой «кампании» в детских сердцах!

У москвичей в памяти убийство их общего любимца — лебедя Борьки. Распоясавшиеся хулиганы сурово наказаны.

В «Легенде об Уленшпигеле» есть такая сцена: Филипп Второй, еще мальчик, поджаривает на огне живую обезьянку. Карл Пятый хочет наказать сына за жестокость, но инквизитор останавливает короля: «Не нужно! Его высочество прославится сожжением еретиков».

Я вспомнил об этом, когда своими глазами видел, как десятилетние мальчики, дети моих соседей, выгнали из капкана мышь, бросили ее в печь и с любопытством глядели, как она корчится в пламени. В ответ на мое возмущение они искренне изумились: «Что тут такого? Они же вредные!»

Скажешь родителям — в ответ снисходительное удивление (нашел о чем беспокоиться!), шуточки, а подчас и «принципиальное» возражение: «Это неплохо — пускай закаляются».

Да ведь это закалка жестокосердия!

На улице можно увидеть такие сцены: здоровенный дядя подтаскивает багром к фургону собачонку, она захлебывается визгом, а идущие мимо школьники смотрят на эту картину, обмениваясь деловитыми замечаниями. Это тоже закалка?

«Бывает, что животных держат как игрушку для детей, — пишет мне А. Якимова из Сочи. — Как-то я увидела, что на базаре продавали раненую перепелку. Молодая миловидная женщина хотела ее купить.

На мой вопрос, что она собирается с ней делать, женщина ответила, что покупает птицу сынишке, играть.

— Но ведь он ее замучает, она же ранена, — возразила я.

Покупательница снисходительно улыбнулась:

— Ну, это уж на его усмотрение! — и полезла за деньгами.

Я поскорей прибавила половину к стоимости перепелки и купила ее. Нужно было видеть, как разгневалась женщина! Она стала похожа на фурию, от ее миловидности и следа не осталось. Перепелку я вылечила и выпустила на волю».

Какой великолепный урок гуманности могла дать своему ребенку та миловидная мать, если бы поступила так же.

В одном из писем, которое я получил в ответ на статью в «Правде», автор писал:

«...Сергей Михалков в статье приводит такое разъяснение, что человек начинается с детства. (Именно в детстве делается посев добра и зла... Мне только непонятно, о каком зле говорит уважаемый нами баснописец.)

...Нужно ли проводить уничтожение собак в присутствии детей?.. Лично я сторонник того, чтобы эту работу проводить в присутствии всех жителей ферм, отделений и центральных усадеб совхозов и колхозов. Почему? Да потому, что такая массовая обработка собак есть наглядная агитация борьбы с гельминтозами человека и животных. В работе должна участвовать общественность. А почему об этом не должны знать дети?.. В таком духе мы должны воспитывать детей и молодежь, из которых в дальнейшем могут выйти специалисты сельского хозяйства, а не слюнтяи...»

Воспитание «в таком духе» — это вовсе не воспитание. Это и есть нанесение тяжелых психических травм детям. А для того чтобы стать специалистом сельского хозяйства, нужно учиться, а не смотреть, как у тебя на глазах убивают пса, который вчера караулил твой дом.

Никто не спорит: больных, заразных животных нужно лечить или усыплять. Но нельзя устраивать из этого кровавые зрелища и созывать на них детей. Любые убийства не учат ничему иному, кроме жестокости. Да, у взрослых людей есть обязанности, в которые нельзя посвящать детей, щадя их психику. Малолетних не зовут смотреть на то, как приводят в исполнение приговор суда. Вы никогда не встретите школьников на бойне.

Человек сильный, мужественный всегда добр и гуманен. У него не дрогнет рука застрелить волка, повадившегося в овчарню, но он не разрушит муравейника, потому что жаль уничтожать труд, хотя бы неосмысленный.

Недавно в наших газетах появилось сообщение о приказе министра рыбного хозяйства СССР, запрещающем промысел в Советском Союзе дельфинов, высокоорганизованных, чрезвычайно дружелюбных по отношению к человеку существ.

Они не раз спасали утопающих, не покидая людей, попавших в катастрофу во время шторма. Что же касается собак, то это давние и преданные нам друзья. Собака рядом с пограничником, когда тот несет нелегкую и опасную службу, выслеживая шпиона. Собака отыскивает человека, пропавшего в горах. А Лайка, Белка и Стрелка, Мушка и Пчелка, Ветерок и Уголек? Эти клички собак, отправленных в космос, обошли страницы всех газет. Говорят, что собака — друг человека. Я бы перефразировал эту поговорку... Настоящий человек должен быть другом животных. И отношение человека к миру природы должно быть действительно человеческим с детских лет.

МАТЬ-РОДИНА

Ты любишь мать? Да, конечно. Она добрая, хоть и поворчит иногда. Она заботливая. И тебе бывает жаль ее, когда она приходит с работы усталая или ходит с печальным лицом. У тебя есть друг, самый верный и лучший человек на свете, кому можно все сказать. И за мать и за своего дорогого друга, тебе кажется, ты мог бы отдать свою жизнь.

Ты знаешь, что такое любовь к матери, к другу.

Нам понятны, близки и дороги такие понятия, как любовь к Родине, гражданский долг, идейность.

Я не могу сформулировать кратко, как теорему или правило, каждое из этих понятий. Я не собираюсь читать нравоучений. Я просто хочу рассказать о некоторых случаях и встречах — о людях.

...Сейчас Жене четырнадцать лет. Сколько же ему было, когда началась война. Ему будет вечно четырнадцать лет.

Он жил в Севастополе, строил модели шхун, яхт, крейсеров. Женя бредил подвигами Магеллана, Афанасия Никитина и вообще путешествиями и морем. Женя любил лежать на горячем песке морского берега, слушать тревожное дыхание моря и смотреть вдаль, туда, куда уходят корабли, куда уходит отцовский крейсер.

А потом началась война, и оказалось, что и город, и этот берег, и самый ветер, и воздух, который пахнет солнцем и морем, так дороги ему, что о себе он перестал думать. Он помнил только одно: если прогнать отсюда

проклятых фашистов, то город, солнце и море станут такими же прекрасными, как прежде. И ради этого стоило драться и рисковать.

Вместе с друзьями-сверстниками он залез в подвал, где хранились немецкие патроны, чтобы перетащить их потихоньку нашим.

Последнее, что запомнила в Севастополе Женина мать, была обгорелая стена — все, что осталось от дома, в котором они жили до войны, высокого, увитого виноградом, с кустами роз в кадучках на балконах. А под этой обгорелой стеной неровная горка, прикрытая зеленым брезентом, в темных пятнах крови.

Жениной матери рассказали, что мальчика расстреляли у стены дома, в котором он вырос. Расстреляли вместе с такими же севастопольскими мальчишками, товарищами по классу, по храбрости, по любви к своему городу, к своей Отчизне. В них целился офицер со свастикой на рукаве, и ветер последний раз ласково перебирал русые пряди на вихрастых мальчишеских головах.

Я встретил Женину мать на фронте. Она была медсестрой. Что стало с ней теперь, жива ли она, не знаю. В то грозное время бывало так, что люди встречались случайно после боя, при тусклом свете коптилки, усталые и измученные, рассказывали незнакомому человеку о чем-то главном в жизни, а потом расставались, чтобы не встретиться больше никогда.

— Лучше не вспоминать. Но как забыть?.. — говорила Женина мать, и глаза ее были сухими и строгими.

И Женя и его товарищи, эти безоружные севастопольские мальчишки, которых расстрелял фашист, были настоящими патриотами. Да, у всех наших мальчишек и девчонок так сильно было чувство патриотизма. И они тоже помогли Советской стране выстоять в самых тяжелых испытаниях, победить, отстоять свободу.

Так что же такое патриотизм? Страстное желание видеть свою землю свободной? Мужество? Да. Но не только это. Тогда патриотизм проявлялся бы лишь в грозное время. А в мирные дни разве не патриот любой из нас?!

Впрочем, нет, не любой. Как-то я услышал о школьнике, который утащил у отца его военную медаль и выменял на нее заграничную авторучку. Военными и трудовыми наградами отмечается самое прекрасное, что сделал человек для своего народа, рискуя подчас соб-

ственной жизнью. Видно, не объяснили мальчишке вовремя, что это кошуństwo — обменять на что-нибудь награду отца, полученную им за то, что в бою, под лавиной огня, он поднялся во весь рост и повел за собой в атаку солдат.

Узнав об этом школьнике, я написал пьесу «Забывтый блиндаж». Ее посмотрели многие ребята, и по их письмам я вижу, что они правильно поняли пьесу. Один мальчик спрашивал меня: «У папы есть орден за Отечественную войну — значит, он храбрый! А Георгиевский крест моего дедушки — это тоже считается орденом?» Я ответил ему, что он может гордиться не только своим отцом, но и дедом, который тоже был очень храбрым солдатом, раз его наградили Георгиевским крестом! Орден дедушки — это тоже семейная реликвия, как и награды, полученные отцом.

Тот, кто не чтит память героев, для кого военные и трудовые награды просто игрушки, тот вряд ли сам станет когда-нибудь героем, того нельзя назвать патриотом.

Значит, скажешь ты, мой читатель, патриотизм — это мужество, бесстрашие, уважение к подвигам, совершенным во имя Родины и народа? Да.

Но опять-таки не только это.

Как-то я ехал в одном купе с юношей лет семнадцати и его старшей сестрой Таней. Леонид, так звали моего попутчика, был подчеркнуто элегантен. И ему, видимо, нравилось быть элегантным и любезным. Он задвигал зеркальную дверь в купе, чтобы лишний раз поправить узенький галстучек-бабочку, сдуть пушинку с модной светлой курточки. Садясь, он вытягивал ноги так, чтобы видны были узенькие легкие туфли и импортные носки, черные с красной искоркой.

За окном проносились леса, леса, леса. Рыжие леса в сизой осенней дымке, мелькали стынущие озера. Иногда поезд взлетал на высокий мост, и за окном начинало рябить железное кружево. На какие-то доли минуты казалось, что мы повисли в воздухе над рекой, которая извивалась внизу блестящей серой лентой. Но Леонида все это ничуть не занимало. Он смотрел не в окно, а вверх, туда, где лежали два его модных чемодана. Иногда он доставал их и начинал переключивать содержимое: нейлоновые сорочки в хрустящих пакетах, какие-то флаконы, коробочки с яркими этикетками.

Таня включила радио. Москва транслировала «Пиковую даму». За окном темнело, и казалось, что весь мир сейчас погружен в эти осенние сумерки и музыку, полную высокой страсти и чистоты.

— Вы, видно, любите пейзажи и когда песни поют? — спросил вдруг Леонид. — То за окно смотрели, думали, теперь вот... — Он не договорил.

Я не начал с Леонидом разговора о природе, «пейзажах», о русской музыке, которую любят во всем мире, не стал ему доказывать, что это сокровище не только нашей, но и мировой культуры. Я подумал, что, может быть, он и без моих объяснений поймет когда-нибудь, какое это счастье знать, что твои, родные, эти бесконечные леса за окном. Какое это счастье, что ты можешь ехать в поезде сутки, двое, неделю, десять дней, а за окном все будут тянуться леса, озера, моря, степи, пустыни, тайга — и это твоя родная страна! Какое счастье, что, слушая музыку Глинки, Чайковского, Рахманинова, Скрябина, Шостаковича — композиторов, любимых во всех странах, можешь назвать этих великих музыкантов своими! Ведь стоит только представить себе, что у тебя отняли все это, что эти моря, эти бесконечные леса не твои, что ты не можешь назвать Пушкина, Лермонтова, Достоевского и Толстого писателями твоей страны, что нет у тебя ни Москвы с ее Кремлем, ни Ленинграда, что нет ни Невы, ни Волги, что вся эта великая страна — родина Ленина, ее великая культура, великий язык не твои... Что же тогда у тебя останется? Галстуки? Нейлоновые носки? И все? Чем тогда тебе гордиться? Человек без Родины жалок. Он никто. И наоборот: даже в самые трудные минуты человеку придает силы мысль, что он сын великой страны.

— А мне кажется, я понимаю, о чем вы задумались, — сказала Таня, до сих пор молча лежавшая на верхней полке.

Она прыгнула вниз. Мне показалось, что Таня старше брата лет на десять.

— Вы не думайте о Леониде плохо. Просто он еще мальчишка. Представляете, что считает важным мой братец? То, что он может выпить больше другого и останется трезвым. Перчатки, кафе, газовые зажигалки, зарубежные фильмы... И больше пока ничего за душой. Когда это у него пройдет?

Выяснилось, что между братом и сестрой произошла

крупная размолвка. Они возвращались в Москву из отпуска, с Урала. Леониду на Урале не понравилось:

— Разве там женщины понимают, как надо одеваться? Уродки какие-то!

А Таня была на Урале во время войны. Ее увезли туда из Ленинграда. Перед самой блокадой.

— Для меня детство и Урал как-то слились. Я даже помню воздух Урала. И как бегали босые по берегу после дождя. Глина красная, прохладная. Провалишься в нее нарочно. Потом бежишь купаться. И по крутому берегу наверх. На траву. Она вся в росинках. Колокольчики голубые. А зимой улицы в деревне снегом заметало. Ребята говорили, что ночью из леса волки прибегают. Пугали городских. А когда уезжали в Ленинград, они нам зверьков подарили. Их в Кунгуре делают. Из уральских камней. А он: «Уродки!» Ничего в голове, кроме тряпок, не держится.

Пересказывать всего спора я не буду. Он был долгим и жарким. Говорили мы о том, что такое для человека Родина и может ли он жить без нее. Вспомнили Елену из тургеневского «Накануне».

— Ведь уехала же она за границу, могла же она! — запальчиво кричал Леонид.

— Ты и книжки-то читать не умеешь! Стахова уехала с мужем бороться за свободу его страны! Разве можно ее сравнить с теми девчонками, что выходят замуж за иностранцев, только чтобы за границу попасть? Эти девчонки больше на тебя похожи, а не на Елену Стахову. Уедут, а потом обратно просятся.

И я рассказал Леониду и Тане историю одной моей знакомой, москвички Ольги Н. Не потому, что она похожа на Леонида. Но жизнь ее может быть ответом на многие вопросы, возникшие в том споре между сестрой и братом.

Сейчас, когда я пишу эту книгу, рядом с моей машинкой лежит толстая тетрадь в кожаной обложке. Это дневник Ольги. По-моему, прочитать некоторые отрывки из него будет интересно.

С Ольгой я познакомился в институте, куда приехал на литературный вечер со своими товарищами. Нам показали огромную, растянувшуюся на полкоридора стенгазету «Филолог». Газета была гордостью института, лучшая из всех вузовских газет города. Мы прочитали стихи, разглядели карикатуры и новый «фотоуголок».

На мутноватых отпечатках все выглядели неуклюжими: и девочки, чумазые, в косынках, в шароварах, и мальчишки в тяжелых сапогах. Это был фоторепортаж...

Вот счастливый «главный начпрод» тащит на кухню добытую в колхозе громадную рыбину.

Мы обратили внимание на одну фотографию. Лаконичная подпись под ней гласила: «Встали в шесть утра и отправились к роднику «Источник красоты». Это и была Ольга с подругой. В первое утро на стройке, хмурые и сонные, они вяло брели с полотенцем к ручью. Фотообъектив беззлобно посмеялся над подружками.

Вот искаженное отчаянием лицо дежурного. Наверное, тридцатый раз кричит не своим голосом: «Паддем!»

Здесь все сияют. Подписи под снимком нет. Все ясно: за спинами студентов достроенная ГЭС — пора домой! Ольга здесь веселая и очень хорошенькая.

На этой стройке она и познакомилась с человеком, которого полюбила. Его звали Феликс. Это был студент-иностранец. Он учился в том же институте, что и Ольга, и был хорошим товарищем. Ольга вышла за него замуж.

Я встретил Ольгу во время одной заграничной командировки в маленьком городке на юге Франции.

Сейчас, когда Ольга снова в Москве, последние записи в ее дневнике объясняют многое из того, что она не договорила мне, прощаясь. Вот эти записи.

«Это одиночество, эта тоска в чужом городе! Она подкрадывается незаметно. Кто виноват в том, что она наступает? Я сама? Или этот город? Не знаю. Идешь мимо плоских средневековых домиков, даже любишь ими. Но так чуждо все. Может, оттого так сиротливо на душе, что до тебя никто из людей, родных тебе, не жил здесь? Никто. В моей крови передавшаяся от предков любовь и боль других городов, восхищение другими краями. В России, приезжая даже первый раз в неведомый дотеле город или незнакомую деревушку, как будто узнаешь и вспоминаешь их. Словно бывал здесь когда-то, жил, но давно-давно расстался. Здесь упадешь ничком в траву — и чувствуешь себя утешенной, ты дочь этой земли.

Хорошие люди везде хороши? Да, конечно. Здесь около меня много хороших людей. Более того, мне кажется, что хорошо относятся ко мне почти все. Но как

трудно тут жить! Как хочется идти по улице и слышать только русскую речь! Родную.

С каждым днем мне становится все труднее выходить на эти чужие, коротенькие узенькие улочки, по которым невозможно бродить забывшись. Может быть, я неправа. Но я так чувствую. Мне с каждым днем становится все трудней слышать чужой говор, может быть, приятный, живой, но для меня чужой.

Во сне я вижу улицы родного города и просыпаюсь с тяжелым сердцем. Я настраиваю приемник на Москву и слушаю подряд все передачи.

Я не могу больше тут даже дышать. А там, у себя, пусть без Феликса, я смогу просто хоть жить.

Надо уезжать к себе. И все, кажется, подтверждает: я права, права... Я познакомилась здесь с одной русской семьей, десятки лет прожившей во Франции. Старик, уехавший из Смоленска, когда ему было двадцать лет, говорил мне:

— Я мечтаю умереть дома, на родине. Лечь под березу и умереть, глядя в русское небо.

— Неужели все эти годы вы думаете о России?

— Да... Я болен ностальгией... А это необъяснимая болезнь. Уверяю вас, от нее нет излечения. Человека, покинувшего родину, подтачивает каждая минута его жизни, — грустно говорил мне этот красивый седой старик.

Я уеду, расстанусь с Феликсом, и тогда у меня снова будет Родина. Будут города, знающие мою радость и печаль, люди. Ты, Россия! Этого не понимаешь до тех пор, пока не расстанешься с ней. Как смягчается человеческая тоска и боль на Родине! Ведь любовь к Родине — это такая любовь, о которой и не подозреваешь, потому что рождаешься с ней. Нужны какие-то особенные обстоятельства, чтоб ощутить ее. Я расстанусь с Феликсом, но я не могу без России. У меня есть силы, пока мы вместе». Эту запись Ольга сделала перед отъездом на Родину.

Я встречал таких, как Ольга Н., и таких русских, которые покинули Россию много десятков лет назад. Они живут в Сан-Франциско и в Монреале, в Токио и в Риме, во многих городах мира. Они говорят в своих семьях порусски, тянутся друг к другу, стараются соблюдать русский уклад жизни. Есть среди них люди обеспеченные, есть нищие. Но стоит с большинством из них заговорить

о России, как в глазах у них появляется тоска — ничем не истребимая тоска по родной земле.

Человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы.

В. Белинский

ОТЧИЙ ДОМ

Вечер. Солнце спряталось между крышами. Гудение машин делается мягче, приглушеннее. Чем гуще сумерки, тем ярче загораются заветные огни окон. Я иду по улице и всматриваюсь в их загадочный мир. Бывает окно веселое, как улыбка. Только кинешь на него взгляд и сразу чувствуешь, что там живут счастливые и добрые люди. А бывают окна угрюмые. Надеты на них тяжелые занавески. Так и ждешь, что в одном из них появится мрачное лицо и скрипучий голос спросит: «Чего стоишь под окнами? Ступай себе мимо!»

Окон много. За каждым — своя жизнь. Мы и не замечаем порой, как всем нашим жизненным ритмом управляют два простых слова — дом, семья. «Погодите, погодите! — воскликнет читатель. — Сколько есть на свете интересных вещей, а вы собираетесь замкнуть человеческую жизнь в узкие семейные рамки. Я, может, этим летом в альпинистский лагерь отправлюсь, я, может, всю страну собираюсь объездить, а вы мне толкуете про четыре стены. Где же логика?»

Логика есть. Ни в одном, даже самом дерзком и смелом начинании семья не была человеку помехой. Где он учится мечтать? У кого черпает силы? С кем держит совет! Вспомним прекрасный миф об Антее. Он был сыном Земли, и никто не мог одолеть его, потому что Антей черпал в ней свою силу.

Мне кажется, что миф этот доказательство того, что все наши человеческие таланты, возможности, добродетели имеют одно общее начало: отчий дом. Не четыре стены под потолком с абажуром, а отчий дом — в самом широком и самом высоком значении этих слов.

Семья. Домашний очаг. Они извечны и привычны, как воздух, как земля, как солнышко в небе. Но кто рискнет назвать эти вещи простыми, малозначащими? Испокон веков и по сей день семья была самым мудрым

учителем, самым строгим судьей, самым надежным другом. И в самые трудные минуты своей жизни мы находили понимание и сочувствие прежде всего в семье, в родительском доме.

Я пишу эти строки и думаю о семье Ульяновых. Мужество, стойкость, сочувствие угнетенным, доброта, честность, тяга к знаниям — эти качества формировались здесь в детях с малолетства, воспитывались всей атмосферой дома. И разве не закономерно, что все эти качества они обратили на службу благороднейшему на свете делу: борьбе за освобождение человечества! Нет, эту истину не оспоришь: нигде человек не обретает так много, как в доме, где он родился и вырос.

Жила простая деревенская женщина. Мужа у нее убили на войне. Остался сынишка. И она посвятила свою жизнь ему. Он окончил школу, поступил в институт, потом стал крупным ученым. Соседи теперь говорят: «Повезло Петровне. Гришка в люди вышел». А я скажу так: нет, это Гришке повезло. И хотя образования у матери не наберет и пяти классов, и хотя времени для занятий с сыном у нее почти не оставалось, но это она дала ему верное направление в жизни, это она — самый главный человек в его судьбе.

У детей зоркие глаза. Пускай они зачастую принимаются озоровать, пускай наши советы нередко влезают им в одно ухо, а в другое вылетают, пускай они берут привычку штурмовать родительский авторитет разными ехидными замечаниями — не в этом суть. Главное, чтобы жизнь в семье была правильная, чтобы мудрые слова, которые говорим мы своим детям, не расходились у нас с делом. Но бывает и так: слышат наши дети одно, а видят другое. И тогда родительские слова становятся похожими на фальшивые купюры. Хоть миллион наговори, цена им — грош!

Родство мерится не только кровью, но и духовной близостью. Мы говорим: продолжают отцов сыновья, потому что в обществе нашем, как в добром доме, старшее и младшее поколения связаны узами духовного родства. Взять хотя бы ставшее таким популярным движение наставничества. Опытные кадровые рабочие стараются передать новичкам не только навыки мастерства, но и свое отношение к труду, к жизни. Что это, как не святая родительская забота? Ведь каждый отец мечтает о том, чтобы сын перенял его мастерство, продолжил

его дело, унаследовал его идеалы, не уронил чести фамилии.

Отчий дом. Мир нашего детства. Лучший на свете дом, из которого все мы вышли в жизнь. Многое, очень многое дает нам в большую дорогу отчий дом: убеждения, понятия о справедливости, о добре и зле, умение отстаивать собственное мнение и прислушиваться к чужому, уважение к старшим, способность учиться на добрых примерах...

Стоят вдоль улиц дома.

Светятся окна — яркие и тусклые, зашторенные и распахнутые настежь. За каждым — дом, семья. Разный в них уклад, разные заботы и хлопоты, отношения в них складываются по-разному. Но в чем-то они похожи друг на друга. Вразноголосицу хлопают двери, люди возвращаются с работы, путешествуют по магазинам, справляют праздники, воспитывают детей. И из суммы всех этих маленьких домов складывается один большой дом. Дом к дому — улица. Улица к улице — город. Город к городу, село к селу — страна... Вот и выходит, что двери наших квартир не отгораживают нас от окружающего мира, и наша связь с ним будет тем и надежнее, чем крепче, дружнее наш собственный отчий дом, помогающий нам незаметно, день за днем, перекинуть мостик от маленького словечка «мое» к большому слову «наше».

Как-то оказался я в районе новостроек и зашел во двор дома, которому от роду всего год. Это не деревня, где традиции складываются неспешно, век за веком. И тем не менее традиции у этого дома уже были: на каждом дереве пристроен скворечник — дело рук дворовых ребятшек. Да не простой, а с резьбой и украшениями: то в виде избушки, а то кораблик или замок — значит, и родители помогали. Хорошие соседи кому-то достались, подумал я. Потому что семьи, которые, помимо собственных забот, берут в свое хозяйство заботы всего двора, всего дома, семьи, в которых с малых лет приучают ребят к слову «наше», счастливы бывают вдвойне: радостью своей и радостью своих соседей. И отношения в таком доме складываются добрососедские, и дети в нем растут дружными, общительными, добрыми.

Существует на свете такое непонятное словечко «быт». По-моему, никто не знает точно, плохое это слово или хорошее. Говорят, что быт «заедает» и может за-

есть человека до смерти. Но ведь быт — это не только тряпки и сковородки, это весь уклад нашей жизни, наши порядки, семейные традиции, интересы и увлечения. И это очень здорово, если человеку дома хорошо, если он любит свой дом. Потому что налаженный быт, добрый отчий дом — залог очень многих человеческих успехов.

...Вечер. Окончена работа. Наступило время семьи. Время, когда и взрослые и малыши собираются вместе у домашнего очага. Драгоценные часы, из которых ни одна минута не должна пройти бесследно. Потому что мы не раз еще будем возвращаться мысленно к этим часам, сверяя свои дела и поступки с тем, чему нас научили в простом и теплом мире отчего дома.

Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, в особенности в жизни социалистического общества, является прежде всего большим делом, имеющим государственное значение.

А. С. Макаренко

Лучшая школа дисциплины есть семья.

С. Смайлс

ПИСЬМА

Письма... Как много могут они поведать о человеке... С новогодней почтой пришло письмо из Армении. «Вот уже третий год я мысленно беседую с Вами... Это потому, что Вы первый написали о бойце-офицере, который стал героем моей книги «День без заката», вышедшей несколько месяцев назад в нашем ереванском издательстве...»

Я незнаком с автором этих строк Микаэлом Акопяном, но письмо его тревожит мою память... Вспоминаю, как в один из весенних дней 1945 года в редакцию военной газеты, где я в ту пору работал, пришел пожилой человек, приехавший из Самарканда. Уходя, он оставил мне небольшую связку солдатских писем. Это были письма его сына, командира самоходного орудия Вартаана Тоняна, погибшего в феврале последнего военного года в Восточной Пруссии, во время боев за местечко Фраймарк. Вражеский снаряд подбил машину...

Ближайший друг Тоняна лейтенант Баранов сообщил родителям о героической гибели их сына. Вместе

с документами, найденными при погибшем товарище, Баранов обнаружил в кармане гимнастерки русский локон.

7 февраля 1945 года перестало биться молодое, мужественное и благородное сердце верного сына армянского народа, доблестного советского воина Варгана Тонияна. Копии его писем по сей день хранятся в моем писательском архиве. Вот отрывки из них:

«Здравствуйте, милые, дорогие, родные!

Я жив и здоров. Чувствую себя хорошо. Вы, наверное, беспокоитесь, потому что я в последние дни мало вам пишу. Вы не думайте, что я не хочу писать, просто нет времени. Милые мои, все идет хорошо, но я очень по вас скучаю.

Я знаю, как вам тоже хочется меня видеть дома. Но это сейчас невозможно. Идет война. На нашу долю выпала трудная, опасная, но почетная задача. И мы ее выполняем с честью. Я бесперерывно в боях...

Уже писал вам, как уничтожил один «тигр», бронетранспортер, пушку и зенитный пулемет. А позавчера на своей машине разогнал вражеский артиллерийский расчет, захватил пушку, уничтожил до двенадцати пулеметных точек. Воюю хорошо, но на войне всего не учесть. Так же, даже лучше, воюют мои друзья.

Живем мы большой боевой семьей. Живем хорошо, дружно, весело. Сколько заботы у нас друг о друге, сколько внимания! Своего друга Баранова я несколько раз выручал. Это я его машину, подбитую, вытаскивал с поля боя. Весь наш боевой путь прошли мы вместе, одной миной нас ранило. Хороший он, умный, милый паренек. 24 года. На лицо молодой, совсем мальчик. Но в бою он страшный. Тоже два раза награжден.

Вчера он пришел ко мне в землянку. Лежали на нарах, вспоминали дом, школу. Такие мелочи, о которых, может, вы все забыли. Но нам все дорого, что связывает нас с той жизнью, за которую мы сейчас проливаем кровь. Все мы живем мыслями о родном крае, о семье. Иногда делимся. Но чаще всего храним все эти мысли, чаяния и заветные думки при себе. Лелеем их и никому не даем проникнуть в тайники мыслей наших. Другой человек может не понять и обидеть нехотя...

...Моя ласковая мамочка! Я от вас далеко, но всеми своими мыслями, моя родная, я всегда с тобой, со всей семьей. Послезавтра день моего рождения. Мне 21 год.

В этот день, день моего рождения, я с особенной любовью и лаской вспомню тебя. Ту незабываемую, которая ночей не спала, всю свою жизнь и здоровье отдала нам. Вспоминаю, как ты старалась нас лучше одеть, обуть, накормить. Знала, мамуся родная, что каждый из нас любит. Терпеливо, часто отказывая себе, готовила для нас. Если нас не было дома, то и готовить тебе ничего не хотелось, опускались руки. Все делалось твоими руками, мамочка родная. А ведь я, когда был маленький, думал, что мамы не знают усталости.

Хочется обнять тебя, поцеловать свою милую, уже стареющую маму. Ведь дома я на ласки был скупой. Уж такая участь родителей: дети никогда не отплатят за все ласки и заботы полностью. Знаю, что каждый день, проведенный мною на фронте, ты переживаешь и он оставляет неизгладимый отпечаток на твоём здоровье и на тебе...

Не могу забыть момент: я вынес с поля боя уже немолодого солдата. Он умирал у меня на руках. Вспоминал детей, жену. Беспокоился о них. Звал свою маму и с этим словом умер...

...Родные мои! Скоро Новый год. Он принесет нам счастье и радость. В 45-м году закончим войну. Это — последний год. Дальше — радостная, светлая жизнь. Что таить наши думы: у всех у нас, фронтовиков, они одни: скорей кончить войну и вернуться к мирной, трудовой жизни...

...Папочка! За время нашей разлуки я сильно возмужал. Много повидал. Расширился мой кругозор. Видел много хорошего и плохого. Видел смерть не раз. Горел несколько раз, был ранен. Своих шрамов на лице я не стыжусь. Ими будет гордиться моя Родина. Я знаю, что переживания обо мне прибавили седины на твоей голове. Думы обо мне не дают тебе ночью спать. Успокойся, папочка милый, все будет хорошо. А сейчас я хочу поговорить с тобой, как мужчина с женщиной.

У меня в Самарканде осталась девушка. Я ее считаю своей невестой. Извини, что об этом раньше не писал. Девушка недурная, умная. Хорошо воспитанная. Учится хорошо. Простая, серьезная, вдумчивая, тактичная. Маме я писал о ней. Узнайте ее ближе. Она в письмах своих

много о вас пишет. Иногда, очень редко, она бывает у нас дома. Вы увидите, что я в своем выборе не ошибся. И не считайте мои отношения к ней каким-нибудь стыдным, нехорошим делом. Между нами самые искренние, хорошие отношения. Я бы желал, чтобы у многих юношей и девушек были такие отношения. Этот вопрос надо разрешить и положить конец недоговоркам и молчанию. Вы должны знать все. От вас ничего не собираюсь скрывать.

...Я каждый свой поступок не забываю, анализирую, делаю выводы, замечаю ошибку и стараюсь не повторять ее. Если я сделал глупость или допустил оплошность, я долго не могу простить себе. Это хорошо. Своими родителями, сестрой и братом и вообще всей нашей семьей я могу гордиться. И хороших традиций нашей семьи я всегда буду придерживаться. В нашей части и командование, и товарищи, и подчиненные уважают меня. Провожу беседы и лекции на очень серьезные темы. Часто мне говорят: «Спасибо вашим родителям. Хорошего сына воспитали». Это вам, мои дорогие, спасибо! Целую вас всех крепко и обнимаю.

До скорой встречи.

Ваш младший сын *Вова*».

Тревожат память строки из писем лейтенанта Вартана Тоняна.

Рассказывая о его подвиге на страницах «Красной звезды», я упомянул об одном документе, с которым Вартан никогда не расставался. Это было письмо его школьных товарищей.

«Дорогой друг Володя! — писали ему одноклассники. — В этот знаменательный день, когда ты уходишь от нас, быть может навсегда, защищать нашу Родину от фашистов, коллектив нашего 10 «А» класса выражает тебе чувства дружбы и уважения как хорошему товарищу и комсомольцу. Будь тверд, вынослив, дисциплинирован, таким, каким тебя воспитала наша школа. Будь предан нашей горячо любимой Родине, за которую не страшишься отдать свою жизнь».

Володя Тонян выполнил наказ товарищей...

Перечитывая его фронтовые письма, сегодня я вижу перед собой других похожих на него бойцов и офицеров, родившихся, однако, много позже его героической гибели, но сейчас с оружием в руках стоящих на защите на-

ших рубежей. И у многих из них, я знаю, хранятся в заветном месте точно такие же письма школьных друзей...

Патриот — это человек, который не пожалеет ни добра своего, ни жизни своей ради возвышения своей родины, ради любви к своему народу, человек, который жертвует собой ради блага и свободы своей родины, своего народа.

М. Ахундов

Мы любим свое отечество, это воздух, которым мы дышим.

А. Фадеев

Отгремели артиллерийские залпы по рейхстагу, отгремели салюты Победы... Более тридцати лет прошло со дня гибели славного сына армянского народа Володи Тонияна, отдавшего свою молодую жизнь за Советскую Родину. Родилось, возмужало новое поколение солдат, не ведавших войны.

Юноши и девушки растут под мирным небом. Дружат, учатся, мечтают, готовят себя к большой жизни...

Из Белгород-Днестровского района пришло на мое имя письмо от Игоря О. Он пишет:

«Учусь в восьмом классе. Хотел с Вами посоветоваться не как с любимым писателем, а как с человеком, много видевшим, испытавшим трудности и прожившим большую жизнь.

У меня есть девушка, мы с ней познакомились случайно в лагере, летом. Мы с ней долго переписывались, и в одном письме она написала, что любит меня. Моя мама «случайно» прочитала это письмо и запретила мне с ней переписываться. Эта девушка живет в восьмидесяти километрах от нас. Летом, когда она была в лагере, я съездил к ней один раз. После этой поездки мама сказала, что если я еще раз поеду к ней, то она напишет ее родителям. Вы спросите: почему я не спросил у мамы разрешения и уехал из дома без спроса? Но она бы все равно не пустила, потому что сама сказала об этом. Она не хочет, чтобы между мной и ею кто-то был, т. е. между мной и мамой.

На школьных вечерах, в книгах, в диспутах мы читаем и говорим о любви. Учителя говорят, что в пятнадцать лет любовь может быть. На диспутах мы спорим о дружбе и о любви, потому что многие из нас испытали и то, и другое. Но как быть с родителями? Им кажется (в частности, так думает и моя мама), что если в их

школьные годы у них не было любви, то, значит, и у нас ее быть не может и не должно. Но ведь тогда была война и люди думали о другом. Тогда было другое время — не было ни космических кораблей, ни атомных ледоколов. Почему нам, в мирное время, нельзя любить? Сидеть за уроками и слушать сказки? Разве нельзя разрешить хотя бы один раз в месяц съездить к девушке, которую любишь? Родители хотят сделать лучше для нас, а делают только хуже, не желая этого. Ведь сколько развергнуто любви по этим причинам! Пускай мы только учимся, пускай нам только пятнадцать, но кто нам может запретить любить? Мы ведь не собираемся сразу же жениться, выходить замуж, заводить семью. Мы хотим просто и честно любить, уважать, поддерживать, думать друг о друге. У нас нет в голове никаких дурных мыслей... Но опять родители... Ну что из того, что девушка написала в письме, что хочет поцеловать парня, которого любит? Почему родители, узнав про это, запрещают парню с ней дружить, считают, что она легкомысленна и не может быть верной подругой одному человеку? Разве можно так, по одному письму судить о человеке? Разве можно вымогать, именно вымогать у сына или у дочери письмо, которое он или она получили от любимых? Разве не может быть в пятнадцать лет чувства любви? Кто прав? Что делать нам? Что делать родителям?

Ваш читатель *Игорь О*».

Что ответить Игорю на его вопросы? Что я сам, в свои пятнадцать лет был по уши влюблен в свою соученицу, неприступную, русоволосую Олю С., которая не обращала на меня никакого внимания, а я искал с ней встреч за стенами школы, безуспешно приглашал в кино, ревновал к сверстникам, которых она удостаивала своим благосклонным вниманием, а потом, неожиданно, я познакомился с Ниной К., и мы подружились, и возникло то чувство, которое показалось нам любовью, и это чувство побуждало нас встречаться, мечтать о чем-то чистом, возвышенном, благородном, строить несбыточные планы... А потом... мы повзрослели и оказалось, что мы уж не так-то нужны друг другу, что любовь — это нечто иное, и она у каждого из нас еще впереди, что нам не судьба быть вместе...

Надо ли разочаровывать Игоря О.?

Или попробовать объяснить ему, что надо суметь понять и его маму, которая, может быть, боится не столько за то, что кто-то встанет между ней и ее сыном, сколько за то, что, кто знает, что может случиться с ее мальчиком, уехавшим на свидание с девушкой на попутной машине за восемьдесят километров от дома? Обидят, нападут местные хулиганы, еще покалечат ни за что ни про что... А ей ждать его, смотреть на часы, на дорогу, не спать ночь, беспокоиться, и все из-за какой-то незнакомой ей девчонки. Нет, пусть уж лучше посидит дома!.. Или попытаться объяснить Игорю, что чаще всего все родители одним миром мазаны. «Мы в свое время были не такими беспечными, не такими эгоистами, как вы, нынешние! Разве мы так жили, как теперь живете вы? Нам не лезли в голову подобные глупости!» И так, идеализируя самих себя в воспоминаниях о своей юности, иные отцы и матери смотрят на своих пятнадцатилетних сыновей и дочерей как на несмышленьшей, которых надо пестовать и журить по всякому поводу и без повода. А Аркадий Гайдар в свои шестнадцать лет уже командовал полком! А десятки сверстников Игоря О. во время Великой Отечественной войны совершали бесмертные подвиги на полях сражений и в тылу врага, и Родина по заслугам награждала их высокими наградами и присваивала многим из них посмертно звание Героя Советского Союза...

Или, может быть, написать маме Игоря и посоветовать ей не читать чужих писем и не отнимать их у того, кому они адресованы, посоветовать найти в себе силы понять пылкое, юношеское чувство, вспыхнувшее в сердце ее Игоря к той, которая кажется ему сегодня милей и дороже всех на свете?.. Ведь противостоя, упрекая и сердясь, не разрешая сыну или дочери первых радостей любви, родители подчас сами отталкивают от себя любимое детище, не понимая, что только взаимопонимание и доверие могут удержать юношу или девушку от неверного шага, поддержать подлинные чувства, которые в этом возрасте основываются на чистой и доброй дружбе, иной раз действительно переходящей в настоящую любовь, ради которой человек готов на любые мужественные и благородные поступки...

Хочется сказать таким родителям: вы смотрите на своих детей как бы в бинокль, только с обратной стороны, а глядя в большие стекла своей возмущенной ду-

ши, видите все так далеко, что и разглядеть-то невозможно. Переверните бинокль — приблизьте к себе то, что привлекло ваше родительское внимание, и вам будет все яснее!..

Любовь — творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого.

Ф. Э. Дзержинский

Самое большое счастье в жизни — это уверенность, что тебя любят.

В. Гюго

Все, что достигнуто дрессировкой, нажимом, насильем, — непрочное, неверно и ненадежно.

Я. Корчак

Чтобы судить о ребенке справедливо и верно, нам нужно не переносить его из его сферы в нашу, а самим переселиться в его духовный мир.

Н. И. Пирогов

ИСПОВЕДЬ

«Здравствуйте!

Не знаю, к кому обращаться. Прочитала сборник статей «Подумай о себе». Здесь есть статья С. Михалкова «Загляни-ка в себя!». Прочитала эту статью и очень долго сравнивала, выясняла, размышляла о себе, о своем характере и пришла к выводу, что я тоже эгоистка. Как страстно хочется не быть такой и как тяжело сознавать, что ты именно такая. С тех пор как я стала задумываться над жизнью, меня постоянно волнуют мысли о характерах людей, о их судьбах, о своем месте в жизни. Прочитала много статей, брошюр на эти темы, но в голове никакой определенности, системы, полный хаос. Единственное, что мне удалось, — выяснила, что имею меланхолический темперамент, а значит, я человек неполноценный, да к тому же еще характер мой складывается с отрицательных черт: я и вспыльчивая, и раздражительная, и честолобивая, и обидчивая, и самое страшное — эгоистка, постоянно занята только мыслями о себе, о своем характере, о своей судьбе. Как тяжело жить и сознавать, что ты не такой, как все, что ты хуже, что для тебя не должно быть места в жизни, что ты никому не нужен, что ты лишний. Эти мысли грызут, точат, терзают изо дня в день, каждую минуту, с ними ложишься

и встаешь, от них невозможно избавиться, они преследуют на каждом шагу. Еще в начале самостоятельного жизненного пути я могла успокоить себя мыслями, что я еще молода, у меня были мечты, цели, планы и мне надо непременно всего этого достичь, хотелось все знать, уметь, получить образование и быстрее работать. Думалось, что характер у меня с возрастом тоже изменится и будет все хорошо. Получила, наконец, образование, стала работать в школе, в начальных классах, сразу же поступила в институт.

С головой окунулась в работу. И сколько радости доставляла мне работа, готова была дни и ночи находиться в школе, только бы быть вместе с детьми. Было много слез, много неприятностей, огорчений, и все из-за моего дурного характера. Когда оставалась наедине с собой, все это грызло, давило, не давало дышать, в такие минуты хотелось быстрее бежать в школу к детям, увидеть их счастливые лица и забыть все. Мы всем классом выбегали во двор, бежали на луг и там отдавались настроению: выдумывали, сочиняли, бегали, прыгали или же бродили по лесу: смотрели, слушали, искали, в общем, собирали то необходимое, что пригодится нам на уроках. И для меня не было большего счастья, чем видеть счастливые лица детей, светящиеся радостью их глаза. Жизнь в такие минуты действительно казалась удивительной и прекрасной. Из школы не хотелось уходить ни мне, ни детям. Нам было хорошо, легко. Мы отдыхали.

Стоило мне получить какие-то критические замечания, да еще в присутствии всех на собрании, о недостатках в работе, да еще в грубом поучительном тоне (а была я политинформатором, редактором комсомольской газеты, ответственной за наглядную агитацию: в сельской местности на учителя возлагается очень много всевозможных поручений), как тут же мной овладевала апатия и мрачные мысли окутывали голову. Да, иногда я не справлялась с теми поручениями, которые давались мне, или делала не в срок, а чаще всего у меня просто не хватало решительности, смелости приказать, потребовать, добиться своего, а поэтому я согласна была лучше сделать все сама, одна, чем приказывать, требовать. Хотелось делать все добросовестно, аккуратно, на совесть. Естественно, одному невозможно сделать все то, что рассчитано на нескольких, и получалось, что работа была недоделанной. У других же все было хорошо, все сдела-

но в срок и очень много. (Не знаю, правильно ли Вы меня поймете. Можно подумать, что я хотела выехать на ком-то другом. Нет. Просто я не могла привлечь остальных к работе, к которой они тоже имели отношение.) И получалось, что у всех все получается так, как надо, одна я не способна ни к чему. Приходила домой и погружалась в мысли о своей неполноценности, неумении жить, неприспособленности к жизни.

Перешла в другую школу, стала работать в 6—7-х классах. Здесь у меня почему-то не ладилось на работе, не получалось. Не знаю почему. Теперь идти в школу было для меня мукой. Еще раз подтвердилась мысль, что я ни к чему не способна, наступил такой момент, когда невозможно было оставаться в школе, я поняла, что в этой школе мне не место. И уехала. Уехала из Белоруссии в Таллин. Работала на стройке, потом перешла на завод, работаю лаборанткой. И здесь чувствую, что мне не место. А как хочется быть такой, как все, как завижусь тем людям, которым везде хорошо, и с ними всем хорошо. Жизнь стала противной, ненавистной. Друзей не имею, так хочется, чтобы кто-нибудь помог мне разобраться с собой, а рассказать кому-нибудь о себе не могу, мне стыдно за себя, за свой характер скверный, за свои мысли, и как тяжело быть одинокой. Теперь ничем не могу успокоить себя, нет ни целей, ни мечтаний, знаю, что все равно ничего не достигну. Мне 26 лет. Полная опустошенность. Когда читаю такие статьи, в которых осуждаются люди эгоисты, пессимисты, нытики, еще большей ненавистью проникаю к себе. Мне страшно становится, бросает в дрожь, когда представляю, что всю жизнь придется жить со своими мыслями. Как хочется вырвать все изнутри, чтобы ничего не воспринимать, не соображать и не думать, только бы не думать, не думать об одном и том же.

Как бы хотелось, чтобы автор этой статьи уделил этому письму несколько минут, прочел его и ответил мне.

С уважением

Анна С.».

Я не без волнения прочитал исповедь незнакомой мне молодой женщины и ответил ей:

«Я внимательно прочел Ваше письмо и попробую от-

ветить Вам, как Вы этого просите. Судя по письму, вы, видимо, педагог, и если Вы готовились именно к этой профессии, то у Вас должна была бы быть особая подготовка, здесь приходится иметь дело сразу с двумя коллективами: дети и взрослые, Ваши соратники. И те и другие требуют умения быстро ориентироваться в обстановке, гибкости характера, владения собственной волей, широты взглядов, хорошего воспитания и, наконец, и, по-видимому, самого главного — любви к своему делу.

Вы пишете, что Вы выяснили, что Вы вспыльчивая, раздражительная, честолюбивая, обидчивая, эгоистка и постоянно заняты только мыслями о себе — словом, весь комплект недостатков, с которыми невозможно работать на поприще воспитания и образования. Да вряд ли с такой собственной характеристикой можно где-либо ужиться и сработаться с коллективом. А коллектив — это основа нашего общества. Я вижу, что у Вас нет любимого дела и что Вы не пробуете войти в коллектив. Человек не может оставаться все время в одном и том же состоянии, настроении и положении. Человек живет, меняется, совершенствуется, ищет, пробует, работает над собой, у него удачи, неудачи, какие-то радости, горести, новые встречи, новые впечатления и основное — это все в движении, в постоянных поисках лучшего.

Я вижу, что Вы просто даже не пробуете поработать над собой. Вы принимаете самое себя за вполне законченный характер, отрицательный притом, и, отлично зная все свои недостатки, даже не пытаетесь с ними бороться сами, а спрашиваете совета у других. Если Вы находитесь во власти «навязчивых идей», то от этого можно излечиться, особенно если человек сам хочет освободиться от угнетающих его мыслей и не находит в них некоторого наслаждения самобичеванием. А то ведь есть и такие характеры, что их просто тянет к так называемой «достоевщине» и у них со временем такое состояние становится их сущностью.

По Вашему письму мне неизвестно, ни кто Вас воспитывал, ни того, в какой среде Вы росли и формировались, ни кто Ваши друзья и знакомые... Факт тот, что человек — один и ему трудно одному разобраться в самом себе и во всем окружающем, а в этом случае есть только одно правило — иди к людям, ищи друзей, и иной раз посторонние люди, друзья могут гораздо больше дать

тебе, нежели родственники, даже самые близкие, родные люди.

В жизни самое главное — это гармония. Ее надо найти в самом себе. Вот Вы пишете, что Вам бывало плохо одной и Вы бежали в школу к детям и вместе с ними — на природу, в лес, в поле и там находили общие радости и были счастливы. А разве Вам не доставляет радости быть наедине с природой? Не хочется ли Вам послушать музыку? Не интересуется ли Вас поэзия? Не хочется ли Вам посмотреть какой-нибудь хороший спектакль? Неужели ничто Вас не интересует, кроме собственных «копаний в душе» и постоянных разочарований в себе самой? А ведь кругом идет жизнь, происходят политические события, новые открытия в науке, идет борьба за права угнетенных народов, идет освоение космоса, строятся города и все кипит и движется... А Вы сидите и думаете о том, как Вам хотелось бы стать нужной. Сбросьте с себя эту инертность! Забудьте о том, что Вы «эгоистка», и поменьше копайтесь в своих «настроениях». Жизнь человеку дается только один раз, и это самое драгоценное, что есть на свете. А Вы ее не замечаете. И Вам лично я посоветую: оглянитесь вокруг!»

Письма... Как много могут они поведать о человеке!..

Каждый из нас сам вычеканивает цену своей личности; человек бывает велик или мал в зависимости от собственной воли.

С. Смайлс

Величайшая победа — есть победа над самим собой.

П. Кальдерон

Измени отношение к вещам, которые тебя беспокоят, и ты будешь от них в безопасности.

Марк Аврелий

ИСТОЧНИК НРАВСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Мне довелось познакомиться с проектом новых учебных программ. Естественно, что меня прежде всего интересовали программы по литературе, музыке, изобразительному искусству. И я буду говорить далее о литературном образовании школьников. Но прежде — одно общее суждение, касающееся программ по художественным дисциплинам.

В печати, в процессе дискуссий по художественному и эстетическому воспитанию учащихся, на научных конференциях неоднократно указывалась необходимость согласовывать все занятия различными искусствами в школе. Между тем предлагаемые проекты программ составлены без учета близости художественных учебных дисциплин.

Взаимообогащение, взаимопроникновение установки, содержания и методики занятий различными видами искусства с наибольшей пользой могло бы проявиться в младших классах школы. Здесь было бы важнее всего заложить фундамент понимания эстетической близости этих предметов. Однако необходимой тесной близости программ по чтению, музыке, изобразительному искусству для начальной школы я не обнаружил.

Чувственное восприятие мира, культура чувств — не только предпосылка высокой нравственности, но и идейной, духовной активности, предпосылка активизации познавательных способностей, научного мышления. Вот что сказал по этому поводу Эйнштейн: «...Мышление само по себе никогда не приводит ни к каким знаниям о внешних объектах. Исходным пунктом всех исследований служит чувственное восприятие. Истинность теоретического мышления достигается исключительно за счет связи его со всей суммой данных чувственного опыта».

Наши программы мало сориентированы на развитие чувственного восприятия, на развитие фантазии, воображения, без чего невозможно полное развитие творческого потенциала личности. Забота об этом должна была бы заметнее проявиться во всех учебных программах.

Теперь о литературе.

Проект программы по этому предмету обсуждался в журнале «Литература в школе». Много было интересных статей в «Учительской газете». Полагаю, что острая газетная дискуссия для дела полезнее, чем приглаженные журнальные отзывы.

Появлялись в печати и статьи, прямо не касавшиеся проекта программы, но заставляющие весьма серьезно задуматься: так ли надо решать вопросы, как это мы теперь делаем, по существу лишь корректируя старую программу. Может быть, надо сначала провести широкий эксперимент, проверив разные варианты программ? Помню, что еще в 1974 году президиум АПН СССР принимал решение о составлении вариантов программ по литературе: о необходимости широкого, смелого, истинно новаторского эксперимента, каким является, например, эксперимент Д. Б. Кабалевского в области музыки.

Я не методист. Не буду по косточкам разбирать проект программы, как еще нередко разбираются, к сожалению, художественные произведения в школе.

Прежде всего, на мой взгляд, необходимо договориться о том, что литература в школе начинается не с 4-го, а с 1-го класса. Пора преодолеть вредное отношение к чтению в начальных классах как к нелитературному, нехудожественному предмету. Сказывается оно и в отборе материала, и в методике.

Президент АПН СССР В. Н. Столетов справедливо утверждает, что любое обучение должно вызывать удовольствие. Это не означает, что обучение должно быть крайне упрощено. Но бесспорно, что, начиная с 1-го класса, надо учить не только технике чтения, но и развивать культуру восприятия художественных произведений, формировать радость общения с подлинной поэзией.

Приобретение знаний должно быть связано с эмоциональной, практической и, наконец, интеллектуальной жизнью воспитанника, говорит В. Н. Столетов и вспоминает первую книгу старой школы — хрестоматию «Родная школа». Стихи из этой хрестоматии запомнились навсегда, потому что были близки ребенку и по-

этичны... Сегодня в наших первых книгах немало серых рассказов, рифмованных, далеких от поэзии строчек. Вопросы, обращенные к ученику, часто направляют на примитивную констатацию факта, но не на эмоциональное восприятие произведения.

Известно, что в целях создания единой системы эстетического развития детей в процессе и под воздействием чтения с 1-го по 10-й класс проводилась большая поисковая работа в нашей стране и в других странах. Интересные находки, например, имеет научная педагогическая мысль Болгарии. Почему же до сих пор у нас чтение в 1—3-х классах так далеко от современных задач?

Горячо поддерживаю мысль В. Н. Столетова и о том, что учитель литературы должен быть менее строго регламентирован методистами. Просто надо лучше готовить учителя, а пустив его в школу, больше ему доверять.

Трудно не согласиться и с таким утверждением президента нашей академии: «Школа призвана научить своих учеников читать (!) художественную литературу, научить так, чтобы от произведения к произведению у них крепла любовь к чтению, росло увлечение чтением».

Учить читать — учить жить, учить мыслить.

В повести В. Тендрякова «Расплата» об этом говорится так: «Нередко можно услышать бесконечное: зачем, собственно, учить жизни, она, жизнь, сама здорово учит. Учит — да! Но чему? она может научить не только стойкости и благородству, но и отвечать на жестокость жестокостью, на оскорбление оскорблением, на подлость подлостью. Жизнь — стихия, и крайне неразумно надеяться, что слепая стихия способна подменить собой педагога». Здесь речь идет о личности живого наставника жизни — об Учителе.

Таким же Учителем жизни является и детский писатель. Его ответственность за воспитание еще больше хотя бы потому, что он имеет дело не с 35—40 школьниками, а с десятками, сотнями тысяч, а то и с миллионами детей. Совершенно справедливо говорит учитель, герой повести «Расплата», что назначение литературы именно в том, чтобы учить гуманизму, учить школьников «разбираться в запутанной жизни», чтобы не повторять ошибок, допущенных другими.

Проблемами творческого, эстетически грамотного чтения в наши дни занимаются многие. Интересен, на-

пример, труд крупных ученых из ГДР «Общество — литература — чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте». Книга эта вышла и на русском языке. Интересны ленинградские сборники под редакцией Б. С. Мейлаха. Многие дают для теории эстетического восприятия труды М. Б. Храпченко, В. Р. Щербины, Ю. Б. Борева. Полезны учителю и детскому писателю исследования психолога А. Н. Леонтьева, П. М. Якобсона, О. И. Никифоровой и, конечно же, работы по психологии искусства Л. С. Выготского.

Много ценных мыслей содержит книга А. М. Левидова «Автор — образ — читатель». В предисловии к ней сказано: «Проблема «как читать художественную литературу» только кажется простой. Литература — это судьбы людей, это сложность человеческих взаимоотношений, это действительность с ее противоречиями, это тонкость и глубина психологии персонажей, это творчество писателя, требующее ответного творчества читателя».

Вот верно сформулированная мысль: чтение — творчество читателя, идущего вслед за писателем. Чтение можно с полным основанием назвать школой жизни. Повторю: учить читать — учить жить.

Процесс обучения творческому чтению длителен и сложен. Необходимо, видимо, на данном этапе выработать общую позицию: признать наконец, что главное назначение литературы в школе — воспитывать духовно богатую, граждански активную личность: главная же методическая установка изучения литературы — формировать творческого читателя, развивать у него эстетическое восприятие художественных произведений, воспитывать его нравственные, духовные потребности.

Нередко литературоведы и методисты, не соглашаясь с такой трактовкой назначения литературы, говорят: «А как же быть с освоением историко-литературного процесса, с системой занятий по теории литературы?» Установка на воспитание творческого читателя, по их мнению, будто бы снижает научность литературного образования.

Но разве литературное образование — самоцель? Д. Б. Кабалевский не устает повторять: задача музыкальных занятий в школе вовсе не подготовка музыканта или музыковеда. Это — дело музыкальных училищ, консерватории. Музыка призвана формировать каждого учащегося добрым человеком, принципиальной, гармониче-

ской личностью, воспитывать нравственность, мировоззрение.

Это в равной степени относится и к искусству слова в школе. Литературоведов готовит университет (и профессора жалуются, что часов не хватает).

Многие учителя, библиотекари сетуют, что школьники не хотят читать классику, не любят театральные спектакли из классического репертуара. А посмотрите, что делается у подъезда Театра сатиры в день «Ревизора», поставленного Плучеком. Стало почти правилом «Мещан» Горького «проходить» в школе, не читая. А паломничеству на спектакль «Мещане», поставленный Товстоноговым, нет конца. Молодежь, подростки смотрят спектакль увлеченно и спорят о нем, о его героях с истинным энтузиазмом. Значит, нужно и в школе изменить направленность анализа, чтобы не отлучать от классических произведений, а помочь молодому человеку научиться читать Пушкина, Островского, Горького с позиций его сегодняшних интересов и забот. Не ради только знания истории литературы. Знание этой истории нужно как условие наслаждения чтением, как условие постижения художественного произведения.

Мне уже приходилось говорить об актуальности определения круга чтения для детей, подростков, старшеклассников. Ученик такого-то класса должен освоить, прочесть, выучить наизусть минимум литературных произведений. Возникает проблема отбора. Что в ее основе? Какие критерии? Казалось бы, как просто: воспитай хороший вкус, чтобы дурные книги вызывали неприятное ощущение у читателя с детства. Воспитывать вкус — дело сложное. Но именно в этом одно из основных направлений всех занятий литературой в школьные годы. Вкус воспитывается прежде всего чтением эстетически полноценных книг. Отсюда вытекают диктуемые жизнью задачи для педагогической науки, для критики, для издателей, для писателя.

Сегодня, как говорил В. Н. Столетов, начинается складываться специальная наука о воспитании творческого читателя. Важны исследования, рассматривающие проблемы эстетически грамотного чтения на материале детской литературы. Ведь именно детская литература, прежде всего советская детская литература, составляет и должна составлять ядро чтения младших школьников, подростков. Почему у нас не развиваются исследования

по детской литературе? Почему в планах наших научно-исследовательских институтов нет ни одной темы по проблемам истории, теории критики детской литературы, взаимодействия детской библиотеки и школы?

Где наша реальная забота о том, чтобы огромный воспитательный потенциал детской литературы активно проявлялся в становлении нового человека, в формировании мировоззрения входящих в жизнь поколений? Где наша реальная забота о подготовке учителя к руководству чтением? В педагогических институтах в числе основных нет курса по детской литературе.

С другой стороны, не только в теории, но и на практике утверждается ныне принцип неделимости, принцип единства эстетических и педагогических требований. В теории советской детской литературы его обосновала Т. Д. Полозова.

Такое направление в педагогической науке и актуально, и продуктивно. Но чтобы верный этот принцип служил основой работы всех, кто воспитывает литературой в школе и в библиотеке, следовало бы развивать организационно соответствующее направление в нашей науке. Надо помогать учителям и работникам детских, юношеских и школьных библиотек активнее общаться к научной теории. Профессиональная критика, литературоведение должны заняться созданием умных и ярких книг для школьников, для учителей, а значит, и для родителей.

«Книга — это духовное завещание одного поколения к другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на место», — писал А. И. Герцен.

«Духовное завещание».

Олицетворенная история человеческого общества.

Источник нравственного достоинства, благородства.

Не рецепт на каждый из случаев жизни, а сама картина жизни, помогающая увидеть, понять, воспитать себя через эту художественную призму жизни.

Но надо уметь видеть, понимать эту специфическую художественную картину жизни. Любить ее с детства. Иметь вкус, развитую потребность «рыться в книгах».

Так я снова прихожу к тому, что уже подчеркивал.

Воспитание вкуса, формирование верных критериев оценки книг невозможно без воспитания любви к чтению, потребности читать для себя. По словам Д. Дидро, «люди перестают мыслить, когда перестают читать». Добавлю: не только мыслить перестают, но теряют способность быть душевно богатыми. А без душевного богатства нет и не может быть советского гражданина — человека коммунистической убежденности и нравственности.

1979

ПАВЕЛ БАЖОВ¹

Замечательный гражданин Страны Советов, классик русской советской литературы Павел Бажов внес драгоценный вклад в художественную культуру своего народа. Ярким самоцветом в сокровищнице отечественной литературы сверкает его знаменитая книга сказов «Малахитовая шкатулка», где с огромной поэтической силой прославлен трудовой человек и его дело. И стар и млад в нашей стране знают имя Павла Бажова и образы, созданные им. Достаточно назвать Каменный цветок — этот могучий символ вдохновенного труда на благо людей, или Хозяюку Медной горы — образ, напоминающий нам о том, что только рачительным и добрым, трудовым людям природа готова открыть свои богатства.

Неоценимой заслугой Бажова навсегда останется его подвиг сохранения народного рабочего эпоса, в котором воплощены высокие черты нравственности трудового человека. Рабочий человек — главный герой всего творчества Бажова. В сказах писателя, созданных на основе уральского рабочего фольклора, нашла свое отражение история российского пролетариата, ставшего хозяином в своей стране. Хорошо знавший дореволюционную жизнь рабочего люда своего края, Бажов сопоставлял положение народа в дореволюционной России и в советском обществе, утверждая великие преимущества социализма, радость освобожденного труда, его преобразующее могущество. Высшим счастьем считал Бажов труд и борьбу. Величайшим примером человека, отдавшего всю свою жизнь борьбе за счастье трудовых людей, встает со страниц его произведений вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин.

---

¹ Из выступления на вечере в Большом театре, посвященном 100-летию со дня рождения писателя. Октябрь 1979 г.

Творчество Бажова — явление глубоко русское, и в то же время для него нет национальных границ. Сердца трудовых людей всех национальностей горячо откликаются на его слово, несущее вековой опыт и мудрость народа.

Сын потомственного рабочего-металлурга из уральского поселка Сысерть, в самой гуще народной почерпнул Бажов свои знания вековых чаяний трудящихся, проникся их мечтой о социальном переустройстве действительности. В годы гражданской войны доброволец Красной Армии Бажов с оружием в руках сражался за народное дело, активно участвовал в организации вооруженных восстаний, большевистского подполья на Урале и в Сибири. О подвигах солдата Революции, верного ленинца Павла Бажова по сей день помнят в Перми и Свердловске, в Усть-Каменогорске, Камышлове, Бергуле...

Ярким свидетельством подлинно народной сущности писателя и его творений, единства писателя и народа стал тот факт биографии Бажова, что Указ о награждении его орденом Ленина в 1944 году был опубликован в газете «Правда» рядом с оперативными сводками Совинформбюро и сообщениями о награждении участников героической обороны Сталинграда.

Драгоценными россыпями народной мудрости, всем богатством красок народной поэзии, народной речи, закрепленными в сказах Бажова, расцвечено его творчество, глубоко реалистичное при всей его сказочности. Навсегда останется с народом дело Бажова, восславившего творческое отношение к труду, воспевшего достоинство трудового человека, его силу и красоту.

ЖИВОЙ ОБРАЗ ИЛЬИЧА

Имя Ленина — самое дорогое имя для советских ребят. Его облик становится родным и близким с детства, с ним растут и взрослеют, и по мере взросления отношение к образу вождя углубляется, делается зрелым и осознанным.

«Ленинская тема самая счастливая — ее общественное, партийное значение непреходяще, народная необходимость в ней вечна», — писал народный художник СССР Н. Жуков. Потребность видеть живой образ Ильича, воплощенный средствами искусства, литературы, особенно естественна для юного читателя. И мы по праву гордимся богатейшей художественной, публицистической детской Ленинианой. Пожалуй, и истоки художественной Ленинианы именно в советской детской литературе. Ведь для ребят были написаны самые первые книги об Ильиче: давно ставшие классическими воспоминания Н. К. Крупской и А. И. Ульяновой — правдивые, искренние, исполненные высокой простоты.

Освоение ленинской темы писателями началось с малой формы — рассказа. В этом жанре работали М. Зощенко, М. Пришвин, А. Кононов. Их произведения, созданные в 20–30-е годы, также прочно вошли в фонд драгоценного накопления, в их книгах уже тогда намечилось многое, ставшее основным для последующего развития ленинской темы в советской детской литературе: освещение биографических эпизодов — в произведениях А. Кононова, нравственные аспекты общения Ленина с людьми — у М. Зощенко, демократизм Ильича, его близость к народу — в пришвинском цикле рассказов.

По мере изучения ленинского наследия, исследования этапов его биографии, по мере проникновения в сущность его идей усложнялись и проблемы, разрабатываемые детскими писателями, углублялось восприятие

образа вождя и его художественное воплощение. Литература для детей обогатилась и произведениями «взрослой» Ленинианы, прежде всего поэтическими созданиями В. Маяковского, его гениальной поэмой «Владимир Ильич Ленин». Прочно вошли в круг детского и юношеского чтения книги С. Виноградской, М. Прилежаевой, З. Воскресенской, Е. Драбкиной, добавившие новые живые черты бессмертному образу. Много книг об Ильиче, прозаических и поэтических, вышло в последние годы, особенно в десятилетие между столетней годовщиной со дня рождения Владимира Ильича и нынешним юбилеем. Созданное не равнозначно. Наряду с глубокими, умными, интересными произведениями, такими, как «Тропа» С. Дангулова, «Наш Ленин» Б. Полевого и Н. Жукова, «Октябрь шагает по стране» С. Алексеева и некоторыми другими, появились и вещи незрелые, написанные торопливым пером. Настала пора произвести отбор, выделить из массы написанного о Ленине лучшее, наиболее талантливое, истинные создания творческого дара художников.

Готовясь к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, издательство «Детская литература» приняло решение о выпуске подписной десяти томной Ленинианы под общим названием «Жизнь Ленина». Отобрать для нее наиболее значимые произведения — такая нелегкая задача стоит перед редакционным советом, работу которого в качестве его председателя мне доверено возглавлять.

Что уже включено в это издание? Выстраивается десяти томник не по строго хронологическому принципу, а по логике художественного осмысления. Поэтому открывает его гениальный горьковский очерк «В. И. Ленин» — вершина советской Ленинианы, а рассказы, например, о детских и гимназических годах Володи Ульянова помещены во втором томе. Состав издания — многожанровый. Здесь воспоминания родных Владимира Ильича, его соратников по революционному подполью и партийной работе, деятелей интернационального рабочего движения, писательские мемуары, например, очерк К. Федина «Живой Ленин». Здесь письма Ленина и письма к нему, а также письма о Ленине — интереснейшая переписка Н. К. Крупской и М. Горького. Здесь публицистическое исследование С. Сутоцкого биографии ленинских произведений — истории их создания, обстоятельств

времени, с ними связанных, содержания конкретных работ. Здесь, наконец, художественные произведения: повести, рассказы, пьесы, стихи, баллады, поэмы — они занимают шесть томов, то есть большую часть издания. Два тома — «персональные» — отданы писательницам, более двух десятилетий занимающимся ленинской темой: шестой том составляют три повести М. Прилежаевой, седьмой — четыре книги З. Воскресенской. В других томах — произведения В. Катаева, Б. Полевого, С. Дангулова, Л. Радищева, С. Виноградской. Интересно, что пьесы Н. Погодина — его знаменитая ленинская трилогия «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая», включенные в состав десятитомника «Жизнь Ленина», в издательстве «Детская литература» выходят впервые.

Наиболее «плотные» по количеству представленных в них имен, по разнообразию жанров два «серединных» тома, четвертый и пятый, потребовали и наиболее напряженной работы от нашего редакционного совета, особенно от редакторов-составителей. Один из них назван «Живее всех живых» (стихи, баллады, поэмы о Ленине), другой — «Родной и близкий» (рассказы и стихи для младших школьников). Временной диапазон: с 20-х годов, начала детской Ленинианы, и по наши дни.

Формирование сборников еще не закончено, но уже ясно, что войдут в них, во-первых, произведения, ставшие классикой советской детской Ленинианы, во-вторых, наиболее яркое, талантливое из того, что написано нашими современниками.

Ведь этим изданием будет пользоваться не одно поколение школьников, младших ребят. Том за томом будут читать они «Жизнь Ленина» и дома, в семье, и в читальных залах библиотек. Кстати, именно для библиотек предназначается большая часть 250-тысячного тиража.

И здесь остановлюсь на роли библиотекарей, занимающихся пропагандой Ленинианы среди детей и юношества. Не нужно думать, что с выходом нового подписного издания будто все уже сделано. Тщательное составление томов, принципиальный отбор произведений для них еще не есть вся работа. Получив очередной том и выдав его школьнику, нельзя считать на этом свои функции законченными! Следует добиваться максимально полного восприятия юными читателями художествен-

ной образности, изобразительных средств, которыми она достигается. В этом я вижу задачу библиотекаря.

Произведения, включенные в тома «Жизнь Ленина», так различны по жанру, стилю, авторской манере, что возможности для разнообразных вариантов решения задачи поистине неисчерпаемы. Вот только один пример — два писателя взяли за основу своих рассказов один и тот же эпизод ленинской биографии. В чем своеобразие авторского подхода к раскрытию личности Ленина? Каковы особенности лепки образа, манеры изложения, художественного языка? Современен ли авторское прочтение, в чем оно проявляется? Умный, бережный разбор будет способствовать лучшему пониманию произведений, вниманию к деталям, стилю, приблизит творчество писателя к юному читателю.

Изданием десятитомника «Жизнь Ленина» не кончается детская Лениниана: произведения об Ильиче создаются и будут создаваться. Это значит, что проблема тщательного пристрастного отбора будет по-прежнему актуальна для библиотекарей. И здесь самая высокая требовательность к своей работе неперемenna, обязательна. Как любят дети стихи, например, как мгновенно — и на всю жизнь иногда! — их запоминают. Прекрасно, если это будет недавно родившееся замечательное стихотворение — можно только радоваться за удачу поэта и за детей. А если новое, да... слабое, вымученное, формальное — одним словом, «к дате»? Нужно ли его рекомендовать? Что оно даст школьнику? Заучит он его наизусть, но останется ли оно в его духовной, а не механической памяти на двадцать лет вперед? Отделить живое творчество от «дежурного» версификаторства, рифмоплетства — высокая миссия библиотекаря.

В еще большей степени, конечно, относятся эти требования к самим прозаикам и поэтам, обращающимся к ленинской теме. Она требует от литератора гражданской зрелости, осмысления глубоких связей Личности и Времени, понимания той истины, что произведение на ленинскую тему есть произведение об узловых моментах истории, о насущных проблемах современности. Не поняв Ленина, нельзя понять целую эпоху, в которой мы продолжаем жить и сегодня. Жизнь и деятельность Ленина — Мыслителя, Революционера, Человека — единое целое, в котором слиты ленинские черты характера, ленинские идеи, ленинская практическая работа. Это удиви-

тельное единство мыслей, слова и дела — программа работы над современной Ленинианой, над всей неисчерпаемой темой современного социально активного героя вообще. Проблема социальной активности — это, в сущности, проблема жизненного идеала, того стремления «делать жизнь с кого», что вечно для юношества. Помочь юным делать жизнь по Ленину — долг литераторов, библиотекарей, учителей и других наставников в чтении.

Задача трудная, но благодарная. Прикосновение к великому образу обогащает писателя, заставляет его пережить самые волнующие творческие моменты. Мне самому ленинская тема далась не просто. Несколько раз переделывал, шлифовал уже в переизданиях книгу «В Музее В. И. Ленина». Из стихов об Ульяновске, родившихся много лет назад, долго и трудно создавалась книга «На родине В. И. Ленина». И я счастлив, что мне удалось написать их, счастлив тем, что и моя лепта есть в Главной книге, которую много лет пишут советские писатели, — в Лениниане для детей.

1980

НРАВСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ¹

Говорить об Александре Трифоновиче Твардовском для меня священная обязанность. Это великий русский советский поэт. Не потому только, что у этого художника исключительный по красоте, насыщенности, простоте и мудрости лирический стих и он им превосходно владел, и не потому только, что этот поэт был требовательным наставником, продолжая великую традицию русской художественной интеллигенции, традицию, сформированную в советское время Горьким, Блоком, Фадеевым.

Говорить о Твардовском надо потому, что все эти данные составляли нравственное целое одного человека. Твардовский — уникальнейший представитель советского характера в отечественном и мировом искусстве слова.

Всю творческую жизнь, начиная от «Страны Муравии», он находился на высочайшей вершине человеческого, то есть народного, понимания литературы. Такое возможно, видимо, лишь для художника с родниковым вкусом, истоки которого в общей с народом судьбе. Общность судеб и гарантировала, думаю, безукоризненное ощущение подлинного и бескомпромиссное отращение к искусственному.

Ни один выдающийся поэт не может не выразить в своем творчестве характер своего отношения к жизни, своего нравственного существа, своей внутренней совести, которая ясно говорит человеку, что хорошо и что плохо. Так в отечественной поэзии повелось от Пушкина и Некрасова.

---

¹ Из выступления на вечере, посвященном 70-летию памяти А. Т. Твардовского, в Концертном зале имени П. И. Чайковского. Июнь 1980 г.

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
Что все они — кто старше,
кто моложе —
Остались там,
и не о том же речь,
Что я их мог,
но не сумел сберечь.
Речь не о том, но все же,
все же, все же...

Как и его великие предшественники, Твардовский — талант поразительной русской совестливости.

В сущности, все поэмы Твардовского еще при жизни автора становились литературными памятниками русской культуры, а «Василий Теркин» уже давно и выпущен издательством «Наука» в серии «Литературные памятники». Исследование творчества Твардовского шло всю его писательскую жизнь, и оно тем не менее еще все впереди! Трудность состоит в том, что наследие поэта, как истинная классика, все очевиднее становится своеобразной нормой и высоким образцом. А причина этого, думаю, в обостренном чувстве гражданственности Твардовского.

Гражданственность была для него прекрасным, мужественным понятием, включавшим крутую селекцию выразительных средств, соотношение детали в целом и целого в детали, и, конечно, вкус, продиктованные не только временем и пониманием жизни вообще, но эстетическими идеалами. Его гражданственность означала также безоговорочное подчинение себя, своего писательского «я» в одинаковой мере и литературе, и общественной жизни.

Первого января 1960 года в «Правде» я прочел «Новогоднюю басню» Твардовского. Объясняя обращение к новому для себя жанру, автор писал:

К тому же басня — жанр особой меры,
Дошедший к нам из глубины веков,
И в наши дни удел ее таков:
Прибрал к рукам сначала Михалков,
А вслед за ним — пенсионеры.

Не скрою, было очень приятно, что Александр Трифонович поддержал этот жанр сатиры, хотя сам басен больше не писал.

У многих из нас на памяти и на слуху его сосредоточенные выступления на партийных съездах о глубинном взаимовлиянии литературы и народной жизни. Так, выступая со съездовской трибуны, поэт сказал: «Некоторые из наших писателей и критиков говорят о необходимости «приподнимать» действительность в целях, так сказать, придания ей большего величия и красоты. Я отношусь к ряду тех писателей, которые считают, что плохо было бы наше дело, если бы действительность наша нуждалась в такого рода приподнимании. Нет, она достаточно высока и величава со всеми своими трудностями и несовершенствами, и речь может идти разве что о том, чтобы художникам приподняться до нее».

Своими произведениями Твардовский расширил словарь художественного поэтического мышления и писателя и читателя на целое литературное направление.

В стихотворении «Моим критикам» он пишет:

Всё учить вы меня норовите,
Преподавать немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.
Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

Мы часто говорим об отношении писателя к действительности, об отношении читателя к произведению. Но есть еще один показатель силы литературы — отношение читателя к изображаемой писателем действительности. Когда сюжетно-поэтическое развитие, скажем, поэмы совпадает со свойственным народу реализмом мышления, тогда книга завоевывает ту меру народного доверия, которое и надо определять как успех.

Вся поэзия Твардовского связана с языком народа, с русской песней, что воспринимается как своеобразная поэтическая сюита, где «все на русском языке». (А ведь бывает, что наличие народного языка в ином произведении не делает это произведение народным.)

Твардовский вознагражден пониманием, любовью, душевным расположением миллионов читателей; истина, добытая им в процессе художественного познания действительности, стала народным достоянием. Идейная направленность творчества Твардовского проявлялась прежде всего в художественном осмыслении жизни, в его

видении мира, организующем и пронизывающем систему созданных им образов.

Мы знаем, высшей областью художественного творчества является воссоздание человеческого характера. Оно дается редким даром постижения людей, но не просто постижением, а постижением в реальной исторической ситуации. И Моргунок и Теркин — бессмертные характеры. Бессмертен и еще один герой Твардовского — его читатель! Ведь читатель, к которому обращены стихи Александра Трифоновича, обязательно был и остается его героем, так же как поэт Александр Твардовский был и остается корифеем отечественной поэзии!

1980

**БЫТЬ В ГУЩЕ ЖИЗНИ,
ЯРЧЕ, ТАЛАНТЛИВЕЕ РАСКРЫВАТЬ
СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА¹**

(Доклад на V съезде писателей РСФСР 9 декабря 1980 г.)

Всего двадцать лет отделяют нас от XXI века. Человечество все решительнее заглядывает в грядущее столетие, рождение которого совпадает и с началом нового тысячелетия. Да, путешествие во времени побуждает думать о том, что же передадут как эстафету наше общество и наша литература людям XXI века.

Будущее должно нас объединять, мы должны нести будущее в себе и одинаково чувствовать перед ним свою ответственность. Стремясь к эпохальным обобщениям, достойным народа-первопроходца, литература, естественно, не может и не должна оставаться равнодушной и к тому, что происходит на планете сейчас.

«Коммунистическая партия высоко ценит вклад российских литераторов в духовную жизнь общества зрелого социализма. Ваши повести и романы, стихи и пьесы, очерки и статьи помогают нефтяникам Тюмени, строителям Байкало-Амурской магистрали, труженикам Нечерноземья, всем советским людям полнее осознать исторический смысл и величие их трудового подвига, яснее видеть перспективы развития страны».

Это строки из приветствия Леонида Ильича Брежнева, полученного российскими писателями к 20-летию нашего Союза.

Политика КПСС в области литературы и искусства всегда была основана на доверии к нашей творческой интеллигенции, всегда подчеркивала роль талантливой книги в воспитании поколений.

---

¹ Доклад печатается с сокращениями.

Российская литература ныне — это 75 писательских организаций, действующих по всей республике. Это большая сила! И не только в том смысле, что они объединяют свыше четырех тысяч писателей — около половины всех членов Союза писателей СССР, — но и в том, что они играют все большую роль в общественной и культурной жизни Федерации, активно участвуют в проведении политики партии.

Российская литература — это стремление художников слова прежде всего воссоздать сегодняшнюю жизнь страны, образы и характеры современников.

В искусстве, мы знаем, чрезвычайно важны индивидуальность, неповторимость. Художник, вне зависимости от меры таланта, обязан найти свой путь, свою дорогу. Да, у всех нас одна общая и единая идейно-эстетическая позиция, но при этом у каждого из нас своя индивидуальность, свой неповторимый почерк, своя творческая манера, и в этом многообразии — многокрасочное и неисчерпаемое богатство нашей литературы.

Если мы окинем мысленным взором все созданное российской литературой за пять лет, то убедимся, что нам есть чем гордиться. Неплохо потрудились и широко известные писатели, подарившие нам новые отличные книги, и многие литераторы молодого поколения — литераторы разных стилей, создавшие и создающие во всех без исключения жанрах интересные произведения. В целом это составляет многонациональную антологию российской литературы последних лет.

Характеры, образы, современники и современность, философски осмысленные и художественно воссозданные, позволяют прикоснуться, а во многих случаях и раскрыть проблемы современных города и деревни, перспективы их развития при переходе к коммунизму; пути соединения умственного и физического труда; дальнейшее органическое сближение социалистических наций, дальнейшее развитие нашего социалистического общества.

Именно эти вопросы жизнь выдвигает с особой настоятельностью. Именно их исследованием наиболее интенсивно занималась в минувшее пятилетие, в частности, художественная проза.

Сфера «личной жизни» в социалистическом обществе сегодня обязательно переплетается с жизнью человека в трудовом коллективе: страсти разыгрываются на заво-

де и в колхозе, на нефтяных промыслах и на строительстве электростанции, в школе и институте, в научном учреждении и в министерском кабинете. И здесь по-прежнему наиболее притягательным, вдохновляющим для художественного исследования остается образ передового человека нашего времени — образ коммуниста.

Образ коммуниста, характер коммуниста, берущего на себя всю полноту гражданской, нравственной, социальной ответственности, созданный художественно впечатляюще, позволяет читателю яснее увидеть и понять перспективы развития важных жизненных проблем во всех их аспектах и связях. Сосредоточившись на художественном воплощении образа передового человека эпохи развитого социализма, наша литература тем самым принимает реальное участие в движении жизни.

Советская литература нацеливает сознание на главное: труд определяет жизнь человека и место человека в этой жизни. Единый и многоликий идеал труженика вырабатывается веками, но трансформируется в зависимости от требований данного времени. Поиск этого единого и многоликого идеала на всех этапах развития социалистического общества и есть программа художнической деятельности талантливое братства писателей России.

Да, создание художественного образа гражданина-труженика, образа современного социально активного героя — едва ли не творческая задача номер один!

Составная часть понятия «социальная активность героя» — не столько нетерпимость к проявлениям мещанской психологии, сколько борьба с ними. Не однажды замечено: всякое отклонение от норм социалистической нравственности, как правило, замешано на философии обывательщины, потребительства, на бездуховности. Противоядие от мещанства — вовсе не аскетизм, а только постоянная и благородная занятость человека работой на благо общества и политический рост его сознания. Это и характеризует современного положительного героя в жизни и литературе.

Но вопрос о современной теме непростой. Он никак не рассчитан на прямолинейные решения. Воздействие конкретных событий нашей жизни на литературу далеко не всегда бывает прямым. Давно ясно, что броская заявка на актуальную тему сама по себе не определяет качества литературы. Она не может спасти сочинение холод-

ное, лишенное впечатляющей образности. И все же таких произведений пишется еще немало.

Чтобы глубже проникнуть в проблему «современность и литература», чтобы сделать художественно убедительным ее решение, писатель должен уметь видеть и ясно осознавать историческую перспективу развития жизни за достаточно длительный период, понимать, как и под влиянием каких обстоятельств изменяются и сама жизнь, и концепция литературного процесса, как эти концепции освобождаются от наносных явлений, как все более опираются на прочный фундамент марксистско-ленинского мировоззрения; во всех литературных фактах и дискуссиях, во всех достижениях и просчетах уметь видеть прежде всего их основное содержание.

Мы счастливы — нам досталось великое наследие классики, в том числе классики, сформированной нашим временем. Тут содержатся великий опыт и великие уроки.

Основоположник социалистического реализма великий пролетарский писатель Горький сумел не только познать ленинскую мысль, он в художественной форме выразил самое труднодоступное прозе — показал процесс движения ленинской мысли: «...Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством... Я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу».

Работа Горького над образом Ленина — не только вклад в золотой фонд мировой прозы, но неисчерпаемый, непрекращающийся урок. Кто, как не он, отразил в своем творчестве взаимодействие классов, показал истоки революции, создал впечатляющие образы людей, стремящихся преобразовать мир?!

Шолохов — писатель, достойно развивающий и обогащающий великий опыт реализма. Он доказал широкие возможности социалистического реализма. Ему удалось поднять необозримые пласты народной жизни, создать типические образы неувыдающей поэзии и красоты. Решение о присвоении Шолохову звания дважды Героя Социалистического Труда венчает его заслуги перед отечественной литературой, перед партией, перед народом.

Нет никакого смысла оспаривать очевидное: воздействие литературного произведения тем сильнее, чем ближе оно по своей проблематике к конкретным жизненным

ситуациям, к главным заботам народа. Именно в таких случаях становится ясно, что литература не только отражает мир. Она и творит его.

Подтверждают это многие прозаические произведения. Назову те, которые были отмечены в недавнем прошлом высокими литературными премиями и наградами страны. Это выражает и читательское и общественное признание. Назову романы «Сибирь» Георгия Маркова, «Берег» Юрия Бондарева, «Блокада» Александра Чаковского, «Ивушка неплакучая» Михаила Алексева, «Версты любви» Анатолия Ананьева, повести «Царь-рыба» Виктора Астафьева, «Белый Бим Черное ухо» Гавриила Тропопольского, «Точка опоры» Афанасия Коптелова, «Живи и помни» Валентина Распутина, «Клавдия Вилор» Даниила Гранина, «Вечный зов» Анатолия Иванова, «Имя твое» Петра Проскурина, «И это все о нем» Виля Липатова. Большой интерес читателей в минувшем литературном пятилетии вызвали также романы «Родительский дом» Сергея Воронина, «Донник» Ольги Кожуховой, трилогия Николая Кочина, «Шумит луговая овсяница» Евгения Носова, повести и рассказы Владимира Солоухина, «Белый шаман» Николая Шундика. Минувшая «литературная пятилетка» отмечена такими известнейшими теперь произведениями, как «Дерево жизни» Вадима Кожевникова, «Дом» Федора Абрамова, «Бессонница» Александра Крона, «Лад» и «Холмы» Василия Белова, «Двухчасовая прогулка» Вениамина Каверина, «Картина» Даниила Гранина, «Тяжелый песок» Анатолия Рыбакова, повести Георгия Семенова, «ТАСС уполномочен заявить...» и роман «Горение» Юлиана Семенова, «Нежный возраст» Александра Рекемчука, «Крещение» Ивана Акулова, «Сотворение мира» Виталия Закруткина, «Цыган» Анатолия Калинина, «За доброй надеждой» Виктора Конецкого, «Грушевый цвет» Алима Кешокова, произведения Юрия Трифонова, Петра Лебедева, Антонины Коптяевой, Сергея Сартакова, Бориса Полевого, Владимира Тендрякова, Юрия Рытхэу, Софрона Данилова, Ахмедхана Абу-Бакара, очерки Юрия Грибова, Леонида Иванова и Ивана Васильева. Проявленный общественный интерес к названным книгам — в их необходимости для духовной жизни народа. Новый, талантливый роман Юрия Бондарева «Выбор», вызывающий большой читательский интерес, увлекает стремлением проникнуть в нравственную сущность челове-

ской жизни, психологически постичь саму реальность, требующую постоянного нравственного выбора.

Создание произведений, охватывающих большие пласты жизни, продиктовано потребностью оглянуться на пройденный путь, сопоставить затраченные усилия с достигнутым, набраться новых сил и мудрости. Такая потребность живет в каждом человеке и в народе в целом.

Размышляя о военной теме в искусстве, о теме мира и труда, мы часто говорим, что их воплощение потребует от каждого из нас еще много времени, таланта, вдохновения. Надо разумом и сердцем вдуматься в подвиг народа-созидателя.

Вдуматься!

Обращаясь к характеристике героя нашей прозы о войне, можно заметить, что мы еще не всегда оцениваем в полной мере глобальный масштаб тех задач, которые решает этот герой, олицетворяя собой новый тип человеческого поведения, отличающегося настоящей социальной зрелостью. Ждут серьезного разговора о них романы «Годы без войны» Анатолия Ананьева, «Навеки девятнадцатилетние» Григория Бакланова, «У святских шлемоносцев» Евгения Носова, «Война» Ивана Стаднюка, «Так называемая личная жизнь» — дневник Константина Симонова.

Книги Георгия Березко, Михаила Бубеннова, Олега Смирнова, Виктора Тельпугова, Николая Горбачева, Юрия Анненкова, Александра Кулешова, Александра Беляева, Василия Рослякова, Ивана Падерина, Героев Советского Союза Натальи Кравцовой, Владимира Карпова, Генриха Гофмана — все это произведения, с большой художественной достоверностью переносящие читателя в незабываемое суровое военное лихолетье, повествующие и о современной армии.

Одна из заметных тенденций современного литературного процесса — интенсивный рост и развитие исторической прозы. Историческое произведение, роман в первую очередь, в своих лучших образцах учит социально-классовому мышлению, укрепляет понимание сегодняшнего как закономерного звена в цепи народных судеб. Эпически масштабная мысль о личности и народе, народе и истории, ее гуманистический пафос естественно вводят эту прозу в современный литературный контекст.

В лучших ее достижениях мы обнаруживаем исторический взгляд на жизнь, философию истории, социальную и нравственную концепцию времени. Здесь представлен историко-революционный роман во всем его тематическом и стилевом разнообразии. Скажем, «Комиссия» Сергея Залыгина, талантливые книги советской Ленинианы: «Четыре урока у Ленина» Мариэтты Шагинян, «Точка опоры» Афанасия Коптелова, трилогия Евгения Люфанова о юности В. И. Ленина. Здесь книги Дмитрия Еремина, книги серии «Пламенные революционеры», цикл повестей Юрия Нагибина о замечательных представителях отечественной культуры, роман «Новочеркасск» Геннадия Семенихина, талантливые книги Владимира Чивилихина, Михаила Соколова, Бориса Васильева, Юрия Давыдова, Дмитрия Жукова, Булата Окуджавы, Георгия Гулия. Точным классовым подходом в изображении личностей и событий истории и литературы отмечены новые повести-хроники Александра Кривицкого — «Тень друга» и «Елка для взрослых».

Заметным явлением в развитии исторического романа стал «Жестокий век» безвременно ушедшего Исая Калашникова. В современной исторической ситуации отчетливо увиденная им злоеющая фигура Чингисхана, мотив непрочности его побед, обреченности, бесплодности завоевательских претензий звучат остро и актуально. Несомненным талантом исторического писателя обладает Дмитрий Балашов. Обратил на себя внимание роман в стихах об Авиценне Льва Ошанина.

Однако встречаются и такие авторы, которых захлестывает документальная стихия. Свою задачу они сводят, по сути, к беллетризованному пересказу исторических хроник, упуская из виду тот факт, что подлинную историю человека, по словам Федина, пишет не историк, а художник. Вместо показа глубинного содержания народной жизни, постижения народной истории в жизненном многообразии ее проявлений эти авторы, искажая историческую правду, предлагают читателю верхний слой авантюрных происшествий, забывая уроки классиков. «Что же в историческом романе является основным? — спрашивал Алексей Толстой и отвечал: — ...Становление личности в эпохе». Повторим: личности в эпохе, а не смакование сомнительного исторического анекдота или фактов, подсмотренных в замочную скважину истории.

Постигая в глубине веков неразрывную связь времен, наша литература неоднократно обращалась и обращается к крутым, переломным моментам в отечественной истории, которые являли собою апофеоз национального самосознания, народного духа. 600-летие Куликовской битвы, широко отмеченное в нашей стране, привлекло внимание многих художников слова. Будем надеяться, что новые произведения, обращенные к героическим страницам родной истории, будут столь же долговечны, как «На поле Куликовом» А. Блока, «Дмитрий Донской» Сергея Бородина.

Созданный в наше время и отвечающий самым строгим требованиям, исторический роман не отвлекает от современности, а, наоборот, помогает глубже и серьезнее понять настоящее.

Новый творческий подъем, переживаемый советской прозой, поэзией, драматургией, детской и юношеской литературой, о которых речь впереди, — это, несомненно, результат той созидательной творческой атмосферы, в которой живет страна.

По-прежнему для авторов всех поколений ведущими темами остаются темы нашей Родины, Коммунистической партии, воинской славы, интернациональной солидарности. На наших глазах родился современный эпос, эпическая летопись, полные величия, суровости и новизны. Открыты полнокровные современные народные характеры, неповторимые во всем. Народная жизнь на очередном крутом ее повороте, село с его старым и новым укладом, с традициями и социальными взаимоотношениями, в том числе село эпохи НТР, — в самом выборе материала ощущается масштабность мысли писателей, бесстрашно вторгающихся в сферы, полные драматизма, предельного накала страстей. Эти думы о народной жизни своей сущностью, своей поэзией устремлены и в будущее. Их поэзия — из самой жизни.

Жизненно актуальна и проблема делового человека, которая, конечно же, не подлежит произвольному делению на сельскую и производственную. Такое деление не только чисто условно, но и неверно, так как не определяет сути произведения, а только место действия. Важна же, как всегда, серьезность постановки проблемы и степень ее художественного воплощения. Из реального бытия пришла и проблема нравственного мира современно-го ученого: совсем недавно ее исследовали единицы,

сегодня — десятки российских писателей, особенно в жанре романа.

Партия призывает нас усилить внимание к созданию высокохудожественных произведений искусства и литературы, которые ярко показывали бы героев и ветеранов труда, трудовые династии, передовиков социалистического производства. Одна из коренных задач — воспитание нового человека, по-государственному мыслящего, занимающего активную жизненную позицию. Для такого человека труд будет не просто источником существования, а внутренней потребностью. Совсем не просты в жизни «простые» люди.

Мы нередко говорим: «роман о колхозной деревне», «производственный роман», содействуем тому, чтобы такие произведения чаще появлялись. Однако термины эти определяют всего лишь среду, в которой разворачиваются какие-то события, происходит какой-то конфликт. Так мы хотим подчеркнуть условия жизни людей. Тема же не исчерпывается той средой, в которой родилась!

Все чаще в центр нравственного конфликта попадает сама идея ответственности героя за все, что он делает сам, за все, что делается вокруг него. То есть всесторонне исследуется идейная зрелость героя, его политическая сознательность и высота его нравственных критериев.

Здесь уместно назвать прозаиков России — лауреатов конкурсов на лучшее произведение о рабочем классе — Вадима Кожевникова, Анатолия Иванова, Петра Прокураина, Григория Коновалова, Владимира Попова, Евгения Пермяка, Валерия Поволяева, Олега Куваева, Аркадия Первенцева, Юрия Скопа, Шамиля Бикчурина, Андрея Блинова, Михаила Бубеннова, Владимира Жукова, Леонида Кокоулина, Михаила Колесникова, Ивана Лазутина, Петра Лебеденко, Георгия Лезгинцева, Ивана Уксусова. Я бы в этот ряд поставил и прозаиков, отмеченных другими литературными премиями: Константина Лагунова, Александра Проханова, Анатолия Приставкина — достоинство ряда их произведений в том, что, скажем, размышляя о развитии отдаленных и труднодоступных районов, таких, как земля тюменская, они неплохо показывают, как в суровых условиях выковываются характеры. Это и дает возможность психологически верно вести героев по дороге «предложенных обстоятельств». Предложенных самой жизнью! Точно замечено: от умения писателя показать героя в работе во

многим зависит типизирующая сила литературного произведения о современности.

Идейно-нравственное становление молодого современника — тема произведений Валерия Поголяева, Виктора Потанина, Вячеслава Шугаева, Ивана Уханова, отмеченных премией Ленинского комсомола.

Творческая ответственность, ощущение той высоты, к которой необходимо стремиться и после которой уже нельзя работать вполсилы, — особенно ценное качество вчерашней писательской молодежи, в частности, Юрия Сбитнева, Михаила Шевченко, Александра Плетнева, Юрия Антропова, Элигия Ставского, Радия Погодина, Анатолия Кривоносова, Диаса Валеева, Сергея Цырендоржиева, Владимира Личутина.

Молодые сегодняшние таланты нас тоже радуют. Разве не заявили о себе Петр Краснов, Анатолий Ким, Владимир Крупин, Сергей Чупринин? Вместе с тем следует видеть и негативные явления, которые мешают иногда творческой молодежи найти достойное место в общем строю. Не секрет, что некоторые из начинающих литераторов не очень озабочены не только «внутренней» стороной творчества, его содержанием, но и формой. Вот и появляются вещи незрелые, страдающие неким мировоззренческим инфантилизмом, лишенные подлинного профессионального мастерства.

Молодые писатели хотят объяснить действительность, жизнь людей нашего времени, жаждут истины. Поколение литераторов, выросших, впервые в истории нашей страны, без войны, не может не ощущать радостной, творческой причастности к большим делам своего народа.

Завтрашнюю литературную ситуацию будут определять те, кто начинает творческий путь сегодня. Будущее принадлежит им по праву молодости, а это право неоспоримое. Молодая литература не через назидание и поучение, а через самопознание ведет борьбу с потребительством и цинизмом, с облегченностью трудовых и нравственных установок какой-то части своего же поколения, самостоятельно и серьезно говорит о жизни и о себе. Так мы получаем возможность видеть наш мир глазами нового поколения и видеть новое поколение его собственными глазами.

Вместе с тем нельзя не согласиться с нашим выдающимся мастером Леонидом Леоновым, который, спра-

ведливо считая, что «в литературу пришло немало отличных и свежих людей во исполнение горьковского пророчества насчет изобилия талантов в раскрепощенной стране», не менее справедливо отмечает увлечение самой младшей литературной поросли бытописанием, «порой далеким от тех генеральных линий, которыми диктуется сокрытое сегодня в мире смятение душ, подспудная устремленность всеобщих надежд и чаяний».

Факты показывают, что позицию молодых во многом определяет позиция старших. Там, где старшее поколение умеет в отношениях с молодежью стать на подлинно творческую позицию, где оно видит в новых дарованиях не нашествие конкурентов, а своих наследников, продолжателей общего литературного дела, процесс вхождения молодых в литературу вызывает не снисходительное умиление, а творческое удовлетворение, уверенность в завтрашнем дне. Вот когда прекрасно выявляется само понятие «литературной школы», то есть взаимоотношений мастера и растущего поэта или прозаика; в литературе школа, видимо, не всегда должна учить чему-то новому: новое человек может постигнуть и сам. Школа должна учить прежде всего традициям!

Деятельность Московской, Ленинградской, Татарской, Башкирской, Ростовской, Иркутской, Хабаровской и других писательских организаций по воспитанию литературной смены — это, пожалуй, самый значительный вклад в успешную, продуктивную работу Всесоюзных совещаний молодых писателей, работу с размахом, учитывающим миссию литератора в современном мире.

Писательский талант, как и любой талант, наверное, формируется в литературной молодости. Он формируется вместе с чертами характера. Какие-то задатки потом разовьются и станут преобладать, какие-то заглохнут. Именно в этот период еще неосуществленных возможностей и должно быть заложено то основное, что впоследствии станет причиной внутреннего роста писателя.

Что же в становлении таланта является основным?

Богатство духовного мира, та гражданственность, бескорыстность и интеллигентность, без которых немислим художник. Не будем стесняться повторять эту истину. И потому главная черта интеллигентности советского художника — мера его приобщенности к культурным ценностям и глубина коммунистической убежденности. Если то, что завоевано людьми в области литературы, иску-

ства, этики, еще в молодости не стало для кого-то главной ценностью жизни, осмысленной с точки зрения коммунистических идеалов, он рано или поздно может попасть в кабалу мещанских представлений о жизни.

«Есть много родов образования и развития, — писал Белинский, — и каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стать образование нравственное. Одно образование делает вас человеком ученым, другое — человеком светским, третье — административным, военным, политическим и т. д., но нравственное образование делает нас просто «человеком». Слова эти верны, актуальны и сегодня. Добавим только, что мы имеем в виду нравственность коммунистическую.

Неисчерпаемость резервов молодой литературы России очевидна. Партия требует относиться к воспитанию творческой молодежи как к искусству, которым на деле должен овладеть каждый человек, причастный к руководству писательской организацией.

Необходимо напомнить еще об одном явлении. В процессе развития прозы и поэзии появляются авторы, которые быстро завоевывают популярность, особенно среди молодежи. Это ко многому обязывает такого литератора, и прежде всего к ответственности за совершенствование своего дарования и его идейную направленность, за то, что он несет своему читателю, как влияет своим стихом или прозой на его душу. Иногда приходится наблюдать, как популярность порождает кое у кого бесцеремонность по отношению к себе и окружающим, непомерные требования к обществу и раздутое самомнение...

Большой главой в книге современной жизни становится преобразование Нечерноземья. Партия вооружила нас политической и экономической основой для этой работы, придав преобразованию Нечерноземья огромное государственное значение.

В эту работу включились и писатели России, всесторонне исследующие проблемы преобразования Нечерноземья на всех уровнях — идеологическом, нравственном, психологическом, даже экономическом, хозяйственном. Литераторами движет понимание, что они воссоздают жизнь людей, кровно заинтересованных в разрешении этих проблем, в росте экономического потенциала, от которого зависит успех коммунистического строительства.

Художественная состоятельность произведения о пре-

образовании Нечерноземья может быть гарантирована, если удалось избежать иллюстративности, «передразнивания» жизни. Иллюстративность перечеркивает внутреннюю суть сюжетной борьбы, конфликтность и отражает лишь внешние приметы, поверхностный слой жизненного «пласта».

Избежать этих недостатков можно только путем укрепления связей литераторов с жизнью, с трудовыми коллективами.

В эту работу вовлечены сотни писателей, и она самым тесным образом связывает их художническую мысль с реальной стратегией коммунистического строительства.

Некоторое время тому назад в Ленинграде во Дворце культуры невских машиностроителей состоялся необычный литературный вечер. Писатели Ленинграда и трудящиеся объединения «Невский завод имени В. И. Ленина» отмечали десятилетие первого договора о творческом содружестве между литераторами и заводским коллективом. Самый первый в стране такой договор был заключен именно в Ленинграде. Теперь мы знаем, какой размах получило это движение, знаем, что творческое содружество писателей и тружеников заводов, совхозов, строек стало неслучайной и очень важной частью жизни каждой писательской организации. Накоплен уже немалый опыт такого содружества, но первую проверку делом это движение проходило именно на берегах Невы!

В наши дни, как никогда, наглядно стоит вопрос о месте писателя в жизни страны. Конечно, литературный труд для писателя всегда останется на первом месте. Однако жизнь современного деятельного художника немыслима без повседневной общественной работы.

Многие мастера российской литературы своим творчеством и живым словом активно участвуют в самоотверженной борьбе нашей партии и государства за разрядку напряженности и мир во всем мире. Пером и живым словом российские литераторы талантливо и убежденно отстаивают интересы мира и социального прогресса, дают бой буржуазной идеологии, в каких бы обликах она ни проявлялась. Сегодня с особой остротой встает вопрос Максима Горького «С кем вы, мастера культуры?» — с миром насилия и войны или с миром справедливости и социализма.

Выросло совсем новое поколение людей, и оно взрослеет, мужает, растит собственных детей. Разные периоды переживали мы за эти годы, но и в самые напряженные дни «холодной войны» были верны Программе мира. Она и ныне определяет курс нашей жизни.

Одна из ведущих примет глубоко партийного понимания социального заказа времени, примет, показывающих, что такое художественная активность, — это страстный поиск, связанный, например, с появлением политического романа. В частности, такого, где с четких классовых позиций проанализирована драма политической и дипломатической борьбы за подведение в Европе черты под результатами второй мировой войны. Я говорю о романе Александра Чаковского «Победа». У идеологической борьбы свои законы, она может менять акценты. Писатель обязан понимать это. Мы знаем, как вырастает в такой борьбе художник: уместно вспомнить и открытое письмо А. Чаковского президенту США. По-прежнему в боевом строю таких литераторов-публицистов Александр Кривицкий, Николай Грибачев, Юрий Жуков, Даниил Краминов, Всеволод Овчинников, Арон Вергелис, Цезарь Солодарь, Владимир Беляев, Василий Ардаматский, Николай Полянов, Дмитрий Мамлеев, Генрих Боровик.

Коммунисты никогда не скрывали, что социалистическая демократия носит классовый характер. Социалистический демократизм немыслим вне самого неукоснительного соблюдения законности, укрепления правопорядка, уважения каждым членом общества норм социалистического общежития. В этом заинтересованы все трудящиеся. Природа нашего общества такова, что расширение прав и свобод органично связано с повышением ответственности каждого перед обществом, с соблюдением гражданских обязанностей.

Для подавляющего большинства советских людей, в том числе для художественной интеллигенции, выполнение их гражданских обязанностей — норма жизни. Тем, кто заблуждается, ошибается, мы стремимся помочь, стремимся переубедить, рассеять заблуждения. Но отщепенцы, не имеющие никакой опоры внутри страны, которые сознательно наносят вред нашему обществу и становятся на путь антисоветской деятельности, должны не-

сти — и несут — наказание в полном соответствии с советскими законами.

Это касается и тех антиобщественных элементов, с которыми наше общество ведет последовательную непримиримую борьбу, — карьеристов, стяжателей, взяточников, спекулянтов, всякого рода аферистов... И здесь мы можем обратиться к произведениям таких писателей-бойцов, как Аркадий Сахнин, Евгений Богат, Аркадий Ваксберг, Анатолий Аграновский, Евгений Дубровин, многие выступления которых вызывают широкий резонанс и разят наповал всю нечисть.

Первостепенное значение имеет, как всегда, умение оценивать события с четких классовых позиций. Утратить классовое чутье — значит потерять самый надежный ориентир в жизни, в борьбе с поползновениями наших идейных противников, с еще звучащими порой отголосками прошлого и пережитками в сознании людей. Весь уклад, вся атмосфера нашей жизни способствовали и способствуют формированию художника нового типа, деятеля культуры, который свободен от пут индивидуализма и осознанно принимает вдохновенное участие в строительстве справедливейшего социального общества.

Люди будущего по созданным сегодня книгам, думаю, смогут судить о том, чем жил советский человек последней четверти XX века. Каким был его духовный мир, что нас радовало и печалило, что мы ненавидели и чем воодушевлялись, что тревожило нас и что мы любили, словом, как «вбирали времени черты».

Вбирая времени черты — так можно определить и суть современной поэзии России. Если судить о ней по вершинным достижениям последнего пятилетнего периода, то в первую очередь мы обязаны по достоинству оценить поэмы «Даль памяти» и «Суд памяти» Егора Исаева, отмеченные Ленинской премией.

Приобщение к великим делам и свершениям народа помогает поэтам выбирать темы значительные, поднимающие главные проблемы современности. Именно поэтому в эти годы вновь подтвердила читательское признание поэзия Расула Гамзатова, Алексея Суркова, Кайсына Кулиева, Михаила Дудина, Василия Федорова, Давида Кугультинова, Сергея Наровчатова, Якова Ухсая, Евгения Винокурова, Николая Доризо, Глеба Горбовского, Роберта Рождественского, Евгения Долматовского, Андрея Вознесенского, Мустая Карима, Николая

Дамдинова, Сергея Викулова, Юлии Друниной, Анатолия Чепурова, Сергея Острового, Танзили Зумакуловой, Евгения Евтушенко, Фазу Алиевой, Леонида Решетникова, Владимира Фирсова, Олега Шестинского, Ольги Фокиной, Назара Наджми, Гарольда Регистана, Ларисы Васильевой, Риммы Казаковой, Владимира Соколова, Вадима Шефнера, Андрея Дементьева, Юрия Кузнецова, Анатолия Жигулина, Игоря Шкляревского.

Широчайшие возможности для прямого разговора с народом, которые предоставлены у нас поэтам, заставляют их строже и критичнее относиться к собственной работе. Поэзия крупных форм — это возможность увлечь читателя и слушателя близкими ему проблемами и событиями в особой ритмичной форме: это необъятный простор для освоения богатейшими средствами многонационального стиха, многонациональной поэтики новых чувствований, новых человеческих отношений, новых пластов жизни. Я не призываю отвернуться от вечных тем поэзии, отказаться от стремления осмыслить сегодняшние проблемы через события далекого и близкого прошлого, от сказочных сюжетов и т. д. Но современность остро требует большего внимания поэтов!

Подлинные открытия в искусстве, мы знаем, не бывают достоянием лишь породившего их времени. Опыт преобладающего литературного направления продолжает жить в направлениях, пришедших ему на смену, если даже писатели в поисках самоутверждения отрицают и осуждают то, что им предшествовало. Анна Ахматова в разговоре с Блоком как-то упомянула, что один из поэтов жаловался: дескать, Блок «одним своим существованием мешает ему писать стихи». Блок не засмеялся, а вполне серьезно ответил: «Я понимаю его. Мне мешает писать Лев Толстой».

Испокон веков патриотические, гражданские песни народ по праву считает своей музыкальной летописью. В этих песнях осмысливаются важные этапы истории страны, отражаются свершения, надежды и душевные порывы целых поколений. Через такую песню выражают советские люди свою любовь к земле, на которой живут и трудятся, к социалистической Родине. Искренние и талантливые песни не увядают с годами, а как драгоценный дар, как заповедь молодым вновь и вновь волнуют умы и сердца миллионов. Михаил Светлов говорил: «По тому, как и что поют молодые люди, мож-

но судить, о чем они мечтают, как живут и чему мы их учим...»

Мы вправе гордиться мужественностью и несхожестью тех путей, которыми идут российские поэты, разнообразием их пристрастий, богатством стилистических решений. Однако жаль, что последнее время хорошая песня уступает на эстраде и в эфире место бездумным, пошлым и бездарным, беспомощным и в то же время наглым ремесленным текстам. Нельзя забыть, что песней «программируется» очень многое — либо хорошее, либо дурное. Что же касается подлинных успехов в этом жанре, то здесь мы в первую очередь обязаны таким поэтам, как Михаил Матусовский, Роберт Рождественский, Константин Ваншенкин, Лев Ошанин, Николай Добронравов, Владимир Харитонов, Григорий Поженян, Соломон Фогельсон, и другим поборникам этого жанра. Однако проблемой современной песни следует заняться глубже, необходимо привнести в песню в еще большей степени интонации гражданственности, политической страстности и, главное, художественного вкуса. Это, несомненно, повлияет и не может не повлиять на повышение идейно-художественного уровня нашей музыкальной эстрады.

Из многообразной проблематики, которая была подвластна российской драматургии, выделю два наиболее характерных для последнего пятилетия направления: новый поворот драматургии к личности организатора современного производства — «делового человека» и развитие политической драматургии.

Облик «делового человека» в драматургии наших дней резко изменился. Отношение к конкретной ситуации — вот что в первую очередь занимает драматургов. В центре внимания — разная степень способностей и возможностей понять те или иные хозяйственные идеи и принципы. Но в этих способностях и возможностях выражается характер, духовный мир человека.

Драматурги, определившие лицо жанра, а во многом и театральный процесс этого периода, обладают четкой гражданской позицией, существенно новой драматургической идеей. Достижения и промахи в пьесах такого направления широко обсуждены в печати, особенно в дискуссии «Литературной газеты». Важно еще раз подчеркнуть, что проблема «делового человека» — это в конечном счете проблема нашего материального и духовного благополучия. В экономике имеются трудности, свя-

занные с объективными факторами, и это можно понять, но никак нельзя примириться с потерями, которые идут от безответственности, обмана, демагогии, от пагубной «этики» эгоизма. А ведь это совсем немалые потери.

Всенародное признание завоевала драматургия Василия Шукшина. Сценарий Александра Гельмана отмечен Государственной премией СССР. Многие литераторы удостоены высоких поощрений за кинодраматургию: Юрий Бондарев, Анатолий Иванов, Петр Проскурин, Семен Днепроv, Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов, Анатолий Гребнев, Георгий Мдивани, Валентин Черных. Признание получили и работы Виля Липатова, Бориса Добродеева, Александра Зака, Исая Кузнецова, Семена Лунгина, Туфана Миннуллина. Лауреатами Государственной премии СССР стали видные драматурги Алексей Арбузов, Генрих Боровик, а ранее звания лауреатов Государственной премии РСФСР за драматургию были удостоены Афанасий Салынский, Анатолий Софронов, Мустай Карим. Широко известны имена Игнатия Дворецкого, Михаила Шатрова, Иона Друцэ, Эдварда Радзинского, Самуила Алешина, Григория Горина, Виктора Розова, Михаила Рощина, Александра Штейна, Александра Володина, Леонида Ленча, Азата Абдуллина; драматургов детского театра — Льва Устинова, Вадима Коростылева, Александра Хмелика, Бориса Рабкина.

На афишах наших театров появились молодые имена: Никита Воронов, Михаил Варфоломеев, Александр Галин, Алексей Казанцев, Владимир Малягин, Лидия Петрушевская, Александр Ремез, Роман Солнцев, Виктор Славкин.

В то же время стоит обратить внимание еще на одно явление, в какой-то мере тормозящее развитие нашей драматургии. Я имею в виду инсценировки современной прозы, в последние годы вытесняющие со сцены оригинальную драматургию. Думаю, что правы те наши драматурги, которые считают, что причина, видимо, в том, что проблемную, острую, современную пьесу, о которой мечтает каждый театр, труднее занять в своем репертуаре, чем инсценировку современного романа известного прозаика. Здесь меньше риска, меньше ответственности за постановку острых, жизненно важных проблем. Роман уже апробирован, имеет хорошую прессу. Остается только инсценировать его и играть. Не умаляя значения хороших спектаклей по известным произведениям

нашей прозы, хотелось бы пожелать нашим театрам смелее работать с драматургами, поддерживая и отстаивая их творческие замыслы, осуществляя на сцене постановку оригинальных, проблемных современных спектаклей.

Сейчас большинство наших театров открыло малые сцены. Было бы целесообразно предоставлять эти сценические площадки молодой драматургии и молодой режиссуре. Это способствовало бы творческому росту и обновлению нашего театра и драматического искусства.

Мы справедливо много говорим в последнее время о социальной активности нашего человека, о его социальном альтруизме, обоснованно противопоставляя эти качества вещизму, обывательщине, в том числе и в искусстве. Каковы границы влияния обывателя? Ведь обыватель не только стремится поспеть за модой — он хочет сам диктовать моду, создавать общественное мнение. Обыватель всегда в наступлении. Он никогда не сидит в обороне. Это необходимо четко представлять себе. Между тем случается, что иные драматурги и театры подлаживаются под обывательский вкус.

Задача современной российской драматургии — бдительно оберегать ее истинные завоевания, так же как и классику. Не так давно мы были свидетелями, а некоторые из нас и участниками дискуссии о постановке классики на сценах наших театров. Классика, как известно, бессмертна, и это обязывает театры относиться к ней с должным уважением, что, естественно, не исключает талантливого режиссерского поиска.

Я бы изменил себе, если бы не сказал несколько слов о сатире великого Салтыкова-Щедрина, утверждавшего: «Ничто так не обескураживает порока, как сознание того, что он угадан и по поводу его уже раздался смех».

Итак, сатира — это критика и самокритика в ее художественном воплощении. Ее не надо путать с обывательским зубоскальством и сомнительным юмором, которым не в меру грешат еще наши эстрадные программы. Но сатира хороша только тогда, когда она современна. При этом обязательна четкая идейная позиция автора при непременном условии такой же ясной идейной позиции режиссера-постановщика, если речь идет о киносценарии или пьесе. В противном случае хорошую, злободневную сатиру может загубить ее неверная трактовка на экране или на сцене. И наоборот, верно расставленные смыс-

ловые и идейные акценты обеспечивают сатирическому фильму или спектаклю подлинное признание зрителей, о чем недавно писала газета «Труд».

В последние годы мы не раз бывали свидетелями того, как произведения самых разных жанров, смелостью постановки важных жизненных проблем поначалу даже отпугивающие и настораживающие некоторых чрезмерно осторожных людей, получали впоследствии самую высокую оценку партии и правительства, отмечались Государственными премиями. Вспомним хотя бы «Пряслиных» Федора Абрамова, или «Живи и помни» Валентина Распутина, или «Царь-рыбу» Виктора Астафьева, или спектакль «Пена» на сцене Московского театра сатиры, или выпуски Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль».

В смелой, принципиальной критике наших недостатков выражается непоколебимая вера в силу нашего строя, в правоту нашего дела! Вот почему работа советских сатириков представляется нам глубоко патриотичной, нужной народу, ибо она совершается в его интересах.

Одна из прекрасных особенностей литературы Российской Федерации — ее многонациональный характер. Нельзя не радоваться тому, как бурно расцвели литературы автономных республик и областей РСФСР. И здесь опыт советской многонациональной литературы уже никогда не заменишь никаким другим.

Твердый, взятый со дня основания курс Союза писателей РСФСР на создание благоприятных условий для развития литератур всех автономных республик и областей дал отличные результаты. Успехи многонациональной литературы Российской Федерации, выдвижение писателей, представляющих народы, иные из которых до революции не имели своей письменности, в самые первые ряды, популярность их произведений в стране и за ее рубежами — все это прекрасный итог ленинской национальной политики.

Профессиональные писатели трудятся сегодня повсюду на гигантских просторах России. В этом — залог дальнейшего расцвета национальных школ, появления новых талантливых произведений. Но чем больше их создается, тем актуальнее и острее становится задача их планомерной пропаганды. Вот почему мы в нашем Союзе писателей так много занимаемся проблемами пропаганды, вос-

питания, из года в год стремимся к упрочению наших контактов с читателями.

Характерной чертой развития российского литературного процесса стало выравнивание художественных возможностей разных национальных литератур. Такому росту способствует подлинный расцвет переводческого искусства.

За последнее пятилетие на многие языки народов СССР переведены десятки авторов. Поэзия и проза выдающихся представителей наших литератур стали достоянием широких читательских кругов. Якуты Семен и Софрон Даниловы, балкарец Кайсын Кулиев, аварец Расул Гамзатов и калмык Давид Кугультинов, бурят Николай Дамдинов и адыг Исхак Машбаш, кабардинец Алим Кешоков и татарин Гариф Ахунов, долганка Огдо Аксенова, манси Юван Шесталов и чукча Антонина Кымытваль благодаря блестящим переводам на русский язык перешагнули границу не только своих республик, но и государственные границы нашей Родины. В этом заслуга большого отряда российских поэтов-переводчиков: Якова Козловского, Наума Гребнева, Юлии Нейман, Елены Николаевской, Якова Серпина, Владимира Солоухина, Гарольда Регистана.

Новые творческие импульсы, получаемые национальными культурами в процессе их взаимодействия и взаимообогащения, рожают и новое качество российской литературы как синтез различных стилевых тенденций и национальных черт, когда не может быть и речи о какой-то национальной ограниченности или национальном эгоизме. Наша главная цель — делать все для развития и расцвета литератур наций и народностей СССР во имя единой многонациональной советской литературы.

Главная задача многонациональной литературы РСФСР, при всем различии ее художественных средств, — это правдивое и глубокое раскрытие сегодняшней жизни страны, показ наших героических будней, успехов в создании материально-технической базы коммунизма и сопряженных со всем этим процессов духовного роста советских людей.

Здесь неопределима роль русской литературы. Богатейшие ее традиции, величайший ее опыт способствовали становлению литератур десятков народов; творчество ведущих русских писателей давно и по праву стало признанной основой высоких художественных критериев, по

которым ныне судят о любом литературном произведении, где бы, кем бы оно ни было создано.

Думаю, уместно напомнить, что только за истекшие пять лет на десятках иностранных языков заговорили герои и персонажи многих произведений писателей РСФСР. И в этом немалая заслуга нашего Всесоюзного агентства по авторским правам.

Сложившийся золотой фонд российской литературы велик. И хозяйское его использование начало проявляться в довольно широкой программе изданий одно-, двух-, трехтомников и собраний сочинений. Правда, в одиннадцатой пятилетке не могут быть изданы сразу все произведения, достойные войти в подобные издания. Мы будем делать все возможное, чтобы продолжить эту работу.

В оценке современного литературного процесса активно участвуют сами читатели. Это, в частности, выражается в присуждении литературных премий многими рабочими коллективами заводов, совхозов и колхозов.

Не утихает неистовство империалистической пропаганды, эксплуатирующей лживый миф об ущемлении прав человека в социалистических странах, о «культурной отсталости» некоторых народов нашей страны. Замалчиваются величайшие достижения социалистической культуры. Однако не это главное в стратегии буржуазных идеологов, в стратегии международного сионизма. Основное в их деятельности — антикоммунизм и антисоветизм.

Повышенное внимание к теоретическим проблемам многонациональной российской литературы неотторжимо от самых современных проблем воспитания и образования и не менее тесно связано с неотложными задачами сегодняшней классовой борьбы трудящихся многих стран «третьего мира», Юго-Восточной Азии.

Опыт российской литературы бесценен и как образец с блеском реализованных проблем сохранения национальных языков и культур, и как повседневная практика.

Вот один из примеров. В Адыгейской автономной области проживает до ста тысяч адыгов. Многие тысячи адыгов в силу исторически сложившихся условий живут также в других странах — у этих людей нет никаких возможностей писать и издавать книги на родном языке. Так вот адыги, живущие за рубежами нашего государства, научились писать и читать по советским изданиям, ко-

торые им присылают родные и друзья. Адыги в этих странах хорошо знают теперь своих писателей, живущих в СССР. Ведь хорошая, талантливая книга — это очаг, не позволяющий угасать родному языку.

Советская многонациональная детская и юношеская литература как предмет исследования несет в себе куда большую новизну, чем любая другая подобная литература мира. Достаточно сказать, что за последние годы многие солидные издательства Европы и Америки, словно открыв для себя эту сферу нашей литературы, выпустили десятки книг для юных читателей, созданных писателями России.

Детство и юность — счастливая пора. Это не снижает, однако, сложности и даже драматизма, заключенного в самом возрасте, когда формируются характер и понятие коллективизма, остро сталкиваются в еще незрелом восприятии доброе и злое начала людских отношений. Литература способна не просто зафиксировать эти противоречия, но убедительно воссоздать конкретные обстоятельства, им сопутствующие, помочь юным направить свои шаги по дороге мужества, труда, доброты, любви к своей социалистической Отчизне.

Для последнего пятилетия характерна невиданная прежде творческая активизация детских и юношеских писателей России. Это подтверждают многие литературные факты, и прежде всего те произведения большой детской и юношеской литературы, которые способны и научить, и поддержать, и подсказать, и доставить эстетическую радость. Наиболее зрелым книгам для детей и юношества нашего времени присуща способность выражать собой как жизненную новизну, так и то особенное, что возникает в недрах самого искусства, определяет его поступательное развитие.

Эти книги и их авторы справедливо замечены и отмечены.

Одним из основоположников советской детской литературы является Агния Барто, чье творчество венчает Ленинская премия. Государственная премия СССР присуждена Анатолию Алексину за цикл его последних повестей. Государственная премия РСФСР имени Крупской присуждена Агнии Кузнецовой, воспевшей великий учительский подвиг в повести «Земной поклон». Высоких званий лауреатов за талантливое служение детству удостоены Сергей Алексеев, Зоя Воскресенская, Мария При-

лежаева, Альберт Лиханов, Владимир Амлинский, Николай Сладков. Международными дипломами жюри Г.-Х. Андерсена отмечено творчество Якова Акима, Бориса Заходера, Валерия Медведева, писателей автономных республик — Мустая Карима и Рашида Рашидова. Плодотворно работают Юрий Коринец, Юрий Яковлев, Ирина Токмакова, Юрий Коваль, Юрий Дмитриев, Эдуард Успенский, Валентин Берестов.

Словом, книги для детей и юношества следует поверять прежде всего критериями большого искусства, а уж потом возрастной спецификой. Однако детская литература все еще нуждается в глубоком аналитическом разборе.

Очень полезным, живым делом стало содружество ленинградских литераторов с учащимися ПТУ. Уже четвертый год подряд в десятках профессионально-технических училищ Ленинграда место преподавателя литературы в один из дней занимает писатель, чтобы поделиться с ребятами мыслями о литературе, о жизни, чтобы рассказать о своей работе, ответить на самые разнообразные вопросы. Такие встречи не проходят бесследно, они по-ушинскому, по-сухомлински воспитательны! Хотелось бы, чтобы этот опыт был внедрен в жизнь и других писательских организаций РСФСР.

Мы много и правильно говорим о том, что современный подросток изменился, но, право, не стоит забывать и о том, что он остался все тем же подростком, и задачи, стоящие перед ним, во многом те же, что стояли прежде. Только диалектически сочетая понимание новых условий и задач с уже накопленным богатейшим опытом, мы можем добиться существенного эффекта и уберечь детскую и юношескую литературу от нудной назидательности и посредственности, против которых так гневно выступали в свое время Максим Горький и нарком просвещения Луначарский, провидевшие будущее и величайшие возможности советской детской литературы. Поистине сегодня искусство слова, обращенное к детям, стало единым делом государства, партии, общества, народа!

Несколько слов о таких жанрах, как научная фантастика, приключение, детектив. Общеизвестна их популярность у нашего читателя. За минувшие годы книги российских писателей-фантастов и приключенцев Еремея Парнова, братьев Стругацких, Сергея Абрамова, Арка-

дия Адамова, Александра Насибова, братьев Вайнеров, Геннадия Гора, Василия Ардаматского и других приобрели общесоюзную известность.

Все наше творчество базируется на проверенных временем ленинских принципах партийности и народности. Изучение колоссального художественного опыта, накопленного российской литературой, стало особенно насущным в современных условиях, когда изменилась содержательная, жизненная основа народности, сложилась новая историческая общность — советский народ.

Наша критика значительно выросла, появились новые талантливые и эрудированные специалисты, изданы ценные работы, которые находятся на уровне самых высоких международных требований.

Ленинские премии Ираклия Андроникова, Михаила Храпченко, Государственные премии СССР Ильи Зильберштейна и Виктора Шкловского по праву увенчали их выдающиеся работы. За участие в разработке и осуществлении научных принципов издания 200-томной «Библиотеки всемирной литературы» Государственной премией СССР отмечены Николай Любимов, Александр Пузиков. Государственных премий РСФСР удостоены книги Юрия Барабаша, Феликса Кузнецова и Юрия Прокушева. Плодотворно работают литературоведы и критики: Дмитрий Лихачев, Алексей Бушмин, Виталий Озеров, Юрий Суворцев, Владимир Орлов, Михаил Пархоменко, Александр Овчаренко, Борис Бурсов, Георгий Ломидзе, Валерий Дементьев, Сергей Макашин, Борис Панкин, Георгий Бердников, Евгений Сидоров, Валентин Оскоцкий, Игорь Мотяшов, Инна Вишневская, Рафаэль Мустафин, Анатолий Бочаров, Алексей Метченко, Николай Потапов, Леонид Теракопьян, Григорий Бровман, Петр Палиевский, Владимир Пименов, Анатолий Абрамов, Иван Козлов, Лев Озеров, Евгений Осетров и другие.

И все же полезнее заострить внимание на тех нерешенных вопросах и недостатках, которые задерживают движение нашей критической мысли. Ведь в искусстве нет ничего губительнее, чем посчитать, что вершина уже достигнута. Первое требование, которое предъявляется любому работнику идеологической области, — ясность идейно-методологических установок. Порой даже в интересных критических статьях чувствуется недостаточно ясная идейная направленность.

Мы знаем, что в художественном произведении идей-

ная направленность проявляется не столько в политических заявлениях писателя, сколько в его способности художественно осмыслить действительность с точки зрения интересов социализма. Идейность в искусстве не может существовать вне художественного воплощения. И здесь особенно велика роль критики. Я имею в виду критику умную, опирающуюся на марксистско-ленинскую методологию с ее непременными классовостью и глубоким историзмом при оценке тех или иных явлений жизни и искусства как прошлого, так и настоящего времени. Между тем кое-какие из появившихся в настоящем пятилетии работ, к сожалению, страдали определенными методологическими просчетами: историзм и классовость порой подменялись в них умозрительными схемами. На иных работах все еще лежит печать прошлых групповых споров. Поборники групповых интересов всегда ищут какое-либо идейное прикрытие в экстремальном виде, что несовместимо с ленинским пониманием искусства полемики.

А откуда у критиков иной раз появляется эдакая умильная застенчивость? А откуда потребность лишь в апологетических оценках серьезных произведений, которые порой закономерно вызывают споры и дискуссии? В то же время наша критика обходит многолетним молчанием творчество очень многих талантливых писателей, в том числе находящихся в этом зале.

Активность критики определяет уровень ее социальной значимости. Об этом говорилось в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Сегодня мы с грустью констатируем, что порой отрицательный критический отзыв производит впечатление некой катастрофы. И это тоже признак неблагополучия. Выступление критика не должно считаться «истиной в последней инстанции» и закрывать перед автором двери журналов и издательств.

Российские журналы давно стоят на переднем крае литературной работы, они в гуще литературного процесса. Тем выше ответственность их главных редакторов и членов редакционных коллегий. К сожалению, в последнее время появлялись публикации, вызывающие закономерное удивление, а подчас и острую критику общественности. Это свидетельствует о том, что не все редакторы и члены редколлегий чувствуют свою ответственность перед читателем за уровень публикаций. Во

главу угла редакции обязаны ставить творческую работу с автором над рукописью, не заискивая перед литературными авторитетами и не поощряя явно незрелые произведения. Мы и впредь должны свято блюсти чистоту принципов марксизма-ленинизма в литературной теории и практике.

Критика, говорил М. Горький, должна рассматривать явления текущей литературы, исходя из вопроса, насколько та или иная книга способна воспитать в человеке волю к творческой, культурно-революционной жизнедеятельности. Оценивая ту или иную книгу, критик должен в первую очередь думать о жизни, ею отражаемой и выражаемой.

В преддверии XXVI съезда партии испытываешь особую потребность еще раз приобщиться к мыслям о критике, высказанным Лениным. Наверняка они помогут нам сегодня глубже осознать общественный смысл стоящих перед критикой и литературоведением проблем, будь то воздействие на современное художественное сознание или осмысление опыта классики и ее истоков, будь то соотношение национального и интернационального или прямая полемика с идеологией буржуазного Запада... Ленин был неколебим во всем, что касалось его революционных убеждений, принципиальных научных и политических воззрений.

История советской литературы учит, что все этапы ее развития неотрывны от образа бессмертного вождя революции, от его теоретических воззрений и идеалов. Каждое поколение советских писателей усилиями лучших своих представителей начинало поиски героя с постижения великого ленинского характера. Эта общая закономерность хорошо проявилась и в минувшем пятилетии.

Труд писателя весь на виду! Вывод из этого, я думаю, следует делать только один: к личности писателя, к его работе предъявляется самая высокая мера требовательности. Ведь роман, пьеса, поэма, критическое исследование, в сущности, сразу же выявляют все плюсы и минусы творческой личности, ее духовную и социальную значимость или несостоятельность.

Нравственный облик каждого подлинного героя прозы, поэзии, детской и юношеской литературы, драматургии нашего времени нельзя отделять от его революционной, преобразовательской деятельности, от целей той борьбы, которую он ведет.

Талантливый человек не имеет права на ограниченный политический кругозор. Чтобы создавать достойные эпохи художественные ценности, сегодня, как никогда, необходимы высокая общая культура, глубокие научные знания, марксистско-ленинское мировоззрение, новаторский дух, подлинная интеллигентность, которая всегда отличала передовые умы революции. Наряду с этим любое ослабление критериев, примиренческое отношение к враждебной идеологии приводят к потере социальной перспективы и серьезным идеологическим ошибкам, которые немедленно берутся на вооружение нашими противниками.

Время диктует тему, и как только та или иная проблема серьезно назревает в обществе, обязательно появляется и волнующее произведение. Опыт последнего пятилетия развития литературы РСФСР снова это подтвердил. Именно в рамках марксистско-ленинского учения нашла решение этическая проблема смысла жизни и общественной деятельности, без чего был бы невозможен социальный прогресс. Чтобы жить, людям, помимо удовлетворения материальных потребностей, необходимо понимать смысл своего существования. Без высокой цели жизнь человеческая, которой природа отвела определенный срок, не может быть яркой, одухотворенной, полезной обществу.

Коммунизм нельзя создать, строя только заводы и сельскохозяйственные комплексы. Надо построить коммунизм в сердцах, в сознании новых поколений. Именно об этом говорил Ленин с первых дней победы Октябрьской революции. Именно эту задачу выполняет советская многонациональная литература на всем пути своего развития.

Наша литература, вся наша культура — явление чрезвычайно динамичное. Это значит, что сама жизнь непрерывно выдвигает перед нами новые проблемы. Волею истории, волею Коммунистической партии и народа мы, писатели, являемся не просто творцами произведений художественной литературы. Вместе с народом мы являемся строителями художественной культуры нового общества.

Философия нашего искусства — философия свободы и гуманизма. На знамени нашего искусства партия ленинской рукой начертала бессмертные принципы: Классовость! Народность! Партийность!

В МИРЕ СВОИХ ГЕРОЕВ

Жизнь книги в читательском мире... Почему одна книга сразу завоевывает этот мир и живет в нем десятилетиями, а иногда и столетиями, с легкостью преодолевая языковые барьеры, государственные границы, снежные хребты и тысячеверстные океаны, тогда как сотни и тысячи других, казалось бы, талантливо и мастерски написанных книг, несущих благородные и гуманные идеи, юный человек принимает с вежливой холодностью, читает, и, вероятно, не без пользы, если они ему попадают, но сам их не разыскивает, не требует, не бросается к ним, как изнемогающий от жажды путешественник к роднику?

Думаю, нет и не может быть общего закона, правила, объясняющего сразу популярность и «Тома Сойера», и «Алисы в Стране Чудес», и «Пеппи Длинныйчулок», и «Чиполлино», и «Швамбрании», и «Тимура и его команды», и десятков других знаменитых книг. Скорее всего успех произведения сугубо индивидуален, он зависит не только от его собственных достоинств, но и от сложной суммы отношений, в какие вступают между собой читатель, эпоха и отображающая ее литература.

Эти отношения критики должны глубоко исследовать, привлекая на помощь данные всех гуманитарных наук и в первую очередь социологии, психологии, социальной психологии, педагогики, литературоведения, истории, футурологии. Эти исследования и познанные в их результате закономерности, конечно, не научат писателей безошибочно создавать только шедевры. Но они, несомненно, поднимут общий уровень детской литературы, при котором возрастет и вероятность появления шедевров.

От исследователей детской литературы мы ждем интересных открытий не только в литературной сфере, но и в огромном, пребывающем в вечном движении и пото-

му неисчерпаемом мире детства. Не только в Советском Союзе, но и во многих других странах трудно найти сегодня образованного человека, который не знал бы книги Корнея Чуковского «От двух до пяти», этой психологической энциклопедии детства. Книга Чуковского переведена на десятки языков. Некоторые ее выводы, сделанные автором на основе тщательных, продолжавшихся до конца его жизни наблюдений, лишь в последние годы по достоинству оцененные педагогикой и подтвержденные новейшими исследованиями, оказывают прямое воздействие на систему дошкольного воспитания. Но еще прежде того они оказали могучее влияние на литературу, помогая сформироваться нескольким поколениям детских писателей.

Может показаться парадоксальным: писатель обращается к исследователям с призывом тщательнее, глубже, всестороннее изучать современного ребенка. Будто бы сама литература не есть такое исследование, откуда, кстати, всегда черпали свои аргументы и психологи, и педагоги, и теоретики детской литературы. Да, это так. Вместе с тем я убежден, что талант художника позволяет увидеть в ребенке одно, а интеллект педагога — литературоведа, критика — другое. Добытые таким образом знания взаимно дополняют, уточняют, обогащают друг друга.

Взаимодействие литературы и критики, влияние последней на писателя отнюдь не примитивно прямолинейное. Лишь автор-ремесленник будет искать в статьях и монографиях по детской литературе рецепты, как ему писать. Большинство авторов в момент создания книги (знаю это по себе) не думают о том, как приноровиться к маленькому читателю, а сами на время словно бы превращаются в ребенка, увлеченно отдаваясь нахлынувшему вдруг ощущению детства, радостной, увлекательной игры, которое не покидает их до конца работы.

Но это вовсе не означает, будто писатель обходится исключительно запасом впечатлений, вынесенных из собственного детства. Все, что мы узнаем о нынешних детях, из общения с ними, из чтения художественной и научной литературы, из других источников, входит в память, усваивается сознанием, становится частью нашей человеческой сущности и в конце концов сказывается на том самом ребенке или подростке, в которого перевоплощается каждый из нас в момент творческого

вдохновения. От того, сколь значителен и точен запас этих новых впечатлений, зависит, богат духовно или беден юный герой наших книг, приближается он к сегодняшнему читателю или отдаляется от него.

Не случайно крупные детские писатели во все времена и сами выступали как критики и теоретики. Им важно было понять, осмыслить, связать познанными закономерностями те процессы, которые происходят с детьми в жизни и отображаются в детской литературе.

Нужны работы теоретического и философско-публицистического содержания. Работы, которые, исследуя и обобщая современный литературный процесс в различных странах, давали бы характеристику и анализ его тенденций, показывали, как связаны эти тенденции с образом жизни, присущим той или иной стране, как взаимодействуют они в пределах общемировой литературы для детей и юношества.

А взаимодействие это в результате развития культурных контактов имеет место при всех социальных, политических, этнических, историко-географических различиях между странами. Я думаю, что такие крупные фигуры в детской литературе, как Гайдар, Маршак, Барто, Алексин, Джанни Родари или Астрид Линдгрэн, в определенном смысле диктуют сегодняшний уровень детской книги не только у себя на родине, но и в тех странах, где их творчество переводится и известно.

В критиках детской литературы хочется встретить таких идеальных читателей, которые отлично понимают, что хотел и сумел сказать автор, и которые умеют передавать это понимание другим. Сближать литературу с читателем — значит эстетически воспитывать читателя, помогать ему отличать подлинные шедевры от «китча», учить высокому искусству чтения, умению наслаждаться действительными художественными ценностями. Достигать этой цели можно двумя путями: обращаясь как к руководителям чтения, так и непосредственно к маленьким читателям, ведя с ними доступный их пониманию и увлекающий их разговор о литературе и жизни.

Сразу после Великой Октябрьской революции Надежда Константиновна Крупская первой заговорила о том, что нужна специальная критика детской литературы, адресованная юным читателям. Ныне у нас такая критика есть. Она стала привычной. У нее свои развитые жанры и формы обращения к читателю.

Разговор с детьми — разговор особый. Он совершенно не терпит никакой наукообразности, шаблона, абстрактности. Бедность и сухость языка, отсутствие живой страсти, волнения, ложно понятый академизм, псевдонаучная терминологическая эквилибристика — извечные враги литературной науки вообще, препятствующие контакту критика и литературоведа с писателями, библиотекарями, родителями. Исследователь детской книги обязан быть одновременно и популяризатором. Он должен связывать писателя и читателя. Но если он не находит общего языка ни с одной из этих сторон, то как он может связывать? Не уподобляется ли он человеку, который претендует на роль переводчика, не владея ни одним иностранным языком?

Сегодня особенно важно сотрудничество исследователей и критиков детской литературы разных стран. Оно открывает путь к знакомству литератур друг с другом. Даже простая объективная и добросовестная информация о достижениях детской литературы той или иной страны обращает на эту литературу внимание переводчиков и издателей, библиотечных работников и читателей. Это важная, благородная миссия.

С тех пор как в 1971 году было создано Международное общество по изучению детской литературы (МОИДЛ), культурные связи в этой сфере заметно оживились.

Профессор Клаус Додерер издал в ФРГ три тома «Словаря детской и юношеской литературы». Скоро выйдет четвертый, заключительный том. Это первый, по сути, словарь мировой литературы для детей. Мы благодарны авторам и редакторам этого издания за объективное и, я бы сказал, основательное освещение в нем советской литературы для детей, являющейся до последнего времени в значительной мере «terra incognita» для западного читателя.

«Словарь детской и юношеской литературы» — подлинно интернациональное издание и по составу его авторов. Он создается усилиями специалистов разных стран, большинство из которых является членами МОИДЛ. Разве это не есть реальный вклад в международное понимание и разрядку, в укрепление доверия и мира?

В Советском Союзе немало делается для того, чтобы наш многонациональный читатель имел и широкое представление о детской литературе других стран.

Реализуя положения Хельсинкского соглашения о расширении обмена культурными ценностями, Советский Союз постоянно наращивает выпуск книг современных детских писателей самых различных стран и регионов.

Большую роль в пропаганде переводных книг играет критика. Но мы бы хотели, чтобы этот процесс был взаимным. Чтобы по меньшей мере те советские книги, которые переводятся в западных странах, привлекали интерес критики и разговор о них становился достоянием руководителей детского чтения и самих юных читателей.

Место критика, исследователя детской литературы в сегодняшнем мире обусловлено возрастающим общественным значением детской и юношеской литературы, все более массовым осознанием детства как предпосылки завтрашнего дня планеты. Наряду с писателем любой специалист по детской литературе причастен к воспитанию ребенка, к формированию его чувств и помыслов. Вместе с авторами книг для детей критик и исследователь детской литературы несут ответственность за то, какие жизненные идеалы вынесет юный человек из прочитанных книг. За то, как много читателей приобщится к настоящей, хорошей литературе. И за сокращение числа потребителей той пестрой макулатуры, которая явно или закамouflированно сеет в юной душе семена безнравственности, насилия, жестокости, ненависти.

Нет более благородной задачи, чем борьба за такую литературу для детей, которая воспитывала бы убежденных поборников мира, интернационалистов и гуманистов, активных творцов человеческого счастья.

А ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ САТИРУ?

Мы, писатели, в своей профессиональной среде много говорим об активном вторжении в жизнь. Что значит для меня активно вторгаться в жизнь? Это значит не оставаться равнодушным к тому, что видишь, не проходить спокойно мимо того, что задевает, откликаться на то, что требует твоего личного вмешательства, реагировать на общественные явления, исповедуя одну непреложную истину: писатель должен жить так, чтобы его слово не оставалось для читателя пустым звуком, чтобы оно было нужным людям!

Я не убежден, что эта точка зрения близка всем писателям мира, более того, не сомневаюсь, что имеются совсем иные воззрения. Но я — советский писатель, и для меня в литературе нет иной дороги. Наверняка найдутся скептики, которые бросят мне упрек во фразерстве. Среди них я вижу тех, кто любит рассуждать о самовыражении, о том, что широкий читатель еще не всегда может понять самобытность автора, его формотворчество, его художественный поиск.

Разумеется, читатель, которого мы именуем массовым, широким, имеет разную степень подготовленности к восприятию художественной литературы. Безусловно, не всем и не все доступно в ней: кто-то снимает верхний слой, у кого-то глубокое бурение, а чей-то глаз зрит даже то, что автор и не писал вовсе, — все это так, и тем не менее массовый читатель не столь уж склонен к примитивности и упрощению в литературе, да и сам он далеко не прост, этот сегодняшний книголюб: ученый, инженер, хлебороб, рабочий, студент, школьник. Именно для такого читателя хочется писать, этим людям хочется быть нужным, на их чуткий, взыскательный суд хочется представить свои произведения.

Все жанры хороши, кроме скучного, сказал классик.

И все, смею добавить, требуют от автора полной самоотдачи, все должны быть вскормлены жаждой гармонии, красоты, нравственного совершенства, должны являть гражданственную, эстетическую позицию художника. Ощущение сопричастности происходящему, обостренное чувство ответственности лежит в основе жанра сатиры, которая призвана не наставлять читателей, не насмешничать или злорадствовать по поводу негативных явлений, но показывать своими средствами их несоответствие главным принципам жизни.

«Предмет комедии, — писал Белинский в статье «Литературные мечтания», — не есть исправление нравов или осмеяние каких-нибудь пороков общества; нет: комедия должна живописать несообразность жизни с целью...» Эта несообразность — главный предмет сатиры, которая служит созидательным задачам времени.

В одной из моих пьес выведены люди, которые, не имея на то никаких оснований, стремятся стать деятелями науки, кандидатами и докторами, метят даже в члены-корреспонденты Академии наук. Кто-то более талантливый пишет им диссертации, они присваивают эти не свои труды, защищают их и занимают в научных учреждениях места подлинно одаренных теоретиков, исследователей, которые могли бы принести отечественной науке новые открытия, успехи, достижения. Является ли это общественным злом? Безусловно. Так что же, проходить мимо такого явления в науке? Я написал пьесу «Пена».

Как и следовало ожидать, кое-каким мужам-ученым (по званию, а не по призванию) она не понравилась — не ее художественные параметры (тут мне стоило бы призадуматься), а ее направленность. Не понравилась — и хорошо! А разве может сатира радовать всех? Разве может она развиваться под общие аплодисменты? Тут уж одни хлопают, а другие обиженно руками разводят. Кому-то сатира обязательно «насолит», кого-то затронет, разозлит. Об этом уже не раз и не мной одним сказано.

Однако случается, и, к сожалению, в наши дни нередко, что чувствуют себя оскорбленными и те, кого сатирик не думал выставлять на всеобщее обозрение, высмеивать, обличать. Как будто если персонажи пьесы сотрудничают в научном институте, то автор ополчается против всего ученого мира. Стоит только, скажем, взяточника сделать в спектакле работником коммунального

хозяйства, как чуть ли не все, имеющие эту профессию, обижаются за свой профессиональный цех. Как тут не вспомнить Гоголя, который говорил в «Петербургских записках 1836 года»: «Если, например, сказать, что в одном городе один надворный советник нетрезвого поведения, то все надворные советники обидятся, а иной, совершенно другой советник, даже скажет: «Как же это? У меня есть родственник надворный советник, прекрасный человек! Как же можно сказать, что есть надворный советник нетрезвого поведения!»

Прошло с той поры без малого полтора столетия, а реакция та же, видно, не властно над обывателем время.

Я хотел бы увидеть на сцене пьесу Н. Эрдмана «Самоубийца». В свое время М. Горький высоко оценил ее как талантливую гражданскую сатиру против отмирающих классов и рекомендовал для публикации в альманахе «Год XVI-й». По мнению К. С. Станиславского, автору удалось раскрыть разнообразные проявления и внутренние корни мещанства, которое противится строительству страны. «Прием, которым автор показал живых людей мещанства и их уродство, представляет подлинную новизну, которая, однако, вполне соответствует русскому реализму в его лучших представителях, как Гоголь и Щедрин», — так считал К. С. Станиславский, отмечая, что этот прием близок традициям МХАТа.

Написанная в 1931 году пьеса не увидела свет ни в печати, ни на сцене. Странно, что никто в течение пятидесяти лет не вернулся к ней. Как мне кажется, эта вещь должна сегодня прозвучать гневным обличением потомков тех, кого клеймил автор — выдающийся комедиограф Н. Эрдман.

На встрече в Останкинской телестудии меня спросили, почему я сочиняю сатирические пьесы. Наверное, потому, что в моем характере, в натуре — потребность воевать с тем, что кажется мне антигуманным, безнравственным, мещанским, мешающим людям жить, творить, максимально выявлять свои человеческие возможности.

Думаю, что сатириком никогда не станет трусоватый человек, потому что сатира — всегда бой, и жанр этот не случайно зовут боевым. Маяковский требовал от сатиры смелых действий:

Обличитель,
меньше крему,
очень темы хороши.
О хорошенькую тему
зуб
не жалко искрошить.

Сатира по сути своей не может быть кремовой, приятной, добренькой, но сатирики, как это ни покажется парадоксальным, не могут быть злыми, озлобленными людьми. Кому придет в голову назвать злыми Маяковского, Зощенко, Шварца, Ильфа, Петрова — авторов любимых народом сатирических вещей? Злом не воюют во имя добра.

Спрашиваю у руководства города, куда приехал по творческим делам: а вы сатиру любите? Как же, отвечают, конечно, нам критика строить и жить помогает. На словах любят, а на деле давно ли ставил местный театр современную комедию, часто ли видят жители на городских киноэкранах выпуски «Фитиля»?

Смелая сатира, рожденная государственными интересами, принципиальными соображениями, поддерживается, приветствуется и читателем и зрителем. Опыт сатирического киножурнала «Фитиль» (я руковожу им почти двадцать лет, и это тоже моя жизнь в литературе, в частности, в публицистике), так вот, опыт «Фитиля» свидетельствует, что всенародное осуждение — действенное оружие в борьбе с тем, что противоречит нормам нашего образа жизни, нашей морали. Нелицеприятная критика по адресу виновников злоупотреблений вызывает у них подчас уродливую «защитную» реакцию: не пускать фильм в своем районе, городе, области, не выносить сор из избы, дабы не быть узнанным и прилюдно осужденным.

К слову сказать, такая конкретная прицельная критика, направленная против действий реальных людей, должна основываться только на тщательно проверенных фактах, иначе можно бросить тень на невинного человека. К сожалению, бывает, иные авторы подчас излишне вольно обращаются с фактами, выдавая за них свои домыслы.

Отдавая предпочтение документальным сюжетам, в которых, как правило, затрагиваются подлинные лица, редакция «Фитиля» обращает особое внимание на точность, достоверность фактов, их неопровержимость. Та-

ков принцип подлинно партийной критики, которому, думается, должны следовать все, кто работает и в документальной литературе, и в публицистике.

В сценических судьбах моих комедий были случаи, когда они подолгу игрались в столичных театрах, получали положительный отзыв в центральной печати, а вот на периферии их не показывали.

Не надо бояться увеличительных стекол, не надо шараться от них, они помогают лучше разглядеть предмет. Сатира требует крупных мишеней, требует заостренности, порой даже гиперболizations. Но опять звучит один и тот же ортодоксальный вопрос, задаваемый блюстителями «благопристойности»: а типично ли это, а стоит ли это показывать? И снова — в который уж раз — приходится объяснять: да, не типично, так же как не типичен фурункул на здоровом теле. Но если его вовремя не заметить и не избавиться от него, то труднее и мучительнее потом будет лечить фурункулез.

Умные и мудрые наши классики литературы и марксистской мысли — все это они давно уже растолковали, сформулировали. Почаще бы обращаться к их трудам, почаще бы брать за руководство в нашей повседневности.

Я благодарен Центральному телевидению, показавшему многомиллионной аудитории мои сатирические пьесы «Пена», «Пощечина», «Эцитоны бурчелли», которые почти не игрались на периферии. Не за себя только ратую — за весь наш беспокойный, мужественный и уверен, очень важный, необходимый литературный род. Радуюсь, что на всесоюзном телеэкране только за последние месяцы появились фильмы по комедии — М. Рощина «Старый Новый год...» и «Мы, нижеподписавшиеся...» А. Гельмана.

В чем причина зрительского успеха — и театрального и телевизионного — пьесы А. Гельмана? Говорят, в ее современности, в остроконфликтности, в том, что нехотульный герой-чудак ведет правый бой с нехотульными носителями общественного зла, с персонажами яркими, полнокровными. Я думаю, успех еще и в четко выраженной позиции автора, в нравственной сверхзадаче, заложенной в основу этой густо замешенной на жизненных реалиях комедии.

У А. Гельмана сфера производственная, у В. Розова в «Гнезде глухаря» иная — дом, семья; деловые кон-

фликти, как таковые, отсутствуют, но и здесь та же высокая нравственная сверхзадача, которая делает «семейные сцены» — так определяет драматург жанр своей вещи — актуальными, будоражащими наше сознание, мысль, чувство. А какими иными средствами может воспитывать искусство? Пусть зритель огорчится, пусть разгневется, пусть долго не сможет успокоиться, пусть задумается над зигзагами жизни, ее сюрпризами, — а может, они та неожиданность, которая поддается предвидению? Я видел «Гнездо глухаря» в московском Театре сатиры, где постановщик верно расставил акценты, видел, как отлично принимает этот злободневный спектакль зритель. Пьеса поставлена более чем в пятидесяти театрах страны. А вот в прессе я пока не встречал ее аналитического разбора, ее оценки. Об игре актеров писали, а о работе драматурга и режиссера В. Плучека, кажется, почти ничего не было, только газета «Труд» рецензией Б. Покровского отозвалась на эту превосходную работу.

Как драматург я занимаюсь сейчас не только сатирой. Театр Советской Армии приступил к работе над моей драмой «Эхо». Я жду этого спектакля с не меньшим волнением, чем комедии. Пьеса посвящена патристическому воспитанию, воспитанию чувства воинского долга. Мой герой, молодой советский офицер, совершает подвиг в мирное время, продолжая этим славные традиции своего отца, ушедшего из жизни командующим военным округом.

Хорошо, что в целом ряде театров начинают жить экспериментальные спектакли на малых сценах. Такой экспериментальной сценой в свое время служил МХАТу его филиал. Если мы не будем привлекать для работы в филиале молодых режиссеров, филиал нам не нужен, говорил в свое время Владимир Иванович Немирович-Данченко.

С появлением малых сцен должен активнее развиваться жанр одноактной пьесы. Три одноактные пьесы на сцене Театра на Таганке, составившие спектакль «Надежды маленький оркестрик...» (авторы А. Володин, С. Злотников, Л. Петрушевская), хорошо приняты зрителем. Я получил истинное удовольствие от ювелирной работы молодого режиссера С. Арцыбашева, от актерской работы участников этого спектакля. Театр имени М. Н. Ермоловой поставил на своей малой сцене мою одноактную ин-

терпретацию трех рассказов В. Шукшина под общим названием «Товарищи-граждане». Возможность экспериментировать на малой сцене избавляет театр от большого производственного риска, а в случае удачи позволяет перенести спектакль на основную сцену. Перед молодыми авторами и режиссерами наличие малых сцен открывает широкие возможности и для упрочения своего профессионального уровня, и для личной заявки на право работать в драматургии, в театре.

Почти пятьдесят лет назад мне открылась дверь в заманчивый мир литературы как писателю. Я начинал как детский поэт. И сейчас главным в своем творчестве считаю драматургию и литературу для детей. Сегодня, в преддверии VII съезда писателей СССР, когда я готовился к докладу о детской литературе, мне пришлось как бы восстанавливать картину того, что сделано нашим цехом за последние пять лет, и представить себе еще раз проблемы и нерешенные задачи, которые стоят перед многонациональной литературой для детей и юношества. Успехи очевидны. Наша детская литература твердо стоит на своих идейных позициях, отвечая самым высоким требованиям нашего времени. И все же нам есть о чем подумать, к чему присмотреться.

Один за другим ушли из жизни основоположники советской детской литературы — Гайдар, Кассиль, Маршак, Чуковский, Барто... Раздаются голоса о смене поколений. Но, может быть, стоит поговорить не о смене поколений, а о закономерной преемственности, о развитии тех традиций, которые завещали нам эти мастера слова, чьи произведения для каждого нового поколения продолжают звучать так же свежо и молодо? Есть у нас продолжатели этих замечательных традиций. Возьмем хотя бы книжки, предназначенные для самых маленьких читателей. С полной ответственностью можно назвать Я. Акима, В. Берестова, Г. Виеру, С. Вангели, Г. Граубина, Б. Заходера, И. Зиедониса, Ю. Мориц, И. Токмакову...

В последнее время в нашей литературе для дошкольников и младших школьных возрастов стало, к огорчению, появляться много безликих, посредственных, с позволения сказать, убогих произведений, свидетельствующих о низком художественном вкусе как самих авторов, так и их редакторов. Нам объясняют: нужно ведь дать дорогу молодым, нужно обновление, новые имена, новая

литературная смена. Но нельзя воспитывать молодого автора книг для детей за счет самих детей, за счет нанесения им какого-либо урона.

...Лошадка масти каурой
Любит варенье
и конфитюры.
А лошадка масти чубарой
Очень любит тары-бары,
А лошадка масти
мышастой
Любит чистить зубы
пастой.
А лошадка масти сивой
Очень любит быть
красивой.

Огорчительно, что такие стихи мы предлагаем нашим маленьким читателям. К сожалению, слишком много подобных примеров в изданиях для малышей. Все это никакого отношения не имеет к поэзии, а выпущено многотысячным тиражом. Нам не хватает хороших редакторов детской литературы. Литературный институт имени А. М. Горького не обучает молодых, чье призвание — литература для детей. В дошкольной литературе пытаются закрепиться, обосноваться и начать подгонять литературу под свой уровень предприимчивые ремесленники. Это не может не настораживать, это не должно уходить из сферы нашего внимания и влияния.

Поражает доступность, легкость, с которой издаются вирши иных стихоплетов. А бывает и так: молодой литератор приносит нескладные стишки, а редактор — то ли по утере должной требовательности, то ли по равнодушию — подписывает их в печать, открывая им тем самым путь в детскую литературу, а значит, и в детскую душу. Полагаю, что на предстоящем писательском съезде нам стоит поговорить об этом очень серьезно.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ¹

Ровесник века Владимир Луговской был участником великих исторических событий, определивших судьбу планеты. Он был поэтом, осмыслившим глобальные проблемы современности, — отсюда планетарность, космичность его личности, его поэзии, плотью от плоти унаследовавшей гуманистические традиции великой русской культуры.

В русскую поэзию он внес свою неповторимую интонацию жизнеутверждения, дух революционной романтики, мотив молодости, мысль о бесконечности человеческой страсти — ожидание, волнение, тревога, понимание бесконечности жизни в непрерывных ее переменах, в непрестанном прибое юности, в неумном стремлении вперед, в будущее.

«Я человек другого измеренья, пронизанного ветром Октября...», — говорил о себе поэт.

Поэзия Луговского — это сложный сплав. В ней эпос и лирика, гремящие трубы и тихий голос мудрой человеческой души. В ней любовь и боль и всегда вера в огромное человеческое счастье, непрестанное обновление мира.

Владимир Луговской — явление в поэзии уникальное. Мало найдется таких поэтических имен, так прочно слившихся себя с вихрем эпохи, со стихиями исторического и вселенского масштаба. Революция, весна преобразенной пустыни, жизнь во всех ее измерениях, предвоенная Европа, охваченная дыханием надвигающейся фашистской угрозы, трагедия войны, победа и возрождение жизни.

Своей поэзией Луговской создал биографию времени,

---

¹ Из выступления на вечере в Колонном зале Дома Союзов, посвященном 80-летию В. А. Луговского. 29 июня 1981 г.

биографию революционной эпохи, философски осмыслил исторические события и создал свою главную книгу «Середина века».

Владимир Луговской очень русский национальный поэт, ему свойственна всесильная приверженность к народной судьбе, материнскому лону исконной земли предков. Другой земли для поэта нет и быть не может: «И нет еще страны на зеленой земле, где мог бы я сыном пристроиться». И от этой гордой уверенности — безграничная любовь к другим странам, к другим народам, осязаемая близость иных времен — будущих и прошедших.

Он был связан дружбой с поэтами Средней Азии и Кавказа. Вместе с Самедом Вургуном он впервые составил антологию азербайджанской поэзии на русском языке. Он является также составителем антологии узбекской поэзии.

Он был наставником нескольких поколений советских поэтов и в свое время создал школу мастеров поэтического перевода.

С его доброй руки начал свою жизнь популярный и любимый читателем альманах «День поэзии», в котором ежегодно как бы происходит смотр наших поэтических сил.

Творческое наследие Луговского огромно — книги стихов, поэм, лирические раздумья о прожитом и увиденном, переводы классиков: Шекспира, Вольтера, Байрона, Шевченко, Словацкого, Незвала, Вазова...

Луговской участвовал вместе с Эйзенштейном и Сергеем Прокофьевым в создании киноэпопей «Александр Невский», «Иван Грозный», его стихи послужили основой для создания крупных музыкальных произведений — ораторий, оперы, балета.

Творческое наследие Луговского требует всестороннего и глубокого изучения.

СЛОВО О ФАДЕЕВЕ¹

Александр Фадеев — классик советской литературы. Книги его знают миллионы, они неизменно читаются молодежью, их изучают в школах. Они изданы на русском и других языках народов СССР, на множестве языков зарубежных стран. Его слово сегодня звучит сильно и молодо, как звучало вчера, как будет, можно не сомневаться, звучать завтра.

Плоть от плоти и кость от кости трудового народа, он рано начал путь подпольщика и партизанского вожака. Он родился в Кимрах, на Волге, в бедной семье, связанной с революционным движением. На Дальнем Востоке, в Приморье, где прошла его боевая юность, он был принят в Коммунистическую партию, когда ему не исполнилось и семнадцати лет. Здесь он был тяжело ранен в боях под легендарным Спасском, здесь он был избран делегатом на X съезд партии; он участвовал вместе с другими делегатами съезда в подавлении контрреволюционного мятежа и вторично был тяжело ранен на кронштадтском льду. Ему шел тогда двадцатый год. Затем — студенческая жизнь в Москве, партийная работа на Северном Кавказе в трудные годы восстановления народного хозяйства, публицистическая и газетно-редакторская деятельность. Выросший в большевистской среде, прошедший суровую школу революционной борьбы, начинал Фадеев свою жизнь в искусстве.

Революция и литература были для него неразделимы. Позднее он говорил о себе и своих товарищах: «...полные юношеских надежд, с томиками Максима Горького и Некрасова в школьном ранце, мы вступили в революцию».

---

¹ Выступление на торжественном заседании, посвященном 80-летию со дня рождения Александра Фадеева, в Колонном зале Дома Союзов, 24 декабря 1981 г.

Фадеев мужал быстро, становясь борцом, революционером, общественным и политическим деятелем. Он обладал счастливым даром привлекать к себе людей. Мы помним Фадеева по ежедневной, будничной работе, помним его умение ободрять людей, спланировать коллектив, помним широту его души и доброжелательность, его улыбку, его многократно описанный приветственный жест — раскнутые, обнимающие мир руки, его походку, его седину, которая делала его еще привлекательнее и моложе.

Фадеев во всей полноте воплощал новый, советский тип писателя; он был неповторим, как неповторим каждый подлинный талант, но он был и типичен. Он выражал великое время победы социализма, но он и творил это время своими руками. Этот фадеевский стиль жизнеутверждающей творческой и общественной активности должен быть ориентиром в нашей повседневной работе.

Как писатель Фадеев с первых шагов опирался на великую русскую реалистическую классику, чувствовал себя продолжателем ее традиций. Созданное им входит в золотой фонд советской литературы. Собрание его сочинений — это огромное богатство идей, образов, художественных решений, творческих открытий. Незабываемое впечатление оставляет его переписка, еще не до конца опубликованная, — человеческий и общественный документ огромной силы, его многочисленные речи, выступления, доклады, без которых невозможно правильно понять историю советской литературы.

«Разгром» и «Молодая гвардия» — вершины его творчества; каждая из этих книг составила эпоху в советской литературе. Герои их давно уже живут в народном сознании своей, самостоятельной жизнью. На этих книгах воспитывались поколения советских людей.

«Разгром» продолжает сегодня триумфальное шествие и по нашей стране, и за рубежом, в странах социалистического содружества, всюду, где идет борьба за свободу. То же можно сказать и о «Молодой гвардии», созданной два десятилетия спустя. Герои этой книги — высокий образец для современной молодежи, и сама эта книга — высокий образец того, как надо писать о молодежи и для молодежи.

Рядом с «Разгромом» и «Молодой гвардией» стоят другие книги Фадеева: это оставшиеся неоконченными

романы о гражданской войне на Дальнем Востоке — «Последний из удэге», о рабочем классе — «Черная металлургия», ранние и более поздние повести, рассказы и очерки, в которых живет время, запечатленное пером сильного и мудрого художника, в которых Фадеев развивает свою главную тему — человек в борьбе за коммунизм.

Фадеевский стиль работы с творческой интеллигенцией — это подлинно творческий стиль, стиль партийный.

Горьковское начало живет не только в его творчестве (об этом много и хорошо написано), оно было живо и в его отношении к литературному делу, в его позиции руководителя. Он создал в Союзе писателей подлинно творческий, демократический дух, дух благожелательности и принципиальной требовательности.

Огромен был интернационалистский размах деятельности Фадеева. Он держал в поле своего зрения развитие всех советских литератур, знал их, был дружен со множеством прекрасных писателей всех советских республик. Он писал: «Мы должны высоко нести знамя нашей советской культуры, культуры русского, украинского, грузинского, казахского, азербайджанского и других народов СССР, развивающейся в национальных формах и двигающей вперед развитие всего человечества». Прошлое советских народов, их великое культурное наследие было предметом особого внимания Фадеева, для которого четкость классового подхода и исторически конкретного анализа являлась ключом к самым сложным вопросам. И он словом и делом помогал их правильному решению.

С товарищами по работе Фадеев был неизменно доброжелателен и принципиален. Его плечо, плечо старшего друга, на которое можно было опереться в трудную минуту, чувствовалось всегда. Он очищал литературную среду от зазнайства, позерства, он не выносил лести в отношениях между писателями; с просьбой «порадеть родному человечку» к нему нельзя было приблизиться и на пушечный выстрел. Литературные отношения он всегда мерил большими масштабами, масштабами народных интересов. «Есть один путь роста писателя, — говорил Фадеев, — скромно, честно, беспретенциозно работать над собой, пока не создашь вещи, в которой сквозь все недостатки, неопытность не засветит настоящий талант».

Взыскательность Фадеева к самому себе не знала границ. И шла она не от сомнения в своих силах (тот, кто мог бы подумать так, совершил бы непростительную ошибку): она шла от отношения к литературе как к святому делу и выражала высшую меру ответственности перед самим собой, перед своим искусством, перед своим народом.

Историко-литературное и критическое наследие Фадеева — это поле ищущей мысли. В наше сегодняшнее представление о таких важнейших вопросах, как эстетика социалистического реализма, отношение к классическому наследию, понятие героического в искусстве, многонациональный характер советской литературы, да и многие другие, вклад его очень велик. Именно Фадееву принадлежит выдающаяся роль в осознании советской литературой ее всемирно-исторического значения, он был новатором в самом рассмотрении ее на широком фоне мирового искусства прошлого и настоящего. И в этом смысле он стоит рядом с Горьким как непосредственный продолжатель его дела.

Говоря о традициях Горького, мы не в последнюю очередь должны вспомнить Фадеева как борца за мир, против фашизма.

1937 год. Фадеев — во главе группы советских писателей в сражающемся Мадриде. Его видят среди бойцов интернациональных бригад — тех, кто первыми вступил в открытую схватку с гитлеризмом.

1941 год. Мы видим бригадного комиссара Фадеева и в боевых порядках советских воинов, и в осажденном Ленинграде.

А после 1945 года, после Победы, в сложные годы, когда опьяненный сознанием недолговечной монополии на атомное оружие американский империализм превращался в мирового жандарма, когда печально знаменитая речь Черчилля в Фултоне вернула мир ко временам открытого антисоветизма, Фадеев становится одним из самых активных деятелей Всемирного движения сторонников мира, а когда был создан Всемирный Совет Мира, он стал членом его бюро и вице-президентом. Он приобрел множество новых прекрасных друзей, среди них — Жолио-Кюри, Арагон, Хикмет, Неруда, слово его звучало на всех континентах. В 1949 году в речи на конгрессе деятелей науки и культуры США он говорил о том, что «важнейшим ключом к миру

во всем мире было бы улучшение американо-советских отношений, договоренность по крупнейшим международным вопросам между двумя нашими большими государствами — Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом».

Не из-за этих ли слов госдепартамент принял меры к тому, чтобы советская делегация во главе с Фадеевым досрочно покинула США?

Авторитет Фадеева был очень высок. В международном общении и с друзьями, и с противниками его отличала прямота разговора. Выступление на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира он начал такими словами: «Есть одно слово на свете, которым в последнее время все чаще пугают людей: это слово — пропаганда. Чтобы не было никаких недоразумений насчет моего доклада, я, прежде всего, должен заявить, что буду заниматься пропагандой за мир и против поджигателей войны».

Много воды утекло с тех пор в реках всего мира, изменился и сам мир, но, кажется, ничего не изменилось в претензиях американского империализма, разве что аппетиты у него стали еще больше, а размахивает он теперь не атомной, а нейтронной бомбой. Но не изменилась и твердая позиция Советского Союза, основанная на принципах интернационализма, на сознании своей правоты и силы. И по-прежнему не устарел вывод, к которому приходил Фадеев: «Мы убедились, что никакое различие воззрений в тех или иных вопросах жизни и культуры не может помешать честным и объективным людям разных наций договориться о мире против людей, поощряющих военную истерию».

Юбилей Фадеева отмечается в этом году широко, во всех краях нашей необъятной Родины. Фадеев нужен и любим сегодня. Высокая гражданственность, беззаветное служение социализму и советской литературе — вот его заветы. Мы лучше видим многогранность его незаурядной личности — писателя, общественного деятеля, организатора литературных сил. Мы яснее видим и сердцевину фадеевского характера — коммунистическую партийность. Тридцать лет тому назад на вечере в честь его пятидесятилетия Фадеев сказал: «Вся моя сознательная жизнь прошла в рядах партии... Все лучшее, что я сделал, — на все это вдохновила меня наша партия. И я горжусь тем, что состою в нашей великой Ком-

мунистической партии, и считаю это огромной честью для себя».

Своим творчеством, всей своей подвижнической, яркой жизнью Фадеев подтвердил правоту этих слов. Поэтому он всегда с нами, в сегодняшних делах, в новых успехах многонациональной советской литературы. Советские писатели, активно участвуя в решении больших и сложных задач коммунистического строительства, руководствуясь решениями XXVI съезда КПСС, верны своему долгу. Хочется напомнить прекрасные слова Фадеева, которые выражают суть его взгляда на человеческое поведение, каким оно должно быть в дни борьбы и в дни созидания: надо жить и исполнять свои обязанности!

1981

СЛОВО О К. ЧУКОВСКОМ¹

Сегодня мы отмечаем столетие со дня рождения Корнея Ивановича Чуковского. Встречаясь с ним (а ведь это было так недавно!), мы забывали, что он был всего лишь на два года моложе Блока, что его статьи одобрял Лев Толстой, что влияние Чехова, благодаря которому он навсегда полюбил литературу и поверил в ее преобразующую силу, он испытал еще при жизни Чехова, что еще в девятнадцатом веке он по циркуляру о «кухаркиных детях» был изгнан из гимназии и занялся самообразованием, которым, в сущности, занимался всю свою жизнь, открывая для себя все новых и новых писателей, в том числе родившихся через полвека после его дня рождения. Многие из нас помнят его письма, его горячие отклики на понравившиеся ему сочинения, его поздравления, его веселые, а порой и язвительные наставления.

Незадолго до своей кончины он написал мне обстоятельное письмо на четырех страницах, в котором подробно разбирал мою книгу «Вчера, сегодня и завтра». Это было письмо большого друга, старшего товарища. Часто ли мы пишем друг другу такие письма?

Мы не можем считать Чуковского принадлежащим какому-то одному, далекому или близкому, периоду в истории нашей литературы. И когда Корней Иванович говорил: «В наше время», все мы понимали, что речь идет именно о наших днях, а не о временах баснословно далекой его молодости. И разве не нас с вами он имел в виду, когда писал: «В наше время, в эпоху осуществления самых размахистых научно-социальных фантазий, которые еще так недавно казались безумными

---

¹ Выступление на юбилейном заседании в Центральном Доме литераторов им. А. Фадеева, посвященном 100-летию со дня рождения К. И. Чуковского, 5 апреля 1982 года.

сказками, нам нужно во что бы то ни стало создать поколение вдохновенных творцов и мечтателей всюду, во всех областях — в науке, технике, агрономии, архитектуре, политике». Разве не к нашей эпохе, не к восьмидесятым годам нашего столетия относятся эти страстные слова? Разве они в чем-нибудь устарели?

Что же касается его сказок для детей, то мы должны прямо сказать, что Корней Чуковский принадлежит к числу величайших сказочников мира и у всех у нас есть основания гордиться тем, что мы были его друзьями, современниками, а те из нас, кому сейчас за семьдесят, первыми читателями его первых сказок для детей.

Пушкин писал свои сказки, а Ершов — «Конька-горбунка», не подозревая, что они пишут прежде всего для маленьких детей. Чуковский, сочиняя по просьбе Горького своего «Крокодила», точно знал, для кого он пишет. Он был выдающимся исследователем детской психологии, детского творчества, автором «От двух до пяти», книги, не имеющей себе равных в литературе, книги, над которой он работал, опираясь на помощь многих тысяч родителей, посылавших ему высказывания своих малышей, на советы своих товарищей по детской литературе (он спрашивал их и у меня), работал, так сказать, на виду у всего народа. Эта книга, не научно-популярная, а просто научная и просто популярная, открыла взрослым прекрасный мир ребенка, неутомимого исследователя и творца, повысила самый уровень общения взрослых с малышами. И когда Чуковский пишет, что «древнее, тысячелетнее, рабье неуважение к ребенку... могла истребить лишь наша эпоха», мы вспоминаем, какой вклад в это дело внес сам Корней Иванович.

Огромен вклад Чуковского в науку. Он стал исследователем творчества Некрасова, собирателем его неизданных произведений (он нашел более 15 тысяч неизвестных строк великого поэта!), был первым редактором свободного от цензурных изъятий собрания сочинений русского классика. Своей книгой «Мастерство Некрасова», удостоенной Ленинской премии, доктор филологических наук, почетный доктор литературы Оксфордского университета в Англии Корней Иванович Чуковский навсегда разбил обывательскую легенду, будто Некрасов был скорее публицистом, чем мастером художественного слова. Чуковский доказал, что Некрасов именно потому был великим мастером поэтической формы, что вкладывал

в нее огромное общенародное и всемирное содержание.

Чуковский создал особый жанр литературного портрета, где образ писателя встает не только из живых воспоминаний Корнея Ивановича, но и из любимых словечек этого писателя, неповторимых особенностей его стиля, впервые подмеченных исследователем. Созданные Чуковским литературные портреты писателей от Чехова до Ираклия Андроникова — образец того, как литературоведение может стать проникновенным человековедением, а научный труд — изящной и остроумной художественной прозой.

Все, что пишется и говорится на русском языке, становилось для него предметом исследования. Чистоте нашего языка посвящена одна из последних книг Чуковского «Живой как жизнь». В ней он выявил, пожалуй, главный недуг, способный засорить и обескровить наш богатый и могучий язык. Этот недуг он назвал точным словом «канцелярит», звучащим как «ларингит» или «аппендицит».

Чуковский был не только замечательным переводчиком Уитмена, Дефо, Марка Твена, Киплинга, О. Генри, но и теоретиком перевода, автором книги «Высокое искусство», которая сама читается как роман.

Наследие Чуковского почти во всем его объеме нисколько не устарело, а это значит, что Корней Чуковский — классик нашей советской литературы, что его самого надо знать, изучать, популяризировать, как он сам изучал произведения русской, украинской, английской, американской литературы.

У него надо учиться демократизму, любви к народному творчеству, к фольклору, который он считал единственным компасом для всех детских поэтов, сильных и слабых, постоянному стремлению общаться с читателями, чтобы каждая твоя строка, будь это стих или литературоведческое наблюдение, дошла бы до народа, была бы им услышана, а главное, была бы ему нужна. У него надо учиться даже в книжках для маленьких ставить перед собой большие задачи, думать прежде всего о духовном росте ребенка. «Сказка сделала свое дело, — писал он, — помогла ребенку ориентироваться в окружающем мире, обогатила его душевную жизнь, заставила его почувствовать себя бесстрашным участником воображаемых битв за справедливость, добро и свободу». На меньшее он не соглашался!

Человек, взрослея, покидает страну детства. Настоящий детский писатель, взрослея и даже старея, никогда не покидает эту страну. Таким был Корней Иванович. До самых последних дней своей жизни он оставался верным гражданином этой страны. И эта страна детства была для него населена не только его любимцами в возрасте от двух до пяти лет, но и детьми всех возрастов, для которых он писал автобиографическую повесть «Серебряный герб», перевел «Робинзона Крузо», составил антологию «Лирика» и сборники Пушкина, Некрасова, Блока, так как всю жизнь заботился о том, что он называл стиховым воспитанием детей и подростков. Да и многие из его литературных портретов и научных работ можно смело адресовать подросткам, недаром, прежде чем написать о Горьком или о Блоке, он приходил с набросками будущих книг к школьникам средних и старших классов. А самая последняя его работа «Признания старого сказочника», работа, которую он не успел завершить, — это его завещание, причем веселое и радостное: хоть и написано перед кончиной. Завещание многим поколениям детских писателей, которые появятся после него.

«Если хочешь быть любимым — люби», — так однажды сформулировал Чуковский то, что он назвал «всемирным законом нашей жизни».

САМ О СЕБЕ

(Литературная автобиография)

Многие взрослые в детстве рисовали, писали стихи, играли в школьном театральном кружке, но ни художниками, ни поэтами, ни артистами впоследствии не стали. Автор этих строк мог стать геологом или освоить какую-нибудь профессию, однако стал писателем.

- Почему вы стали писателем?
- Когда вы написали первое стихотворение?
- Что нужно для того, чтобы стать поэтом?
- Почему вы пишете для детей?

Десятки подобных вопросов задают мне в разных аудиториях. Вот почему с теми, кто тянется к перу и чистому листу бумаги, мне хочется поделиться своим профессиональным опытом, а заодно и рассказать свою биографию. Может быть, кому-то это пригодится...

Родился я 13 марта 1913 года, в Москве. Но прежде несколько слов о моем отце...

«Владимира Александровича Михалкова я знаю в течение двадцати лет. Судьбе было угодно за это время сталкивать нас в самых разнообразных жизненных положениях. Я был его учителем, добрым знакомым, поверенным в делах и, наконец, подчиненным. Владимир Александрович глубоко порядочный человек, неутомимый работник, весьма опытный и талантливый администратор. Я совершенно уверен в том, что Владимир Александрович будет ценнейшим работником у Вас в Управлении.

С приветом
Наркомюст Турк. Республики

Алексей Васильев».

Я держу в руках пожелтевшую от времени служебную записку, датированную 31 марта 1923 года, и память воскрешает передо мной образ моего отца, так и не дожившего до своего пятидесятилетия. Умер он в городе Георгиевске на Северном Кавказе от крупозного воспаления легких 24 декабря 1932 года. Были бы тогда, в начале тридцатых годов, на вооружении нашей медицины антибиотики, может, и дожил бы до наших дней этот полный творческой энергии, целеустремленный и бесконечно преданный своему любимому делу человек.

Коренной москвич, выходец из русской дворянской семьи, мой отец, Владимир Александрович Михалков, получил образование в Московском университете. В тридцатилетнем возрасте встретил он Великую Октябрьскую революцию и стал служить советской власти...

Когда я думаю об отце, мысль невольно ведет меня в более далекое прошлое, хочется вспомнить об отце отца, о дедах, прадедах, пращурах... На ум приходят пушкинские строки «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», за которыми — мысль поэта о том, что каждый человек должен быть равнодушен к истории своей семьи, своего рода, знать, какое участие принимали его предки в истории своего Отечества.

Со временем это побудило меня заинтересоваться моей родословной. Оказалось, что в различных архивах нашей страны хранится большое число старинных документов Михалковых. Я узнал, что мои предки по прямой мужской линии принадлежали к древнему русскому роду, корнями уходящему в первую половину XV столетия.

Начало фамилии положил живший в середине XVI века Михаил (Михалко) Киндырев, сын которого, Федор, стал зваться Михалковым. Отсюда и пошла моя фамилия. Поколения сменяли поколения. Родословные росписи моих предков сохранили имена как военачальников, так и простых воинов. Мне было интересно узнать, что один из моих пращуров Федор Иванович Михалков, чебоксарский воевода, за верность Отечеству в Смутное время был пожалован в 1613 году вотчиной «по приговору» князя Дмитрия Пожарского. В петровские времена правнук его Петр Дмитриевич служил солдатом и сержан-

том в знаменитом Семеновском полку. Его правнук и мой прапрадед и тезка Сергей Владимирович (1789—1843) в том же полку прошел путь от унтер-офицера до подпоручика и отличился в сражениях против французов при Аустерлице в 1805 году и при Фридланде в 1807 году...

В первые годы становления советской власти разрушенное народное хозяйство страны нуждалось в честных и образованных специалистах. Во главе агротехнической службы молодой организации Птицеводсоюза встала соратница В. И. Ленина — Маргарита Васильевна Фофанова. В числе ее ближайших сотрудников оказался и В. А. Михалков, впоследствии один из видных основоположников советского промышленного птицеводства...

1925 год.

Вспоминаю себя книгоношей. Мне двенадцать лет. Я хожу по домам подмосковного поселка Жаворонки и предлагаю приобрести брошюру под названием «Что нужно знать крестьянину-птицеводу». Брошюра издана Книгосоюзом. Автор ее — мой отец.

Человек по своей натуре масштабный и инициативный, он был одержим идеей перестройки частного крестьянского птицеводства в крупное государственное.

Не случайно уже вторая книга отца называлась: «Почему в Америке куры хорошо несутся?»

Однажды мы получили из-за границы, кажется из Лондона, оригинальную посылку: в ней лежал упакованный в вату десяток крупных яиц. Яйца поделили между курами-наседками. Три яйца оказались «болтунами», зато из остальных вывелись... утята! Это были предвестники ставшей потом столь популярной у нас в стране породы яйценоских уток «индийский бегун», ярым поклонником и пропагандистом которых был мой отец.

Вспоминается и другой семейный случай, на этот раз характеризующий моральные устои моего отца.

Мне, тринадцатилетнему юнцу, посчастливилось выиграть в московском ГУМе в лотерее за несколько копеек... бутылку портвейна! Гордый своей удачей, я вернулся домой и простодушно протянул бутылку отцу:

— Это тебе, папа!

— Где ты ее взял? — спросил отец.

— Выиграл в лотерее! — воскликнул я.

Отец молча вышел во двор, на моих глазах отбил горлышко бутылки об угол мусорного ящика и, вылив вино на землю, спокойно, но веско сказал:

— Никогда не играй! Запомни!

И я на всю жизнь запомнил...

Моя мать, Ольга Михайловна Михалкова, — урожденная Глебова. Ее предки тоже служили на военной и государственной службе, активно участвовали в походах и войнах, которые приходилось вести России. Достаточно вспомнить прадеда моей матери, Михаила Петровича Глебова (1789—1852) — участника Отечественной войны 1812 года, заслужившего в сражении при Гельсберге 29 мая 1814 года золотое оружие с надписью «За храбрость». Женщина безгранично добрая, мягкая и беззаветно преданная семье, она в прошлом была сестрой милосердия, некоторое время учительствовала, а затем целиком посвятила себя мужу и детям. Семья наша, насколько я себя помню, жила очень скромно — всегда было недоставало денег и матери хватало забот: надо было воспитывать меня и моих младших братьев — Александра и Михаила, помогать отцу в его неутомимом изобретательстве всевозможных механических кормушек и других приспособлений для разведения домашней птицы. Большую часть своих гонораров за книги отец тратил на осуществление своих изобретений.

За заслуги отца мать получала персональную пенсию. Умерла мама в Москве, в 1943 году.

Писать стихи я начал рано. Мне было немногим больше десяти лет, когда беспризорники, проникшие в нашу квартиру, похитили шкатулку с моими «сокровищами», среди которых вместе с перочинным ножом и рогаткой хранилась общая тетрадь с начисто переписанными моими первыми стихотворениями.

В 1945 году в Горьком, после моего выступления в зале Горьковской филармонии, знавшая когда-то нашу семью А. Н. Румянцева передала мне бог весть как сохранившиеся у нее восемь моих стихотворений, датированных 1924—1925 годами. Была среди них и моя первая басня.

КУЛЬТУРА

(Басня)

На сходке летом как-то раз
Не то московский кум Тарас,
Не то товарищи Матвей или Егор,
Не знаю, право, кто из них
(Пять месяцев прошло с тех пор),
Завел культурный разговор:
«Что вот, мол, так и так,

Товарищи мои.

В селе у вас

Лишь щи да квас;

Все так же, словно брат с сестрой,
Соха в почете с бороной.

Вам надо б трактор завести

(К культуре ближе подойти),

Вам надо б радио в деревне провести».

И ну рассказывать, и ну доказывать...

Но тут неглупый кум Фадей

(Что из толковых был людей

И ход и выход каждый знал),

Не долго думая, сказал:

«Мы о культуре все уж знаем,

На трактор деньги собираем,

А ты бы, добрый гражданин,

Пожертвовал бы хоть алтын,

Вместо того чтоб говорить

И трактор с радиом хвалить».

Мораль сей басни такова:

Что много тех людей на свете белом,

Которым надо рассказать,

Что людям лучше помогать

Не только словом, но и делом.

Жили мы круглый год в Подмоскowie на даче, принадлежавшей неким Яковлевым, занимая первый этаж дома, одиноко стоявшего в запущенном парке. Ходить в школу было далеко, и потому первоначальное образование я получил в семье.

Кто-то из знакомых порекомендовал родителям взять для присмотра за детьми оставшуюся без работы прибалтийскую немку. Эмма Ивановна Розенберг вошла в нашу семью и с присущей ей немецкой педантичностью взялась за воспитание своих подопечных.

Я с душевной теплотой вспоминаю эту сухопарую, жилистую старую деву, заложившую в мой характер основы самодисциплины и обучившую меня немецкому языку настолько, что я еще в детстве мог свободно

в первоисточнике читать Шиллера и Гете. Не прошли мимо меня и приключенческие романы немецкого автора Карла Мая, которыми я зачитывался при свете карманного фонаря, накрывшись с головой одеялом, в те часы, когда детям было положено спать.

Не обошлось в моем домашнем воспитании и без сельского попа.

Две зимы кряду наезжал к нам на своей лошадке, три раза в неделю, молодой священник — отец Борис, он же Борис Васильевич Смирнов. В его задачу входило преподавать мне основы географии, истории и русского языка. По своей инициативе он попытался было занять меня и законом божьим, однако старания его были безуспешны, ибо «агитки» Демьяна Бедного начисто вытесняли из моей головы и Новый и Ветхий заветы.

В обычную школу я пошел с четвертого класса после переезда семьи в Москву.

Отец познакомил меня со стихами Маяковского, Есенина, Демьяна Бедного. Влияние именно этих поэтов наиболее сильно сказалось на моих детских поэтических опытах. Но больше всего я любил сказки Пушкина, басни Крылова, стихи Лермонтова и Некрасова.

Коротая вечера, я выпускал домашний «литературно-художественный» журнал, был одновременно и редактором, и художником, и единственным автором этого издания. Читателями этого журнала были домашние и ближайшие родственники, посещавшие нас.

Приведу одно из стихотворений, «опубликованных» в моем журнале:

РЕКА

Как змея извиваясь
Меж крутыми берегами,
Течет речка в озера
Голубыми водами.

По берегам растут ивы,
Что раскинули ветви,
Посредине же речки
Рыбаки тащат сети.

Ее воды прозрачны,
Дно песчано, глубоко,
По берегам же местами
Растет кучкой осока.

Верхоплавки играют,
Щуки ходят кругами,
Течет речка в озера
Голубыми водами.

Отец послал без моего ведома несколько стихотворений на отзыв одному известному московскому поэту. «У мальчика есть способности. Однако трудно сказать, будет ли он поэтом. Могу только посоветовать: пусть больше читает и продолжает писать стихи», — гласил ответ Александра Ильича Безыменского.

Домашние публикации меня не удовлетворили. Я мечтал напечататься по-настоящему...

Сочинив однажды в стихах «Сказку про медведя» и переписав ее печатными буквами, я направился в одно из московских издательств. Оно помещалось в небольшом особняке под № 7 по Гоголевскому бульвару. Это было частное издательство Мириманова, издававшее детские книжки. С трепетом вошел я в помещение, в котором волнующе пахло типографской краской. Меня провели к «самому главному». Маленький щуплый старичок с козлиной бородкой, в толстовке, принял меня как настоящего автора. Он предложил мне сесть, мельком просмотрел рукопись и попросил оставить ее на несколько дней. На прощанье он протянул мне три рубля. Это был мой первый денежный аванс! Надо ли рассказывать, что я, выйдя за ворота, тут же оставил его у моссельпромщицы, торговавшей с лотка ирисками и соевыми батончиками.

А спустя неделю я держал в дрожащих пальцах напечатанный на издательском бланке ответ, в краткой, но убедительной форме отклонявший мою рукопись как непригодную для издания.

Этому предшествовал трагикомический момент: письмо было адресовано мне, однако сперва попало случайно в руки отцу, который, не обратив внимания на инициалы адресата, вскрыл его и, не разобравшись, принял ответ издательства на свой счет — он как раз ждал письма из какого-то журнала, куда послал свою статью...

Сколько еще подобных отказов получил я из разных редакций, пока наконец в июльской книжке журнала «На подъеме» за 1928 год (г. Ростов-на-Дону) не появились мои первые «по-настоящему» напечатанные стихи «Дорога»:

Черный ветер гнет сухой ковыль,
Плачет иволгой и днем и ночью,
И рассказывают седую быль
Зеленеющие бугры и кочки.
Гнутся шпалы, опрокидываясь вдаль,
Убегая серыми столбами.
И когда мне ничего не жаль,
Кочки кажутся верблюжьими горбами.

«Очень не восхищайтесь, учитесь работать и шлите нам свои стихи», — писал мне, пятнадцатилетнему начинающему поэту, секретарь редакции, высылая в Пятигорск авторский номер журнала. К этому времени наша семья переехала из Москвы в Пятигорск.

Город мой, Пятигорск!
Мой приветливый город
Руки к солнцу простер,
Украшая Кавказ.
И не зря говорят:
Ты и близок и дорог
Тем, кто видел тебя
Хоть один только раз!
Город мой, Пятигорск!
Это в сумраке синем
Неподвижный орел
На заветной скале.
Здесь великий поэт —
Сын великой России —
В смертный час остывал
На горячей земле!
Пятигорск, Пятигорск!
Ставрополье родное!
Золотые дубы на груди Машука,
Строгий профиль Бештау —
Вы повсюду со мною,
Память сердца о вас
Глубока и крепка!

В 1927 году Терселькредсоюзом на постоянную работу была приглашена из Москвы группа специалистов-птицеводов. Одним из первых откликнулся на этот призыв мой отец.

Мы поселились на окраине Ново-Пятигорска, в небольшом одноэтажном, сложенном из самана доме № 231 по Февральской улице, в непосредственной близости от ипподрома.

Большой знаток и любитель лошадей, отец брал нас по воскресеньям на скачки. В высоких желтых сапогах и в таком же желтом кожаном картузе, он сам походил скорее на заядлого «лошадника», чем на ученого-птице-

вода. Общительный и веселый, не терпящий никакой грубости в обращении, взыскательный к себе и другим, он всегда был окружен единомышленниками и учениками.

— Мне бы и в голову не пришло поехать работать на Терек, да разве устоишь, если Владимир Александрович приглашает?! — признался мне много лет спустя верный друг моего отца зоотехник-селекционер И. Г. Зайцевский.

В те годы не один И. Зайцевский посвятил свою жизнь развитию птицеводства на Северном Кавказе. Мне хорошо запомнились имена И. Володкина, Б. Горецкого, А. Афонина, С. Фридолина — энтузиастов отечественного птицеводства, знакомых и друзей нашей семьи, объединенных общностью теоретических и практических интересов.

Отец целыми днями пропадал на птицефермах, на организованной им первой в СССР инкубаторно-птицеводческой станции, в командировках по Терскому краю. В свободное время он изобретал, писал... Наибольшей известностью у птицеводов пользовались его работы: «Чем хороши и почему доходны белые леггорны», «Правильное кормление яйценоских кур», «Что такое пекинская утка и какая от нее польза», «Новые пути кооперирования птицеводства», «Разведение уток, гусей, индеек» и другие популярные брошюры. Менее чем за десять лет было опубликовано около тридцати его работ.

«...Я, Михалков В. А., обязуюсь в целях скорейшей реализации заданий партии по развитию товарного птицеводства напрячь все силы для получения от курицы белый леггорн цыплят весом не менее килограмма к возрасту двух месяцев при воспитании их в батарее», — писал мой отец, объявляя себя «ударником 17-й Всесоюзной партконференции».

Много лет спустя в журнале «Птицеводство» (№ 10, 1967 г.), посвященном пятидесятилетию советской власти, в разделе «Они начинали», я в числе ветеранов советского птицеводства увидел имя своего отца. Меня глубоко взволновали строки, которые я прочитал в статье, рассказывавшей о нем как об одном из основоположников этой важной отрасли сельского хозяйства:

«В конце двадцатых годов Владимир Александрович

переехал в г. Пятигорск, он стал работать в окружном животноводческом кооперативном союзе. Человек, обладавший исключительной творческой энергией, постоянным стремлением принести максимальную пользу, он не жалел времени и сил для внедрения в практику всего нового, прогрессивного, передачи своих знаний и опыта молодым специалистам. Его деятельность оставила заметный след в развитии птицеводства в Ставропольском крае...»

В 1966 году решением исполкома Пятигорского городского Совета депутатов трудящихся мне было присвоено звание «Почетный гражданин города Пятигорска», а в 1981 году — звание «Почетный гражданин города Георгиевска». Эти почетные звания я мысленно делю сегодня со своим отцом...

Благосклонно относясь к моим литературным упражнениям, отец предложил мне как-то написать десяток четверостиший для сельскохозяйственных плакатов, посвященных птицеводству, автором которых он являлся. Я охотно выполнил заказ. Четверостишия, прославлявшие колхозных птицеводов и агитирующие за современные методы птицеводства, были опубликованы. Отец крепко пожал мне руку, и это рукопожатие было для меня дороже всякого гонорара.

К этому времени я уже стал автором краевой газеты «Терек», выходящей в Пятигорске. Первой моей публикацией в этой газете была «Казачья песня»:

Качалась степь осокою,
Гармонь рвала бока...
...Казачка черноокая
Любила казака...

(«Казачья песня», 1929)

Я был зачислен в актив при Терской ассоциации пролетарских писателей (ТАПП), которой руководил в те годы известный на Тереке драматург Алексей Славянский. Это была колоритная фигура. Он ходил в черкеске с газырями, затянутый серебряным наборным поясом, при кинжале, и от всего его облика так и веяло казачьей удалью и гражданской войной...

Вспоминаются литературные вечера, на которых читали свои произведения пятигорские литераторы: Воробьев, Трумпельдор и другие. Все они были значительно старше меня, чаще публиковались, но, к сожалению,

не оставили большого следа в литературе последующих лет...

Многим обязан я и моему школьному учителю русского языка и литературы А. Сафроненко, по-отечески поддерживавшему меня в моем стремлении стать настоящим писателем.

Мне не довелось встречаться ни с М. Горьким, ни с В. Маяковским. Потрясенный смертью великого поэта, я написал стихи и послал их в редакцию одной из московских газет с просьбой не высылать мне гонорар. Стихи напечатаны не были...

В 1930 году по окончании пятигорской школы 2-й ступени имени 25 Октября я решил начать самостоятельную жизнь...

«...Посылаю сына в Москву, чтобы попытаться поставить его на ноги. Его задача получить нужное для писателя образование — путем работы в библиотеке, посещения театров, диспутов и общения с людьми, причастными к культуре. Если в течение года он сумеет двинуться вперед и будут какие-либо надежды, то возможно учение в литературном техникуме, если нет — он поступит на завод рабочим и потом будет учиться по какой-нибудь специальности...» — писал отец в письме своей сестре М. А. Глебовой, проживавшей в столице.

— Больше всего ты любишь писать стихи. Пробуй свои силы. Учись дальше. Попробуй вылечиться от заикания. Работай над собой. Может быть, со временем из тебя что-нибудь и выйдет. Но главное, чтобы из тебя вышел человек! — напутствовал он меня, провожая в Москву.

Мне исполнилось семнадцать лет.

Страдая с детства дефектом речи — заиканием, я никогда не стеснялся своего недостатка. В определенных трагикомических ситуациях я так умел обыграть свое заикание, что в школе никому из моих сверстников и в голову не могло прийти посмеяться надо мной.

Человек, лишенный чувства юмора, чаще всего обидчив и потому несчастен. Ему трудно жить среди людей. Он мнителен и любую безобидную шутку в свой адрес может воспринять как оскорбление. Зато бесценно свойство человека, умеющего посмеяться над собой. Это я хорошо усвоил с детства.

Полный надежд, готовый преодолеть любые житейские невзгоды, я покинул отчий дом...

Существовать на литературный заработок было трудно. В течение трех последующих лет я сменил ряд профессий: работал разнорабочим на Москворецкой ткацко-отделочной фабрике, был помощником топографа в геологоразведочной экспедиции в Восточном Казахстане и в изыскательской партии Московского управления воздушных линий на Волге. Мне пришлось по душе дружная кочевая жизнь геологоизыскателей — жизнь, полная романтических неожиданностей, трудностей и приключений. Но я не оставлял мечты о литературном творчестве.

С 1933 года я стал более или менее часто печататься в столичной прессе. Мои стихи появлялись на страницах «Огонька» и «Прожектора», на газетных полосах «Известий», «Комсомольской правды», «Вечерней Москвы», «За коммунистическое просвещение». Опубликованная в «Огоньке» песня «Марш эскадрилий» была неожиданно перепечатана «Правдой». К этому времени относится начало моей долголетней дружбы с такими выдающимися мастерами советской эстрады и театра, как Рина Зеленая и Игорь Ильинский, в исполнении которых впервые зазвучали со сцены и по радио мои стихи для детей.

Я был зачислен на внештатную работу в отдел писем редакции «Известий». Здесь я впервые встретил ставшего на многие годы моим близким другом молодого, но уже популярного писателя и фельетониста Льва Абрамовича Кассиля. На всю жизнь останется для меня примером образ этого чудесного человека, неутомимого газетчика, подлинного патриота и одного из зачинателей советской детской литературы, отдавшего всю свою жизнь, весь свой талант делу воспитания детей и юношества.

Молодые поэты и прозаики тридцатых годов принимали живое участие в работе заводских литературных кружков, выступали на страницах многотиражек, в рабочих и студенческих аудиториях, по командировкам редакций выезжали на новостройки и в колхозы страны. Пафос первых пятилеток вдохновлял молодую литературную смену, и старшее поколение писателей подавало ей достойный пример. В эти годы для меня, как и для многих моих товарищей и сверстников по литературному

объединению при журнале «Огонек» (А. Недогонов, Е. Долматовский, Л. Ошанин и др.), равно как и по Литературному институту имени А. М. Горького (К. Симонов, М. Алигер, С. Васильев и др.), стало насущной потребностью творчески откликаться на события времени. У меня вырабатывалось все более активное отношение к жизни, внутренняя потребность черпать свое вдохновение в делах и мыслях современников. Я писал стихи о челяускинцах и папанинцах, о пограничниках и зарубежных пионерах, поднимал свой еще не окрепший поэтический голос против фашизма.

...Есть в пограничной полосе
Неписанный закон:
Мы знаем все, мы знаем всех:
Кто я, кто ты, кто он.
Чтоб не могли в твоём краю
Орудовать враги,
Будь зорче!
Родину свою,
Как око, береги!..

(«Враг»)

Моя «Итальянская песенка» была посвящена событиям в Абиссинии:

...Я хочу, мой черноглазый,
Чтобы никогда
Ты не знал, сынок, про газы,
От которых люди сразу
Слепнут навсегда.
Что не будешь ты солдатом,
Я мечту таю,
Если будешь ты солдатом —
Будешь ты другим солдатом
И в другом бою.

(«Итальянская песенка»)

В годы героической борьбы испанского народа за свою свободу были написаны стихи об астурийском горняке, погибшем под стенами Мадрида, опубликована антифашистская баллада «Жили три друга-товарища в маленьком городе Эн...» и стихотворение «Испанский мальчишка в Испании жил». Вышла несколькими изданиями поэма «Миша Корольков», посвященная пионеру, попавшему в плен к японцам, захватившим советский пароход.

...Не случится с ним несчастья,
Пионер домой придет:
На глазах советской власти
Человек не пропадет!

(«Миша Корольков»)

Вслед за первым сборником стихов, выпущенным в библиотечке «Огонек», стали выходить мои книжки, в которых все большее место стали занимать стихи для детей.

Мои творческие начинания в области литературы для детей были замечены и получили признание. В 1937 году я был принят в члены Союза советских писателей.

На примере собственной литературной судьбы у меня сложилось представление о том, что большинство людей рождается с задатками каких-либо способностей. Важно только, чтобы среда, в которую попадает человек, способствовала их выявлению. Любая способность может превратиться в дарование, если ее вовремя доброжелательно заметить, точно направить и разумно поддерживать. Но направлять и поддерживать — это тоже талант, доступный не всем. Мы знаем, как иные доброжелательные литераторы, стремясь выпестовать молодого автора, начинают дописывать, «дотягивать» его слабые произведения вместо того, чтобы помочь «начинающему» понять, в чем слабость его творений. Если автор не дает себе труда исправить недостатки самостоятельно, а с удовольствием принимает в подарок чужие строчки, мысли и образы, то он ничему не научится и повторит свои ошибки. Если же начинающий литератор вам заявляет, что ему легче написать новое произведение, чем исправлять уже написанное, то знайте, что он безнадежен, — писателя-профессионала из него не выйдет.

Сколько мы знаем одаренных художников, которые пишут посредственные пейзажи или натюрморты, в то время как пафос их дарования — в сатирическом жанре! Как часто артист, обладая острокомедийным талантом, мнит себя на сцене героем-любовником. Один из любимых и прославленных актеров, будучи юношей, пришел в Московский Художественный театр держать экзамен.

Он читал, конечно, то, что ему казалось наиболее вы-

игрышным, — героическое стихотворение «Человек», начинавшееся следующими строками:

Пусть перл создання Ты, могучий царь творенья,
Кто дал Тебе венец твой золотой?

Представьте эти стихи, полные ложного пафоса, в исполнении... Михаила Михайловича Яншина, ибо речь идет именно о нем. Явное несоответствие характера произведения и данных исполнителя было настолько разительным, что экзаменаторы во главе с Лужским дружно засмеялись и попросили Яншина прочитать лучше басню Крылова. Она-то и помогла увидеть яркое комедийное дарование этого актера «божьей милостью». Все это имеет прямое отношение к автору этих строк. В двадцать лет я писал стихи для взрослых — довольно посредственные стихи. Одни были немного лучше, другие — немного хуже. Они публиковались в газетах и журналах, но все это был, так сказать, поэтический «средняк».

На моем молодом литературном пути было много памятных встреч и знакомств, жизнь щедро одарила меня дружбой с людьми незаурядными. Многим из них я обязан на всю жизнь.

Александр Александрович Фадеев.

Он был душевно щедр и скромен, добр и отзывчив, резок и принципиален в своих суждениях даже тогда, когда в чем-либо ошибался. Он любил читать вслух стихи, петь протяжные русские песни, бродить с ружьем по лесам и болотам, общаться с друзьями. Он умел спорить и полемизировать, защищать то, что ему нравилось, и нападать на то, что было противно его натуре.

Он был демократичен в самом прямом смысле этого слова, и его обаяние покорило собеседника раз и навсегда.

Таким я знал Александра Фадеева на протяжении двадцати пяти лет. Мне было двадцать три года, когда я, почитатель его «Разгрома», опубликовал в «Огоньке» стихотворение, посвященное А. Фадееву. Он заподозрил начинающего поэта в желании польстить ему, одному из руководителей Союза писателей. Увидев автора, он прямо так и сказал ему это, глядя в глаза. Но автор незрелых виршей написал эти стихи вполне искренне, и он

поверил ему. И сменил гнев на милость, сказав при этом, что «стишки-то все-таки не ахти!».

Так состоялось наше знакомство.

Мои первые стихи для детей сразу обратили на себя его внимание. Он заинтересовался ими, взял на себя негласное шефство над молодым детским писателем и в 1938 году выступил в «Правде» со статьей «Стихи С. Михалкова», в которой с большой убежденностью поддержал мои опыты в новом для меня жанре поэзии для детей.

С начинающим литератором, в которого он верил, Фадеев говорил всегда как равный с равным. Его разговор носил часто нелицеприятный характер, но он никогда не разочаровывал собеседника, а, наоборот, окрылял. И если уж он хвалил, то похвала его была стопроцентно надежной. Его тонкий вкус художника, политическое классовое чутье бойца и поэтические привязанности давали право так думать.

Мы часто бывали на охоте. Ездили обычно одной и той же компанией: художник, актер, доктор и еще один-два человека из близких знакомых. Это были незабываемые поездки! Фадеев полностью отключался от городской сумятицы с ее нескончаемыми совещаниями и заседаниями. Он растворялся в природе, и не было веселее его собеседника за чайным столом в натопленной избе, когда наступает традиционная минута охотничьих рассказов, забористых шуток и непосредственных воспоминаний. Фадеев умел слушать других, и его искренний заливи́стый смех был достойной наградой тому, кто, в свою очередь, сумел занять компанию своей «байкой».

На охоте можно было говорить с Фадеевым о чем угодно, только не о делах. В таких случаях он мрачнел, отвечал неохотно и, наконец, мог даже оборвать собеседника на полуслове. Может быть, поэтому он и ездил на природу чаще всего с людьми «нелитературного цеха».

О его принципиальности можно было судить хотя бы по такому факту, имеющему прямое отношение к автору этих строк.

В 1949 году на сцене Большого театра Союза ССР с успехом шла комическая опера Б. Сметаны «Проданная невеста». Спектакль был выдвинут на соискание Государственной премии, и в числе коллектива участников и создателей спектакля стояла и моя фамилия как автора

русского текста. На одном из решающих заседаний Комитета по Государственным премиям (членом которого был и я) по предложению А. А. Фадеева, являвшегося председателем Комитета, моя кандидатура была снята с голосования.

После заседания Фадеев как ни в чем не бывало пригласил меня пообедать. Мы сидели у него дома вдвоем за обеденным столом, и я, естественно, не удержался, чтобы не вернуться к интересующему меня вопросу. Ведь ни у кого, кроме Фадеева, не было сомнения в том, что я, как автор русского текста «Проданной невесты», наряду с балетмейстером и художником спектакля, режиссером и исполнителями могу считаться полноправным кандидатом на соискание высокой награды.

— И не думай! — сказал простодушно Фадеев, когда я изложил ему мои «веские доводы». — Ты можешь писать оригинальные произведения, а этот твой текст, может быть, сам по себе и хорош, да не самостоятелен! За эту работу премии тебе не полагается, и ты ее не получишь! Это я тебе говорю! Да, да! Вот так! Пиши больше для детей!..

Спектакль получил Государственную премию. В списке удостоенных звания лауреата я себя не искал. Но Фадеева полюбил и «зауважал» еще больше. Он был не из тех, кто мог «порадеть родному человечку», поступая своими принципами.

Саша, как мы привыкли называть Фадеева в своей среде, являл собою образец писателя-коммуниста, всем своим существом влияющего на развитие литературных процессов, отдающего все свои силы и помыслы делу служения Коммунистической партии и своему народу...

Самуил Яковлевич Маршак.

Я познакомился с ним в середине тридцатых годов.

Пионерский отдел Московского городского комитета комсомола предложил мне принять участие в конкурсе на пионерскую песню. С комсомольской путевкой в кармане я выехал в один из пионерских лагерей Подмосковья, где прожил с ребятами около месяца. Вместе с ними ходил в походы, купался, удил рыбу, зажигал пионерские костры.

По возвращении я написал несколько песен («Песню о Павлике Морозове», «Песню о пионере Мите Гордиен-

ко», «Песню о пионерском барабане») и совершенно неожиданно для себя несколько веселых стихов для детей, которые снес «на пробу» в редакцию журнала «Пионер». Редактором журнала был талантливый писатель и журналист, один из неутомимых организаторов детской литературы (он погиб на фронте в первые же месяцы войны) — Борис Ивантер.

Мои стихи «Три гражданина» Ивантеру понравились, и они появились на страницах журнала. Успех меня окрылил. Теперь я дерзнул сочинить целую поэму для ребят. Это был первый вариант «Дяди Степы».

Прочитав поэму, Ивантер мне сказал:

— Ну вот! Теперь вы начали всерьез писать для детей. Надо бы вас познакомить с Маршаком.

Маршак жил в Ленинграде. И вот редакция «Пионера» командирует меня с рукописью «Дяди Степы» на консультацию к Маршаку. Это была вторая в моей жизни творческая командировка. Признаться, не без душевного трепета вошел я в здание ленинградского Дома книги на Невском проспекте, где в нескольких тесных комнатах размещалась редакция детского отдела, возглавляемого С. Маршаком.

Самуил Яковлевич принял меня сразу же. И «Дядю Степу» прочитал при мне. Таков уж был стиль работы в этой редакции, где каждого нового человека встречали так, будто его самого и его рукопись давно уже здесь поджидали. Разговор с Маршаком мне хорошо запомнился. И если впоследствии я не счел своего «Дядю Степу» случайным эпизодом в литературной работе, а продолжал трудиться для юного читателя, то в этом, может быть, прежде всего заслуга Самуила Яковлевича Маршака.

За «Дядю Степу» он похвалил меня, но одновременно и пожурил, объяснив, что мой добрый великан должен еще подрасти духовно. Юмор детских стихов, говорил он, заблестает еще ярче, если вы не побойтесь дать простор лирическому чувству. Лирика, как и юмор, одинаково необходима в детских стихах.

В тот же день Маршак пригласил меня в детский клуб, душой которого был он сам. Несколько одаренных ленинградских школьников, любящих литературу и пробующих свои силы в стихах и прозе, были завсегдатаями этого клуба. Маршак представил меня как молодого московского поэта и попросил прочитать «Дядю Степу».

Маршак был строгим и требовательным наставником. Он был нетерпим к дурным стихам, но он был убежден, что поэтам, в особенности молодым, сперва нужно указать на сильные стороны их творчества, а затем уже на слабые, отмечать то, что безусловно получилось, и обычно начинал беседу с оценки лучших строк, советуя подтягивать до их уровня все остальные. Так он говорил о моем «Дяде Степе», в первую очередь сосредоточившись на том, что, с его точки зрения, заслуживало одобрения.

И впоследствии, когда я приходил к нему, уже на московскую квартиру, в его прокуренный кабинет, где он безотрывно трудился за своим заваленным книгами и бумагами письменным столом, поистине с фантастическим упорством отдаваясь творчеству и нисколько не заботясь о своем здоровье, — он с прежним вниманием и доброжелательством слушал и читал мои новые стихи. Помню, он не раз повторял дорогую ему мысль и однажды написал в статье к моему пятидесятилетию, что любимыми становятся только те детские писатели, которые по-настоящему одарены живым воображением, непосредственностью чувства, способностью играть всерьез, оставаясь детьми и в зрелые годы.

Кажется, я научился узнавать Маршака не только по глуховатому, задыхающемуся голосу, но и по самому телефонному звонку, как казалось мне, напористому, нетерпеливому...

Высказав мне несколько точных, пронизательных суждений, он обычно добавлял в конце:

— И никогда не забывайте, голубчик, что по книгам детских писателей ребенок учится не только читать, но и говорить, но и мыслить, чувствовать...

«Друг мой Маршак!» — так говорил о Самуиле Яковлевиче великий Горький. Вместе они создали детскую литературу, воспитавшую не одно поколение героев, разгромивших фашизм, покоривших целину и космос, строящих сегодня самое справедливое в истории человечества общество и отстаивающих мир на земле!

Со смертью Самуила Яковлевича Маршака опустел капитанский мостик большого корабля советской детской литературы... Но корабль будет уверенно продолжать свой путь по солнечному курсу, будет по-прежнему

открывать для наших детей чудесные архипелаги Новых стихов, Новых повестей, Новых сказок...

И это будет лучшей памятью прославленному капитану той литературы, которая отвечает перед человечеством за будущее планеты.

Мы знали бойца — Маршака,
И вдруг его рядом не стало —
Упал знаменосец полка,
Но знамя полка не упало!

Бойцы продолжают поход,
На знамени солнце играет.
Маршак с нами рядом идет:
Поэзия — не умирает!

Надо ли говорить, как дороги мне были встречи и дружба с корифеями детской литературы Маршаком и Чуковским. На протяжении всех лет нашего знакомства они не раз поддерживали меня добрым словом и дружеским советом. Мне не забыть Корнея Ивановича Чуковского, который, узнав о том, что я, тогда еще молодой поэт (1939 г.), награжден орденом Ленина, приехал ко мне домой, чтобы поздравить с высокой наградой. Веселый и озорной Мойдодыр, добрый и мудрый Айболит — Корней Иванович отличался от Маршака большей академичностью и несколько меньшей общественной активностью. Оставаясь кумиром для всех поколений малышей, он последние десятилетия мало писал для них, посвятив себя главным образом литературоведческой работе, однако его выступления по вопросам и проблемам детской литературы, его уникальная книга «От двух до пяти» навсегда останутся для нас яркими страницами истории «суверенной державы» — литературы юного поколения.

Последнее время Корней Иванович жил в подмосковном дачном поселке писателей Перedelкино. Наезжая в Москву только по самым неотложным делам, он вел жизнь литератора-труженика, начиная свой рабочий день чуть ли не с восходом солнца.

Незваных гостей он умел со свойственной лишь ему одному лукавой учтивостью вовремя выпроваживать за ворота, однако с приглашенными был неизменно радушен и остроумен.

Многие годы Чуковский вел своеобразный дневник-альбом автографов, известный под названием «Чукокка-

ла», заполняя его записями, стихами, пародиями и рисунками своих современников, чем-либо заинтересовавших его на жизненном пути. Попасть на рукописные страницы этой книги считалось честью.

18 апреля 1937 года при очередном посещении дома Чуковских мне была предоставлена возможность записать что-либо в «Чукоккале». И вот что я написал:

Я хожу по городу длинный и худой,
Неуравновешенный, очень молодой.

Ростом удивленные, среди бела дня,
Мальчики и девочки смотрят на меня...

На трамвайных поручнях граждане висят,
«Мясо, рыба, овощи» — вывески гласят.

Я вхожу в кондитерскую, выбиваю чек,
Мне дает пирожное белый человек.

Я беру пирожное и гляжу на крем,
На глазах у публики с аппетитом ем.

Ем и грустно думаю: «Через 30 лет
Покупать пирожные буду или нет?

Повезут по городу очень длинный гроб,
Люди роста среднего скажут: «Он усоп!»

Он в среде покойников вынужден лежать,
Он лишен возможности воздухом дышать,

Пользоваться транспортом, надевать пальто,
Книжки перечитывать автора Барто...»

Естественно, что подобные стихи можно было написать только в том возрасте, в каком я пребывал в первые годы моего знакомства с Корнеем Ивановичем Чуковским, оценившим пародийный юмор моего юношеского самовыражения...

Москва. Малый Черкасский переулок, дом № 1. Третий этаж. Это — Детгиз, Детиздат, издательство «Детская литература».

Отсюда в 1936 году вышел и зашагал по свету изданный отдельной книжкой с рисунками А. Каневского мой «Дядя Степа». Здесь я свел знакомство и завязал дружбу с неумным и легендарным, самым юным командиром кавалерийского полка времен гражданской войны — Аркадием Гайдаром. Здесь в коридоре издатель-

ства я впервые представился тогда уже популярной молодой детской писательнице Агнии Барто и почтительно пожал руку познавшему тайны природы волшебнику слова — Михаилу Пришвину...

Организованное при непосредственном участии М. Горького и руководимое в разные годы талантливыми организаторами и создателями детской книги: Н. А. Семашко, Л. В. Дубровиной и К. Ф. Пискуновым, — издательство детской и юношеской литературы менее чем за полвека стало в ряд крупнейших издательств мира, выпуская из года в год многомиллионными тиражами лучшие произведения русской, национальной и мировой классики, современных советских и зарубежных авторов, способствующих художественному и идейному воспитанию подрастающего поколения.

С благодарностью вспоминаю я энергичную и волевою женщину — Людмилу Викторовну Дубровину. Это она, в звании майора, в составе группы военных лекторов-пропагандистов, выступала в окопах перед бойцами Действующей армии. Сменив военный китель на гражданское платье, она возглавила после войны самое мирное учреждение на свете — Детиздат. Я высоко ценю ее доверие ко мне. С добрыми напутственными словами она рекомендовала меня в члены партии коммунистов.

Особое чувство глубокого уважения и признательности вызывает у меня образ другого фронтовика, тяжело раненного в боях, бывшего минометчика — Константина Федотовича Пискунова, в течение двадцати шести лет руководившего издательством. Человек исключительной скромности и большого личного обаяния, беззаветно преданный любимому делу, он удачно сочетал в себе деловые и моральные качества умелого администратора-коммуниста и вдумчивого, талантливого воспитателя не только вверенного ему коллектива редакторов, но и многих литераторов и художников, ставших впоследствии известными писателями и иллюстраторами книг для детей.

Начав свою трудовую деятельность с двенадцати лет, Константин Федотович Пискунов, с детства пристрастившийся к чтению, всю свою жизнь посвятил детской книге и ее созданию. Я редко встречал человека, который мог бы так искренне радоваться и считать для себя праздником каждую новую творческую удачу молодого,

начинающего или уже маститого, признанного автора. Многие из нас обязаны его вниманию, его советам и дружеской принципиальной критике, продиктованной лишь одним желанием: подарить ребенку новую, добротную книжку! И не случайно в течение многих лет его личными друзьями были самые видные мастера советской литературы и книжной графики.

Нет на свете людей незаменимых, но каждый человек неповторим. Однако есть особо неповторимые люди, жизнь и деятельность которых оставляет неизгладимый след в истории. К таким людям относится Константин Пискунов. Истории советской детской литературы нет без имени этого человека...

В апреле 1936 года я женился на Наталье Кончаловской — дочери художника Петра Петровича Кончаловского, удочерив ее трехлетнюю дочь от первого брака Катеньку.

Творческая непринужденность, насыщенная искусством атмосфера дома Кончаловских, где частыми гостями бывали композитор С. Прокофьев, пианист В. Софроницкий, писатели А. Толстой, Вс. Иванов, Илья Эренбург, скульптор С. Коненков, артисты Иван Москвин и Борис Ливанов и многие другие выдающиеся современники, не могла не отразиться на духовном и эстетическом развитии Натальи Кончаловской. Она становится писательницей, пишет популярную поэму в стихах «Наша древняя столица» и повесть «Дар бесценный», посвященную жизни и творчеству ее деда, великого русского художника В. И. Сурикова, создает русский текст к ряду классических опер («Дон-Жуан», «Фальстаф», «Фра-Дьяволо», «Манон» и др.). У нас рождаются сыновья — Андрей (1938 г.) и Никита (1945 г.).

Осенью 1939 года я был призван в армию и участвовал в освободительном походе наших войск в Западную Украину. Это явилось началом моей литературной деятельности военного писателя-корреспондента.

В первые дни Великой Отечественной войны я был в числе многих литераторов мобилизован для работы в армейской печати. Работал в красноармейской газете Южного фронта «Во славу Родины», затем (после перенесенной контузии во время налета вражеской авиации на Одессу) в редакции газеты «Сталинский сокол».

В газете «Во славу Родины» работали вместе со мной такие известные писатели, как Борис Горбатов, Константин Паустовский, Илья Френкель, Николай Кружков, Владимир Поляков. Некоторые из них уже побывали на Карельском перешейке или участвовали в освобождении Западной Украины. В «Сталинском соколе» был не менее авторитетный писательский коллектив: братья Тур, Натан Рыбак, Г. Эль-Регистан...

Выполняя задание своего командования в Действующей армии, я писал очерки, заметки, а также стихи и юмористические рассказы, тексты к политическим карикатурам и листовки. Мы, армейские журналисты, не просили у редактора двух недель для того, чтобы написать стихотворение или очерк, мы писали, сидя где-нибудь на пеньке в лесу или в землянке, все, что тогда было нужно нашему читателю в солдатской шинели. И пусть немного из того, что мы в те годы написали, осталось жить в наших авторских сборниках, но это была великолепная школа оперативности, внутренней собранности, воспитания чувства ответственности и медленного, трудного, капля за каплей накопления опыта.

Здесь уместно вспомнить известное суждение А. Пушкина: «Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство: не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных».

Памятна мне та морозная ночь на полевом аэродроме, когда я с непередаваемым волнением провожал на боевое задание моих друзей — летчиков Северо-Западного фронта, вылетающих в партизанский край. На борт самолета погружали пачки сочиненных мной листовок. Помню и заголовки листовок: «Пусть не дрогнет твоя рука!», «Ты победишь!», «Не быть России покоренной!».

...Забудь сегодня слово «жалость»
И ненависть зажги в груди.
Враги сильны. И их осталось
Еще немало впереди.

Так бей врага без сожаленья,
Не пощади и не прости.
К несовершенным преступлениям,
К еще не тронутым селеньям
Орду убийц не допусти!..

Нам ночи жгла зола пожарищ,
Дым пепелищ слепил глаза,
Но не от дыма мне, товарищ,
Зрачок туманила слеза.

И нам с тобой забыть едва ли,
Как на асфальте площадей
Мы жертвы с виселиц снимали
И в детских лицах узнавали
Черты родных своих детей.

Вот почему мы твердо знаем,
За что деремся на фронтах,
За что ночей недосыпаем
В сырых, холодных блиндажах,

Шагами меряем болота,
Седеем, мерзнем, устаем
И неприступные высоты
Своими жизнями берем...

Представляя в 1942 году на Северо-Западном фронте редакцию центральной газеты Военно-Воздушных Сил Красной Армии «Сталинский сокол», я сдружился с коллективом фронтовой газеты «За Родину» и не раз выступал на страницах этой газеты.

В конце лета военные летчики вывозили из партизанского края осиротевших детей. Вместе с корреспондентами фронтовой газеты и я поехал на полевой аэродром встречать сирот.

Среди детей была дочь зверски замученного фашистами учителя из села Быстрый Берег Белобелковского района Валя Петрова двух с половиной лет. Фотокорреспондент П. Бернштейн сделал снимки. Когда снимки были отпечатаны, я попросил его дать мне портрет Вали Петровой, и 8 сентября 1942 года он появился на первой полосе фронтовой газеты Северо-Западного фронта «За Родину» с моими стихами:

ЗАПОМНИ

Посмотри хорошенько на этот портрет
Русской девочки двух с половиною лет.
Быстрый Берег — лесная деревня звалась,
Та деревня, где жизнь у нее началась,
Где ее молодая крестьянская мать
Научила ходить и слова понимать,
Где ее Валентиной с рожденья назвали,
Где росла она, русская девочка Валя.
Посмотри хорошенько на этот портрет
Русской девочки двух с половиною лет.

Шоколадом маня, подзывая к себе,
Немец бил ее плетью, ночуя в избе,
Поднимал над землею за прядку волос,
Вырвал куклу из рук и с собою унес.
Это немцы ее «партизанкой» назвали,
Это немцы отца у нее расстреляли,
Разве сердце не скажет тебе: «Отомсти!»?
Разве совесть не скажет тебе: «Не прости!»?
Слышишь, матери просят: «Она не одна!
Отомсти за таких же других, как она!»
Посмотри и запомни, товарищ, портрет
Этой девочки двух с половиною лет!

В начале 1942 года группа писателей и художников решила приобрести на свои средства танк и отправить его на фронт. Дело это было новое, но секретарь ЦК партии А. С. Щербаков оценил его значение, и танк КВ был нам продан. Назвали его «Беспощадный». Кукрыниксы изобразили на броне Гитлера, разорванного в клочья снарядом, а Самуил Маршак написал призывные строки:

Штурмовой огонь веди,
Наш бессмертный танк.
В тыл фашистам заходи,
Бей его во фланг!

Рождение «Беспощадного» явилось одновременно рождением массового движения по созданию на личные средства трудящихся танковых колонн и даже целых войсковых соединений, таких, как Уральский добровольческий танковый корпус. Затевая покупку своего танка, ни я, ни мои товарищи даже и не предполагали, какую всенародную поддержку получит наше начинание.

Всю войну не выходил «Беспощадный» из боя. Пал смертью храбрых его замечательный бесстрашный командир Паша Хорошилов, погиб член экипажа весельчак Алеша Фатеев. Но гвардейцы-танкисты дошли до своего победного рубежа.

В наших архивах хранятся письма, полученные нами из Действующей армии от экипажа «Беспощадного», а макет прославленного танка по сей день хранится в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева.

Это было в 1943 году. На фронтах Великой Отечественной разворачивались ожесточенные сражения. Именно тогда Коммунистическая партия и Советское

правительство приняли решение о создании Гимна Советского Союза. К выполнению этого ответственного задания были привлечены десятки поэтов и композиторов. Мы, я и мой фронтовой товарищ журналист Габриэль Эль-Регистан, работая в редакции центральной газеты Военно-Воздушных Сил Красной Армии «Сталинский сокол», решили включиться в творческий конкурс.

Мы отлично понимали, что текст гимна должен быть проникнут основными идеями нашей государственности, идеями, наиболее близкими народу. Гимн должен отразить тот исторический путь, которым шла от Октября наша страна. Сказать о ее прошлом и настоящем, заглянуть в будущее. Мы знали: в гимне надо обязательно подчеркнуть исключительную роль русского народа, который не только вел за собой все национальности нашей страны в период революции, но и, объединив их, оказывал великую братскую помощь в ходе социалистического строительства. Русскому же народу принадлежала ведущая роль и в Великой Отечественной войне.

Понимая, что гимн — это торжественная гражданская песнь народа, мы чувствовали опасность ложного литературного пафоса, излишней напыщенности. Поэтому, работая над вариантами текста, стремились быть предельно искренними. Помогало твердое убеждение, что язык гимна должен быть простым, ясным, таким, чтобы каждое его слово было понятным любому советскому человеку — от школьника до академика.

Авторитетная комиссия во главе с К. Е. Ворошиловым в течение ряда месяцев знакомилась и прослушивала предлагаемые варианты Гимна Советского Союза. После того как наш текст был в основном одобрен и отобран для дальнейшей работы, мне и моему соавтору пришлось еще немало потрудиться. В ночь под новый, 1944 год Гимн СССР впервые прозвучал по Всесоюзному радио. Музыкальной основой для него стала музыка профессора А. В. Александрова, руководителя Краснознаменного ансамбля, написанная им как «Гимн партии большевиков» на слова В. И. Лебедева-Кумача.

Со временем возникла необходимость внести в текст гимна изменения. Вновь к работе были привлечены наши ведущие поэты и композиторы. Мне, как одному из авторов первого Гимна СССР (Г. Эль-Регистан умер в

1945 году), была предоставлена возможность создать новую редакцию текста. И я, конечно, счастлив, что эта работа оказалась успешной: 27 мая 1977 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил текст и музыкальную редакцию Государственного Гимна Союза Советских Социалистических Республик (текст С. Михалкова и Г. Эль-Регистана, музыка А. В. Александрова).

В новой литературной редакции гимна отражены выдающаяся роль «партии Ленина — силы народной», ведущей Советский Союз к светлому будущему, наша верность красному знамени революции, наша вера в грядущую победу коммунизма в нашей стране. Естественно, что в гимне присутствуют основные идеи прежнего текста, сыгравшие свое историческое значение и в наше время.

ГИМН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Текст С. Михалкова и Г. Эль-Регистана

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!
Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!
В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Далеко позади остались военные годы. Но каждый раз, приходя к Вечному огню у Кремлевской стены, зажженному в память о Неизвестном солдате, я думаю

о своих друзьях, оставшихся там, на полях сражений, где воля к победе была прочнее металла.

Я гляжу на свои строки, что выбиты на камне: «ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО, ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН». Когда я писал эти слова, я испытывал чувство великой благодарности к миллионам наших людей, отдавших жизнь за будущее всей земной цивилизации...

Живой классик Алексей Николаевич Толстой пользовался всеобщим авторитетом. Он завораживал собеседника своей простотой, глубиной и блеском ума, яркой, сочной, образной речью и еще чем-то таким, что присуще, хотя и в разной степени, всем замечательным людям.

В ту пору я уже не был новичком в литературе: мои книги для детей были отмечены читателем и общественностью, но имя Толстого вызывало у меня почти суеверное благоговение.

Жил Толстой в Москве. Тогда он много и напряженно работал, но для постороннего глаза эта напряженность была вряд ли заметна. Он часто созывал гостей, любил щедрое застолье, острое слово и сам был замечательным рассказчиком: рассказывал в лицах, как настоящий актер. Он был вежлив в обращении, зато порой резок и удивительно прям в своих суждениях.

В Союзе писателей Толстой бывал довольно часто. Его утомляли будничные, нетворческие дела и заботы. Но если он брался за что-нибудь, то быстро добивался своего.

Хорошо помню Алексея Толстого в первые недели войны. Он был озабочен, в его движениях появилась стремительность, в высказываниях — предельная, солдатская определенность. Его патриотические статьи волновали глубиной и содержательностью. Он отлично чувствовал истоки народной стойкости, в его страстной публицистике, как правило, отсутствовали риторика и общие места.

В те трудные времена писательская братия была сплочена более обыкновенного: перед лицом грозных событий, всколыхнувших всю страну, забылись все неизбежные споры и пристрастия, как нечто второстепенное, малозначительное или даже пустяковое. Многие уходили на фронт, многим из ушедших не суждено было вернуться: московская писательская организация за годы войны потеряла почти треть своего состава.

Почему-то особенно запомнилась первая статья Алексея Толстого из большого публицистического цикла, написанная через несколько дней после нападения фашистской Германии. Называлась она «Что мы защищаем?». В статье чувствовалась тревога большого русского писателя за судьбы народа и его культуру, но была она полна веры в непоколебимую правоту и мужество верных сынов Отчизны, в мудрость партии. Эта статья воодушевляла нас, молодых писателей.

В творчестве Толстого меня всегда поражали самобытная широта его русской природы, энциклопедические знания, редкое умение сочетать беллетристичность, увлекательность повествования с поразительной глубиной социального анализа. Сколько бы ни прошло времени, какие бы таланты ни выдвинула отечественная литература, Алексей Николаевич Толстой всегда останется ее драгоценностью. В лучших своих книгах он запечатлел историю нашей страны на ее революционном переломе с тщательностью и мудростью истинного художника — гражданина и патриота.

Умер Толстой неожиданно. Чувство потери было всеобщим, но было и сознание того, что его творчеству суждена долгая жизнь. В военную пору Алексей Николаевич однажды посоветовал мне попробовать свои силы в басенном жанре.

— Тебе лучше всего удаются стихи, в которых ты идешь от фольклора, от народного юмора. Не начать ли тебе писать басни? — посоветовал мне Толстой.

Честно говоря, аллегорическая поэзия представлялась мне чем-то в достаточной степени архаичным. Затем произошло следующее. Страна отмечала юбилей Крылова. По радио, с подмостков эстрады, с газетных страниц звучали гениальные крыловские творения. Они заражали людей смехом, рождая в сердцах радость, гнев, иронию, сарказм... Видимо, и в число крыловского юбилейного комитета я попал по рекомендации Алексея Толстого.

Часто с благодарностью думаю я о его пронизательности — он сумел в моих стихах для детей разглядеть басенное начало и подсказать мне новую верную жанровую дорогу.

В числе первых напечатанных басен были «Слон-живописец», «Две подружки», «Дальновидная Сорока» и некоторые другие. Читательский успех «Зайца во хмелю»

и «Лисы и Бобра» во многом определил судьбу этого незаслуженно забытого жанра. Правда, на первых порах мне не раз приходилось слышать: «Время аллегорий прошло. Этот жанр устарел. Зачем его возрождать? Басня сегодня никому не нужна!» Однако сама жизнь доказала обратное. Меня поддержала газета «Правда»: она стала публиковать мои басни, как бы открывая дорогу этому жанру. Басня звучала по радио и с эстрады в исполнении Игоря Ильинского и других артистов — мастеров художественного слова. Обнаружилось, что у нее есть немало поклонников, что авторы басен живут и работают в разных концах страны, нуждаются в поощрении и признании.

Правда, во внезапно хлынувшем на страницы периодики басенном потоке было много издержек; иные сочинители, пользуясь аллегорическими средствами, с завидной легкостью очеловечивая животных и предметы, заставляли своих «героев» бляеть, мычать и кудахтать по самому ничтожному поводу, — вели наивный нравоучительный разговор, сводя его в конечном итоге к убогому морализаторству, поверхностной дидактике.

Такого рода просчеты тоже были поучительными. Я понял на практике, что басня отнюдь не фельетон, что сама по себе басенная форма еще ничего не решает, ибо нужны художественные поиски, открытия. Надо сказать, что простота, лаконичность, сюжет, юмор не даются баснописцу легко. Басенный хлеб приходится добывать на ниве в поте лица своего.

Здесь уместно вспомнить размышления Белинского о баснях Крылова. Крылов, по мнению Белинского, создал сокровищницу практического смысла, остроумия, юмора, разговорного языка, отличающуюся простодушием и народностью.

Белинский писал: «Да, народность в поэте есть такой же талант, как и способность творчества. Если надо родиться поэтом и чтоб быть поэтом, то надо и родиться народным, чтоб выразить своею личностию характеристические свойства своих соотечественников... Народным делает человека его натура». Но Белинский, как известно, яростно выступал против подделок под народность, говоря, что усиленное и нарочитое желание любыми средствами казаться народным есть первый признак отсутствия способности быть народным.

Жизнь жанра можно сопоставить с жизнью человека.

Жанр, как и человек, переживает золотую пору детства. Время молодости. Прекрасной зрелости. Наступает старость, приходит смерть. Не так ли угас жанр оды и мадригала? Однако жанр в отличие от человека обладает способностью и к возрождению. Для этого должны, видимо, возникнуть соответствующие условия. Крылов столько сделал в сфере басни, что многие считали ее возможности исчерпанными. У Крылова были предшественники и последователи. Но имя Крылова затмило все имена. Работа Демьяна Бедного дала басне новую силу, сделав ее острым и действенным оружием в руках народа. Недаром Демьян Бедный в свое время писал:

Как можно басне умереть?
С народным творчеством она в родстве немало.
И это я имел в виду,
Когда в двенадцатом году,
Ища кратчайшие пути к народным массам,
Им в баснях ненависть внушал к враждебным классам!

Теперь, говоря об истории литературно-политической сатиры в XX столетии, мы не можем не вспомнить политических басен Демьяна Бедного.

Я старался придать басне многогранность, обращаясь к различным сторонам действительности. Поэтому приходилось пристально приглядываться к всевозможным житейским ситуациям, высматривая в них то, что волнует многих, что является в данное время типическим, носит обобщающий характер.

Особенность мышления художника такова, что какая-нибудь деталь, частность, случайно подслушанный диалог могут неожиданно возбудить его фантазию, подсказать тему и сюжет будущего произведения.

Сюжет басни «Тихий водоем» родился у меня во время осенней охоты. Сидя на вечерней зорьке в шалашике и прислушиваясь к доносящимся до меня по ветру из ближней деревни мычанию коров, щелканью пастушечьего кнута и лаю собак, я почему-то представил себе дикую кряковую утку, нашедшую себе приют в стаде домашних уток. Зачем ей лететь в далекие края, рисковать в пути жизнью, если она может присоединиться к своим сородичам — домашним уткам — и спокойно, сытно жить среди них возле тихого водоема, подумал я. Так родилась басня, в которой я хотел обличить самоуспокоенность иных моих собратьев по перу.

Пес-попрошайка, постоянный гость одного из ресторанов Кисловодска, откликнулся на кличку Шарик и подошел к моему столу за подачкой, а через минуту повернул голову к другому столику, откликнувшись на брошенное ему: «Бобик!» Этот маленький факт позволил мне написать басню «Шарик-Бобик» о людях без гордости и самолюбия, не желающих честно трудиться, промышляющих подачками.

Писателю необходимо живое общение с читателями. Писатель не может жить вне общения с тем, для кого он творит. Советский читатель — читатель особенный. Он не только ревностно следит за судьбой и творчеством любимых писателей, но, читая книги, весьма охотно откликается на просьбу издательства сообщить свое мнение о прочитанном произведении, сам нередко вступает в переписку с автором книги, радуется его успехам, огорчается неудачей, советует, подсказывает, делится личными переживаниями. Иные читательские письма также подсказывали мне тему или сюжет той или иной басни. Так, например, одно из читательских писем подсказало мне сюжет басни «Лев и ярлык»...

В работе над басней меня воодушевляло и то, что басни мои стали переводиться на языки народов нашей страны, что у них появились превосходные художники-иллюстраторы, что также было возрождением давней отечественной традиции. Нельзя было не восхищаться работами К. Ротова, Евг. Рачева, А. Каневского, Кукрыниксов, А. Лаптева, И. Митурича. Каждый из художников создавал свой особый басенный мир, опираясь, разумеется, на литературные образы.

Мало-помалу в широком басенном потоке стала просматриваться и глубина. Появились запоминающиеся произведения. Превосходно потрудились сатирики Украины, Армении. В Белоруссии басни писал веселый и мудрый Кондрат Крапива, чья сатира получила всесоюзное звучание. Все разговоры, что басня не созвучна современности, что она отдает архаикой, были начисто сняты. Думаю, что сам по себе жанр обладает способностью получать новое наполнение.

Каждому автору приятно увидеть свой труд любовно и со вкусом изданным. Мне пришлось испытать волнующее чувство глубокой признательности, когда я получил небольшую иллюстрированную книжечку, выпущенную

издательством «Гутенберг» в Тегеране. Мою басню «Лев и ярлык» перевела на персидский язык студентка факультета русского языка Высшей школы по подготовке переводчиков Жале Назирфард под руководством декана факультета Искандера Забихияна. Басня была сопровождена предисловием и послесловием, воспроизведен русский оригинал, дан подстрочный перевод, а также стихотворный пересказ произведения.

Язык басенных образов исключительно доходчив — его принимают буквально все. Об этом, в частности, пишет мне г-н Нисимото Сиодзи, переводчик моих басен на японский язык.

Басни — значительная полоса в моей литературной биографии. Они дали мне возможность выхода ко взрослому читателю.

Острая политическая карикатура, вызывающая смех и гнев в адрес врага, всегда была на вооружении нашей армии и народа. Известно, что жанр политической сатиры требует от художника и поэта максимальной оперативности, понимания международной обстановки и актуальных задач нашей внешней политики, остроты и дипломатического такта.

Советская политическая сатира, отличающаяся идейностью и высоким профессиональным мастерством, давно получила всеобщее признание. Каждодневный большой и упорный труд деятелей искусства и литературы в этом жанре можно сравнить с трудом рабочего на заводе, крестьянина на колхозной ниве, ученого в лаборатории — это труд, направленный на укрепление наших позиций, на утверждение наших идеалов.

Зарубежным вдохновителям «холодной войны», агрессорам и реакционерам всех мастей противостоят могучие миролюбивые силы во главе с Советским Союзом, великая солидарность народов пяти континентов, отстаивающих благородное дело мира, свободы и безопасности.

Расчитанная на массового читателя политическая карикатура на международную тему должна быть решена в рисунке и в сопровождающей его подписи просто, ясно, доходчиво. Удачное сочетание рисунка и подписи под ним — гарантия успеха сатиры.

Они дошли до стен рейхстага,
Друзья: боец и командир.

И стены были им бумагой
Для первых подписей за мир!
(Рис. М. Абрамова, 1945 г.)

Чтоб в мире дело мира крепло
И чтоб нигде и никогда
Не превращались в груды пепла
Сады, деревни, города, —
Народы мира без поблажки
Сегодня сообща должны
Держать в смирительной рубашке
Всех поджигателей войны!
(Рис. Б. Ефимова, 1949 г.)

Мне пришлось многие годы работать с Борисом Ефимовым, сочиняя стихотворные подписи под его карикатурами в газете «Известия». Его фантазия всегда поражала меня. С ним всегда было приятно сотрудничать. Доброжелательный, веселый, принципиальный человек, мастер своего дела, Борис Ефимов для меня всегда являлся образом подлинного газетчика, политического снайпера.

Однако мои стихотворные подписи чаще появлялись в газете «Правда» под рисунками Марка Абрамова. Оригинальные решения его сюжетов на международные темы, лаконизм и выразительность графического исполнения в сочетании с поразительной, чисто журналистской настойчивостью, применяемой им в личном общении с автором этих строк, во имя оперативной «подтекстовки» рисунка, приводили к желаемому результату: карикатура, сопровождаемая стихами, вовремя попадала на страницу газеты.

За три десятилетия нашей творческой дружбы с М. Абрамовым было издано более двадцати альбомов и подборок карикатур со стихотворными подписями на международные и внутренние темы. Среди них: «Они без маски» (1952), «Миру мир» (1958), «Реваншисты» (1960), «Международный репортаж» (1961), «Не повернуть истории назад» (1970), «Вчера на Рейне» (1973), «Мы за мир» (1974) и др.

За заслуги в области сатиры мне в 1979 году была присуждена Международная болгарская премия «Хитрый Петр», и я заслужил звание почетного гражданина веселого города Габрово.

Работая в поэзии для детей, я всегда мечтал о том, чтобы написать повесть-сказку, которая была бы понятна и интересна детям всего мира, составляющим, на мой

взгляд, лучшую часть человечества, которую нельзя не любить. Хотелось написать сказку, в которой происходили бы самые невероятные и фантастические приключения. И была бы она — волшебной и вполне современной историей.

Вчерашняя фантастика сегодня — будничная реальность... Современные воздушные лайнеры — какое привычное дело, а ведь только вчера дети с замиранием сердца слушали о волшебных коврах-самолетах. На самом простеньком и небольшом экране телевизора можно теперь увидеть куда больше, чем в чудесном сказочном зеркальце...

Изменилась жизнь, и теперь сказка должна быть совершенно иной, чем она была раньше. Самый легкий путь — путь стилизации и переделки старых сюжетов. Но кого может увлечь штопанье и перелицовка ветхого старья?

Сюжет в сказке — первейшее дело. Он должен быть совершенно необычным. Скучная сказка — такая же нелепость, как горячее мороженое. Много лет в моем воображении рисовалась фабула, виднелись лица героев будущей сказки, но я никак не отваживался взяться за перо.

Сюжеты, придуманные мною, почти всегда реализуются, хотя и не сразу. Некоторые из них месяцами, а то и годами ждут своей очереди. В этом случае они хранятся в папке «невыполненных заданий». В течение нескольких лет я не раз доставал из этой папки записанное на одной страничке вступление к сказке для того, чтобы начать над ней работу. И всякий раз с несколькими новыми пометками эта страничка попадала обратно в папку — сказка «не вытанцовывалась».

Произведение нельзя сочинить. Оно должно родиться.

Однажды, когда я проводил отпуск в Карловых Варах, как-то само собой возникло название заветной сказки — «Праздник непослушания». Рука сама потянулась к перу и бумаге. Написалась первая фраза, которую я так мучительно искал столько лет: «Этого никогда не было, хотя могло бы и быть, но если бы это на самом деле было, то...»

Переехав из Карловых Вар в Дом творчества болгарских писателей в Варне, я за два месяца завершил работу над первым вариантом сказки.

В нескольких словах сюжет сказки заключался в следующем.

В небольшом сказочном, но в то же время вполне реальном городе произошло невероятное событие — взрослое население, измученное дорогами, любимыми, но грубыми, капризными и упрямыми детьми, в знак протеста и своего бессилия покидает город. Город во власти детей. Свобода без ограничений! Однако дети в сказке начинают скоро замечать, что без родителей, без взрослых они не могут обходиться. Самый радостный момент всей сказки, ее сюжетная кульминация — возвращение родителей, получивших письмо в стихах: «Мамы! Папы! Нам без вас — все равно что вам без нас!»

Сюжет был продуман от начала и до конца.

Но надо было найти интонацию. Найти ритмический ключ. Получить полное ощущение раскованности и свободного разговора. Добиться художественной простоты. Моя цель была вовсе не в том, чтобы развеселить маленьких читателей, хотя и это немаловажно. Убежден, что веселье, забавность должны присутствовать в произведении для детей, ибо ощущение счастья — естественное состояние ребенка. Но у меня была и сверхзадача. Я хотел, чтобы взрослые, читая сказку, вспомнили, что они сами когда-то тоже были детьми. В качестве эпиграфа к сказке я мог бы взять известное высказывание Жан-Жака Руссо: «Вам не удастся никогда создать мудрецов, если будете убивать в детях шалунов». Дети не должны чувствовать себя воспитуемыми. Ведь искусство воспитания заключается еще и в том, чтобы оставаться незаметным. Сказка моя должна была нести в себе глубокий педагогический смысл, воспитывая образами и сюжетными коллизиями, но отнюдь не унылой дидактикой, утверждать право общества на разумный порядок, выступать против анархии в любом ее проявлении.

Издательство «Арена» в ФРГ выпустило сказку «Праздник непослушания» под озорным названием: «Ура, бастуют родители!» Сказка переведена в настоящее время уже на несколько европейских языков, и, не скрою, мне приятно было узнать похвальный отзыв президента Международной организации детской книги — профессора Ниילו Висепаа, отметившего в моем произведении продолжение традиций, берущих начало в творчестве великого сказочника — Ганса Христиана Андерсена...

Театр я полюбил с детства.

Еще в 1925 году в подмосковном поселке Дарьино группа детей решила своими силами поставить спектакль. Для постановки выбрали театральную сказку «Любовь к трем апельсинам» Карло Гоцци. Ребятам выпало редкое счастье: в этом же дачном поселке отдыхал тогда величайший мастер русского театра Константин Сергеевич Станиславский. Его заинтересовал детский спектакль; он пришел на репетицию, дал нам много полезных советов. Спектакль получился веселый, интересный. Ставил спектакль старший из ребят Гриша Кристи (впоследствии ближайший помощник и ученик К. С. Станиславского, доктор искусствоведческих наук профессор Г. В. Кристи). А злую ведьму в спектакле пришлось играть мне.

Спустя двадцать лет на тему сказки «Любовь к трем апельсинам» я написал комедию для детей «Смех и слезы», известную также под названием «В стране игр, или Веселое сновидение». Но первую свою пьесу я сочинил в 1938 году. Она была написана по мотивам повести Марка Твена «Принц и нищий» и называлась «Том Кенти». Критика упрекала меня, молодого драматурга, за несколько вольное обращение с материалом мировой классики, однако спектакль, талантливо поставленный моим другом режиссером Валентином Колесаевым на сцене Государственного центрального театра юного зрителя (Госцентюз), окончательно утвердил мое пристрастие к драматургии и театру. А пьеса «Том Кенти» через тридцать пять лет вновь обрела жизнь на сцене Московского ордена Трудового Красного Знамени театра юного зрителя, в том же помещении, на той же сцене, где она когда-то заявила о себе.

За «Томом Кенти» последовали пьесы: «Коньки» (1938), «Особое задание» (1945), «Смех и слезы» (1945), «Красный галстук» (1946), «Я хочу домой!» (1949), «Зайка-Зазнайка» (1951), «Чужая роль» (1953), «Сомбреро» (1957), «Забытый блиндаж» (1962), «Первая тройка, или Год 2001-й» (1970), «Дорогой мальчик» (1973), «Товарищи дети» (1981). Поставленные на сцене многих театров страны и за рубежом, большинство из них обязаны своему рождению в первую очередь Центральному ордена Ленина детскому театру, его талантливому коллективу. 2 апреля 1978 года на сцене Центрального детского театра, в год пятидесятилетия моей литературной и обще-

ственной деятельности, спектакль «Сомбреро» шел в тысячный раз...

Драматургия все больше увлекала меня. Мне посчастливилось работать с выдающимися мастерами советского театра: А. Акимовым, А. Брянцевым, Ю. Завадским, И. Ильинским, В. Плучеком, Б. Покровским, Б. Равенских, Р. Симоновым, В. Топорковым, Г. Товстоноговым, В. Андреевым. Репетиции моих пьес, над которыми они работали, были для меня и школой и праздником.

Считая себя драматургом театра для детей, я тем не менее написал несколько пьес для взрослых. Среди них «Раки» (новая редакция 1960), «Памятник себе...» (1959), «Охотник» (1954), «Эцитоны бурчелли» (1961), «Пощечина» (1974), «Балалайки и К^о» (по мотивам романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», 1973), комедия нравов: «Пена» (1975), «Постоялец» (1977), «Пассаж в Пассаже» (по мотивам рассказа Ф. М. Достоевского, 1978), «Эхо» (1980), «Товарищи-граждане» (по мотивам рассказов В. Шукшина, 1980).

В том же 1938 году, когда мною была написана первая пьеса для детей, я впервые переступил порог киностудии. Нужно было написать текст к мультипликационному фильму «В Африке жарко». С той поры моя творческая связь с кинематографом не прерывалась: по моим сценариям было поставлено более тридцати мультипликационных и художественных фильмов, в их числе: «Фронтовые подруги» (1940 г., в соавторстве с М. Розенбергом. «Ленфильм»), «У них есть Родина» (1949 г. Студия имени М. Горького), «Комитет 19-ти» и «Вид на жительство» (1972 г., в соавторстве с А. Шлепяновым. «Мосфильм»).

Придавая большое значение развитию сатирического жанра в кино и его действенной силе в деле борьбы за коммунистическое воспитание трудящихся, я возглавил Всесоюзный сатирический киножурнал «Фитиль» и с 1962 года являюсь его организатором и главным редактором. Критика и самокритика в наших условиях является важнейшим испытанным средством борьбы против всего старого, во имя утверждения нового. Она служит великим, созидательным целям. Сатира не может развиваться под всеобщие аплодисменты: кому-нибудь она обязательно должна не понравиться, кого-то она обязательно заденет за живое, обидит, обозлит. В этом

ее назначение. Однако писатель-сатирик должен быть, как минер, уверен в том, что заряд сработал точно и в заданном направлении: что на «мине» подорвался тот, против кого она была поставлена. В противном случае он рискует подорваться сам...

Редакция киножурнала «Фитиль» направляет свою деятельность на утверждение партийной, острой, сатирической кинопублицистики, которая бичует отрицательные элементы и явления, мешающие всему здоровому, животворному в коммунистическом строительстве. И, видимо, не случайна большая популярность «Фитиля» у народа, он неизменно пользуется успехом и привлекает внимание самых широких слоев кинозрителей.

В смелой, беспощадной критике наших недостатков выражается непоколебимая вера в силу нашего строя, в правоту нашего дела! Вот почему работа советских сатириков является глубоко патриотичной, нужной народу и совершается в его интересах.

В 1946 году группа советских военных кораблей совершила переход из Балтийского в Черное море. Переход обещал быть интересным, и командование приняло на борт флагмана «Ленин» двух писателей, корреспондентов. Мне впервые удалось побывать в Англии и в Гибралтаре, на острове Мальта и в Стамбуле. Написанная за время похода в содружестве с моим добрым другом Львом Кассилем книга «Европа — слева» открыла для моего творчества перспективы еще одного литературного жанра.

Пришлось мне в последующие годы побывать в США и Мексике, в Японии и Испании, Монголии и Бразилии, Ирландии и Алжире, Франции и Греции, на Кубе, а также во многих других странах мира, однако очерковых книг о своих путешествиях я больше не написал. И все же впечатления от знакомства с новыми странами, с бытом и нравами народов, их образом жизни, наконец, личные контакты с деятелями культуры этих стран не проходят бесследно для писателя.

Так, например, неоднократные поездки в Чехословакию и личное знакомство с виднейшим чешским ученым-музыковедом профессором Зденеком Неedly побудили меня написать русский текст к чешским операм «Проданная невеста» Б. Сметаны (1948) и «Черт и Кача» А. Дворжака (1954). Эти две комические оперы, постав-

ленные на сцене ГАБТа СССР и Пермского государственного театра оперы и балета, дали возможность советским зрителям и ценителям музыки ознакомиться с подлинными жемчужинами чешской музыкальной культуры.

Развивающиеся контакты деятелей советской культуры и искусства с прогрессивными представителями других стран мира, активное участие советских литераторов в работе многочисленных организаций открыли и перед большим отрядом творческих работников, посвятивших свою жизнь воспитанию советских детей и юношества, широкие возможности для установления дружеских, деловых и организационных контактов с представителями литературы и искусства для детей за рубежом.

Мне неоднократно приходилось представлять Советский Союз на различных форумах, конгрессах, симпозиумах и конференциях, посвященных проблемам мировой литературы, театра и кинематографии для детей. Я работал в жюри Международного фестиваля детских фильмов в Тегеране, в качестве председателя неоднократно возглавлял жюри Международного московского фестиваля фильмов для детей и юношества, выступал на заседаниях исполкома Международной организации детского театра в Брюсселе, Бордо и Софии, участвовал в работе исполкома Международной организации детской книги в Праге, Амрисвилле, Ницце, Вене, Афинах, Рио-де-Жанейро...

Деятельность «полпреда» советской литературы и искусства для детей значительно расширила мое представление об определенной части прогрессивной творческой интеллигенции за рубежом, о ее борьбе за дело мира во всем мире средствами идейно-художественного воспитания подрастающего поколения в условиях буржуазного строя.

Мне довелось познакомиться со многими писателями, чье творчество служит нравственному воспитанию молодого поколения. Здесь мне хотелось бы назвать в первую очередь лауреатов Международной премии имени Ганса Христиана Андерсена итальянского писателя Джанни Родари и немецкого поэта Джеймса Крюсса — озорных выдумщиков и мастеров поэзии, заслуженно пользующихся любовью и признанием миллионов маленьких читателей.

Детских писателей мира объединяет не только высокая цель, но и не менее высокая ответственность. У каждого литератора, на каком бы континенте он ни жил, на каком бы языке ни писал, когда он склоняется над чистым листом бумаги, возникает вопрос: каким же принципам будет служить его произведение, чему оно научит молодого читателя? Нам понятны и дороги детские книги, в основе которых лежат простые и ясные, по-настоящему благородные принципы...

Вот почему нам понятно и дорого творчество писателей, зовущих своими книгами к социальному прогрессу к процветанию народов, к яркому, мирному будущему человечества.

И подобный социальный оптимизм, произрастающий на плодотворной почве общегуманистических взглядов, в каких бы формах он ни проявлялся, всегда благотворен для маленького человека. Он воспитывает в нем веру в себя, веру в людей.

В мировой детской литературе есть сегодня хорошие книги, созданные на десятках разных языков. Есть книги — учителя, строгие и взыскательные. Есть книги — приятели. Есть книги — волшебники. Есть книги — солдаты. И каждая новая хорошая детская книга — это праздник для тысяч и тысяч юных граждан планеты Земля!..

Верный своему убеждению, что настоящий профессионал-литератор должен пробовать свои силы во всех жанрах, я не мог отказать себе в удовольствии попытаться донести до русского читателя звучание детских стихов выдающегося польского поэта Юлиана Тувима, тонкого и лирического еврейского поэта — Льва Квитко и задорного любимца болгарской пионерии Асена Босева. И если мне это в какой-то мере удалось, то, вероятно, лишь потому, что юмор и интонации переводимых мною стихов были мне творчески родственны и близки по духу.

Многие читатели интересуются: «Как вы работаете? Есть ли у вас режим рабочего дня?»

Я работаю круглосуточно. Это, естественно, не значит, что двадцать четыре часа в сутки я просиживаю за письменным столом. Напротив, иной раз подолгу к нему не подходишь, неделями вовсе не берешься за перо. Но клетки мозга, ведающие творческой лабораторией, работают постоянно в заданном им направлении. И если на-

чал работу, скажем, над новой пьесой, мысли, независимо от окружающей обстановки, все время возвращаются к не родившимся еще персонажам, воображение вынашивает характеры героев, разрабатывается и уточняется сюжет, придумываются отдельные фразы будущих диалогов, откristаллизовывается драматургическая ситуация — одним словом, идет «процесс сочинения». Даже во сне иной раз мои герои не оставляют меня в покое. Так продолжается до тех пор, пока замысел не созреет до того долгожданного момента, когда уже пора сесть за стол.

Когда произведение «созрело» и само просится на бумагу, от него уже трудно оторваться. Для этого, как ни странно, совсем не обязательно находиться в атмосфере спокойного рабочего кабинета. Важная сцена в комедии «Эцитоны бурчелли» дописывалась мной за столом президиума одной конференции. Многие из присутствующих, видимо, полагали, я «строчу» текст своего выступления...

И все же хочется пожаловаться: известно, что если разбудить спящего человека, ему потом не так легко погрузиться в сон и тем более продолжить прерванное сновидение. Точно так же писателю в момент его активной творческой работы мучительно трудно отрываться от нее, а потом вновь начинать жить жизнью своих героев. И как сложно объяснить людям, вторгающимся в твоё творческое состояние (сновидение!), что писательский труд не так прост, как это кажется некоторым.

Писатель должен много работать. Часами приходится просиживать за машинкой — ее стук возбуждает, рождает мысли, будит бесчисленные воспоминания и ассоциации. Зарождается мысль, постепенно она приобретает форму, обрастает плотью и углубляется. Фраза в голове — это одно, когда же видишь ее на бумаге — совсем другое. Первая фраза на бумаге — будь то стихи или проза — это только первый вариант. Люблю переделывать, переписывать написанное, создавать новые и новые варианты, испытываю от этого трудно передаваемое наслаждение. Правлю, вычеркиваю даже то, что было написано когда-то давно, много лет назад. Мне часто звонят из издательства редакторы и спрашивают: «Какой же у вас вариант окончательный?» Отвечаю: «Самый последний!»

Убежден, что для писателя черновик — поле битвы, сражение, которое он должен выиграть. Сам постепенно чувствуешь, как слова приобретают многозначительность, появляется подтекст, который раньше был почти незаметен. Он — этот подтекст — существовал, но о нем знал только автор. Смысл же работы в том, чтобы сделать читателя соучастником своего творческого процесса. Счастлив поэт, если читатель идет за ним в глубь строки.

Часто интересуются, не мешает ли мне работа в периодике, ведь в газете нередко приходится опубликовывать то, что едва ли найдет место в собрании сочинений. Я против снобистского отношения к литературной работе. Газету я люблю и постоянно сотрудничаю во многих редакциях. Что за беда, если заметка, рецензия, отклик, стихотворение на злобу дня не появятся в том или ином авторском сборнике?

Жизнь и творчество советского писателя неотделимы от жизни всего общества, от интересов и жизни народа. Великое счастье находить живой отклик в сердцах читателей, активно участвовать в строительстве коммунизма, знать, что твой труд нужен советскому народу.

Оглядываясь назад на пройденный мной полувековой творческий путь, я задаю себе вопрос: «Ради чего я живу? Что для меня важнее всего в моем бытии?» И отвечаю: «Ощущение жизни. Ощущение того, что ты нужен людям». И поэтому я, воспитанный Советской страной и советской властью, всегда стараюсь писать так, чтобы мои произведения были понятны и близки народу...

Рассказ о себе мне хотелось бы завершить недавно написанной четвертой, последней, частью моей веселой поэмы для малышей «Дядя Степа», опубликованной в День защиты детей 1 июня 1981 года в газете «Правда». Попасть в первый том настоящего Собрания сочинений, где помещены произведения для детей, она не успела.

ДЯДЯ СТЕПА — ВЕТЕРАН

Жил в Москве Степан Степанов —
Знатный милиционер.
А теперь Степан Степанов —
Рядовой пенсионер.

Ветеран в годах немалых,
Человек уже седой,
Изо всех людей бывалых
Все же самый молодой.

Не сидит Степанов дома,
Не глядит весь день в окно,
И не ищет он знакомых,
Чтоб сразиться в домино.

Чем же занят дядя Степа,
Детства нашего герой?
Как и прежде, дядя Степа
Крепко дружит с детворой.

Взять, к примеру, стадион —
Где ребята, там и он!
В зоопарк ребят ведут —
Дядю Степу дети ждут.

Вот своим широким шагом
Через площадь он идет.
А вокруг детей ватага —
Любознательный народ:

— Расскажите, дядя Степа,
Как живет ваш сын Егор?
— Покажите, дядя Степа,
Как глядеть через забор?

Дядя Степа рад стараться:
— Покажу! Смотрите, братцы!..

— Он не знает чувства меры, —
Говорят пенсионеры.
— Дядя Степа и сейчас
Хочет быть моложе нас!

Разве что-то есть на свете,
Что надолго можно скрыть?
Пятиклассник Рыбкин Петя
Потихоньку стал курить.

У парнишки к сигаретам
Так и тянется рука.
Отстаёт по всем предметам,
Не узнать ученика!

Начал кашлять, дурачок.
Вот что значит — табачок!
Дядя Степа брови хмурит:
— Кто из вас, ребята, курит?

Я курящих не терплю!
Сам здоровье не гублю!
Вы – сознательный народ!
Тот, кто курит, шаг вперед!

За себя один в ответе,
Покраснев при всех, как рак,
Пятиклассник Рыбкин Петя
Сделал требуемый шаг.

Что тут много говорить?
– Обещаю не курить!

Подмигнул Степанов детям,
Руку мальчику пожал...
Знают все, что Рыбкин Петя
Слово данное сдержал.

Высоту берет пехота –
В наступлении войска.
Как лягушку, из болота
Кто-то тянет «языка».

Даже девочкам не спится,
Им, медсестрам, не до сна...
То идет игра «Зарница» –
Не военная война.

Дядя Степа на пригорке,
Да еще на бугорке,
Наблюдает взглядом зорким
За сраженьем вдалеке.

Подбежал Вертушкин Митя,
Просит взводный командир:
– Дядя Степа! Хоть пригнитесь!
Вы ж такой ориентир!

Дядя Степа улыбнулся,
Но послушался – пригнулся.
Видит бывший старшина:
Хоть играют, а война!

Окружили дядю Степу,
Прямо в штаб ведут его:
– Признавайтесь, дядя Степа!
Вы «болели» за кого?

– Я не буду отвечать,
Мне положено молчать.
Я захвачен. Я в плену.
Ни словечка не сболтну.

Как-то утром дядю Степу
Повстречали во дворе:
— Вы куда?
— Лечу в Европу!
Дома буду в сентябре.

Есть билет и есть путевка,
Самолет: «Москва — Париж».
Отказаться ведь неловко:
И не хочешь — полетишь!

Все заходят в самолет:
— Ну, вези, Аэрофлот!

Дядя Степа в кресло сел,
Пристегнулся. Завтрак съел.
Только в руки взял газету —
Что такое? Прилетел!
На «три точки» приземлился
И в Париже очутился.

Башню Эйфеля в Париже
Дядя Степа посетил.
— Вы, конечно, чуть пониже! —
Переводчик пошутил.

В старой ратуше туристов
Принимал почтенный мэр,
И, подняв бокал искристый,
За французских коммунистов
Выпил наш пенсионер.

Сидя рядом с партизаном,
О Москве поговорил,
Двум рабочим-ветеранам
По матрешке подарил.

Дядю Степу в гости звали,
Приглашали в ресторан
И повсюду называли
По-французски — «Великан».

И однажды, с чемоданом
Сквозь рентген пройдя сперва,
Сел турист Степан Степанов
В самолет «Париж — Москва».
У окошка в кресло сел.
Пристегнулся. Завтрак съел.
Только взялся за газету —
Что такое? Прилетел!

— Как леталось, дядя Степа?
— Как здоровье?

— Как Европа? —
А Степанов всем в ответ:
— Лучше дома — места нет!

В пятом классе сбор отряда.
Всем на сбор явиться надо!
Объявляется аврал:
Дядя Степа захворал!
Дядя Степа простудился
И в кровати очутился.
А друзья уж тут как тут:
Те вошли, а эти ждут...
Кто несет ему варенье,
Кто свое стихотворенье,
Кто заваривает чай:
— Дядя Степа! Вот малина,
Пейте вместо аспирина!
— Дядя Степа! Не скучай!..

И, растрогана вниманьем,
Благодарности полна,
Всех встречает тетя Маня —
Дядистелина жена.

Не прошло еще недели,
Дядя Степа встал с постели,
Вышел в пятницу во двор,
А навстречу сын Егор.

Повстречались сын с отцом,
Каждый смотрит молодцом!

— Можешь нас поздравить с дочкой! —
Космонавт отцу сказал...
Надо здесь поставить точку.
Дядя Степа делом стал!

Итак, я познакомил читателей с наиболее значительными вехами моей биографии и поделился с ними некоторыми профессиональными «тайнами», допустив их в мою писательскую лабораторию. Может быть, это в какой-то степени поможет тому, кто мечтает в будущем разделить со мной судьбу литератора.

1978—1982

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ
СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА
В ШЕСТИ ТОМАХ**

	Том	Стр.
А любите ли вы сатиру?	6	334
А что у вас?	1	35
Автографы	1	151
Авторское свидетельство	3	386
Азбука (Из Юлиана Тувима. <i>С польского</i>)	1	241
Аисты и Лягушки	3	222
Аналитик	3	241
Андрюшка	1	69
Анна-Ванна бригадир (Из Льва Квитко. <i>С еврейского</i>)	1	253
Анонимка	3	361
Арбуз	3	159
Аркадий Гайдар	2	179
Атака	2	106
Ах, кока-кола!	3	134
Балалайки и К°	5	348
Бараны	1	49
Баранья критика	3	49
Барсуки (Из Льва Квитко. <i>С еврейского</i>)	1	251
Беглец	1	165
Беглянка	1	155
Бедный Зябликов	3	150
Бедный Костя	1	170
Без вины пострадавшие	3	15
Белые перчатки	3	225
Белые стихи	1	204
Бешеный Пес	3	28
Благодарные сослуживцы	3	332
Благодарный Заяц (<i>Башкирская сказка</i>)	1	306
Богатые впечатления	3	123
«Боец лежит за хатами...»	2	80
Большой Кабан	3	61

Большая кость	3	84
Братья	1	37
Буду ждать...	2	154
Будь готов!	2	198
Будь человеком	1	213
Булка	1	219
Бумажная кукла	2	309
Были для детей	2	63
Быть в гуще жизни, ярче, талантливей раскрывать созидательный характер советского общества (<i>До- клад на V съезде писателей РСФСР</i>)	6	298
Бюрократ и смерть	3	120
В дозоре	2	12
В знойный день	3	167
В мире своих героев	6	326
В Музее В. И. Ленина	1	226
В одном сапоге	3	252
Важный день	1	197
Важный совет	1	215
Варакушка	3	309
Велосипедист	1	132
Веселое звено	1	178
Веселый жук (<i>Из Льва Квитко. С еврейского</i>)	1	254
Веселый турист	1	172
Винтик	3	161
Владимир Луговской	6	339
Вода и утес	2	244
Возвращение в строй	2	128
Возница, Конь и пень	3	132
Волк-дипломат	3	62
Волк-травоед	3	30
Волшебное слово	3	232
Ворона и Гусь	3	42
Вороны и Скульпторы	3	168
Всадник	1	176
Все начинается с детства (<i>Педагогические раздумья</i>)	6	164
Вырвихвост	3	242
Высокий долг учителя	6	124
Вьетнамским детям (<i>Из Хо Ши Мина. С вьетнамского</i>)	1	276
Высокие идеалы писателя-гражданина	6	101
Герсей	2	16
Где очки? (<i>Из Юлиана Тувима. С польского</i>)	1	240

Гигант и цитата	3	99
Гитлеровский молодчик	2	120
Главное свойство искусства	6	63
Гнездо стрижей	2	318
Голова и Ноги	3	182
Гора моя	2	223
Гордость русской литературы	6	93
Горнист (<i>Быль</i>)	2	186
Горстка гаек	3	153
Граница	2	17
Грибы	3	183
Грипп	1	145
Грозное оружие	6	41
Громоотвод	3	181
Гусеница и Бабочка	3	158
Дальновидная самокритика	3	127
Дальновидная Сорока	3	34
Данила Кузьмич	2	156
Данное обязательство	3	137
Два Воробья	3	92
Два толстяка и Заяц	3	214
Два топора	3	169
Две морали	3	146
Две подруги	3	26
Дело всенародное	2	183
«Дело о поцелуе»	2	197
Десятилетний человек	2	112
Детский ботинок	2	167
Дефективная стратегия	2	151
Дикари	5	124
Днепр	2	42
Дни недели	2	172
Добрые знакомые	3	357
Добрые советы	3	129
Доживем до понедельника	6	83
Дом и план	3	177
Дорогой мальчик	4	459
Достоевский и дети	6	143
Друзья в походе	3	240
Дурная примета	3	235
Дутый авторитет	3	48
Дым без огня	3	89
Дядя Степа	1	93

Дядя Степа – ветеран	6	394
Дядя Степа и Егор	1	199
Дядя Степа – милиционер	1	101
Дятлы	1	203
Елка	1	50
Енот, да не тот	3	14
Если	1	42
Если будут деньги...	2	322
Есть Америка такая	2	210
Жадный Варган (<i>Армянская сказка</i>)	1	309
Жадный Заяц	3	211
Жертва моды	3	152
Живая вода	3	180
Живой образ Ильича	6	289
Живой родник	3	184
Жизнеутверждающий талант	6	113
Жизнь в атаке	6	88
Журавль и Хавронья	3	71
Забывтый блиндаж	4	389
Забывтый храм	3	162
Заветное желание	3	149
Завидное упорство	3	70
Завистливый больной	3	105
Зависть	3	133
Зайка-Зазнайка	1	311
Запомни!	2	116
Зарвавшийся Петух	3	35
Захваленная певунья	3	228
Заячий мост	3	250
Заячье горе	3	223
Заяц во хмелю	3	8
Заяц и Черепаха	3	22
Заяц-симулянт	3	212
Звание – сила	3	255
Зеленый и вареный	3	57
Зеленый кузнечик	5	303
Зеркало	3	210
Зерно сатиры	3	171
Знакомый голос	3	63
Зов полярных широт	6	129
Зяблик	1	164

И тем не менее все начинается с детства (<i>Педагогические раздумья</i>)	6	28
Иван Иванович заболел...	3	107
Идеи Ленина — источник вдохновения	6	52
Идущий впереди	6	78
Из рассказов старшины Игрушкина	2	286
Изобретатели	1	171
Источник нравственного достоинства	6	280
Истребитель	2	81
Итальянская песенка	2	7
Кабан и хомут	3	216
Кабан на шее	3	251
Казнь	2	181
Как бы жили мы без книг?	1	217
Как высоко над нами наше небо	2	187
Как из Мухи сделали Слона...	1	256
Как Медведь трубку нашей	1	335
Как скворец летел домой...	2	233
Как старик корову продавал	1	298
Как у нашей Любы...	1	90
Как удав подавился	3	233
Калеки в библиотеке	1	211
Канарейка и Кошка (Из Банчо Банова. <i>С болгарского</i>)	3	206
Караван	2	221
Карта	2	170
Кирпич и льдина	3	164
Кладовая поэта	3	116
Классический пример	3	118
Клева не было...	2	314
Клеветник	3	147
Когда везет	3	111
Коза, Медведь и глухой Осел	3	24
Коля	3	141
Количество и качество	3	108
Колос и Василек	3	160
Комар-Комарец	1	86
Комары (<i>Шуточки</i>)	1	79
Комсомольский билет	2	146
Кому сказать спасибо?	2	84
Коньки	4	63
Корабельная сосна	2	270
Кораблики	1	46

Коты и Мыши	3	50
Котята (<i>Считалочка</i>)	1	73
Красноармеец Петров	2	21
Красный галстук	4	209
Крошка из нового роя (Из Валерии Врублевской. <i>С украинского</i>)	1	268
Круглый год	2	251
Крылья эпоса	6	97
Кто кого?	3	237
Ку-ка-ре-ку!	3	55
Кукушка и Скворец	3	25
Курам на смех	3	166
Лапуся	1	143
Лев и Муха	3	17
Лев и ярлык	3	58
Лев Квитко	6	11
Ленинская «Правда»	1	236
Лесная академия (<i>По старинной детской песенке</i>)	1	88
Ливень	2	216
Лиса и Бобер	3	10
Лист бумаги	2	248
Личное ведро	3	196
Ломака	3	239
Лыжник	2	110
Лыжня и пень	2	247
Любимые вещи	1	125
Любитель книг	3	172
Мальчик с девочкой дружил...	2	237
Мария Прилежаева	6	25
Мартышка и Орех	3	45
Мать...	3	79
Мать и сын (Из М. Корюна. <i>С армянского</i>)	3	203
Мать солдатская	2	134
Медаль	2	268
Медведь и Змея (Из А. Исаакяна. <i>С армянского</i>)	2	200
Медвежий зарок	3	20
Метеор	1	166
Миллионер	2	205
Мир	1	83
Мираж	3	85
Миша Корольков	2	23
«Много на земле дорог»	6	60

Модное платье	1	168
Мой боец	2	162
Мой друг	1	184
Мой знакомый	2	93
Мой щенок	1	44
Море и туча	2	240
Мороз и Морозец (<i>Литовская сказка</i>)	1	303
Морской Индюк	3	18
«Москвич» и «Волга»	3	165
Мошка	1	380
Моя тень (<i>Из английских стихов</i>)	1	124
Моя улица	1	64
Муравьи	3	190
Муха и Пчела	3	174
Муха и Слон	3	144
Мы пришли	2	169
Мы с приятелем	1	120
Мы стали крепче	2	91
Мы числимся в полку	6	73
На родине Ленина	1	233
На Южном фронте	2	95
Наглый Заяц	3	72
Нагрузка	2	242
Надежный друг	2	150
Наденька (<i>Шуточки</i>)	1	79
Надпись на скале в горах Фирюзы	2	222
Назойливый Комар	3	36
Народ богатырский мой	2	36
Народный артист	3	145
Настроение	2	262
Находка	1	180
Наш доктор	2	50
Наш современник Александр Блок	6	159
Наша муза фронтовая	2	184
Не быть России покоренной!	2	97
Не спать!	1	136
Не стоит благодарности	3	249
Неблагодарный гость	3	188
Неврученная награда	3	69
Негодная машина	3	199
Недотепа	1	160
Неизбежность	2	246
Неотправленные письма	2	266

Непьющий Воробей	3	46
Нерасторжимый союз	6	90
Несбывшиеся мечты	1	162
Несовместимость	3	155
Неупомянутый	3	186
Новый метод	2	329
Новый препарат	3	198
Нос	3	247
Ночной поиск	2	111
Нравственное целое	6	294
Нужный Осел	3	23
О, Галилей!	3	195
О дураке	3	140
О купце, о мужике и о мужицком пятаке (<i>Русская сказка</i>)	1	299
О пьесе Дзюндзи Каносата «Успение лягушки»	6	7
О тех, кто лает	1	147
О Тютчеве	6	156
О чем не знает Аэрофлот	1	209
Облака	1	207
Общий язык	3	344
Овощи (Из Юлиана Тувима. <i>С польского</i>)	1	245
Одна рифма	1	182
Одноглазый дрозд (Из Артура Оло. <i>С французского</i>)	1	275
Океан и Профан	3	103
Он словом и делом служил народу	6	68
Орлы и Воробьи	3	90
Осел в обойме	3	60
Осел и Бобр	3	229
Осень	2	214
Ослы	3	135
Особое задание	4	169
Особая мебель	3	138
Останови, отбрось и разгроми!	2	79
Остановись, мгновенье!	2	258
Осторожно, листопад!	5	210
Осторожные козлы	3	245
Осторожные птицы	3	43
От кареты до ракеты	1	84
Ответ	3	227
Ответ взломщика	3	176
Ответы на вопросы корреспондента канадской газеты «Телеграмм» г-на Марка де Валлерса	6	57

Откровение	1	263
Откуда ты?	2	104
Охотник («Охотник, охотник...»)	1	78
Охотник	5	64
Ошибка	3	224
Павел Бажов	6	287
Павлин и Ласточка (Из Стояна Михайловского. <i>С болгарского</i>)	3	204
Памятник себе...	5	170
Партизан Черноморья	2	114
Партизаны	2	54
Партийный билет	2	20
Партия – наш рулевой	1	231
Паршивая овца	3	287
Пассаж в Пассаже	5	546
Пастух и Блоха	3	173
Пастух Михась	2	33
Паук и Метла	3	27
Паучок	2	224
Певец России	6	104
Пегас и Поэт	3	100
Пейзаж	2	245
Пекарь и пес	1	52
Пеликанье воспитание	3	220
Пена	5	447
Первая тройка, или Год 2001-й	4	423
Перед премьерой	3	318
Пес и Пекарь	1	128
Песенка друзей	1	47
Песенка юных читателей	1	74
Песня	2	10
Песня пионеров Советского Союза	1	190
Петух-болтун	3	51
Печальная история	2	256
Пилот	2	253
Писатель и жанр	6	135
Пионерская посылка	2	61
Письмо в редакцию армейской газеты (<i>Быль</i>)	2	185
Письмо всем детям по одному очень важному делу (Из Юлиана Тувима. <i>С польского</i>)	1	242
Письмо домой	2	59
Письмо из неволи	2	123
Письмо на фронт	2	52

Письмо с фронта	2	46
Планеты	2	254
Плющ на высоте	3	192
По дороге в Севастополь	2	165
Победа	2	173
Под Москвой	2	121
Под Новый год	1	191
Подсобите, товарищи!	2	324
Подушечка	1	142
Позиция Жука	3	56
Поиграем – угадаем (<i>Игралочка</i>) (Из Асена Босева. <i>С болгарского</i>)	1	258
Пока любовь жива...	2	171
Поклеп	3	139
Полкан и Шавка	3	32
Поломанное крыло	1	216
Полуправда	3	78
Портной на лаврах	3	109
Портрет	3	219
Посланец Земли	1	205
Последнее желание	3	230
Последнее слово	2	101
«Постирушка»	1	150
Постоялец	5	496
Похождение рубля	1	386
Почему мыши котов не обижают	3	236
Почетный пассажир	2	82
Пошляк с букетом	3	193
Пощечина	5	407
Поэт и наборщик	3	104
Праздник непослушания (<i>Повесть-сказка</i>)	1	398
Преграды (Из Асена Босева. <i>С болгарского</i>)	1	266
Преступление без наказания	3	52
Прививка	1	80
Примета	2	252
Про девочку, которая плохо кушала	1	91
Про мимозу	1	38
Про сома	1	174
Про Янека (Из Юлиана Тувима. <i>С польского</i>)	1	244
Проблема Ишака	3	148
Прогулка	1	140
Происшествие в горах	2	226
Простая справка	3	112
Простой секрет	3	119

Просчитался	3	221
Прошлое и настоящее польской фразки	6	22
Психологический эффект	3	256
Птичка	2	250
Птичий двор (Из Юлиана Тувима. <i>С польского</i>)	1	239
Птичье радио (Из Юлиана Тувима. <i>С польского</i>)	1	247
Пусть не дрогнет твоя рука!	2	89
Пути-дороги	2	228
Пьяные вишни	3	231
Пятак и Рубль	3	157
Пятиминутка (<i>Шутка</i>)	3	191
Пять весельчаков (Из Асена Босева. <i>С болгарского</i>)	1	260
Ради друга	3	121
Раки	5	7
Разборчивая Кошечка	3	41
Ревизоры поневоле	3	278
Разведчик	2	99
Разговор с сыном	1	220
Расторопная курочка	3	81
Ремесло (<i>Восточная сказка</i>)	1	371
Речка	1	243
Рисунок	1	123
Родное село	2	126
Рождение оды	3	95
Ромашка и Роза	3	170
Руки	3	163
Руслан и Трезор	3	83
Рыбьи дела	3	38
С нами смех (Из Асена Босева. <i>С болгарского</i>)	1	265
С Новым годом!	2	143
С утра до вечера	1	54
С чего начать?	1	383
Сам о себе (<i>Литературная биография</i>)	6	354
Самосохранение	3	194
Сатана и его дочери (Из А. Исаакяна. <i>С армянского</i>)	3	201
Сатира – орудие коммунистического воспитания	6	13
Сатирик и Сапер	3	178
Сашина каша	1	138
Сбоку припека	3	77
Светлана	2	219
Свинки и свиньи	3	66
Свинья	3	37

Свобода слова	2	188
Связист	2	48
Седой Осел	3	54
Седьмая встреча	3	300
Сердце театральной России	6	122
Синица за границей	3	74
Сила привычки	3	336
Скала и Утес	3	128
Скворец	2	243
Слова и буквы	2	190
Словечки-калечки (Из Юлиана Тувима. <i>С польского</i>)	1	249
Слово о Крылове	6	45
Слово о моем друге	6	118
Слово о Толстом	6	140
Слово о Фадееве	6	344
Слово о Чуковском	6	347
Слон-живописец	3	12
Служу Советскому Союзу!	2	175
Случай из жизни красноармейца Мухина	2	275
Случай в шкафу	2	145
Случай на зимовке	1	76
Слушая скрипку...	2	119
Смелое предложение	3	65
Смена	1	194
Смех и слезы	4	119
Смешная фамилия	3	101
Снежная баба	2	225
Со своей колокольни	3	114
Собака и Осел	3	86
Событие	1	206
Советские бомбардировщики	2	39
Сокращение расходов	3	122
Солдат	2	159
Солдатом мира я зовусь	2	182
Соловей и Ворона	3	7
Сомбреро	4	242
Сомнительное бахвальство	3	80
Сон	2	208
Соринка	3	259
Сорока-наушница	3	67
Сосиски	2	295
Сосна и елочка	2	241
Сплетня	3	76
Средний уровень	3	136

Ссора!	1	367
Стальная стружка	2	191
Старый клоун	2	255
Старый Лев	3	73
Стена и дом	3	189
Стойкий Андрей	1	149
Сторонка родная	2	174
Строгий отец	2	235
Стужа	2	218
Судьба певца (Из Валерии Врублевской. <i>С украинского</i>)	1	271
Счастье	2	293
Сын	2	9
Сын комсомола	2	92
Так (<i>Игралочка</i>)	1	62
Так держать!	2	180
Таланты и коммерсанты	3	113
Твой ребенок	2	117
«Текут часы, бегут минуты...»	2	272
Текущий ремонт	3	98
Телефон	1	70
Темнота («Построил очень странный дом...»)	3	93
Темнота	3	321
«Тигр»	2	164
Тихий водоем	3	64
Товарищ	2	14
Толстый и Тонкий	3	97
Том Джонсон	2	43
Том Кенти	4	7
Точка зрения	3	209
Тревога	2	299
Трезор	1	56
Три ветра	2	230
Три ордена	2	103
Три ответа	3	154
Три поросенка (<i>По английской сказке</i>)	1	289
Три портрета	3	125
Три товарища	2	19
Тридцать шесть и пять	1	134
Тропа	3	197
Трубач (<i>Шуточка</i>)	1	79
Трудный хлеб	3	82
Трусохвостик	1	341
Тщеславие	3	106

Ты	2	259
Ты говоришь...	2	261
Ты победишь!	2	108
Тьфу!	3	234
Увели	2	320
Улетел штурмовик на задание...	2	148
Умник Атанас (Из Асена Босева. <i>С болгарского</i>)	1	262
Унылый гражданин	2	249
Упрямый Козленок	1	375
Упрямый Петух	3	218
Условный рефлекс	3	238
Услужливый	3	248
Уточка	2	239
Ученый Кот	3	87
Фальшивомонетки	3	156
Фашист	2	38
Федот, болото и Пастух	3	131
Филин и Светлячок (Из Стояна Михайловского. <i>С болгарского</i>)	3	205
Фома	1	117
Форма и содержание	3	179
Форум единомышленников	6	149
Фотография	2	87
Фронтвик домой приехал	2	132
Фронтвой закон	2	149
Фронтвые подруги	2	45
Фрукт	3	185
Хижина дяди Тома	2	195
Хитрая Мышка	3	40
Хирургия и сатира	3	175
Холодный сапожник	1	130
Хорошая работа	2	153
Хорошие товарищи	1	167
Хороший человек	1	186
Хочу бодаться	3	226
Храбрый Коста (Из Асена Босева. <i>С болгарского</i>)	1	263
Хрустальная ваза (<i>Быль</i>)	1	199
Цирк	1	58
Часы	1	126
Чемодан	2	264

Чемодан без ручки	3	187
Чепушинка	1	40
Червяк на крыльях	3	88
Чистописание	1	81
Что Кошка о себе вообразила	3	244
Чудо	1	153
Чужая беда	3	124
Чужая роль	4	296
Чужой успех (Из М. Корюна. <i>С армянского</i>)	3	202
Шакал в посольстве	3	75
Шакал-интриган	3	253
Шарик-Бобик	3	68
Шел по улице летчик	2	86
Школа	1	188
Штиль	2	301
Щенок и Гадюка	3	91
Щенок от говорящей собаки	2	327
Экзамен	3	215
Этих строчек тыщи	6	106
Эхо	5	592
Эцитоны бурчелли	5	257
Юбилейные стихи	1	192
Юнец-индивидуалист	3	142
Я ждал...	2	260
Я не хочу!	2	78
Я хочу домой!	4	250

СОДЕРЖАНИЕ

О пьесе Дзюндзи Киносита «Успение лягушки»	7
Лев Квитко	11
Сатира — орудие коммунистического воспитания	13
Прошлое и настоящее польской фрашки	22
Мария Прилежаева	25
И тем не менее все начинается с детства...	28
Грозное оружие	41
Слово о Крылове	45
Идеи Ленина — источник вдохновения	52
Ответы на вопросы корреспондента канадской газеты «Телеграмм» г-на Марка де Виллера	57
«Много на земле дорог»	60
Главное свойство искусства	63
Он словом и делом служил народу	68
Мы числимся в полку	73
...Идущий впереди	78
Доживем до понедельника	83
Жизнь в атаке	88
Нерасторжимый союз	90
Гордость русской литературы	93
Крылья эпоса	97
Высокие идеалы писателя-гражданина	101
Певец России	104
Этих строчек тыщи	106
Жизнеутверждающий талант	113
Слово о моем друге	118
Сердце театральной России	122
Высокий долг учителя	124
Зов полярных широт	129
Писатель и жанр	135
Слово о Толстом	140
Достоевский и дети	143
Форум единомышленников	149
О Тютчеве	156
Наш современник Александр Блок	159
Все начинается с детства (<i>Педагогические раздумья</i>)	164

Источник нравственного достоинства	280
Павел Бажов	287
Живой образ Ильича	289
Нравственное целое	294
Быть в гуще жизни, ярче, талантливей раскрывать созидательный характер советского общества (<i>Доклад на V съезде писателей РСФСР</i>)	298
В мире своих героев	326
А любите ли вы сатиру?	331
Владимир Луговской	339
Слово о Фадееве	341
Слово о К. Чуковском	347
Сам о себе (<i>Литературная биография</i>)	351
Алфавитный указатель к собранию сочинений Сергея Михалкова в шести томах	399

Михалков С. В.
М69 Собрание сочинений. В 6-ти т. — М.: Худож. лит.,
1981 — 1983.

Т. 6. Статьи; Выступления. 1983. 415 с.

В шестой, заключительный том собрания сочинений вошли избранные публицистические произведения писателя: статьи и выступления по вопросам литературы, искусства и воспитания. Среди них имеющие широкую известность педагогические раздумья «Все начинается с детства», литературная автобиография «Сам о себе» и др.

М 4702010200-351 подписное
028(01)-83

Р2

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ

Собрание сочинений в шести томах
ТОМ ШЕСТОЙ

Редактор З. Кондратьева

Художественный редактор Е. Ененко

Технический редактор Л. Ковнацкая

Корректоры Н. Замятина и В. Широкова

ИБ № 2434

Сдано в набор 15.10.81. Подписано к печати 13.12.82. А 10911.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс».
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 21,91.
Тираж 75000 экз. Изд. № III—725. Заказ № 134. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1p.